

СЛЕДОВАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Дмитрий
Серов
Александр
Федоров

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В книге рассказывается о людях, занимавшихся расследованием уголовных дел в России в первой четверти XVIII века. Они трудились в различных следственных органах — от «майорских» канцелярий до Розыскной конторы Вышнего суда. На основе архивных документов практически впервые освещены перипетии служебных карьер и биографии первых следователей, которыми в основном являлись офицеры гвардии Преображенского и Семеновского полков. Наряду с этим приведены уникальные подробности расследовавшихся ими резонансных уголовных дел, основная часть которых была возбуждена по эпизодам мздоимства и казнокрадства правительственных чиновников разного уровня. Рассмотрены прежде неизвестные сюжеты, когда следователи сами подвергались уголовному преследованию. Из книги читатель впервые узнает о многих тайнах уголовной юстиции эпохи единодержавия Петра Великого.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Дмитрий Серов](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [I. РУКОВОДИТЕЛИ ПЕРВЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ](#)
 - [«И ПО ИЗСЛЕДОВАНИЮ О НЕМ...](#)

- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)

- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)

- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)

- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)

- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)

- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)

- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)

- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)

- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)

- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)

- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)

- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)

- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)

- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)

- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)

- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)

- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)

- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)

- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)

- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)

- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)

- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)

- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)

- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)

- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)

- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)

- [1068](#)
- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)
- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)

- [1107](#)
 - [1108](#)
 - [1109](#)
 - [1110](#)
 - [1111](#)
 - [1112](#)
 - [1113](#)
 - [1114](#)
 - [1115](#)
 - [1116](#)
 - [1117](#)
 - [1118](#)
 - [1119](#)
 - [1120](#)
 - [1121](#)
 - [1122](#)
 - [1123](#)
 - [1124](#)
 - [1125](#)
 - [1126](#)
 - [1127](#)
 - [1128](#)
 - [1129](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1919

(1719)

**Дмитрий Серов,
Александр Федоров**

СЛЕДОВАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Серов Д. О., Федоров А. В., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

1713 года июля в 25 день в новостроящемся городе Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич принялся диктовать очередной указ. Временно состоявший при государе секретарь Посольской канцелярии Василий Степанов начал с привычной сноровкой выводить строку за строкой: «Указ маеору от гвардии Волконскому. Ехать ему к городу Архангелскому и, приехав туда... розыскать имянно, не дружа и не мстя никому... как честному и доброму человеку надлежит...» Перечитав текст, Петр I взялся за перо и своеручно начертил сверху вниз по левому полю листа: «Буде дойдет хто до пытки, пытать».

Затерявшийся вскоре в необъятном массиве исходящей царской корреспонденции ординарный на первый взгляд именной указ от 25 июля 1713 года явился, однако, одним из важнейших актов отечественной уголовной юстиции XVIII столетия. Дело в том, что, согласно означенному указу, была основана канцелярия ведения князя М. И. Волконского — первый в истории государства и права России специализированный орган предварительного следствия. Именно благодаря тому июльскому указу в нашей стране появилась столь привычная сегодня фигура следователя.

Окончательное законодательное оформление как стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе, так и статуса следователя произошло несколько позднее, в связи с изданием 9 декабря 1717 года типового Наказа «майорским» следственным канцеляриям. Как открылось из совсем недавно выявленного архивного документа, Наказ был единолично подготовлен будущим императором Петром Великим.

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена первым следователям России. О большинстве из них сохранились лишь самые обрывочные сведения, подобные разрозненно уцелевшим сегментам осыпавшейся мозаики. Время беспощадно и необратимо стерло множество упоминаний об обстоятельствах и службы, и частной жизни тогдашних следователей. Да и запечатленных на холсте портретов этих лиц уцелело всего несколько. За минувшие столетия оказалась также утрачена бóльшая часть материалов расследовавшихся ими уголовных дел.

Вот почему на страницах книги читатель встретит в значительной мере пунктирное изображение судеб следователей Петра Великого. Вынужденно фрагментарным будет описание и их следственных трудов.

Как бы то ни было, в предлагаемой книге впервые высвечивается существенная грань эпохи единодержавия царя и императора Петра Великого и его ближайших преемников. На ее страницах изложены уникальные подробности не только биографий первых следователей, но и тех усилий, которые они предприняли для разоблачения лихоимцев и казнокрадов. Особенно из числа «господ вышних командиров».

Из книги читатель сможет узнать, кто именно сумел довести до эшафота могущественного главу фискальской службы Алексея Яковлевича Нестерова, за что каленым железом прижгли языки сенаторам Василию Апухтину и Григорию Волконскому, как вышло, что коменданта Томска Романа Траханиотова повесили только через три месяца после смерти. Сможет узнать, кто из следователей дважды становился генерал-фельдмаршалом, а кто трижды — генерал-майором. Кто вступил в морганатический брак с царевной Прасковьей Ивановной и кого публично расстреляли на Троицкой площади Санкт-Петербурга. И кто из следователей Петра Великого, дослужившись до главы налогового ведомства России, оставил в наследство вдове два рубля семь алтын наличных денег.

***I. РУКОВОДИТЕЛИ ПЕРВЫХ
СЛЕДСТВЕННЫХ
КАНЦЕЛЯРИЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО***

«И ПО ИЗСЛЕДОВАНИЮ О НЕМ... КАЖНЕН СМЕРТИЮ, РОЗСТРЕЛЯН»: КНЯЗЬ М. И. ВОЛКОНСКИЙ

1717 года декабря 8 дня в городе Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич, примостившись за наклонной канцелярской конторкой, потянулся за пером. На тонкую, голландской выделки бумагу чуть наискось легли прерывисто начертанные государем строки: «За неправой суд и преступления... бывшей маеор от гвардии Волхонской... завтрашнего числа, то есть в 9 день будет каженен смертию на большой площади перед канцеляриями. Сей указ объявляетца для ведения народу»^[1]. Кто же такой был «бывшей маеор от гвардии Волхонской»? И отчего объявление о его предстоящей казни взялся самолично писать будущий Отец Отечества император Петр Великий?

Сегодня личность «маеора от гвардии Волхонского» возможно идентифицировать с полной уверенностью. Приведенные строки государева указа трехсотлетней давности подвели смертную черту в судьбе разжалованного майора гвардии Семеновского полка князя Михаила Ивановича Волконского.

Обреченный на публичную казнь М. И. Волконский являлся выходцем из знатной, многократно ветвившейся фамилии, родоначальником которой считался черниговский князь Михаил Всеволодович, принявший мученическую смерть за приверженность православию в 1246 году в Золотой Орде и впоследствии причисленный к лику святых. Ко времени установления единодержавия Петра I князья Волконские занимали вполне прочные, хотя и не самые выдающиеся позиции в российской правительственной среде. Достаточно сказать, что на протяжении XVII века 79 (!) представителей рода сумели выслужить «московские» чины, войдя в состав привилегированного круга «царедворцев»^[2].

Самым известным представителем фамилии времен Московского царства явился Федор Федорович Волконский (единственный в роду удостоенный чина боярина) — видный администратор и военачальник, особенно прославившийся как руководитель героической обороны крепости Белой Смоленского уезда^[1] во время русско-польской войны 1632–1634 годов. Федор Федорович оставил заметный след и в истории

отечественной юриспруденции, став одним из составителей проекта Уложения 1649 года, акта всеобщей кодификации российского законодательства, сохранявшего юридическую силу почти 200 лет. Наряду с этим имевший очевидную склонность к интеллектуальным занятиям князь Ф. Ф. Волконский подготовил небольшой Летописец (до сих пор, увы, неопубликованный), в котором описал наиболее значимые события своей долголетней службы^{3}.

Согласно наиболее авторитетному в части генеалогии князей Волконских труду Г. А. Власьева, будущий гвардии майор Михаил Иванович был единственным сыном стольника И. Ф. Волконского от брака с Дарьей Ивановной^{4}, родопроисхождение которой осталось донныне непроясненным. Не удалось к настоящему времени установить также время и место рождения М. И. Волконского. Исходя из обстоятельств его биографии, можно лишь предположить, что князь Михаил появился на свет в конце 1660-х — начале 1670-х годов.

Достоверно известно, что Михаил Иванович имел сестру Анастасию, состоявшую в первом браке с В. И. Леонтьевым, а во втором — с В. И. Чаадаевым^{5}, 1669 года рождения, гвардии капитаном, участником основных кампаний Великой Северной войны, ставшим затем полковником и главой администрации Вятской провинции^{6}. Поскольку Василий Чаадаев являлся многолетним сослуживцем М. И. Волконского по Семеновскому полку, возможно предположить, что Михаил Иванович сосватал сестру (судя по всему, рано овдовевшую в первом замужестве) за полкового товарища. О том, что Михаил Волконский относился к сестре вполне заботливо, свидетельствует тот факт, что при вступлении княжны Анастасии Ивановны в 1701 году в первый брак он выделил ей в качестве приданого из своего имущества долю во владении четырьмя деревнями^{7}.

О семейной жизни самого М. И. Волконского удалось выяснить, что в августе 1691 года он женился на Татьяне Борисовне, урожденной княжне Солнцевой-Засекиной, с которой прожил до конца дней. Детей у четы Волконских не было^{8}.

Что касается родителей Михаила Ивановича, то Иван Волконский скончался уже в 1687 году, завещав сыну все свои имения. А вот княгиня Дарья Ивановна пережила мужа более чем на 30 (!) лет. Как явствует из архивных документов, Д. И. Волконская здравствовала еще в 1728 году^{9}.

По имущественному положению М. И. Волконский являлся не особенно богатым землевладельцем. В конце жизни он владел 1785 четвертями земли со 122 крестьянскими дворами, разбросанными по

разным уездам Центральной России^{10}.

Благодаря материалам, собранным Г. А. Власьевым, представилось возможным опровергнуть поныне расхожую версию, что братом Михаила Волконского являлся князь Г. И. Волконский (Григорий меньшей Иванович) — известный государственный и военный деятель начала XVIII века, дослужившийся в армии до полковника и ставший затем обер-комендантом Ярославской провинции и сенатором «первого призыва». В действительности князь Григорий Волконский принадлежал совсем к другой ветви рода, будучи сыном стряпчего И. Т. Волконского^{11}.

Подобно многим другим представителям фамилии, М. И. Волконский начал карьеру с придворной службы.

Документально известно, что с 1686 по 1694 год он состоял в чине стольника при дворе царицы Прасковьи Федоровны^{12}, супруги царя Ивана V, соправителя Петра I в 1682–1696 годах. Однако далее в судьбе молодого стольника произошел крутой поворот.

Вместо Кремля Михаил Иванович оказался в солдатском строю, будучи зачислен в учрежденную Петром I Семеновскую потешную роту, получившую название от места первоначальной дислокации в подмосковном селе Семеновском. В 1693 году рота была переведена в Москву, в специально отстроенные деревянные дома на берегу реки Яузы, напротив Немецкой слободы. Эти ротные дома положили начало Семеновской слободе столицы^{13}.

Согласно опубликованному документу полкового архива, в 1695 году при реформировании потешной роты в Семеновский полк — один из первых двух полков российской гвардии — М. И. Волконский состоял уже в «начальных людях», имея чин поручика^{14}. При этом, судя по сохранившимся автографам М. И. Волконского, в отличие от многих однополчан он вполне свободно владел русским письмом, расписываясь связно и размашисто. Да еще неизменно выводя под начертанием фамилии нечастый для тех времен декоративный вензель.

В то же время из проясненных на сегодняшний день обстоятельств биографии Михаила Ивановича следует, что он не попал в число офицеров полка (из вчерашних стольников), командированных в январе 1697 года в образовательную поездку в Западную Европу^{15}.

Фактологическую информацию о начальном периоде военной службы М. И. Волконского пока обнаружить не удалось. Весьма фрагментарными оказались и выявленные сведения, относящиеся к периоду 1700—1710-х годов.

Между тем уже первый, бесспорно установленный эпизод участия Михаила Волконского в боевых действиях мог с большой долей вероятности стать для него последним. Дело в том, что М. И. Волконскому было суждено оказаться в самом пекле одного из кровопролитнейших сражений Великой Северной войны — штурме шведской крепости Нотебург^[2] (Noteborg), бывшего русского Орешка.

Ранним утром 11 октября 1702 года десантно-штурмовые партии, размещенные на лодках в миле от Нотебурга, получили сигнал к атаке. Сигналом этим послужил троекратный залп из пяти мортир, который еще и вызвал в крепости сильный пожар^{16}. Преодолевая быстрое течение, с двух сторон к острову ринулось множество лодок. Однако гарнизон не дрогнул.

Штурм бывшего Орешка продолжался 13 (!) часов. Узкое береговое пространство у крепостных стен чрезвычайно затрудняло маневр атакующих. Приготовленные штурмовые лестницы оказались коротки. Обе стороны сражались с невероятным ожесточением и упорством. В итоге два приступа были отбиты.

На третий приступ штурмовые колонны, сформированные из новой партии гвардейцев и «охотников», повели подполковник Семеновского полка князь М. М. Голицын и майор Преображенского полка Д. К. Карпов. Этот приступ оказался решающим. Как емко сформулировал Петр I в собственноручно вписанных в победную реляцию строках, «неприятель... видя последнюю отвагу, тотчас ударил шамад^[3]»^{17}.

По сведениям шведской стороны, решение сдать крепость комендант Густав Шлиппенбах (Gustav Wilhelm von Schlippenbach) принял по настоянию офицеров гарнизона, которые сочли, что невозможно «далее обороняться от столь крупной силы». Высказанное майором Хансом Лейоном (Hans Georg Leijon) предложение взорвать крепость было отвергнуто^{18}, хотя, учитывая имевшийся запас пороха, осуществить это было вполне реально^{19}. Соглашение о капитуляции Нотебурга было подписано 12 октября 1702 года. К вечеру этого дня в проломах крепостных стен были выставлены первые российские караулы^{20}.

Взятие крепости обошлось более чем дорогой ценой. Согласно официальной реляции, безвозвратные потери российских войск составили 564 солдата и офицера, санитарные — 968. Особенно значительные утраты понес гвардии Семеновский полк: 105 убитых и 191 раненый^{21}. Погибшие гвардейцы были погребены на территории крепости в братской могиле, над которой был насыпан небольшой курган^{22}. Указанное

захоронение сохранилось до наших дней.

Падение Нотебурга имело далеко идущие последствия. Наиболее ярко об этом высказался архимандрит Гавриил Бужинский. В проповеди, говоренной 11 октября 1719 года, в очередную годовщину взятия крепости, известный своей ученостью и красноречием архимандрит между иного возгласил: «Се то начало мужества вашего, воинство российское! Се семя всех побед и торжеств твоих, Россие!..Ключ сей отверзл море Балтийское... Ключ сей основание царствующаго С[анкт]-Питербурха»^{23}. Да и сам Петр I сходным образом выразился в собственноручно начертанном письме царице Екатерине Алексеевне от 11 октября 1718 года: «Сим ключем много замков отперто»^{24}.

В самом деле, взятие Нотебурга явилось как прологом к скорому основанию будущей столицы имперской России, так и первым из череды тех мощных ударов, которые менее чем через десятилетие привели к необратимому крушению шведского великодержавия в Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии. Не случайно Петр I, переименовав крепость в Шлиссельбург (что являлось калькой с немецкого Schlusselfurg — Ключ-город), впоследствии превратил дату ее взятия в один из первых праздников российской воинской славы^{25}. Сам он старался отметить праздник на месте боев, с завидной регулярностью посещая крепость^{26}. Последний раз император Петр Великий побывал в Шлиссельбурге 11 октября 1724 года, за три с половиной месяца до кончины^{27}.

Подробностей участия во взятии Нотебурга Михаила Волконского установить к настоящему времени почти не удалось. С какой именно десантно-штурмовой партией он высадился под вражеским огнем на узкую береговую полосу; карабкался ли со шпагой в руке по грудам осыпавшихся камней к пролому в стене или же взбирался по шаткой лестнице на четырехсаженную крепостную стену; где сражался, когда шведский барабанщик ударил шамад, — все эти детали скрыты во мраке истории.

О том, как князь Михаил Иванович пережил день 11 октября 1702 года, достоверно известно лишь два обстоятельства. Первое заключается в том, что М. И. Волконский не получил под Нотебургом ни царапины^{28}, а второе — что за участие в штурме он был произведен из капитан-поручиков в капитаны^{29}, став в результате ротным командиром.

Повышение в чине позволяет с уверенностью предположить, что 11 октября Михаил Иванович находился в самой гуще боя. Учитывая, что старшие офицеры гвардейских полков сами штурмовали стены и проломы^{4}, участие подчиненных во взятии крепости оценивалось ими

отнюдь не по письменным донесениям, а по личным впечатлениям. И офицера, который отсиживался где-то у подножия стены, в мертвой зоне обстрела, или же шел на приступ в последних рядах, укрываясь за солдатскими спинами, никто не стал бы представлять к повышению.

А с очевидными трусами на той войне и вовсе не церемонились. Немногие солдаты, которые, дрогнув, бежали из-под стен Нотебурга (в их числе оказалось и 12 гвардейцев, включая прапорщика Преображенского полка Нестора Кудрявцева), понесли суровую кару. Их сначала прогнали сквозь строй, потом заплевали им лица, а затем повесили напротив крепости^{30}.

Следующая осадная операция в Ингерманландии была предпринята российским командованием весной 1703 года. Целью операции являлось взятие крепости Ниеншанц (Nyenskans)^{5}, расположенной у впадения реки Охты в Неву.

Крепость эту осведомленный Густав Адлерфельд охарактеризовал как «маленькую и очень плохо укрепленную»^{31}. Располагавшийся на правом берегу Охты под защитой крепости некогда процветавший город Ниен (Nyen), основанный в 1632 году, был полностью сожжен шведами еще в конце октября 1702 года в ожидании атаки российских войск после падения Нотебурга^{32}.

Осада Ниеншанца не затянулась. После неполных суток (!) бомбардировки комендант И. Аполов (Johan Apolloff) заявил о готовности сдать крепость «на аккорд». 1 мая 1703 года было заключено соглашение о капитуляции^{33}. На следующий день комендант торжественно поднес генерал-фельдмаршалу Борису Шереметеву на серебряном блюде ключи от крепости^{34}.

Незамедлительно переименовав Ниеншанц в Шлотбург, Петр I затем пришел к выводу, что крепость неудобно расположена и не имеет стратегического значения^{35}, в связи с чем приказал сровнять ее с землей. Так что вскоре поблизости от пепелища Ниена появились развалины Ниеншанца^{36}. Сегодня место, где некогда возвышались бастионы и валы шведской крепости, находится в районе Красногвардейской площади Санкт-Петербурга.

Принимая во внимание, что Семеновский полк был переброшен под Ниеншанц в полном составе, возможно полагать, что М. И. Волконский принял участие в осаде и этой крепости. Бесспорно известно иное. Спустя неделю после падения Ниеншанца гвардии капитану Михаилу Волконскому довелось вновь оказаться в гуще боя. По сравнению со

штурмом Нотебурга несравненно более скоротечного, но не менее ожесточенного.

Началось все с того, что в апреле 1703 года шведская Ладожская флотилия завершила зимовку. Загрузив запасы провианта, пива и воды, девять судов флотилии под командованием вице-адмирала Гидеона Нумерса (Gideon von Numers) 28 апреля вышли из Выборга. 4 мая флотилия подошла к устью Невы, где стала на якорь^{37}.

Поскольку Г. Нумере еще не знал о падении Ниеншанца (организация войсковой разведки у шведов явно оставляла желать лучшего), он направил шняву «Астрильд» и бот «Гедан» вверх по Неве для промеров глубин в ее южном фарватере. Вечером 7 мая шнява и бот встали на якорь у южной оконечности острова Хирвисаари (Hirvisaari)^{6}, неподалеку от устья Фонтанки. Несмотря на то что шведы уже несколько раз наблюдали с кораблей движение групп российских солдат как по берегу, так и на лодках, они не озаботились провести наземную разведку прибрежной зоны. Между тем российские разведывательные дозоры отслеживали все перемещения шведских судов в дельте Невы самым внимательным образом.

В этой ситуации Петр I принял вполне логичное решение атаковать «Астрильд» и «Гедан», столь беспечно заплывшие вглубь территории, где уже не оставалось ни одного шведского солдата. Впрочем, несмотря на очевидные просчеты, допущенные вице-адмиралом Гидеоном Нумерсом, проведение подобной атаки было сопряжено с немалым риском.

Во-первых, основные силы флотилии находились совсем неподалеку и могли достаточно быстро подойти к месту боя. В этом случае небольшие лодки, имевшиеся в распоряжении российского командования, были бы мгновенно потоплены огнем шведской корабельной артиллерии вместе с находившимися на их борту абордажными партиями.

Во-вторых, и «Астрильд», и «Гедан» отнюдь не являлись легкой добычей. Согласно шведским архивным документам, «Астрильд» был вооружен шестью орудиями, в том числе четырьмя однофунтовыми (то есть имевшими калибр 50,8 миллиметра), а «Гедан» — шестью однофунтовыми^{38} (по российским данным, на «Астрильде» было и вовсе 10 пушек, а на «Гедане» восемь^{39}). Численность экипажа «Астрильда» составляла 34 человека, «Гедана» — 25 человек. Кроме того, как показали дальнейшие события, на борту судов находилось некоторое количество солдат. И моряки, и солдаты располагали всеми видами личного оружия — от мушкетов до абордажных мечей.

Атака на шведские корабли была предпринята близ полуночи 7 мая с

двух сторон. Одна флотилия лодок вышла на «Астрильд» и «Гедан» из-за нынешней стрелки Васильевского острова, другая — со стороны Фонтанки^{40}. Иными словами, абордажный бой разгорелся почти напротив нынешнего Зимнего дворца Санкт-Петербурга.

Несмотря на внезапность атаки, «Астрильд» и «Гедан» успели сняться с якоря и попытались отплыть в сторону устья Невы. Команды кораблей успели дать по меньшей мере несколько залпов из пушек и мушкетов по приближающимся лодкам (по выражению реляции, «непрестанная по нашим была пушечная и из мелкого ружья стрельба»^{41}). Когда же бой развернулся уже на палубах, командиры обоих судов приказали их взорвать. Однако исполнить приказ смогли лишь на «Астрильде», который после подрыва пороховых зарядов на корме раскололся на две части и опустился на грунт^{42}.

На этом бой, продлившийся около получаса, завершился. 58 шведских моряков и солдат погибли (большой частью, вероятнее всего, при взрыве «Астрильда»), 19 попали в плен^{43}.

Что касается Михаила Волконского, то он атаковал шведские корабли в составе большой команды семеновцев, занявших 12 лодок. Пока не удалось установить, в абордаже какого именно судна участвовал князь Михаил Иванович, но известно, что в ходе боя он получил ранение^{44}. Общие потери Семеновского полка в сражении 7 мая составили 20 человек убитыми и 53 человека ранеными^{45}. Учитывая, что находившиеся на «Астрильде» и «Гедане» орудия малых калибров перезаряжались достаточно быстро, а стрельба велась на малых дистанциях, следует предположить, что основные потери атакующие понесли, пока сближались с противником.

Петр I был чрезвычайно воодушевлен успехом абордажной операции 7 мая 1703 года. По существу она явилась первой морской победой в истории России^{46}.

В ознаменование победы будущий император приказал изготовить памятные медали (в золотом и серебряном исполнении) с рельефным изображением боя и надписью «Небываемое бывает. 1703». Золотыми медалями на цепях были награждены офицеры, участвовавшие в операции, малыми серебряными — солдаты и сержанты^{47}. Нет никаких сомнений, что в числе лиц, удостоенных золотой медали, был и гвардии капитан М. И. Волконский.

Не прошло и десяти дней после сражения 7 мая, как семеновцам довелось принять участие еще в одном исторически значимом

мероприятии, правда, на этот раз — не боевом.

В числе иных воинских частей Семеновский полк был переброшен на бывший шведский остров Люст-эйланд^[7], где 16 мая 1703 года состоялась закладка крепости святого Петра. Иными словами, основание города Санкт-Петербурга (получившего имя, правда, несколько позже — 29 июня^{48}). Работами по возведению новой крепости семеновцы занимались до 12 июня^{49}.

Можно предположить, что в те дни среди однополчан находился и князь Михаил Волконский. В этом случае остается констатировать только непостижимый изгиб судьбы: Михаил Иванович присутствовал при возникновении того самого города, в котором ему было суждено быть казненным.

Дальнейшая военная стезя М. И. Волконского прослеживается по выявленным на сегодня документам весьма и весьма пунктирно. Известно, что летом 1704 года он участвовал в осаде Нарвы^[8] — наиболее мощной и современной крепости в шведской Эстляндии (Svenska Estland), осада которой продлилась дольше и сложилась тяжелее, чем Нотебурга^{50}.

Еще в ходе осадных работ, по неполным данным, только убитыми Семеновский полк потерял семерых солдат^{51}. А 23 июля при смене траншейного караула пулей, выпущенной с бастиона Виктория, был сражен подполковник Преображенского полка Д. К. Карпов^{52}, герой штурма Нотебурга, сумевший выжить после тяжелого ранения, полученного 11 октября 1702 года. По распоряжению царя Дмитрий Кузьмич был с воинскими почестями погребен в Санкт-Петербурге^{53}.

Штурм Нарвы состоялся после полудня 9 августа 1704 года. На этот раз штурмовым партиям не пришлось, как при Нотебурге, преодолевать водную преграду, штурмовые лестницы были изготовлены надлежащим образом, в крепостных стенах зияли бреши, а у бастиона Гонор 6 августа обвалился целый фас (участок оборонительной ограды) с парапетом и всей артиллерией^{54}, и все же приступ по ожесточенности не уступил нотебургскому.

Не случайно 28-летний майор Семеновского полка князь Б. И. Куракин «пред тем приступом исповедывался и причастился Святых Таин»^{55}, то есть духовно приготовился к смерти.

В отличие от ситуации в Нотебурге комендант Нарвы генерал-майор Г. Горн (Henning Rudolf Horn) до последнего момента не желал капитулировать. И лишь когда атакующие уже прорвались в город и

растеклись по его улицам, Геннинг Горн, укрывшийся в цитадели, приказал выставить белый флаг и ударить шамад (по версии российской реляции, комендант «сам кулаком в барабан бил»^{56}). Однако кто бы ни ударял в барабан, ни о какой почетной капитуляции речи уже не шло^{57}.

Как написал впоследствии участник штурма князь Борис Куракин, «и взяли город одними шпагами за три четверти часа»^{58}. Так пала шведская твердыня на южном берегу Финского залива.

Победа досталась, однако, дорогой ценой. Многознающий Густав Адлерфельд писал (хотя и с очевидной долей преувеличения), что пространство перед стенами крепости было «покрыто телами погибших [русских солдат]^{59}». Семеновский полк, колонна которого атаковала тот самый бастион Гонор, потерял 9 августа 37 человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести^{60}, а также 58 человек ранеными^{61}.

Гвардии капитан М. И. Волконский второй раз оказался в числе раненых. Согласно документу полкового архива, князь Михаил Иванович «на приступе был с лестницами... и ранен в левое плечо пулею»^{62}. И пуля эта была вовсе не шальная.

Согласно «Ордиру^[9] фелтмаршала, как на штурм кому идти», бережно сохраненному Б. И. Куракиным, 9 августа капитаны должны были возглавить штурмовые группы, состоявшие либо из 30 гренадер, либо из 30 солдат с боевыми топорами^{63}. Указанный состав свидетельствует о том, что они являлись ударными группами, шедшими впереди штурмовой колонны.

Сведений о том, какую именно ударную группу повел за собой М. И. Волконский, выявить пока не удалось, но все они 9 августа 1704 года находились на острие атаки. Благодаря свидетельству Бориса Куракина, вполне объяснимым становится и тот факт, почему из шестерых офицеров-семеновцев, получивших ранения при штурме, пятеро являлись капитанами^{64}.

Следующее документальное известие, касающееся Михаила Волконского, относится уже к сражению под Добрым (при Молятичах^[10]) 30 августа 1708 года. В ходе этого двухчасового боя группировка российских войск под командованием героя штурма Нотебурга генерал-майора князя М. М. Голицына нанесла поражение шведскому отряду генерал-майора барона Карла Рооса (Carl Gustaf Roos). Потери Семеновского полка составили 74 человека убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести^{65} и 195 человек ранеными^{66} (в числе которых

были шестеро офицеров).

По поводу М. И. Волконского в полковых документах было кратко отмечено: «На баталии ранен в правое плечо»^{67}. Это было третье и последнее ранение князя Михаила Ивановича. Вероятнее всего, из-за незажившей еще раны он не принял участия в знаменитой битве при Лесной^{11} 28 сентября 1708 года^{68}, в которой был разгромлен шведский корпус А. Левенгаупта (Adam Ludwig Lewenhaupt), а Семеновский полк понес самые большие потери за все первое столетие своего существования.

Но вот в следующем году гвардии капитану М. И. Волконскому было суждено оказаться участником еще более значимого события — Полтавской битвы. Вместе с тем полковая ведомость «Афицеры ж, которые были на королевской баталии у Полтавы», составленная 7 ноября 1709 года^{69}, стала последним выявленным на сегодня документом об участии Михаила Волконского в боевых действиях. Неизвестно, довелось ли князю Михаилу Ивановичу побывать с полком в Прутском походе 1711 года, а также когда именно царь произвел его в гвардии майоры.

Как бы то ни было, в 1713 году майор Семеновского полка М. И. Волконский получил неординарное высочайшее поручение, весьма далекое от полей сражений и ставшее для него роковым.

Дело в том, что, поголовно зная всех гвардейских офицеров, Петр I начал привлекать их для выполнения задач совсем не строевого характера. Гвардейцы стали направляться с дипломатическими и разведывательными миссиями за рубеж, организовывать трудовые и воинские мобилизации, контролировать деятельность ряда высших должностных лиц^{70}.

Неудивительно, что в начале 1710-х годов царь решил привлечь гвардейцев еще и к участию в уголовном судопроизводстве.

25 июля 1713 года в канцелярии царя Петра Алексеевича в числе иных документов был подготовлен — причем с изрядным нарушением бюрократических канонов — «Указ маеору от гвардии Волконскому», в котором ему предписывалось произвести следствие о «худых поступках» архангелогородского обер-комиссара Д. А. Соловьева.

Как явствует из сохранившегося в архиве подлинника документа, уже в полностью оформленный и подписанный царем указ — прямо поверх высочайшей подписи (!) — было внесено дополнение, которым «маеору от гвардии Волконскому» предписывалось также расследовать еще и эпизоды о «взятках и других обидах жителям» со стороны устюжского комиссара С. М. Акишева. Кроме того, Петр I собственноручно вписал в раздел документа, относящийся к Дмитрию Соловьеву, фразу: «И буде дойдет до

пытки, пытаться»^{71}. В тот же день указ был заново переписан набело и повторно скреплен монаршей подписью^{72}.

Так необычно подготовленный именной указ от 25 июля 1713 года явился актом об учреждении первой в истории отечественного государства и права следственной канцелярии, положившей начало развитию специализированных органов следствия России^{73}.

К появлению столь значимого именного указа привела достаточно длинная череда событий.

Началось все с того, что Федор Протопопов, Сила Смольников и Иван Оконнишников, представители фискальской службы в Великом Устюге^{74}, 28 августа 1712 года подали в Правительствующий сенат доношение о бесчинствах подьячих и солдат, направленных в Устюжский уезд комиссаром С. М. Акишевым для взыскания недоимок. Согласно сведениям, добытым фискалами, подчиненные Семена Акишева вели себя как ничем не стесненные иноплеменники, завоевавшие устюжские края силой оружия.

Как извещали фискалы, «они, подьячие и солдаты, приехав... и указов соцким^[12] не объявля, бьют без милости и тиранскими муками мучат: вешают в дыбы и на козле (особый станок для телесного наказания. — *Авт.*) плетми свинцовыми бьют и огнем стращают. И в церковной трапезе батожем и на козле бьют ругателски руки и ноги и зубы ломают. И многих жен за власы волочили и нагих девиц водили, также многих жен блудным воровством силно бесчестили». Сам комиссар обвинялся в потворстве бесчинствам подчиненных, а также вымогательстве взяток^{75}.

Сенаторы не оставили доношение без внимания. Уже 20 сентября было принято решение об отстранении Семена Акишева от должности и вызове его для допроса в Сенат. 25 сентября в Великий Устюг за комиссаром выехал сенатский подьячий Евсей Говорков.

Дальше события приняли неожиданный поворот: комиссар Семен Матвеевич ехать в Москву отказался. Как сообщил в Сенат 10 ноября Е. Говорков, «он, комиссар, сказал, что к Москве не едет и указу не послушает, для того что отпущен (назначен. — *Авт.*) от губернатора, а не от Сената... И он, подьячий, велел ево, комисара, посланным драгунам взять. И он, комиссар, учинился государеву указу силен^[13], от драгун отбился»^{76}.

Крайне самоуверенное поведение Семена Акишева было не случайным. Комиссар рассчитывал на поддержку своего руководства. Благоволивший к Семену Матвеевичу глава Архангелогородской губернии вице-губернатор А. А. Курбатов и в самом деле решительно вступился за

подчиненного и отказался выслать его в Сенат. Иными словами, в ходе разгоревшегося вокруг С. М. Акишева бюрократического конфликта вице-губернатор Алексей Курбатов отказался признать юрисдикционные полномочия Правительствующего сената по отношению к государственным гражданским служащим Архангелогородской губернии.

Все, что сенаторы смогли противопоставить самовластию вице-губернатора, — это направить в губернию лицо с более высоким служебным статусом, нежели подьячий Евсей Говорков. 19 июня 1713 года Сенат командировал в Архангельск стольника С. Е. Пашкова. В его задачу входило произвести проверку обстоятельств уголовного дела, возбужденного устюжскими фискалами против Семена Акишева.

Однако и Семену Пашкову не удалось преодолеть сопротивление губернских чиновников. Стольник был остановлен в Вологде ландрихтером^[14] И. Ф. Нахаловым, который отказался принять у него подорожную, не дал солдат для рассылок, а заодно воспрепятствовал аресту нескольких подозреваемых^[77]. Впрочем, к тому времени криминальные сюжеты, связанные с руководящими должностными лицами Архангелогородской губернии, уже не исчерпывались делом С. М. Акишева.

Дело в том, что в феврале 1713 года уже сам А. А. Курбатов известил Петра I о крупномасштабных махинациях командированного из Москвы в Архангельск обер-комиссара Дмитрия Соловьева при установлении цен на товары казенного экспорта, об организованной им незаконной хлебной торговле и неуплате таможенных пошлин^[78]. По всей очевидности, Алексей Курбатов надеялся, что следствие по делу обер-комиссара будет поручено именно ему. Однако царь не вдохновился идеей передать расследование особо важного уголовного дела региональному администратору, да еще в лице столь склонного к самоуправству вице-губернатора. Вместо этого 25 июля 1713 года была учреждена упомянутая следственная канцелярия «маеора от гвардии Волконского».

В именном указе от 25 июля 1713 года говорилось, что гвардии майору надлежит произвести исключительно досудебное разбирательство обвинений против архангелогородских администраторов, а затем доставить само дело и обвиняемых («которые тому делу будут виноваты») в Санкт-Петербург. В остальном деятельность руководителя канцелярии никак не регламентировалась с процессуальной стороны — кроме отмеченного выше закрепления за ним права самостоятельно принимать решения о попытке подследственных^[15].

27 июля в дополнение к указу секретарь царя А. В. Макаров направил руководителю канцелярии письмо с изложением дополнительных высочайших указаний. Первое из них заключалось в запрете предпринимать какие-либо следственные действия в отношении вице-губернатора А. А. Курбатова, а второе — в необходимости соблюдать, в современном понимании, тайну следствия («и сие изволь хранить тайно») [{79}](#).

Деятельность канцелярии ведения князя Михаила Ивановича оказалась, однако, не вполне успешной. Для начала М. И. Волконский сумел в сжатые сроки и в полном объеме провести расследование дела комиссара Семена Акишева, в ходе которого в основном подтвердились вскрытые фискальской службой эпизоды его преступной деятельности. Достаточно сказать, что для изобличения Семена Матвеевича и его команды следственной канцелярией князя Михаила Ивановича были допрошены 219 (!) местных жителей, «которых били и мучили, и грабежом взятки брали», а также «во свидетелство в улику» проведены 174 (!) очные ставки [{80}](#).

Семену Акишеву, некогда ощущавшему себя «хозяином» Устюжского уезда, грозившему фискалам, что «велит их шпагами колоть до смерти», довелось хлебнуть лиха за попустительство бесчинствам подчиненных и вымогательство взяток. К слову сказать, в данном случае С. М. Акишев нарушил и прямые указания вице-губернатора.

Как открылось в ходе следствия, перед направлением в Устюжский уезд А. А. Курбатов выдал Семену Акишеву в июле 1711 года особую инструкцию, в которой специально предписал «смотреть прилежно» за подчиненными ему подьячими и солдатами, «дабы от них народного и никакого никому разорения и обид не было, чтоб за них было не причтено ево неусмотрению. И сам управляй, бояся бога и царских законов, усматривая во всем истины» [{81}](#).

В ходе расследования М. И. Волконского Семену Матвеевичу «причлось» многое. Находясь под следствием, комиссар предпринял даже попытку суицида. Как отмечено в одной из записей следственного дела, «в третий застенок [\[16\]](#) [С. М. Акишев] привожен и роспрашиван, а не пытан, для того что был болен: преж застенка резался по горлу и по брюху в трех местах» [{82}](#).

Однако затем направленность следствия изменилась. Поскольку Д. А. Соловьев был неформально, но тесно связан с герцогом Ижорским светлейшим князем А. Д. Меншиковым, Михаил Волконский предпочел не

проявлять излишнего рвения в расследовании махинаций обер-комиссара. Вместо этого, видимо в угоду Александру Меншикову, М. И. Волконский (вопреки высочайшему указанию от 27 июля) взялся за сбор материалов против излишне ретивого вице-губернатора А. А. Курбатова.

Превращение Алексея Курбатова из инициатора следствия в обвиняемого происходило неспешно, но необратимо. В январе 1714 года царь отстранил вице-губернатора от должности, а в мае того же года дал наконец Михаилу Волконскому санкцию расследовать «дело преступления Курбатова»^[83]. Что же до временно отстраненного от должности Дмитрия Соловьева, то он был в том же мае, наоборот, возвращен к исполнению обер-комиссарских обязанностей.

Однако не дремали и противники М. И. Волконского в правительственных сферах. Еще в конце 1713 года руководитель фискальской службы Москвы А. Я. Нестеров направил Петру I доношение, в котором обвинил Михаила Ивановича в «худых и указу противных делах», в частности во взятках с поморских жителей. Заодно выразив готовность в дальнейшем представить царю более подробные сведения, уличавшие гвардии майора. Собственноручная резолюция Петра I была краткой: «Приготовляй к зиме»^[84].

Кроме того, 21 сентября 1714 года к воротам Устюжской провинциальной канцелярии было подброшено адресованное новому архангелогородскому вице-губернатору гвардии капитану П. Е. Лодыженскому подметное письмо, в котором Михаил Волконский обвинялся также в том, что «в бытность на Устюге... народу чинил великое раззорение и со многих брал взятки». Это письмо было переправлено вице-губернатором в Сенат 26 октября^[85].

Князя Михаила Ивановича компрометировал, как мог, и лишившийся из-за него должности А. А. Курбатов. Обладавший литературными наклонностями, Алексей Александрович описывал моральный облик гвардии майора в апокалиптически мрачных тонах: «Он, Волконской, царского повеления... преступник, его величества вымышленной оболгатель^[17], указам его государевым непослушник, многих государственных интересов повредителям лукавой прикрыватель, и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца и мститель, злодейственный, вор и коварный составщик^[18] и лакомый мздоимец, и давно обуклый ябедник и ученик богопротивного волшебства, для которого держал он у себя бабу волшебницу»^[86]. Учитывая, впрочем, что М. И. Волконский выявил все же ряд эпизодов получения Алексеем

Курбатовым взятки и превышения им должностных полномочий, приведенные строки вряд ли имеет смысл воспринимать буквально.

Как бы то ни было, изрядно затянувшаяся архангелогородская миссия Михаила Волконского чем дальше, тем больше вызывала недовольство главы государства. Неоднократно получавший от царя указания поскорее завершить расследование, Михаил Волконский был, в конце концов, отозван в столицу достаточно резким письмом Петра I от 17 марта 1715 года^{87}. Вскоре именным указом от 27 января 1716 года Михаил Иванович сам был отдан под следствие следственной канцелярии гвардии капитана Г. И. Кошелева и дьяка Ф. Д. Воронова^{88}.

Одновременно следственная канцелярия Герасима Кошелева и Федора Воронова возобновила в полном объеме расследование дела Д. А. Соловьева. Генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, чья репутация в глазах царя изрядно пошатнулась в связи с разоблачением в 1715. году «подрядной аферы» (о ней еще будет рассказано), теперь уже не мог с прежним успехом прикрывать своего фактотума. Это было началом злключений князя Михаила Волконского.

Впрочем, поначалу Александр Данилович все же пытался как-то подействовать гвардии майору М. И. Волконскому. Как явствует из «Юрнала» повседневных занятий светлейшего князя (который его личная канцелярия вела по образцу «юрналов» царя), 26 октября 1716 года он посетил дом своего «маршалка»^{19} Федора Соловьева. Повод был законный: именины родного брата Федора Алексеевича, коим являлся обер-комиссар Дмитрий Соловьев.

В роскошные каменные палаты Ф. А. Соловьева на Васильевском острове^{89} в числе иных гостей прибыли глава следственной канцелярии Герасим Кошелев и... «маеор от гвардии князь Волконской»^{90}. Так гвардии капитан Герасим Иванович очутился за одним столом сразу с двумя своими подследственными. Нечего и говорить, что за приглашением в дом Федора Соловьева стоял А. Д. Меншиков, имевший тогда — в период длительной зарубежной поездки царя — *de facto* неограниченную власть в столице. В такой вот обстановке порой велись расследования 300 лет назад.

Состав инкриминированных М. И. Волконскому деяний на сегодня окончательно не прояснен. Поиски материалов как следственного, так и судебного производств по делу Михаила Волконского, предпринятые в фондах трех федеральных архивов, оказались к настоящему времени безрезультатными. Последние выявленные сведения о судебном деле князя Михаила Ивановича находятся в реестре дел, хранившихся в личной

канцелярии Петра I, которые бывший кабинет-секретарь А. В. Макаров направил в сентябре 1727 года в Верховный тайный совет.

Одним из пунктов реестра значится: «1717 [год] ...Крейзрехт^[20] над майором гвардии Михаилом Волконским, держанный в делах Алексея Курбатова с Соловьевым и прочих в неисправлении по данным пунктам»^[91]. Помимо приведенных сведений реестра, об обвинениях, выдвинутых против Михаила Волконского, возможно судить лишь еще по нескольким кратким упоминаниям, разбросанным по архивным документам. В частности, в документе 1726 года, подготовленном в сенатской канцелярии, упоминалось, что М. И. Волконский был осужден «за неправой суд^[21] и преступление указов»^[92].

По всей очевидности, Михаил Волконский был обвинен в свертывании (в нарушение именного указа от 25 июля 1713 года) расследования против Д. А. Соловьева, в частичной фальсификации дела против А. А. Курбатова, а также во взятках с поморских жителей. О ходе расследования уголовного дела М. И. Волконского сохранились лишь единичные сведения.

Известно, что поначалу князь Михаил Иванович (рассчитывая, быть может, на более действенную поддержку Александра Меншикова) отказывался являться на допросы, не передал в канцелярию Г. И. Кошелева ряд документов из расследовавшихся им дел. Учитывая непростую, мягко говоря, обстановку, Герасим Иванович доложил о ситуации главе государства.

Петр I отреагировал незамедлительно и резко. 28 декабря 1716 года сопровождавший государя в зарубежной поездке гвардии подполковник князь В. В. Долгоруков направил Герасиму Ивановичу письмо, в котором передал высочайшее указание принудительно изъять у М. И. Волконского все оставшиеся у него материалы «архангельского дела», а его самого — в случае дальнейшего уклонения от участия в следственных действиях — взять под стражу («взять в канцелярию и держать за караулом»)^[93].

Впрочем, насколько возможно понять, столь суровая мера пресечения в отношении гвардии майора следственной канцелярией не избиралась. О том, что Михаил Иванович не находился под стражей до самой передачи его дела в суд, свидетельствует подготовленная им пространная записка («доношение») о «винах» А. А. Курбатова, к которому гвардии майор испытывал, по всей очевидности, глубокую личную неприязнь. Формально адресованное «благородным господам судьям^[22] полковнику Герасиму Ивановичу Кошелеву да дьяку Федору Воронову» доношение было подписано М. И. Волконским 11 ноября 1717 года^[94], а уже 12 ноября

подано им лично (!) царю^{95} (прибывшему в Санкт-Петербург из-за рубежа 9 октября^{96}).

Несмотря на то что Петр I ознакомился и с представленным доношением, и с приложенными к нему материалами и даже наложил резолюцию «Исследовать»^{97}, участи Михаила Ивановича это не переменяло. По фантазмагорическому совпадению в тот же самый день 11 ноября гвардии подполковник князь Василий Долгоруков направил командовавшему гвардией подполковнику князю П. М. Голицыну письмо с изложением высочайшего указания о вызове в Санкт-Петербург четырнадцати офицеров Преображенского и Семеновского полков^{98}. Судя по всему, именно из этих офицеров несколько позднее и был образован кригсрехт, перед которым предстал Михаил Волконский.

Тогдашние военные суды (те самые «кригсрехты») представляли собой временные коллегиальные судебные присутствия, формировавшиеся из строевых военнослужащих для рассмотрения уголовных дел по обвинению их сослуживцев. Поскольку Михаил Волконский служил в гвардии, судить его должны были офицеры Преображенского и Семеновского полков.

Между тем процесс над князем Михаилом Ивановичем являлся всего лишь вторым в XVIII веке случаем, когда под судом оказался гвардейский офицер. Причем обвиненный в совершении отнюдь не воинского преступления.

В 1712 году за взятки был отдан под суд поручик Преображенского полка Н. Т. Ржевский. Выходец из многократно ветвившегося старинного рода (восходившего к смоленским удельным князьям), поручик Никита Ржевский был в октябре 1707 года направлен Петром I в союзную Речь Посполитую на должность российского коменданта Полоцка^{99}. Никите Тимофеевичу, получившему под команду небольшой гарнизон, предстояло наглухо перекрыть со своего направления сухопутную и речную доставку в шведскую еще тогда Ригу товаров и продовольствия.

Однако с выполнением государева поручения дело у Никиты Тимофеевича не заладилось. Воспользовавшись относительно автономным положением, он занялся неумным личным обогащением. Избрав в качестве посредника некоего «полоцкого жида» Авраама Рубанова, потомок удельных князей принялся вступать в переговоры с купцами, регулярно предоставляя некоторым из них (разумеется, не безвозмездно), выражаясь по-современному, «зеленый коридор» в сторону Риги.

11 июня 1712 года обвиняемый Никита Ржевский подал царю повинную челобитную, в которой признал факт пропуска в Ригу за взятки

шести купеческих судов с товарами. В качестве смягчающих вину обстоятельств Никита Тимофеевич указал гибель на государевой службе своих отца и деда^[23], а также полученные им самим ранения^{100}.

Для рассмотрения дела Н. Т. Ржевского в июле 1712 года в летнем войсковом лагере под Санкт-Петербургом был созван кригсрехт под председательством генерал-майора А. А. Головина. 16 июля военные судьи единогласно приговорили Никиту Ржевского за получение взяток к смертной казни^{101}.

Поскольку приговор строевому офицеру вступал в законную силу только после утверждения царем, материалы кригсрехта в сентябре были направлены Петру I^{102}. Окончательное решение судьбы Никиты Тимофеевича затянулось. Царь определился с приговором лишь в апреле 1714 года.

По высочайшей воле смертная казнь была заменена Н. Т. Ржевскому на наказание кнутом, конфискацию имущества и бессрочную ссылку в Сибирь. В том же апреле в Санкт-Петербурге бывший гвардии поручик перед строем полка был «кладен на плаху к смертной казни, и по свободе от смерти учинено наказание, бит кнутом», а затем отправлен под конвоем к месту ссылки^{103}.

В случае с Михаилом Волконским приговор кригсрехта был так же беспощаден: смертная казнь с конфискацией имущества. Поскольку для постановления приговора в 1717 году российский военный суд мог использовать единственный законодательный акт — Артикул воинский редакции 1715 года^{104}, можно предположить, что обвинения, предъявленные М. И. Волконскому, были квалифицированы по 27-й статье Артикула — умышленное неисполнение приказа «начальника своего». Названная статья предусматривала единственную санкцию — смертную казнь^{105}.

Впрочем, шанс сохранить жизнь у Михаила Ивановича оставался. Петр I имел обыкновение смягчать приговоры лицам, имевшим боевые заслуги. Тем более когда осужденным являлся трижды раненый старший офицер гвардии. По всей очевидности, Михаил Волконский надеялся именно на такой исход дела: он не мог не помнить о сравнительно недавнем помиловании преображенца Никиты Ржевского.

В этот раз, однако, смягчения приговора не последовало. Вместо этого 8 декабря 1717 года царь собственноручно написал указ о публичном объявлении о предстоящей казни «бывшего маеора Волхонского». 9 декабря в царском «Юрнале» появилась лаконичная запись: «Была кара

князь Михаилу Волконскому»^{106}.

Согласно дипломатическому донесению осведомленного французского посланника Анри де Лави (Henri Lavie), «князь Волконский был казнен в прошлый понедельник... Тело его было выставлено в продолжение суток»^{107}.

Из приведенных свидетельств неясно, однако, в какой именно форме был казнен М. И. Волконский. Да и в челобитной матери Михаила Ивановича, княгини Дарьи Ивановны, от января 1718 года было упомянуто лишь о том, что «по содержанному криксрехту и по Военному... артикулу... учинена сыну моему смерть»^{108}.

Единственное упоминание о форме казни Михаила Ивановича удалось выявить в документе, составленном десятилетие спустя. В челобитной, поданной в июле 1728 года, бывший устюжский комиссар Семен Акишев между иного упомянул о судьбе своего следователя: «И по изследовании о нем в Санкт-Питербурхе в [1]717 году казнен смертию, розстрелян»^{109}.

Расстрел являлся принципиально новой для тогдашней России формой смертной казни, впервые нормативно закрепленной в статьях 6, 36, 41 и 46-й Артикула воинского^[24], а потому применявшейся исключительно к военным служащим. Каких-либо известий о процедуре исполнения этой формы казни в первой четверти XVIII века встретить к настоящему времени не удалось. Процедуру расстрела представилось возможным реконструировать по немецкой гравюре, содержащей аллегорическое изображение военной юстиции (*Iustitia militaris*). Гравюра эта помещена перед титульным листом в публикации актов военного законодательства и комментариев к ним, вышедшей в свет в 1657 году во Франкфурте-на-Майне»^{110}.

В средней части гравюры изображена сцена расстрела: осужденный стоит, привязанный к столбу, а расстрельная команда находится очень близко от него, готовясь дать залп почти в упор. Принимая во внимание отсутствие на тогдашних ружьях каких-либо прицельных приспособлений, подобное расположение команды вполне объяснимо.

Таким образом, учитывая топографию столичной Троицкой площади в 1710-е годы и публичность казни, можно предположить, что князь Михаил Иванович встретил смерть, будучи привязан к столбу, врытому у края площади, обращенной к Неве. Напротив того места, где за 12 лет до того капитан Михаил Волконский во главе абордажной партии атаковал «Гедан» и «Астрильд». Несмотря на то что в тот день, согласно «Юрналу» А. Д. Меншикова, был «ветр великой с метелицею»^{111}, осужденного вывели на

казнь, вероятнее всего, без верхней одежды, в одном мундире. Поскольку знаков различия в тогдашней российской армии еще не было, погон с разжалованного Михаила Ивановича не срывали и каких-либо нарукавных нашивок не спарывали. Приговор привели в исполнение 5–6 гвардейских солдат, выстроенных в шеренгу в нескольких метрах от осужденного.

Согласно упоминавшемуся донесению А. де Лави, Петр I «на следующее утро... пошел на площадь, где, по обычаю, лежало тело покойного спиной вверх. Он собственноручно обернул его... и приказал похоронить»^{112}. Как явствует из цитированных строк, после казни тело М. И. Волконского было отвязано от столба и положено на землю.

Между тем 9 декабря был издан именной указ об учреждении шести новых следственных канцелярий, руководителю каждой из которых царь вручил собственноручно подписанный Наказ — первый нормативный акт, в котором закреплялось выделение стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе. В единственной уголовно-правовой норме, внесенной в Наказ, определялась ответственность следователей канцелярии за совершенные при осуществлении расследования преступления против интересов службы. За это следователям грозила единственная санкция — смертная казнь.

Как было указано во вступительной части Наказа, «ежели ж какая мана^[25], взятки или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего маеора Волхонского)»^{113}. «Пример бывшего маеора Волхонского» следователи новоявленных канцелярий (почти все из которых являлись офицерами гвардии) могли, впрочем, «видеть» в прямом смысле слова.

Учитывая особенности характера Петра I, имеются все основания полагать, что те самые офицеры, из которых был образован кригсрехт, осудивший Михаила Волконского, были затем назначены руководителями («презусами») и ассессорами следственных канцелярий. И списки Наказа будущий император вручил «господам штап-и обор-афицерам» либо непосредственно на месте расстрела Михаила Волконского на Троицкой площади, либо в первые часы после него.

Таким образом, казнь первого следователя России носила в значительной мере показательный, демонстративно устрашающий характер. Вместе с тем нельзя не отметить, что расстрел в XVIII — начале XX века являлся наиболее «почетной» для военнослужащего формой смертной казни^{114}. Учитывая, что в статье 27-й Артикула воинского редакции 1715 года форма смертной казни не конкретизировалась,

назначение князю Михаилу Волконскому в качестве санкции именно расстрела можно трактовать как меру (хотя и чисто символическую) в пользу осужденного.

Представляется, что казнь Михаила Волконского была адресована в качестве устрашающей меры не только будущим презусам и ассессорам следственных канцелярий, основанных 9 декабря 1717 года. Дело в том, что менее недели спустя, 15 декабря, Петр I собственноручно начертил крайне важный документ — указ о назначении руководителей коллегий^{115}, принципиально новых органов центрального управления России.

Согласно указу президентом Военной коллегии определялся давний покровитель Михаила Волконского А. Д. Меншиков, в повседневном «Юрнале» которого казнь Михаила Волконского оказалась почему-то не упомянута ни словом, хотя Александр Данилович никак не мог на ней не присутствовать.

А ведь, как уже отмечалось, составитель «Юрнала» описал даже погоду, которая была в столице 9 декабря. Не захотел почему-то Александр Меншиков иметь в своем «Юрнале» запись о казни «бывшаго маеора Волконского».

Зато история с М. И. Волконским неожиданно всплыла пять лет спустя, когда 31 октября 1722 года на заседании Правительствующего сената разгорелась нешуточная перепалка между светлейшим князем Александром Даниловичем и бароном Петром Шафировым. Как явствует из сохранившегося в архиве протокола заседания, Петр Павлович выкрикнул тогда в адрес А. Д. Меншикова весьма примечательную фразу: «Я... за тебя, как Волконской и князь Матвей Гагарин, петли на голову не положу!»^{116} И хотя Михаила Волконского (в отличие от М. П. Гагарина) не повесили, аллегорический смысл сказанного от этого не меняется.

Насколько удалось установить, следующая казнь гвардейского офицера состоялась в Российской империи лишь 14 лет спустя после событий 9 декабря. В 1734 году был обезглавлен бывший однополчанин М. И. Волконского отставной капитан Ульян Шишкин. Правда, состав преступления был совсем иным. Ульян Андреевич (страдавший, не исключено, помрачением рассудка) усомнился в легальности пребывания на престоле императрицы Анны Иоанновны, прилюдно заявив, что ее «изобрали, погреша в том пред богом» и что «ныне императрица Елисавет^[26]» (!)^{117}.

Что остается добавить в заключение? Думается все же, что Петр I испытывал впоследствии некое сокрушение в связи с решением не

сохранять жизнь заслуженному боевому офицеру князю М. И. Волконскому. И об этом свидетельствует не только приход государя на следующий день к телу казненного. 11 марта 1718 года Петр I указал вернуть матери и вдове Михаила Ивановича часть его конфискованной земельной недвижимости. С примечательной оговоркой: «Другим не в образец»^{118}.

Место погребения Михаила Волконского неизвестно.

**«ДАБЫ ВОЗМОГ, ПОКА НЕ ПРИДУ В
СТАРОСТЬ
И ДРЯХЛОСТЬ, ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
МОИ...
УСЛУГИ ПОКАЗАТЬ»:
КНЯЗЬ В. В. ДОЛГОРУКОВ**

Князя Василия Владимировича Долгорукова затруднительно отнести к числу вовсе забытых государственных деятелей России XVIII века. Многим сегодня памятни боевые заслуги князя, неординарность его биографии. Достаточно только сказать, что в высший воинский чин генерал-фельдмаршала Василию Долгорукову довелось быть произведенным дважды.

Вместе с тем нельзя не отметить, что основные сведения о жизненном пути князя Василия Владимировича, бытующие ныне в читательском обороте, восходят к сочинениям Д. Н. Бантыш-Каменского и князя П. В. Долгорукова, опубликованным соответственно 204 (!) года и 177 лет назад^[119]. При всей просвещенности и осведомленности упомянутых авторов, сочинения их имеют ныне, мягко говоря, ограниченное научное значение.

Василий Долгоруков был выходцем из старинного княжеского рода, восходившего (в младшей ветви) к Оболенскому удельному князю Андрею Константиновичу. В XVII веке Долгоруковы являлись одним из влиятельнейших кланов в правящей элите Московского царства. Могущество фамилии сохранилось и в дальнейшем.

По заслуживающим доверия подсчетам историка рода, только на протяжении 1700–1839 годов десятеро Долгоруковых стали сенаторами, один — министром юстиции и генерал-прокурором, один — генерал-фельдмаршалом, четверо — генерал-аншефами, семеро — кавалерами ордена Святого Андрея Первозванного (высшей награды Российской империи)^[120]. За тот же период семеро князей Долгоруковых погибли в войнах^[27].

Согласно надгробной надписи, Василий Долгоруков появился на свет в 1667 году^[121] в семье видного администратора и военачальника, боярина

В. Д. Долгорукова, скончавшегося в июле 1701 года в Москве. Поскольку боярин Владимир Дмитриевич был женат трижды, семья была многодетной. Князь Василий Владимирович имел по меньшей мере трех братьев — Юрия, Михаила и Владимира и трех сестер — Феодосью, Ксению и Марью^{122}.

Примечательно, что матерью князя В. Д. Долгорукова и, соответственно, бабушкой Василия Долгорукова являлась Ирина Ильинична Милославская, скончавшаяся в 1645 году, родная сестра первой супруги царя Алексея Михайловича царевны Марии Ильиничны^{123}. Тем самым по женской линии Василий Владимирович приходился двоюродным племянником царю Ивану V Алексеевичу, соправителю Петра I в 1682–1696 годах. Для тех времен это была вполне близкая родственная связь.

Первые 33 года жизни будущего генерал-фельдмаршала освещены в исторических источниках, введенных на сегодня в научный оборот, крайне скудно. Достоверно установлено, правда, что в 1685 году В. В. Долгоруков был произведен в «московский» чин стольника^{124}.

Из тогдашних служб князя Василия Владимировича известно, что 30 июня 1688 года он вместе со старшим братом участвовал в качестве рынды (царского телохранителя) в дипломатической церемонии. Как было отмечено в придворной хронике, «при великих же государех были рынды и стояли около их государского места^[28] с мечи, в бархатных же кафтанах столники: князь Юрья, князь Василей княж Володимеровы дети Долгорукие»^{125}. 30 января 1696 года В. В. Долгоруков был упомянут в числе стольников, несших дежурство у гроба усопшего царя Ивана Алексеевича^{126}.

Документально установлено также, что Василий Долгоруков не попал в январе 1697 года в число стольников (почти все из которых состояли на военной службе), направленных в образовательную поездку в Западную Европу^{127}. В России же В. В. Долгоруков прошел явно недостаточное обучение. Судя по сохранившимся автографам князя, он не умел связно писать, с трудом выводил буквы черточками.

Впрочем, неграмотность была, похоже, семейной особенностью братьев Долгоруковых. Из архивных источников со всей очевидностью явствует, что грамотой не владел и младший брат Василия Долгорукова, князь Михаил Владимирович (1669 года рождения), занимавший в первой четверти XVIII века высокие должности на государственной гражданской службе.

Например, как было отмечено в протоколе заседания

Правительствующего сената 5 февраля 1724 года, назначенный сибирским губернатором М. В. Долгоруков обратился к сенаторам с просьбой направить с ним сына «для подписки дел», поскольку сам он «грамоте не умеет»^{128}. Как-то совсем не озаботился боярин князь Василий Дмитриевич обучением сыновей...

Что касается частной жизни князя Василия Владимировича, то известно, что он состоял по меньшей мере в трех браках. Первой его женой была княгиня Мария Федоровна, дочь боярина Ф. Ф. Куракина^{129}, второй — Анна Ивановна, дочь некоего стольника И. И. Злобина^{130}, третьей — Анна Петровна, урожденная Шереметева, скончавшаяся в июле 1720 года в возрасте тридцати лет^{131}. Сведений о детях Василия Владимировича от этих жен выявить не удалось.

Наиболее значительным пробелом в ранней биографии В. В. Долгорукова следует признать вопрос о времени начала его военной карьеры. Согласно сведениям, извлеченным из архива гвардии Преображенского полка, Василий Владимирович стал офицером полка в 1700 году, будучи произведен «из полковых сержантов»^{132}. В свою очередь, в другом полковом документе 1700 год указан и как дата производства В. В. Долгорукова в первый офицерский чин, и как дата начала его службы в гвардии, и как дата начала его военной службы вообще^{133}.

Вместе с тем некий «князь Василий Долгоруков» упоминается в документах другого гвардейского полка — Семеновского. Согласно этим документам, в 1695 году при переформировании Семеновской потешной роты в гвардейский полк Василий Долгоруков перешел туда с чином прапорщика. После взятия в июле 1696 года турецкой крепости Азов он был произведен в поручики^{134}.

Отмеченные противоречия в документах на сегодня представляются необъяснимыми. Не исключено, что в Семеновском полку начинал службу тот «князь Василей Долгоруков», который в чине гвардии капитана состоял (по крайней мере в 1707–1713 годах) командиром 5-й роты Преображенского полка^{135}. Какие-либо биографические подробности об этом тезке В. В. Долгорукова выявить к настоящему времени не удалось.

Однако, как бы ни сложились обстоятельства поступления князя Василия Владимировича на военную службу, первый его карьерный взлет оказался связан именно с Преображенским полком. Из эпизодов тогдашней служебно-боевой деятельности В. В. Долгорукова достоверно известно, в частности, что во время уже описанного на страницах этой книги

многочасового штурма шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 года он был в числе нескольких гвардейских офицеров, которые добровольно вызвались присоединиться к атакующей колонне. 28 августа 1705 года при штурме замка в городе Митаве^[29] гвардии майор Василий Долгоруков получил ранение в руку (на ней были, как свидетельствует документ, «отбиты» два пальца)^{136}.

Какие события способствовали сложившемуся к концу 1700-х годов возвышению князя Василия Владимировича, его вхождению в ближайшее окружение Петра I, сегодня остается только гадать. По свидетельству осведомленнейшего Бориса Куракина, В. В. Долгоруков «нашел свою фортуна», когда в летнюю кампанию 1706 года с батальоном Преображенского полка сопровождал царя на театр военных действий в Литву^{137}. В чем именно состояла эта «фортуна», князь Борис Иванович, впрочем, не пояснил.

Что бы там ни было, первой значительной военной операцией, проведением которой руководил Василий Владимирович, стало подавление казачьего восстания под руководством атамана Кондратия Булавина, разгоревшегося на Дону, в глубоком тылу российских войск осенью 1707 года. Это назначение В. В. Долгорукова было отнюдь не случайным.

Дело в том, что первоначально на Дон для проведения кампании по сыску дезертиров, а также беглых крестьян и работных людей, во множестве оседавших в тамошних благодатных местах, была направлена небольшая войсковая экспедиция под командованием майора Преображенского полка Ю. В. Долгорукова, старшего брата Василия Владимировича. В ночь на 9 октября 1707 года большой отряд восставших совершил нападение («наехав воровские люди многим собранием») на станицу Шульгинскую^[30] на реке Айдар, где тогда почти без охраны квартировал майор Юрий Долгоруков. В ходе скоротечного боя князь Юрий Владимирович и сопровождавшие его казаки и гвардейцы были убиты, а тела их сброшены в волчью яму^{138}.

Будучи отозван с фронта в апреле 1708 года, гвардии майор В. В. Долгоруков получил под командование внушительную группировку общей численностью свыше тридцати двух тысяч штыков и сабель. Итог действий группировки был сформулирован в официальной «Гистории Свейской войны», составлявшейся в первой половине 1720-х годов: «И тако к осени [1708 года] весьма тот бунт искоренен»^{139}. Угроза стратегически важному тыловому району была устранена.

Петр I высоко оценил личное мужество и командные способности

Василия Долгорукова. 9 декабря 1709 года он был произведен в подполковники гвардии^{140} и стал командиром Преображенского полка. По авторитетному суждению известного военного историка и военного юриста сенатора генерал-лейтенанта П. О. Бобровского, почти девятилетнее командование Василия Долгорукова составило «одну из наиболее блестящих страниц» истории Преображенского полка^{141}.

Кроме того, 14 октября 1711 года царь пожаловал князя Василия Владимировича в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного^{142}. Даты параллельного производства В. В. Долгорукова в «полевые» генерал-майоры, а затем в генерал-лейтенанты установить к настоящему времени не удалось.

Между тем в мае 1710 года князь Василий Владимирович едва не погиб, прибыв с гвардейскими батальонами на осаду Выборга. Правда, не от вражеской пули или осколка, а в результате несчастного случая. Как в письме от 29 мая известил царя командующий российской группировкой генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, когда Василий Долгоруков объезжал верхом осадные сооружения, его лошадь куда-то провалилась и гвардии подполковник «расшиб ногу гораздо больно». «Благодарим бога, что не переломил», — завершил письмо командующий^{143}.

Однако исполнение строевых обязанностей отнюдь не исчерпывало круг занятий В. В. Долгорукова в 1710-е годы. Он оказался одним из первых гвардейских офицеров, кого царь привлек к следственной деятельности.

В 1714 году Василий Долгоруков возглавил особую следственную канцелярию, учрежденную второй по счету после следственной канцелярии гвардии майора М. И. Волконского. В правительственном делопроизводстве новая канцелярия получила громоздкое наименование «Канцелярия ведения генерала, кавалера и от гвардии подполковника его сиятельства князя Василия Володимировича Долгорукова». При всем том, что основная часть документации канцелярии оказалась с годами утрачена, составить некоторое представление о ее деятельности все же представилось возможным.

Крупнейшими уголовными делами, которые поступили в производство канцелярии В. В. Долгорукова, явились «подрядное дело» («подрядная афера») и «счетное дело» генерал-фельдмаршала, светлейшего князя А. Д. Меншикова. Вскрытый в ходе расследования механизм аферы не отличался сложностью. Как было установлено, группа высших должностных лиц, включая Александра Меншикова и сенаторов В. А. Апухтина и Г. И.

Волконского, установив изрядно завышенные подрядные цены на поставку в Санкт-Петербург и армию провианта и фуража, сама и осуществляла (разумеется, через подставных лиц) эти поставки. Колоссальные переплаты казенных сумм шли в карманы предприимчивым соратникам царя-реформатора.

Растревоженный полученной следствием информацией, Петр I взял разбирательство дела под личный контроль. Под государевым приглядом следствие быстро набрало обороты. Вращавшийся в правительственных кругах современник так описывал настроения среди «птенцов гнезда Петрова» на исходе 1714 года: «Светлейший князь [А. Д. Меншиков] в великой конфузии, и все в самом печальном образе, понеже царское величество зело прилежно сие дело [подрядное] сам розыскивает и не токмо сие, но и всякая дела сам обещается, пересмотреть и нанизать как за большое, так и за малое равно, о чем все трясутся...»^[144]

«Трястись» действительно было от чего. Разгневанный вскрывшимися эпизодами фальшивых подрядов царь санкционировал пытки высокопоставленных подследственных и, более того, принял в соответствующих допросах личное участие. На дыбу попали и ближайший помощник А. Д. Меншикова санкт-петербургский вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков, и фактотум (доверенное лицо) светлейшего князя сенатор князь Г. И. Волконский.

В частности, как было бесстрастно зафиксировано в записи походного «Юрнала» Петра I от 27 ноября 1714 года, «его величество был на Конюшенном дворе. Подымали [на дыбу] Волконского князь Григорья и Якова Корсакова»^[145].

Итог расследования В. В. Долгорукова вышел для проштрафившихся «господ вышних командиров» драматичным. Вот как в том же царском «Юрнале» была описана состоявшаяся 6 апреля 1715 года на Троицкой площади города Санкт-Петербурга публичная «эксекуция»: «И приведши их на площадь, где положена была плаха и топор, объявлен указ: сенаторам двум, Волконскому и Апухтину за вины их (что они, преступая присягу^[31], подряжались сами чюжими именами под провиант и брали дорогую цену, и тем народу приключали тягость) указано их казнить смертью, однако от смерти свобожены, толко за лживую их присягу обожжены у них языки^[32], и имение их все взято на государя»^[146].

Бывшего вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова тогда же наказали кнутом. Остальные фигуранты дела отделались денежными штрафами в полуторакратном размере полученной криминальной прибыли.

Что касается «счетного дела» о финансовых махинациях А. Д. Меншикова, то здесь достаточно сказать, что предварительный денежный начет, предъявленный следственной канцелярией В. В. Долгорукова светлейшему князю, составил астрономическую по тем временам сумму в 1 миллион 238 тысяч рублей^{147}.

Кроме того, в производстве канцелярии находилось возбужденное в 1714 году московским фискалом Михаилом Косым дело по обвинению комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина во взятках и хищениях казенных средств на внушительную сумму в 140 665 рублей (об этом деле еще пойдет речь), а также ряд менее значительных дел, главным образом по преступлениям против интересов службы.

К расследованиям уголовных дел, осуществлявшихся канцелярией В. В. Долгорукова, привлекались (по всей вероятности, эпизодически) и другие офицеры гвардии. Так, из опубликованного архивного документа известно, что в 1714 году в рамках следствия по делу упомянутого сенатора Василия Апухтина в Москву прибыл гвардии капитан князь Г. А. Урусов (о нем также еще будет рассказано).

Гвардеец провел обыск в доме сенатора, опечатал его имущество, а заодно оповестил население бывшей столицы о возможности подавать жалобы на злоупотребления Василия Алексеевича. Согласно формулировке документа, «прибивал... письма к градским воротам и к его двору, чтоб приходили все и сказывали, кому какия обиды или интересу великаго государя что противное учинил»^{148}.

Вскрытие «подрядной аферы» и многих иных должностных злоупотреблений обусловило необходимость принять новые законодательные акты, направленные на предупреждение соответствующих преступлений. Как представляется, именно с деятельностью следственной канцелярии князя Василия Владимировича, а также фискальской службы России было связано издание в 1714–1715 годах целого пакета законодательных актов.

Здесь необходимо в первую очередь вспомнить законы от 24 декабря 1714 года «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное»^{149} и от 27 декабря того же года «Об обязанности подрядчиков объявлять Правительствующему Сенату какие они подряды имеют или имели с казенными местами на поставку провианта и всяких прочих товаров и припасов»^{150}. В свою очередь, согласно закону от 25 января

1715 года в перечень преступлений, о подготовке или совершении которых дозволялось сообщать непосредственно главе государства, был

добавлен «третий пункт» — «о похищении казны» (первые два «пункта» касались государственных преступлений)^{151}.

Наконец, видится неоспоримым, что именно в связи с итогами расследования «подрядного дела» законом от 15 марта 1715 года была учреждена Подрядная канцелярия (Канцелярия подрядных дел)^{152}, которой предстояло отныне утверждать все заключаемые с казной подряды. Главой канцелярии был определен гвардии капитан Г. И. Кошелев (о нем еще будет рассказано). Учитывая, что Герасим Кошелев занимал прежде должность командира 3-й роты Преображенского полка^{153}, его, по всей видимости, рекомендовал царю В. В. Долгоруков.

Следственная деятельность Василия Долгорукова продлилась до начала 1716 года, когда в составе небольшой группы сановников он отправился сопровождать Петра I в длительной зарубежной поездке. В связи с отъездом Василия Владимировича руководство его следственной канцелярией именным указом от 13 марта 1716 года было возложено на Г. И. Кошелева совместно с дьяком Ф. Д. Вороновым^{154}, ближайшим сотрудником князя, работавшим в канцелярии с 1715 года.

Поскольку Федор Воронов играл к тому времени ключевую роль в расследовании «счетного дела» «полудержавного властелина» А. Д. Меншикова, оставшегося в России в качестве фактического главы правительства и «хозяина» Санкт-Петербурга, указ от 13 марта заканчивался строкой не вполне ординарного содержания. Адресованная Герасиму Кошелеву строка эта была, по всей очевидности, подсказана Петру I Василием Владимировичем, и гласила она следующее: «Також и ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»^{155}.

Помимо этого, В. В. Долгоруков считал необходимым поддержать своего сотрудника и неофициально. В сугубо доверительном письме младшему брату, сенатору Михаилу Долгорукову, от 23 марта 1716 года князь Василий Владимирович особо подчеркнул: «И Воронову скажи, чтоб он никою не боялся, лишь бы имел совесть чистую»^{156}.

Как известно, по возвращении в Россию Петр I решил осуществить реорганизацию органов следствия. Сочтя деятельность следственных канцелярий, функционировавших на тот момент, успешной (в наибольшей мере канцелярии В. В. Долгорукова), царь принял решение создать целую систему подобных органов. 11 ноября 1717 года Василий Долгоруков направил временно командовавшему полками гвардии князю П. М. Голицыну письмо с изложением высочайшего распоряжения об откомандировании в Санкт-Петербург шестнадцати офицеров

Преображенского и Семеновского полков^{157}. Не прошло и месяца, как все вызванные лица получили назначения на руководящие должности в шести «майорских» следственных канцеляриях, учрежденных 9 декабря 1717 года.

К этому времени князь Василий Владимирович находился на пике своего могущества. Как явствует из опубликованного архивного документа, в ноябре 1717 года при генерал-лейтенанте и гвардии подполковнике В. В. Долгорукове состояли генерал-адъютант (!), два офицера-порученца, лекарь, трое писарей, шесть (!) денщиков^{33} и трое извозчиков^{158}.

А 6 декабря 1717 года в письме генерал-аншефу А. И. Репнину из Санкт-Петербурга князь (не без доли кокетства) сетовал: «...немалые суеты меня трудят: первое в положенных на меня розыскных делах, другое — от обеих полков гвардии отправляю по некоторой части людей в Москву. А болши суетно, что его ц[арское] в[еличество] и государыня царица отселя отправляютца... в Москву, а меня здесь назначили оставить для здешних дел»^{159}. Из последних слов письма возможно понять, что В. В. Долгоруков имел основания ожидать какого-то высокого назначения в столице.

Но очень скоро ситуация начала меняться не в лучшую для князя Василия Владимировича сторону. Для начала он не получил никакой должности в Военной коллегии, указ об учреждении которой состоялся 15 декабря 1717 года. Затем для его канцелярии не нашлось места в новой системе органов следствия.

И хотя формального указа о ликвидации следственной канцелярии В. В. Долгорукова издано не было, такая ликвидация произошла по существу. Г. И. Кошелев и Ф. Д. Воронов возглавили теперь собственную канцелярию. Уголовные дела, находившиеся в производстве канцелярии Василия Долгорукова, оказались переданы в производство новых канцелярий (например, «счетное дело» А. Д. Меншикова — в канцелярию ведения гвардии подполковника Петра Голицына).

С чем именно было связано решение Петра I отстранить Василия Долгорукова от следственной деятельности, остается загадкой. Не исключено, что к тому времени царь получил от фискальской службы какие-то материалы о взяточничестве Василия Владимировича. По крайней мере, в пространном письме секретарю Петра I А. В. Макарову от 24 января 1718 года В. В. Долгоруков сначала вспомнил об опасениях, высказанных им царю при назначении к следственным делам, что «будут меня все вредить», а затем взялся оправдываться, что «хотя б меня кто чем

и подарил», но это вовсе не повлекло за собой «повреждения интересу государственного»^{160}.

Между тем в итоге роковой удар подстерег Василия Владимировича совсем с другой стороны. В. В. Долгоруков заодно со своим недавним ближайшим сотрудником Федором Вороновым попали в число обвиняемых по делу царевича Алексея Петровича^{161}.

Распоряжение о взятии под стражу находившегося в столице гвардии подполковника Василия Долгорукова Петр I отдал в Москве 16 февраля 1718 года. Учитывая служебное положение подозреваемого, арест был произведен 20 февраля 1718 года самим генерал-фельдмаршалом А. Д. Меншиковым^{162}, вчерашним подследственным князя Василия Владимировича, который затем лично доставил арестованного в Петропавловскую крепость^{163}.

Ознакомление с благополучно сохранившимся в архиве судебным делом В. В. Долгорукова 1718 года^{164} оставляет более чем двойственное впечатление. С одной стороны, некоторая вина Василия Долгорукова очевидна: как вполне убедительно установило следствие, он имел неосторожность несколько раз высказать сочувствие опальному царевичу Алексею Петровичу. С другой стороны, в материалах дела фигурирует откровенно сомнительное свидетельское показание о весьма резком высказывании князя в адрес царя. Это показание В. В. Долгоруков отрицал («таких слов... не говаривал»)^{165}.

В конечном счете все зависело от того, каким образом материалы дела будут доложены Петру I. Учитывая, однако, что следствие по делу царевича возглавлял тайный советник Петр Толстой, действовавший в тесном союзе с А. Д. Меншиковым, участь Василия Долгорукова была предрешена. 14 марта 1718 года специальное судебное присутствие приговорило В. В. Долгорукова «за дерзновенные ево слова» к лишению чинов, полной конфискации имущества и ссылке^{166}.

5 июля 1718 года местом ссылки Василия Владимировича Петр I определил город Соликамск, особо оговорив, чтобы «жить ему тамо как и прочие ссыльные»^{167}. Опаснейший конкурент Александра Меншикова и Петра Толстого в царском окружении был бесповоротно устранен.

Что же касается слишком продвинувшегося в расследовании «счетного дела» светлейшего князя дьяка Ф. Д. Воронова, то ему были предъявлены откровенно фальсифицированные обвинения в пособничестве Алексею Петровичу. Крайне болезненно воспринимавший все эпизоды дела царевича, Петр I не вспомнил о своем предписании двухлетней давности не

давать «в обиду» дьяка-следователя.

28 июля 1718 года подвергшийся жесточайшим пыткам Федор Воронов был приговорен к смертной казни^{168}. 8 декабря 1718 года Федор Дмитриевич был обезглавлен в Санкт-Петербурге «близ Гостиного двора у Троицы, на въезде в Дворянскую слободу». Голова казненного дьяка была насажена на металлическую спицу на специально выстроенном каменном столбе, а тело положено на колесо^{169}.

Своеобразным эпилогом уголовного дела В. В. Долгорукова явилось обращение в июне 1718 года в Тайную канцелярию некоей Софьи Ивановны Мейер (Меэр). Просительница утверждала, что на протяжении четырех лет состояла в интимной связи с Василием Долгоруковым («возверзил на меня... князь Василей Володимерович... любовь свою»), а в данный момент беременна от него. В связи с этим Софья Ивановна просила выплатить ей деньги из конфискованного имущества князя «утробному младенцу на содержание и пропитание».

Насколько возможно понять из материалов дела, в качестве «метресы» Василия Долгорукова С. Мейер была известна самому главе государства, и вопрос был решен на редкость оперативно. Уже 12 августа 1718 года Тайная канцелярия распорядилась выдать «Софье Меэрше» вполне приличную сумму — 100 рублей^{170}.

В ссылке В. В. Долгоруков пробыл более пяти лет. Весной 1724 года, воспользовавшись поводом — предстоящей коронацией императрицы Екатерины Алексеевны, Михаил Долгоруков подал главе государства челобитную (на которой даже сумел, с грехом пополам, расписаться) с просьбой помиловать старшего брата. 7 мая, в день коронации, государь собственноручно пометил на нижнем поле челобитной: «Свободить из [с]сылки»^{171}.

Возвратившись в столицу, князь Василий Владимирович оказался в явственно бедственном положении. Все имущество было конфисковано. На службу его никто не возвращал.

Собравшись с силами, В. В. Долгоруков обратился к императору Петру Великому с челобитной. Выразив признательность, что государь «изволил мне всемилостивейшее пожаловать^[34] шпагу»^{172}, 57-летний князь попросил какого-либо чина и должности. Свое обращение Василий Владимирович заключил проникновенными строками: «Всенижайшее прошу... сотворить надо мною... божескую милость, како всевышний помиловал первородного человека, дабы возмог, пока не приду в старость и дряхлость, вашему императорскому величеству мои всенижайшие услуги

показать». Собственноручная императорская резолюция, наложенная 23 декабря 1724 года, была по обыкновению краткой: «Даетца чин полковничей»^{173}.

Впрочем, не дремали и могущественные противники Василия Долгорукова в петербургских коридорах власти. Уже 24 декабря, на следующий день после возвращения В. В. Долгорукову чина, был издан сенатский указ, по которому князь получил и ожидавшееся им назначение, которое, правда, вряд ли его воодушевило, поскольку определялся он обер-комендантом в Уфу^{174}. Такой вот раздался «звонок» от заседавших в Правительствующем сенате светлейшего князя Александра Меншикова и новоявленного графа Петра Толстого.

Как бы то ни было, но отправиться в башкирскую глухомань князь Василий Владимирович не успел, поскольку всего месяц спустя ушел из жизни первый российский император. Пришедшая к власти новая императрица Екатерина I, благоволившая князю, не стала более притеснять вчерашнего ссыльного.

Не случайно уже на состоявшейся 10 февраля 1725 года в Санкт-Петербурге грандиозной церемонии погребения Петра Великого полковник В. В. Долгоруков выступил отнюдь не в качестве статиста. В числе группы старших офицеров флота и гвардии Василий Владимирович нес балдахин над гробом усопшего императора^{175}.

13 февраля 1726 года императрица произвела Василия Владимировича в генерал-аншефы^{176} (миновав три (!) ступени воинских «рангов»). Правда, сразу вслед за этим Василию Долгорукову пришлось вновь покинуть столицу. Уже 14 февраля государыня назначила его командующим Низовым корпусом — группировкой российских войск, дислоцированной в отвоеванных у Персии в 1722 году прикаспийских провинциях.

Обосновавшись на самом краю империи, в городе Решт^[35] на южном побережье Каспийского моря, В. В. Долгоруков вполне успешно руководил группировкой. Заслуженный ветеран Великой Северной войны провел ряд удачных войсковых операций против горных племен, добился улучшения снабжения войск, ротации офицерских кадров, укрепил безопасность сухопутных коммуникаций^{177}.

Впрочем, пребывание в непривычном климате ухудшило состояние здоровья командующего. Как доносил Василий Владимирович в Верховный тайный совет в сентябре 1727 года, «от здешнего несносного, злого воздуха пришел в слабость здоровья своего... И зрение тупо: одним

глазом, почитай, не вижу, а и другой худ»^{178}.

Впрочем, грянувшие весной — осенью 1727 года бурные политические события, падение давних недругов Василия Долгорукова П. А. Толстого и А. Д. Меншикова, а также последовавшее с воцарением императора Петра II усиление клана Долгоруковых не могло не сказаться на положении князя Василия Владимировича. Именным указом от 7 февраля 1728 года он был освобожден от командования Низовым корпусом и 30 марта отплыл из Баку в Астрахань.

24 февраля 1728 года Василий Владимирович был произведен в генерал-фельдмаршалы, а 20 декабря 1729 года возглавил новоучрежденную канцелярию «полковых дел» Преображенского и Семеновского полков^{179}. Иными словами, вновь стал фактическим командующим российской гвардией.

Приход к власти императрицы Анны Иоанновны, приведший к ликвидации Верховного тайного совета и опале нескольких родственников князя Василия Владимировича, первоначально никак не отразился на его карьере. Более того, 4 марта 1730 года он был назначен сенатором в обновленный состав Правительствующего сената.

Учитывая, что по родству (через упомянутую бабушку Ирину Ильиничну) Василий Долгоруков приходился Анне Иоанновне троюродным братом (!), подобное кадровое назначение являлось вполне мотивированным. Новая императрица ценила родственные связи.

Именным указом от 27 января 1731 года В. В. Долгоруков был определен командующим группировкой российских войск на Украине^{180} (на место скончавшегося генерал-фельдмаршала М. М. Голицына). Но не прошло и года, как Василий Долгоруков вновь оказался в статусе подсудимого.

Поскольку документы о вторичном осуждении князя Василия Владимировича поныне не введены в научный оборот, относительно этих событий остается только строить догадки. Вероятно, немолодой генерал-фельдмаршал преувеличил степень своего влияния на августейшую родственницу.

Как отмечалось в высочайшем Манифесте от 23 декабря 1731 года, князь Василий Владимирович, «презря... свою присяжную должность, дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, в чем по следствию дела изобличен». За это В. В. Долгоруков был предан суду специального судебного

присутствия, которое приговорило его к смертной казни, лишению чинов и конфискации имущества.

При утверждении приговора императрица заменила смертную казнь на ссылку в Шлиссельбург^{181} — тот самый бывший шведский Нотебург, на стены которого 29 лет назад шел приступом гвардии капитан Василий Долгоруков. Именным указом от 9 января 1737 года Василий Долгоруков был переведен в крепость Нарву^{182}.

В ссылке, режим которой фактически совпадал с тюремным заключением, В. В. Долгоруков пробыл до произошедшего 25 ноября 1741 года государственного переворота, в результате которого к власти пришла младшая дочь Петра I цесаревна Елизавета Петровна, являвшаяся, согласно фамильному преданию, крестницей князя Василия Владимировича^{183}.

Уже 1 декабря 1741 года последовал именной указ об освобождении Василия Долгорукова и его младшего брата Михаила из ссылки и возвращении им прежних чинов (со старшинством со дня первоначального производства), а 3 декабря — об увольнении их со службы по возрасту^{184}. Впрочем, последний указ не был претворен в жизнь.

15 декабря 1741 года князь Василий Владимирович был определен президентом Военной коллегии и сенатором. А 24 мая 1742 года, в день коронации Елизаветы Петровны, повторно пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного^{185}.

Василий Долгоруков оказался одним из немногих следователей Петра Великого, о личностных качествах которого сохранились воспоминания современников. В частности, английский резидент при российском дворе К. Рондо (Claudius Rondeau) так охарактеризовал князя Василия Владимировича: «Человек рассудительный, приветливый и ласковый... От природы он щедр, смел, откровенен, в разговорах и в речах своих свободен, даже до дерзости»^{186}.

Вполне сходным образом о В. В. Долгорукове отозвался первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика (Jacobo Francisco Fitz James Stewart, Duque de Liria y Jérica): «Человек умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавший военное искусство. Он не умел притворяться и часто доводил искренность до излишества; был отважен и очень тщеславен. Друг искренний, враг непримиримый. <...> Это такой русский вельможа, который более всех приносил чести своему Отечеству»^{187}.

Наконец, примечательный отзыв оставил о Василии Долгорукове один из его однородцев и биографов князь П. В. Долгоруков, отличавшийся не

только обширными генеалогическими познаниями, но и редкостным злызычием: «Князь Василий Владимирович... искупал недостаток образования некоторым природным умом и особенно безупречной честностью. Знатоки дела оспаривали его военный талант, но и самые яростные враги воздавали должное его смелости, которая была заметна даже в такой доблестной армии, как русская»^{188}. Таким остался Василий Долгоруков в памяти современников и потомков.

Президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал В. В. Долгоруков скончался 11 февраля 1746 года и был погребен в Санкт-Петербурге, в усыпальнице Благовещенской церкви Александро-Невской лавры^{189} — первом каменном храме новой российской столицы. И хотя в 1932 году, уже после закрытия монастыря, усыпальница была включена в состав Музея-некрополя надгробной скульптуры, в ходе последующей варварской реконструкции захоронение князя Василия Владимировича было утрачено.

«ВЕЛЕНО МНЕ... О ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ИНТЕРЕСЕ СЛЕДОВАТЬ»: И. Н. ПЛЕЩЕЕВ

«Так как не проходит недели, чтобы на заводчика Никиту Демидова не приносили жалоб... Сенат повелевает дело то передать в Розыскную канцелярию и просить начальника оной, лейб-гвардии капитан-поручика Ивана Никифоровича Плещеева, учинить розыск»^{190}.

Эти строки из первой части исторического романа-трилогии русского советского писателя Е. А. Федорова «Каменный пояс» отнюдь не являются художественным вымыслом. Дело в том, что известный предприниматель петровского времени Н. А. Демидов в самом деле состоял под следствием канцелярии, возглавлял которую именно гвардии капитан-поручик Иван Никифорович Плещеев.

И. Н. Плещеев был выходцем из старинного дворянского рода, основателем которого считался черниговский боярин Федор Бяконт, выехавший в 1330-е годы на службу к московскому князю Ивану Даниловичу. От одного из его сыновей — Александра, по прозвищу Плещей, — пошла фамилия Плещеевых^{191}.

На протяжении веков род Плещеевых многократно ветвился. Достаточно сказать, что в 1613 году в избрании на царство основателя династии Романовых Михаила Федоровича принимали участие четверо Плещеевых^{192}, а в состав «царедворцев» в XVII веке входили 85 (!) представителей рода^{193}.

Многолюдность фамилии привела к тому, что карьеры нескольких Плещеевых в первой половине XVIII века сложились отчасти сходно, что впоследствии создало путаницу при установлении обстоятельств их биографий. Современниками И. Н. Плещеева являлись, в частности, такие видные государственные и военные деятели, как Алексей Львович и Андрей Григорьевич Плещеевы, состоявшие друг с другом в весьма отдаленном родстве.

Относительно времени появления Ивана Плещеева на свет существуют два взаимопротиворечивых документальных свидетельства. Согласно надгробной надписи Иван Никифорович родился 1 мая 1676 года^{194}. В свою очередь, сам И. Н. Плещеев, явившись 20 декабря 1721

года на всероссийский смотр дворян, указал себе от роду 47 полных лет^{195} (то есть в этом случае годом его рождения следует полагать 1674-й).

Однако в каком бы году ни родился Иван Плещеев, о его детстве и юности почти нет сведений, кроме фрагментарных косвенных данных. Так, судя по тому, что еще в 1720-е годы в почерке Ивана Никифоровича сохранялись отчетливые элементы графики XVII века, можно сделать вывод, что грамоте он обучился в раннем возрасте.

В 1686 году И. Н. Плещеев был определен в стольники при дворе царицы Прасковьи Федоровны^{196} (супруги соправителя Петра I царя Ивана V). Затем, как и многие другие придворные, он оказался на фронтах Великой Северной войны.

Военную службу Иван Никифорович начал в 1700 году прапорщиком в гвардии Преображенском полку^{197}. В декабре 1706 года приказом Петра I был произведен в подпоручики и переведен из 11-й роты Преображенского полка в 7-ю^{198}. В составе именно этой роты подпоручик И. Н. Плещеев принял участие в уже упоминавшемся сражении с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Левенгаупта при деревне Лесной 28 сентября 1708 года^{199}, в котором Преображенский полк понес самые значительные за всю Великую Северную войну боевые потери^[36].

Довелось Ивану Никифоровичу пройти дорогами и драматического Прутского похода. В июле 1711 года в отчаянных боях с турками в окружении близ урочища Рябая Могила у реки Прут Иван Плещеев получил ранение^{200}, из-за которого затем долго лечился^{201}. 3 августа 1711 года, после выхода российской группировки из «прутского котла», Иван Никифорович был произведен в следующий чин капитан-поручика и переведен в 5-ю роту Преображенского полка^{202}.

Однако вскоре военная карьера И. Н. Плещеева завершилась. По всей вероятности, он так и не оправился до конца от последствий полученного на «турецкой акции» ранения и 4 мая 1714 года был отставлен «от полковой службы»^{203}. Тем не менее Иван Никифорович остался в поле зрения главы государства.

Не позднее февраля 1715 года гвардии капитан-поручик Иван Плещеев был определен главой следственной канцелярии^{{204}{37}}. Подобные канцелярии (позднее получившие наименование «майорских») начали учреждаться Петром I с 1713 года во главе с лично известными ему гвардейскими офицерами для осуществления предварительного следствия

по уголовным делам, возбужденным преимущественно фискальской службой России. Первую такую канцелярию, учрежденную 25 июля 1713 года, возглавил гвардии майор князь М. И. Волконский; вторую, основанную в 1714 году, — подполковник Преображенского полка князь В. В. Долгоруков. Следственная канцелярия И. Н. Плещеева стала третьей. При этом степень доверия Петра I к Ивану Плещееву была такова, что, образуя в мае того же 1715 года следующую следственную канцелярию во главе с гвардии капитаном И. С. Чебышевым (о нем еще пойдет речь), глава государства оговорил, чтобы тот в «небытность» царя обращался за руководящими указаниями к И. Н. Плещееву^{205}.

Для укрепления служебного статуса Ивана Никифоровича Петр I произвел его 9 июня 1715 года в «полевые» подполковники^{206} (с сохранением чина гвардии капитан-поручика)^[38]. Того же 9 июня 1715 года состоялся именной указ Правительствующему сенату с предписанием направлять в распоряжение И. Н. Плещеева «царедворцев», отставных офицеров и канцелярских служащих согласно его запросам^{207}.

Из числа «царедворцев» в следственную канцелярию были определены К. Е. Сытин и будущий прокурор Камер-коллегии стольник П. Б. Вельяминов, успешно проработавший с Иваном Никифоровичем до 1718 года. В распоряжении И. Н. Плещеева оказалась и небольшая воинская команда: еще в феврале 1715 года в его канцелярию «для караула и посылок» были откомандированы шестеро драгун сенатской роты^{208}.

Что касается уголовных дел, находившихся в производстве канцелярии Ивана Плещеева, то о них на сегодня удалось выявить лишь разрозненные сведения. Так, известно, что 5 марта 1715 года канцелярия Ивана Никифоровича направила запрос в Правительствующий сенат с просьбой предоставить информацию по делам о шести лицах, содержащихся под стражей при сенатской канцелярии^{209}, а 18 марта — по делу некоего бурмистра^[39] Цынбальщикова, обвиненного фискальской службой в краже государевой казны^{210}.

Одним из первых и наиболее значимых уголовных дел, которые довелось расследовать канцелярии И. Н. Плещеева, стало возбужденное фискальской службой дело по обвинению бывших комендантов Важского уезда и Устьянских волостей братьев А. А., Д. А. и О. А. Соловьевых^[40] в преступлениях против интересов службы. Как явствует из архивного документа, в 1715 году канцелярия Ивана Плещеева изобличила братьев в получении взяток и незаконных сборах с поморских жителей на

внушительную сумму в 4739 рублей^{211} (каковая, возможно, не являлась окончательной^{212}). 15 декабря 1717 года Петр I указал передать отмеченное дело из канцелярии И. Н. Плещеева в новоучрежденную следственную канцелярию Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова^{213}, в производстве которой были тогда сосредоточены все дела по обвинению криминальных братьев.

Известно также, что значительная подборка уголовных дел была направлена в канцелярию И. Н. Плещеева согласно сенатскому указу от 19 июля 1715 года. Среди них находились, в частности, следующие дела, возбужденные московским провинциал-фискалом А. Я. Нестеровым: 1) на жителя Тулы Н. А. Демидова, обвинявшегося в том, что он растратил взятую из Ратуши на обустройство казенного винного завода в Московской губернии 1000 рублей, похитил у этого завода медные кубы, а вместо медных привез с собственного завода чугунные, «да и то малое число», а сам казенный завод сдал купцу Данилу Астафьеву в аренду всего за 200 рублей; 2) на того же Никиту Демидова — о выкупе им (при странном попустительстве сибирского губернатора князя М. П. Гагарина) казенного металлургического завода на Урале по пятидесятикратно (!) заниженной цене, а также уклонении от выплаты таможенных сборов в особо крупном размере; 3) на бургомистра Ивана Дубровского — о махинациях при выплавке серебра на Денежном дворе; 4) на бывшего сенатора В. А. Апухтина — о халатности при описи казны, хранящейся на Денежном дворе, в результате которой «затерялись» 500 казенных рублей; 5) на главу Дворцового и Конюшенного приказов стольника А. Т. Савелова, который за взятки записал в кречетники^{41} и в дворцовые конюхи большую группу дворян, уклонявшихся от призыва на военную службу^{214}.

Ликвидация следственной канцелярии И. Н. Плещеева произошла после того, как 8 апреля 1719 года Петр I назначил Ивана Никифоровича судьей новоучрежденного Московского надворного суда и членом коллегии при московском вице-губернаторе^{215}. 29 мая 1719 года Иван Плещеев направил в Правительствующий сенат доношение с вопросом о дальнейшей судьбе вверенной ему канцелярии и уголовных дел, находившихся в ее производстве. Со своей стороны И. Н. Плещеев предложил передать дела либо в иную следственную канцелярию, либо в Московский надворный суд, где он мог бы принять участие в их рассмотрении — уже в качестве судьи^{216}.

Рассмотрение вопроса о следственной канцелярии Ивана Никифоровича не затянулось. Уже 19 июня 1719 года Правительствующий

сенат издал указ о ликвидации канцелярии с зачислением ее сотрудников в штат Московского надворного суда и о передаче в производство суда расследовавшихся ею уголовных дел^{217}. Таким образом, сенаторы приняли второе из выдвинутых И. Н. Плещеевым предложений^{42}.

К моменту закрытия в следственной канцелярии трудились 12 канцелярских служащих во главе с дьяками Федором Сорокиным и Степаном Исаковым^{218}. Как явствует из архивного документа, все они, в соответствии с сенатским указом от 19 июня 1719 года, были переведены в Московский надворный суд^{219}.

Что же касается дел, расследовавшихся канцелярией И. Н. Плещеева, то их ожидала незавидная участь. Московский надворный суд не справлялся с рассмотрением и тех дел, которые поступали в него ординарным порядком.

Как отмечалось в докладе Сената от марта 1730 года, в 1727 году при ликвидации Московского надворного суда была выявлена 21 тысяча 388 (!) незавершенных производством уголовных дел^{220}. Нет никаких сомнений, что среди этих «невершенных прежних лет дел» находились и дела упраздненной канцелярии Ивана Плещеева.

Петр I положительно оценил как итоги деятельности Ивана Никифоровича в качестве главы следственной канцелярии, так и начало его работы в Москве. В ноябре 1719 года И. Н. Плещеев был произведен в полковники^{221}. А в следующем году на него буквально посыпались новые параллельные назначения.

15 мая 1720 года И. Н. Плещеев был назначен главой ведавшей сборами «соляных денег» Соляной конторы Камер-коллегии, 24 мая — включен в состав правительственной комиссии по описи имущества Казенной и Мастерской палат, патриаршей ризницы и Оружейной палаты^{222}, являвшихся тогда крупнейшими кладовыми драгоценных камней и металлов. Вероятно, именно во время проведения этой описи в июне 1720 года Иван Плещеев вскрыл преступную деятельность подьячего Бориса Иванова, который присвоил 2200 рублей казенных денег. Несмотря на то что заподозренный подьячий не сознался в содеянном даже под пыткой, имевший за плечами немалый опыт следственной работы Иван Никифорович сумел затем «по многому увещанию» добиться от него чистосердечного признания («повинной»)^{223}.

Оказавшись обремененным значительным количеством служебных обязанностей (причем весьма разнородных по характеру), Иван Плещеев обратился в июле 1720 года с личным письмом к кабинет-секретарю царя

А. В. Макарову. Констатировав, что возложенных на него дел «в три года окончать не можна», и доверительно посетовав, что «сам ты известен, что меня никто не любит (!)», Иван Никифорович обратился к кабинет-секретарю с просьбой перевести его в прямое подчинение царскому Кабинету («в каманде ни у ково не быть, кроме тебя»)^{224}.

Столь оригинальная инициатива бывшего следователя не нашла поддержки у главы государства. Вместе с тем, приняв во внимание очевидную перегруженность И. Н. Плещеева постоянными и временными обязанностями, 13 марта 1721 года Петр I указал его «от соляного дела уволнить»^{225} (то есть освободил от крайне хлопотного руководства Соляной конторой).

Правда, в том же 1721 году Иван Никифорович был определен главой новоучрежденной Раскольнической канцелярии (Раскольнических розыскных дел канцелярии), ведавшей противодействием старообрядчеству. Затем последовало еще более ответственное назначение.

12 января 1722 года состоялся закон о реорганизации Правительствующего сената^{226}. Наряду с изменением принципа комплектования Сената и основанием прокуратуры этим законом предусматривалось создание при Сенате Герольдмейстерской конторы и должности герольдмейстера. За этим громоздким наименованием^{43} скрывался весьма могущественный орган власти.

Согласно «Инструкции герольдмейстеру» от 5 февраля 1722 года глава Герольдмейстерской конторы отвечал за учет дворян, разрешал вопросы о подтверждении дворянства, противодействовал уклонению дворян от несения государственной службы, а также был обязан представлять Сенату кандидатуры для назначения на должности в высшее и среднее звенья государственного аппарата^{227}. Иными словами, Герольдмейстерская контора стала своего рода управлением кадров Российской империи.

Первым герольдмейстером России Петр I определил 18 февраля 1722 года бывшего азовского вице-губернатора С. А. Колычева^{228}, перед этим успешно организовавшего всероссийский смотр дворян (на который, как уже упоминалось, в декабре 1721 года явился и И. Н. Плещеев). Это назначение оказалось, однако, непродуманным: с 1717 года Степан Колычев находился под следствием следственной канцелярии гвардии майора С. А. Салтыкова по обвинению в совершении преступлений против интересов службы. Между тем на «хлебной» должности «главного кадровика» империи должен был находиться человек с безукоризненной репутацией, заведомо устойчивый к коррупционным соблазнам.

3 мая 1722 года в своей подмосковной резиденции — селе Преображенском Петр I подписал указ о назначении герольдмейстером полковника И. Н. Плещеева^{229}. В связи с этим 17 мая был издан сенатский указ об освобождении его от всех иных должностей^{230}. 16 июня 1723 года Иван Плещеев был включен в состав Комиссии по подготовке нового единого кодифицированного акта («Уложения») Российской империи, и это было единственное новое поручение за последние годы правления Петра I^{231}.

Как явствует из архивных документов, находясь на посту герольдмейстера, бывший следователь Иван Плещеев старался препятствовать назначению в органы государственной власти лиц, подвергавшихся уголовному преследованию.

Например, при обсуждении на заседании Сената 6 марта 1723 года кандидатуры дьяка А. М. Михайлова, представленной Святейшим синодом, Иван Никифорович заявил, «что де тот дьяк подозрителен», поскольку обвинялся Юстиц-коллегией в хищении 10 тысяч рублей. В итоге кандидатура Андрея Михайлова была отклонена Сенатом^{{232}{44}}.

Учитывая, что в тогдашней России не велись списки осужденных, указанный контроль являлся нелегкой задачей.

Приход к власти императрицы Екатерины I еще более укрепил положение И. Н. Плещеева в правительственной среде. 14 июля 1726 года во время посещения заседания Верховного тайного совета императрица, заслушав челобитную Ивана Никифоровича о повышении чином, указала произвести его в действительные статские советники^{233} (IV класс Табели о рангах соответствовал генерал-майору в армии).

Именным указом от 17 февраля 1727 года герольдмейстер Иван Плещеев был параллельно назначен главой Доимочной канцелярии, подчиненной члену Верховного тайного совета графу П. А. Толстому^{234}. 13 марта И. Н. Плещеев стал именоваться «президентом» канцелярии (с сохранением общей подведомственности Петру Толстому).

Доимочной канцелярии предстояло заняться пополнением доходной части государственного бюджета путем взыскания недоимок по налогам и сборам как с тяглого населения, так и с государственных органов и учреждений. После того как граф Петр Толстой был 6 мая 1727 года приговорен к лишению чинов и пожизненной ссылке, Иван Плещеев оказался самостоятельным главой нового ведомства.

В недолгое правление императора Петра II И. Н. Плещееву вновь довелось (хотя и ненадолго) вернуться к следственной деятельности. На

этот раз Ивану Никифоровичу пришлось вести дело бывшего генералиссимуса светлейшего князя А. Д. Меншикова, сосланного в сентябре 1727 года в принадлежавший ему город Раненбург^[45] Воронежской губернии. Именным указом от 20 ноября 1727 года герольдмейстеру Ивану Плещееву предписывалось выехать в Раненбург, изъять документы личного архива Александра Меншикова, а также допросить его по нескольким подготовленным в Верховном тайном совете вопросам («пунктам»)^{235}.

Пять этих «пунктов» были выданы Ивану Никифоровичу 13 декабря^{236}. В первую очередь И. Н. Плещеев должен был прояснить вопрос, касавшийся связей А. Д. Меншикова с должностными лицами Шведского королевства. В частности, необходимо было допросить опального сановника, отправлял ли он письмо на немецком языке некоему сенатору Дибену, в котором гарантировал, «что со стороны российской ничего опасаться не надлежит, ибо-де власть в войсках содержится у него в руках, и наипаче, что тогда здоровье ея величества государыни императрицы [Екатерины I] зело в слабом состоянии», и получал ли он от шведского посланника барона Германа Цедеркрейца деньги в сумме пять тысяч червонных.

Иными словами, Ивану Плещееву предстояло расследовать возникшие в отношении ссыльного А. Д. Меншикова подозрения в совершении им государственной измены. Подобное поручение являлось более чем деликатным (не говоря уже об уровне его секретности) и свидетельствовало, что Иван Никифорович являлся доверенным лицом членов Верховного тайного совета («верховников»).

Как извещал И. Н. Плещеев Верховный тайный совет в доношении от 10 января 1728 года, Александр Меншиков «в важных делах запираетца, а по другим пунктам отвечает»^{237}. В разгар следствия над Александром Даниловичем 24 февраля 1728 года, по случаю коронации Петра II, Иван Никифорович (вместе с его дальним родственником А. Л. Плещеевым) был произведен в тайные советники^{238} (III класс Табели о рангах соответствовал генерал-лейтенанту в армии). И хотя И. Н. Плещееву не удалось изобличить Александра Меншикова в государственной измене, низложенный «полудержавный властелин» был в апреле 1728 года отправлен с семьей в несравненно более строгую новую ссылку — в город Березов^[46], где и скончался в ноябре 1729 года.

В феврале 1730 года к власти пришла императрица Анна Иоанновна, и вскоре после этого правительственная карьера Ивана Плещеева

завершилась. В декабре подверглась упразднению возглавляемая им Доимочная канцелярия^[239], а именным указом от 31 января 1731 года И. Н. Плещеев был освобожден от должности герольдмейстера^[240].

Нового назначения Иван Никифорович так и не дождался. По всей вероятности, новая императрица не доверяла многолетнему главе кадрового ведомства империи из-за его недавних тесных связей с «верховниками», к большинству из которых она относилась весьма негативно. Оставшуюся часть жизни И. Н. Плещеев провел отставником.

Скончался Иван Плещеев 7 мая 1750 года и был погребен в московском Богоявленском монастыре. На надгробной плите была начертана скромная эпитафия о том, что «мая 7 дня на память святого мученика Акакия преставился раб Божий тайный советник Иоанн Никифорович Плещеев»^[241]. В начале 1919 года монастырь был закрыт, а дворянские усыпальницы разорены.

В настоящее время храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря^[47] вновь стал действующим, и, спустившись в его подвальное помещение, можно увидеть несколько сохранившихся надгробий и фрагменты расколотых надгробных плит. Надгробной плиты И. Н. Плещеева среди них нет.

«РОЗЫСК ЧИНИТЬ О ТЕХ ДЕЛЕХ, ДЛЯ ЧЕГО ОН ПОСЛАН...»: И. С. ЧЕБЫШЕВ

Из числа первых российских следователей наиболее малоизвестной фигурой к настоящему времени остался Иван Самойлович Чебышев^[48]. Между тем именно гвардии капитану И. С. Чебышеву довелось руководить четвертой по счету следственной канцелярией в истории государства и права России.

Иван Самойлович являлся выходцем из нетитулованной и весьма разветвленной дворянской фамилии, документально известной со второй половины XV века. На протяжении XVII века представители рода Чебышевых занимали должности в низшем и среднем звеньях государственного аппарата, имея «московские чины» дворян московских, стряпчих и стольников. Наиболее высоких «думных чинов» никто из Чебышевых, однако, не достиг^{242}.

Отец Ивана Самойловича, С. И. Чебышев, упоминался в 1676 году с чином стряпчего, а в 1692-м — стольника.

В 1689 и 1691 годах Самойла Чебышев являлся алатырским воеводой^{243}.

Дата и место рождения Ивана Чебышева остались неизвестными. Бесспорно лишь, что в 1696 году он имел высокий «московский» чин стольника^{244}. В списках «московских» чинов 1690-х годов упомянуты также стольники Алексей Самойлович и Никита Самойлович, являвшиеся, вероятнее всего, братьями И. С. Чебышева. Каких-либо сведений о частной жизни Ивана Самойловича, его браках и детях выявить к настоящему времени не удалось.

Выяснить, когда И. С. Чебышев начал военную службу, также пока не представилось возможным. Из документального описания второго Азовского похода 1696 года явствует, что стольник Иван Чебышев принимал в нем участие в чине есаула^{245}.

По всей вероятности, в 1701 году И. С. Чебышев поступил на службу в гвардии Преображенский полк^{246}. 11 октября 1702 года во время многочасового штурма шведской крепости Нотебург прапорщик Иван Чебышев оказался в числе нескольких офицеров, добровольно

присоединившихся к колонне, атаковавшей крепость^{247}. Судя по всему, в качестве награды за участие в штурме в том же 1702 году Иван Самойлович получил очередной офицерский чин поручика, а также был переведен из 1-й роты Преображенского полка в гренадерскую роту^{248}.

Именно с гренадерской ротой связан последующий этап гвардейской карьеры Ивана Чебышева. Гренадерские роты (появившиеся в российской армии на исходе XVII века) являлись штурмовыми подразделениями войсковых частей и комплектовались наиболее физически крепкими военнослужащими. Исходя из этого, можно предположить, что И. С. Чебышев отличался значительной физической силой и незаурядной личной храбростью.

В каких именно боях и походах Великой Северной войны принял участие Иван Чебышев после взятия Нотебурга, установить к настоящему времени не удалось, но воевал он, несомненно, достойно. Уже к декабрю 1706 года Иван Самойлович стал капитаном гренадерской роты Преображенского полка^{249}, иначе говоря, ее командиром. Несмотря на то что, командуя штурмовым подразделением, И. С. Чебышев не мог не находиться в самой гуще боев, никаких сведений о полученных им ранениях выявить на сегодня не удалось.

Во главе гренадерской роты Иван Чебышев находился до 1711 года^{250}. Далее его имя из списков полка исчезает.

Когда и при каких обстоятельствах Иван Самойлович покинул военную службу, так и осталось непроясненным. По всей очевидности, это произошло из-за серьезного ухудшения здоровья ротного командира гренадер. В документе, составленном в феврале 1718 года, Иван Самойлович упомянут уже среди отставных офицеров Преображенского и Семеновского полков^{251}.

Однако уход со строевой должности в гвардии вовсе не означал ухода И. С. Чебышева с государственной службы. Ивану Чебышеву суждено было оказаться в числе первых гвардейцев, кого Петр I назначил следователями. По именному указу от 9 мая 1715 года гвардии капитан^{49} И. С. Чебышев был направлен в Азовскую губернию^{50} для расследования уголовного дела о злоупотреблениях местных администраторов. Так в России возникла четвертая по счету следственная канцелярия.

По организации и поставленной задаче следственная канцелярия Ивана Чебышева весьма напоминала первую следственную канцелярию России — гвардии майора князя М. И. Волконского, учрежденную 25 июля 1713 года для расследования злоупотреблений должностных лиц

Архангелогородской губернии. Как и в случае с канцелярией Михаила Волконского, канцелярия И. С. Чебышева руководилась им единолично, а также должна была осуществлять расследование непосредственно в назначенном регионе. Правда, в отличие от М. И. Волконского, подчиненного исключительно царю, Иван Чебышев должен был «в небытность» Петра I получать указания от гвардии капитана И. Н. Плещеева, главы другой следственной канцелярии, основанной в феврале 1715 года.

Поводом для создания следственной канцелярии Ивана Чебышева явились ставшие известными царю доношения азовских комиссаров Ф. Ремезова и А. Стерлегова, а также жителя города Лебедянь Гаврилы Боева^{252} о злоупотреблениях группы местных администраторов — от дьяка губернской канцелярии Ивана Чашникова до лебедянского коменданта И. Домогацкого. Согласно архивным документам, Ивану Самойловичу предстояло расследовать выдвинутые доносителями обвинения в «похищении его государевой денежной казны... и в налогах^{51}, и во взятках, и в неслужении^{52}, и в укрывательстве от служб^{53}, и в держании беглых салдат»^{253}.

В свою очередь, в сенатском указе от 18 июня 1715 года отмечалось, что Иван Самойлович был направлен из Санкт-Петербурга «от фискалских дел»^{254}. Иными словами, гвардии капитану надлежало также расследовать дела, возбужденные фискальской службой в отношении азовских администраторов^{255}. При этом, хотя количество подобных дел, попавших в производство следственной канцелярии И. С. Чебышева, осталось неизвестным, можно с уверенностью предположить, что их количество исчислялось десятками.

К примеру, как явствует из архивного документа, только в Воронежской провинции Азовской губернии местный орган фискальской службы к апрелю 1716 года возбудил 16 уголовных дел, главным образом по обвинению должностных лиц разных уровней в совершении преступлений против интересов службы^{256}. В частности, воронежские фискалы выявили эпизод преступной халатности коменданта Ф. Ляпунова, в результате чего сгнили хранившиеся в городе Острогожске запасы провианта для армии. А вот комендант города Романова^{54} был обвинен фискалами в неоднократном получении взяток от дезертиров и в хищении казенного продовольствия в особо крупном размере («крал из государевых житниц и возил подвод по 5 и болши»^{257}).

Остается добавить, что в середине 1715 года Правительствующий

сенат дополнительно поручил И. С. Чебышеву осуществить проверку двух заявлений о противоправных действиях различных лиц, совершенных на территории Азовской губернии. Первым таким заявлением стала исковая челобитная группы пахотных солдат Рязского уезда, поступившая в Сенат в июне 1715 года^[258].

Заявители утверждали, что местный помещик князь М. В. Кропоткин захватил часть принадлежавших им земель близ города Рязска. Предшествующие попытки солдат добиться восстановления нарушенных прав собственности в судебном порядке оказались безуспешными. Более того: как указывали челобитчики, в ответ на их последнее обращение азовский вице-губернатор С. А. Колычев, действуя в угоду Михаилу Кропоткину, приказал нескольких заявителей взять под стражу, а нескольких подвергнуть телесному наказанию.

Будучи осведомлены о прибытии в Азовскую губернию Ивана Чебышева, челобитчики просили поручить разбирательство дела именно ему (именуя при этом Ивана Самойловича «розыщиком»^[55]). Сенат удовлетворил ходатайство рязских солдат в полном объеме. Согласно уже упоминавшемуся сенатскому указу от 18 июня 1715 года И. С. Чебышеву поручалось не только проверить обстоятельства дела, но и вынести по нему судебное (!) решение.

Вторым заявлением явилось пространное доношение, направленное в Сенат дьяконом соборной церкви города Корочи Лазарем Лофицким^[259]. В доношении содержались обвинения корочанского сотника И. Л. Тевяшева в совершении многочисленных преступлений против интересов службы.

В частности, заявитель привел сведения о получении Иваном Тевяшевым взяток с 66 (!) лиц, причем сопряженных с вымогательством^[260]. Доноситель утверждал также, что сотнику оказывали покровительство полковник Острогжского полка И. И. Тевяшев и сам вице-губернатор Степан Колычев. 27 июля 1715 года Правительствующий сенат указал направить доношение Л. Лофицкого для проверки гвардии капитану И. С. Чебышеву^[261].

Следственная канцелярия Ивана Чебышева не имела постоянной дислокации, функционируя попеременно то в Воронеже, то в Тамбове. Кроме того, на период одного-двух месяцев она располагалась также в Козлове^[56] и в Ельце. В последний год своего существования канцелярия размещалась в Москве.

Аппарат канцелярии состоял из нескольких канцелярских служащих во главе с дьяком Василием Калининым, откомандированным в

распоряжение И. С. Чебышева из Московской губернской канцелярии^{262}. Кроме того, Иван Чебышев нередко временно мобилизовывал в следственную канцелярию и местных «приказных служителей». Один из них — Семен Ремезов (прежде трудившийся в комиссии по демаркации новой границы с Турцией) — отработал в канцелярии Ивана Самойловича до самого ее закрытия^{263}.

Судя по документам, введенным к настоящему времени в научный оборот, Иван Чебышев повел следствие с размахом и без всякой оглядки на руководство губернии. Воспользовавшись присутствием в регионе присланного из Санкт-Петербурга следователя, местные жители принялись напрямую обращаться к нему с заявлениями как о злоупотреблениях азовских администраторов, так и неправомерности вынесенных ими судебных решений.

В итоге следственная канцелярия Ивана Чебышева стала наводить буквально трепет на попавших в поле ее зрения администраторов. Как явствует из позднейшего документа, дошло до того, что оказавшийся в 1715 году под следствием по обвинению в должностных преступлениях елецкий подьячий Данила Данилов, опасаясь изобличения еще и в совершенном им умышленном убийстве, покончил с собой^{264}.

Подобная независимая позиция следственной канцелярии не могла не вызвать противодействия со стороны губернских властей. Непосредственно управлявший Азовской губернией вице-губернатор Степан Колычев обратился с жалобами на действия Ивана Самойловича в Правительствующий сенат и к входившему в ближайшее окружение Петра I номинальному руководителю губернии генерал-губернатору Ф. М. Апраксину^{265}. В посланиях генерал-губернатору Степан Андреевич обвинил И. С. Чебышева, в частности, в том, что он оказался под влиянием местных дворян Ремезовых, которые провоцировали в регионе «всякие непорядки... и мятежи... а простого народа людей привели к камандирам в непослушание и бесстрашие»^{{266}{57}}.

Реакция Ф. М. Апраксина достоверно неизвестна (хотя какие-то действия он, несомненно, предпринял, ведь генерал-губернатор всячески покровительствовал Степану Колычеву). А вот Сенат откликнулся на обращение С. А. Колычева изданием указа от 12 марта 1716 года, согласно которому Ивану Самойловичу предписывалось «розыск чинить о тех делах, для чего он послан... а в другие росправные дела не вступать»^{267}. Иными словами, И. С. Чебышеву было воспрещено самостоятельно возбуждать уголовные дела.

Учитывая активность Ивана Чебышева в разоблачении криминальных деяний азовских администраторов, можно предположить, что гвардии капитан взялся собирать компрометирующие материалы и на вице-губернатора С. А. Колычева. В любом случае расследовать дело в отношении вице-губернатора И. С. Чебышеву не довелось. По решению Петра I уголовное дело Степана Колычева было направлено в производство следственной канцелярии гвардии майора С. А. Салтыкова, учрежденной 9 декабря 1717 года (о ней речь пойдет ниже).

Между тем, руководя следственной канцелярией, Иван Чебышев сам оказался под следствием. Причем по обвинению в совершении особо тяжкого государственного преступления. Началось с того, что 30 марта 1718 года дезертир, бывший драгун Великолуцкого полка Андрей Полибин, находясь в «колодничьей палате»^[58] Преображенского приказа, подал письменный «извет»^[59] на двух руководителей следственных канцелярий — гвардии поручика князя М. Я. Лобанова-Ростовского и гвардии капитана И. С. Чебышева^[268].

Содержание извета было неординарным. А. Полибин объявил, что Михаил Лобанов-Ростовский и Иван Чебышев замыслили убийство (!) Петра I, которое планировали совершить в Москве, во время «потехи» на Царицыном лугу 1 декабря 1717 года. Будучи допрошен 31 марта и 9 апреля 1718 года, бывший драгун подтвердил содержание извета. В качестве источников информации Андрей Полибин сослался на разговор между Иваном Самойловичем и князем Михаилом Яковлевичем, который он подслушал во время пребывания под стражей в следственной канцелярии И. Н. Плещеева в Москве, а также на письмо (!) некоего подследственного, содержавшегося в той же канцелярии (уже, впрочем, умершего).

В принципе уголовное дело по извету А. Полибина могло и не возбуждаться. Во-первых, как явствует из последующих событий, бывший драгун страдал очевидным психическим расстройством. Во-вторых, покушение на Царицыном лугу в указанное изветчиком время заведомо не могло состояться по причине того, что почти весь 1717 год Петр I провел за рубежом и в Санкт-Петербурге, прибыв в Москву лишь 21 декабря. Учитывая, что в Москве царь неизменно проживал в своей резиденции в селе Преображенском, где дислоцировался и Преображенский приказ, его руководители не могли быть не осведомлены об отмеченной дате.

Однако, судя по всему, приняв во внимание особую общественную опасность преступления, о подготовке которого сообщил Андрей Полибин,

в Преображенском приказе решили все же не оставлять извет без внимания. И. С. Чебышев и М. Я. Лобанов-Ростовский были срочно вызваны в Преображенское. На допросах оба гвардейца отрицали не только знакомство с А. Полибиным, но и само нахождение в Москве в указанное им время^{269}.

Но бывший драгун не унимался. 21 августа 1718 года он подал новый извет, заявив на этот раз, что Иван Чебышев и Михаил Лобанов-Ростовский не только хотели убить Петра I, но и намеревались выбрать новым царем (!) главу Преображенского приказа князя И. Ф. Ромодановского. В конце концов после пытки на дыбе и очных ставок с гвардейцами А. Полибин сознался, что оговорил обоих, причем Ивана Чебышева назвал только потому, что мельком видел его в канцелярии И. Н. Плещеева^{270}.

Следственная канцелярия И. С. Чебышева была ликвидирована в конце 1719 года. Одно из последних ее решений касалось доносителя Г. Боева. Придя к выводу (как представляется, ошибочному), что упоминавшееся выше заявление Гаврилы Боева о злоупотреблениях коменданта И. Домогацкого явилось ложным, Иван Чебышев приговорил доносителя к наказанию кнутом^{271}.

Уголовные дела, находившиеся в производстве канцелярии Ивана Самойловича, были переданы в Московский надворный суд. По всей вероятности, это было предпринято по образцу передачи в тот же суд дел следственной канцелярии И. Н. Плещеева, осуществленной, как уже говорилось выше, в соответствии с сенатским указом от 19 июня 1719 года.

В 1721 году из Московского надворного суда уголовные дела упраздненной канцелярии И. С. Чебышева были перенаправлены в Воронежский надворный суд. Как явствует из архивного документа, в феврале 1723 года в Воронежском надворном суде числилось дел, «которые имелись в канцелярии от гвардии капитана господина Чебышова»: незавершенных производством — 467 (!), завершенных — 159^{272}. Таков был итог работы четвертой следственной канцелярии России и ее руководителя.

Сведения о судьбе Ивана Чебышева после закрытия возглавлявшейся им следственной канцелярии крайне скудны. Известно только, что он был произведен в полковники, а в 1722–1725 годах занимал должность главы администрации Переславль-Залесской провинции^{273}.

Все остальные сведения об Иване Самойловиче после 1725 года, приводимые в имеющейся литературе, относятся в действительности к его почти полному тезке — полковнику Ивану Васильевичу Чебышеву,

1669/1670 года рождения^[60].

Ни времени, ни места кончины Ивана Самойловича Чебышева установить к настоящему времени не удалось.

**II. ПРЕЗУСЫ «МАЙОРСКИХ»
КАНЦЕЛЯРИЙ,
УЧРЕЖДЕННЫХ 9 ДЕКАБРЯ 1717 ГОДА**

«ИЗВОЛТЕ... С НАЗНАЧЕННЫМИ АФИЦЕРАМИ... ЕХАТЬ СЮДА В НЕМЕДЛЕННОМ ВРЕМЯНИ»: КНЯЗЬ П. М. ГОЛИЦЫН

1722 года января 21 дня в Спасо-Преображенском соборе Московского кремля состоялась необычно торжественная церковная служба. В тот день в неприметный старинный храм у стен Большого Кремлевского дворца явились высшие церковные иерархи, сенаторы, генералы, недавно прибывший в Москву гетман Малороссии И. И. Скоропадский, а затем и сам Отец Отечества, император всероссийский Петр Великий. Во время Божественной литургии к государю приблизился офицер, который сообщил ему о только что последовавшей кончине князя Петра Михайловича Голицына^{274}.

Кто же такой был П. М. Голицын? И почему о его смерти императору было доложено прямо в ходе богослужения?

Петр Михайлович принадлежал к знатному и разветвленному роду князей Голицыных, которые вели происхождение от великого князя Гедимина^{275} (Gedemminus), правителя Великого княжества Литовского в 1316–1341 годах. Непосредственным родоначальником фамилии Голицыных явился потомок Гедимина — князь Михаил Булгаков-Голица, боярин великого князя московского Василия II Ивановича^{276}.

Ко времени прихода к власти Петра I Голицыны прочно вошли в ряды правящей элиты России, стали одним из наиболее влиятельных аристократических кланов. Достаточно сказать, что в XVII веке девять представителей рода были удостоены высшего чина боярина^{277}. Причем один из этих бояр — князь Б. А. Голицын (1654–1714) — состоял при будущем императоре воспитателем.

П. М. Голицын был средним сыном боярина князя Михаила Андреевича Голицына (1639–1687) и Прасковьи Никитичны, урожденной Кафтыревой (1655–1715)^{278}. Семья была многодетной: Петр Голицын имел четырех сестер и троих братьев^{279} (старший из которых родился в первом браке отца^[61]).

И оба старших брата, и младший брат князя Петра Михайловича

проявили себя как выдающиеся государственные и военные деятели России XVIII века. Д. М. Голицын (1665–1738) состоял президентом Камер-коллегии, сенатором, членом Верховного тайного совета, дослужился до чина действительного тайного советника. М. М. Голицын-старший (1675–1730) стал прославленным полководцем Великой Северной войны, генерал-фельдмаршалом, президентом Военной коллегии. М. М. Голицын-младший (1684–1764) достиг должностей президента Адмирал — теиств-коллегии и сенатора, чина генерал-адмирала. Все трое братьев были удостоены обоих высших орденов того времени — Святого Александра Невского и Святого Андрея Первозванного^{280}.

Не менее видной фигурой в правительственной среде XVIII века являлся двоюродный брат и тезка Петра Голицына — П. А. Голицын (1660–1722). Князь Петр Алексеевич был первым российским послом в Священной Римской империи, архангелогородским, рижским, а затем киевским губернатором, сенатором «первого призыва». В 1710 году Петр I возвел его в кавалеры единственного тогда ордена Святого Андрея Первозванного^{281}.

Поскольку П. М. Голицыну оказалось суждено уйти из жизни в сравнительно раннем возрасте, память о Петре Михайловиче была, аллегорически выражаясь, закрыта тенью судеб его знаменитых родственников. Неудивительно поэтому, что введенные к настоящему времени в научный оборот сведения о нем скудны, фрагментарны и отчасти недостоверны.

Согласно надгробной надписи, родился Петр Михайлович 11 июля 1682 года^{282}. Поскольку в 1682 году боярин Михаил Голицын служил воеводой в Пскове^{283}, не исключено, что его сын Петр появился на свет именно там. Обстоятельства первых двадцати шести лет жизни П. М. Голицына поныне достаточно туманны.

Точно известно, что в отличие от старших братьев Дмитрия и Михаила-старшего, успевших стать комнатными стольниками царя Петра Алексеевича^{284}, П. М. Голицын не получал никакого старомосковского чина. По данным последнего историографа гвардейского Семеновского полка императорской армии гвардии поручика П. Н. Дирина, князь Петр Голицын начал службу в Семеновской потешной роте, при учреждении в 1695 году Семеновского полка был зачислен в его состав с чином поручика, а в 1698 году произведен в капитаны^{285}.

Однако при том, что в потешные роты могли зачисляться лица весьма юного возраста (М. М. Голицын-старший вступил в ту же Семеновскую

потешную роту в 1687 году, двенадцати лет от роду, начав фельдмаршальскую карьеру учеником барабанщика^{286}), сведения, приведенные Петром Дириным о службе П. М. Голицына, представляются не вполне достоверными. Тем более что никаких подробностей служебно-боевой деятельности князя Петра Михайловича за вторую половину 1690-х — первую половину 1700-х годов выявить на сегодня не удалось.

Из этого периода жизни Петра Голицына известно также, что в 1703 году в Москве он вступил в брак с княжной Феодосьей Долгоруковой, дочерью покойного боярина В. Д. Долгорукова и родной сестрой уже упоминавшегося гвардии капитана князя В. В. Долгорукова^{287}, будущего руководителя одной из первых следственных канцелярий Петра I, а впоследствии генерал-фельдмаршала. В приданое за невестой П. М. Голицын получил поместье внушительной стоимостью две тысячи рублей. Брак князя Петра Михайловича и княжны Феодосьи Владимировны оказался бездетным.

Лично знавший П. М. Голицына в последний год его жизни камерюнкер герцога голштинского Ф.-В. Берхгольц назвал князя «одним из воспитаннейших и образованнейших русских»^{288}. Однако где именно и когда Петр Голицын сумел получить образование, совершенно не ясно.

По крайней мере, документально установлено, что в отличие от старшего брата Дмитрия Михайловича и двоюродного брата Петра Алексеевича Петр Михайлович не был включен в группу из 66 дворян, направленных в январе 1697 года в длительную образовательную командировку в Западную Европу^{289}. Вместе с тем из сохранившихся в архивных документах образцов подписи П. М. Голицына явствует, что он достаточно уверенно владел пером (чего нельзя сказать о Михаиле Голицыне-старшем, который не имел навыка связного письма, расписываясь «черточками»).

Первое бесспорное свидетельство о боевой службе П. М. Голицына относится к 1708 году. Согласно документам полкового архива, майор Семеновского полка Петр Голицын принял участие в уже не раз упоминавшемся сражении 28 сентября 1708 года с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Левенгаупта (Adam Ludwig Lewenhaupt) при деревне Лесная. В этом сражении (Семеновский полк понес тогда самые значительные за всю Великую Северную войну потери^{62}) князь Петр Михайлович получил ранение в голову («нос перешиблен пулею»)^{290}. На следующий год майору П. М. Голицыну довелось участвовать в Полтавской битве^{291}.

В начале 1710-х годов в карьере Петра Голицына наступил перелом: он был поставлен во главе Семеновского полка (точная дата этого события неясна)^{292}. Учитывая, что предшествующее десятилетие Семеновский полк находился под командованием (непосредственным либо общим) М. М. Голицына-старшего^[63], представляется возможным предположить, что Петр I целенаправленно ставил семеновцев под начало боевых офицеров из клана Голицыных.

В 1711 (или в 1712) году П. М. Голицын был произведен в подполковники Семеновского полка, а 15 ноября 1716 года царь присвоил ему параллельный чин «полевого» генерал-майора^{293}.

Первое соприкосновение Петра Голицына с органами следствия произошло в 1715 году, когда ему довелось выполнить поручение главы следственной канцелярии гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова по выяснению неких эпизодов злоупотреблений должностных лиц Санкт-Петербургской губернской канцелярии^{294}. Поручение оказалось разовым, и более к работе в следственной канцелярии шурина П. М. Голицын не привлекался.

Ситуация изменилась осенью 1717 года, когда Петр Голицын переводил Семеновский полк из Ревеля^[64] на зимние квартиры в Псков. 11 ноября 1717 года Владимир Долгоруков направил Петру Михайловичу царский указ о его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Как гласил указ, «изволте по получении помянутого царского величества указа с назначенными... афицерами ехать сюда в немедленном времени»^{295}. Вместе с полковым командиром в столицу предписывалось командировать еще семерых офицеров-семеновцев.

Внешне ординарный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни гвардии подполковника П. М. Голицына. По всей очевидности, собранные в столице гвардейские офицеры (помимо семеновцев туда были направлены еще восемь преображенцев) образовали собой военно-судебное присутствие («кригсрехт»), перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России гвардии майор князь М. И. Волконский, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы.

Поскольку подсудимый числился офицером Семеновского полка, председателем («презусом») суда, вероятнее всего, стал Петр Голицын. Однако, вызывая в столицу группу лично известных ему «от гвардии штап-и обор-афицеров», Петр I не собирался ограничиваться проведением судебного процесса над Михаилом Волконским.

Дело в том, что в это время будущий император приступил к выработке проекта о реорганизации специализированных органов следствия. До сих пор для расследования особо важных уголовных дел учреждались взаимоизолированные следственные канцелярии, организация и функционирование которых никак не регулировались нормативно (первой из них как раз и была канцелярия под руководством М. И. Волконского, основанная в июле 1713 года). Теперь вместо них Петр I решил создать целостную систему одинаково устроенных канцелярий, нормативной основой для деятельности которых должен был стать особый типовой «Наказ».

В конце ноября — начале декабря 1717 года царь подготовил два ключевых документа: предварительную роспись следственного состава задуманных новых следственных канцелярий (с реестром подлежащих расследованию резонансных уголовных дел)^{296} и черновой проект типового «Наказа» их руководителям^{297}. Объявление об учреждении новых семи канцелярий (вскоре названных царем «майорскими»^{298}) и обнародование «Наказа» состоялось в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года — в день публичной казни Михаила Волконского. Одну из этих канцелярий возглавил князь П. М. Голицын.

Новые канцелярии имели коллегиальное устройство, сходное с организацией кригсрехта: при презусе состояли два или три асессора, младших участника следственного производства. Асессорами в канцелярию Петра Голицына были определены его давние сослуживцы, заслуженные боевые офицеры: капитаны Преображенского полка князь Г. А. Урусов (о нем еще пойдет речь) и А. К. Петров-Солово^{299}, а также капитан-поручик Семеновского полка И. Ф. Козлов^{300}.

Аппарат следственной канцелярии составили 11 подъячих во главе с дьяком А. Ф. Докудовским, откомандированных из Ближней и Военной канцелярий, Поместного приказа и Санкт-Петербургской губернской канцелярии^{301}.

Как явствует из архивного документа, в производство следственной канцелярии Петра Голицына была передана подборка резонансных уголовных дел по обвинению различных должностных лиц в преступлениях против интересов службы^{302}. Подследственными князя Петра Михайловича оказались московский губернатор К. А. Нарышкин (присвоение имущества жителей завоеванного Дерпта^[65], самовольное установление губернского налога, использование работных людей на строительстве собственного дома); бывший адмиралтейский советник,

некогда весьма близкий к царю, А. В. Кикин^[66] (организация фальшивых подрядов провианта под именем Барсукова); нижегородский вице-губернатор С. И. Путятин (махинации при организации подрядов на поставку алкоголя, сбор денег с населения в свою пользу); бывший санкт-петербургский вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков и его брат, бывший бел озерский комендант В. Н. Римский-Корсаков (казнокрадство, получение взяток, участие в фальшивых подрядах).

Еще одним подследственным П. М. Голицына стал санкт-петербургский генерал-губернатор, президент Военной коллегии и сенатор, генерал-фельдмаршал, светлейший князь А. Д. Меншиков. Он обвинялся в организации все тех же фальшивых подрядов, казнокрадстве, финансовых махинациях. Необходимо отметить, что в случае с делами Александра Меншикова, Александра Кикина, Якова и Василия Римских-Корсаковых речь шла в действительности о продолжении расследования, осуществлявшегося в отношении этих лиц с 1714 года следственной канцелярией В. В. Долгорукова (как уже упоминалось, фактически ликвидированной в декабре 1717 года).

Наибольшая сложность, с которой столкнулся в связи с делом А. Д. Меншикова князь Петр Голицын, заключалась в том, что в декабре 1717 года Петр I не освободил Александра Даниловича на период расследования ни от одной из занимаемых им высоких должностей. И хотя Петр Михайлович являлся заслуженным гвардейцем и представителем одного из аристократических кланов, его тогдашнее влияние в коридорах власти было все же несопоставимым с могуществом «полудержавного властелина» Александра Меншикова.

Быстрее всего канцелярия П. М. Голицына завершила расследование уголовного дела Александра Кикина. Уже в начале 1718 года канцелярия подготовила обвинительное заключение, в котором за получение «воровской» прибыли в особо крупных размерах предложила приговорить Александра Васильевича к смертной казни^{303}. Однако вскоре бывший адмиралтейский советник оказался осужден совсем по другим обвинениям.

В ночь на 7 февраля 1718 года в Санкт-Петербурге генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, экстренно вызвав к себе во дворец генерал-майора П. М. Голицына и нескольких старших офицеров гвардии, объявил им только что доставленный курьером секретный указ Петра I. Одновременно по тревоге была поднята небольшая команда гвардейских солдат.

Во дворце светлейшего князя офицеров и солдат разделили на две

группы. Первая группа, возглавленная А. Д. Меншиковым и Петром Голицыным, арестовала в собственном доме Александра Кикина^{304}. Вторая взяла под стражу Ивана Афанасьева, камердинера царевича Алексея Петровича. Водворив закованных «в железа» арестантов в гвардейских казармах, участники операции в пятом часу утра разъехались по домам и местам службы^{305}.

Эти ночные аресты явились одними из первых следственных действий в многоэпизодном уголовном деле по обвинению в государственной измене наследника престола — царевича Алексея Петровича. 11 февраля 1718 года в Петропавловской крепости Александр Кикин был допрошен^[67] А. Д. Меншиковым и П. М. Голицыным и под пыткой сразу же признался, что неоднократно советовал Алексею Петровичу бежать за границу^{306}.

Затем А. В. Кикин был этапирован в Москву и в ходе дальнейшего следствия окончательно изобличен в пособничестве опальному царевичу. По приговору особого судебного присутствия Александр Васильевич Кикин был колесован в Москве 17 марта 1718 года, а его голова была насажена на кол^{307}.

Помимо участия в начальных следственных действиях по делу царевича Алексея Петровича П. М. Голицыну довелось оказаться в числе судей на его процессе. Как и большинство гвардейских офицеров, князь Петр Михайлович был включен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 года Алексея Петровича к смертной казни^{308}. Подпись П. М. Голицына стоит на приговоре 18-й по счету.

Как бы то ни было, следственная канцелярия П. М. Голицына продолжала работу. В начале июля 1718 года Петр Михайлович командировал асессора А. К. Петрова-Солово в Белозерский уезд для сбора доказательств о преступной деятельности бывшего тамошнего коменданта Василия Римского-Корсакова^{309}. Итогом расследования стала некая высочайшая резолюция от 18 февраля 1720 года о взыскании с В. Н. Римского-Корсакова штрафных денег^{310}.

Несмотря на то что история с разоблачением «заговора» царевича Алексея Петровича привела к дальнейшему усилению позиций А. Д. Меншикова в окружении Петра I, Петр Голицын не стал сворачивать разбирательство финансовых махинаций светлейшего князя. В 1719 году растревоженный Александр Данилович обратился к царю с просьбой прекратить возбужденные в отношении него уголовные дела («чтоб я от всех канцелярей, где следуютца по моим делам, был свободен, и дабы

никто ничем до меня не касались»). В первую очередь светлейший князь просил аннулировать решение следственной канцелярии П. М. Голицына о взыскании с него астрономического начета в 285 тысяч 17 рублей^{311}.

15 марта 1719 года Петр I указал принять в производство канцелярии П. М. Голицына уголовные дела уже упоминавшейся следственной канцелярии Г. И. Кошелева^{312}. Поскольку объем этих дел был весьма значителен, князь Петр Михайлович стал, по-видимому, добиваться отмены указа. В итоге глава государства переменял решение: он сохранил бывшую канцелярию Герасима Кошелева, назначив в нее 10 апреля 1719 года нового руководителя — гвардии майора М. А. Матюшкина^{313}.

Промежуточные итоги деятельности следственной канцелярии П. М. Голицына оказались подведены через три года после ее создания. В декабре 1720 года царь ознакомился с докладом Петра Михайловича о результатах расследования дел А. Д. Меншикова, В. Н. и Я. Н. Римских-Корсаковых, К. А. Нарышкина и С. И. Путятина. Вынесенные тогда Петром I решения по этим уголовным делам^{314} доныне в научный оборот не вводились.

К началу 1720-х годов князь Петр Михайлович, подобно братьям Дмитрию и Михаилу-старшему, прочно вошел в окружение царя. Учитывая последующие карьеры других старших офицеров гвардии, выслуживших чины на фронтах Великой Северной войны, Петр Голицын имел вполне реальные перспективы стать генерал-аншефом или генерал-фельдмаршалом, сенатором или же генерал-губернатором. Особенно если принять во внимание принадлежность Петра Михайловича к аристократическому клану, отнюдь не утратившему могущество в годы единодержавия Петра I. Однако судьба П. М. Голицына сложилась по-иному.

Обстоятельства кончины Петра Голицына до сих пор не выяснены. Согласно взаимонезависимым свидетельствам находившихся тогда в Москве канцеляриста гетманской канцелярии Н. Д. Ханенко и камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца, Петр Михайлович ушел из жизни после нескольких дней тяжелой болезни (камер-юнкер назвал ее «горячкой»)^{315}.

По всей очевидности, будучи крайне встревожен резким ухудшением состояния здоровья Петра Михайловича, Петр I распорядился регулярно информировать его о самочувствии гвардии подполковника. Именно поэтому о смерти П. М. Голицына, последовавшей 21 января 1722 года, главе государства было доложено, как уже отмечалось, прямо во время церковной службы. После окончания богослужения император сразу направился в дом покойного выразить соболезнования вдове, княгине

Феодосье Владимировне^{316}.

Погребение князя Петра Михайловича состоялось 24 января. Многолюдная траурная процессия, в которой за саними с гробом пешком шли император Петр Великий и другие лица царствующего дома, медленно пересекла центр города по Тверской улице. Тело усопшего было опущено в землю под трехкратный ружейный залп батальонов Семеновского полка, выстроенных на церковном дворе^{317}.

С конца XVII века родовой усыпальницей князей Голицыных стал московский Богоявленский монастырь на Никольской улице. Именно там упокоились родители П. М. Голицына — боярин Михаил Андреевич и боярыня Прасковья Никитична^{318}. У стены напротив алтаря монастырской церкви Святого Алексия митрополита и был погребен гвардии подполковник Петр Голицын. Позднее в том же монастыре похоронили бывших следователей Петра I, ветеранов Великой Северной войны, князя Г. Д. Юсупова и И. Н. Плещеева.

В 1919 году Богоявленский монастырь был закрыт, дворянские захоронения разорены. В настоящее время храм Богоявления Господня вновь стал действующим, в его подвальном помещении сохранилось несколько надгробий и разбитых надгробных плит. Надгробной плиты П. М. Голицына среди них нет.

Поскольку князь Петр Михайлович был бездетен, то принадлежавшая ему небольшая усадьба в деревне Яковлевке (ныне территория городского округа Балашиха Московской области) на берегу реки Пехорки перешла по наследству к его брату — М. М. Голицыну-младшему. В настоящее время бывшую усадьбу князей Голицыных «Пехра-Яковлевское» (Леоновское шоссе, 1) занимает Российский государственный аграрный заочный университет.

«И НА ШТУРМАХ, И НА АКЦИЯХ БЫЛ ЖЕ ВЕЗДЕ БЕЗОТЛУЧНО...»: М. Я. ВОЛКОВ

1724 года мая 6 дня в канцелярию Правительствующего сената в Москве поступил очередной именной указ. На узком полулисте второй сверху строкой прерывистым почерком Отца Отечества, императора всероссийского Петра Великого, было начертано: «Маеора Волкова в потполковьники в Семеновской полк»^{319}. Скупая строка высочайшего повеления означала, что «маеор Волков» стал не просто подполковником, но еще и командиром Семеновского полка — одного из двух полков российской гвардии.

Впрочем, приведенный именной указ явился признанием не только военных заслуг гвардии майора Михаила Яковлевича Волкова. К исходу первой четверти XVIII века новоназначенный командир Семеновского полка сумел успешно проявить себя также и как администратор, и как следователь.

Каких-либо сведений о ранней биографии М. Я. Волкова выявить к настоящему времени не удалось. Неизвестным остался даже год его рождения. Неясно и то, к какому именно роду Волковых принадлежал Михаил Яковлевич.

По состоянию на 1699 год одних только дворян с фамилией Волков, владевших населенными имениями, в России насчитывалось 40 человек^{320}. В свою очередь, 46 лиц с фамилией Волков входили на протяжении XVII века в состав уже упоминавшихся «царедворцев»^{321} (хотя выше чина стольника никто из них не поднялся). Можно с определенностью утверждать, что М. Я. Волков не состоял ни в каких родственных связях с видным деятелем военного ведомства России первой трети XVIII века Алексеем Яковлевичем Волковым^[68]. В принципе нельзя исключить, что будущий гвардии подполковник вообще не являлся по происхождению дворянином, а был выходцем из приказной или же посадской среды.

По свидетельству самого М. Я. Волкова, в службу он вступил в 1687 году — в Семеновский полк^{322}. Учитывая, однако, что учреждение полка состоялось только в 1695 году, не вызывает сомнений, что Михаил Яковлевич был первоначально зачислен в Семеновскую потешную роту.

Судя по всему, он попал в расширенный набор в «потешные» воинские формирования, осуществленный Петром I как раз в 1687 году^{323}.

Строевая карьера Михаила Волкова складывалась поначалу не особенно динамично. Долгие 12 лет он прослужил на должностях рядового и сержантского состава («в солдатстве и в унтер-афицерах»^{324}). Лишь затем Михаил Яковлевич получил первый офицерский чин прапорщика.

На протяжении второй половины 1690-х — первой половины 1710-х годов М. Я. Волкову довелось принимать почти ежегодное участие в боевых действиях. Как в 1727 году писал сам Михаил Яковлевич, «в азовских походах на двух штурмах был, а во время Шведской войны в четырех баталиях... и на штурмах, и на акциях был же везде безотлучно»^{325}.

В ходе начальных кампаний Великой Северной войны Михаил Волков успел выступить и организатором строительных работ. Документально известно, что летом 1702 года адъютант Семеновского полка М. Я. Волков был одним из руководителей прокладки «Осударевой дороги» — сколь грандиозной, столь и не имевшей особого смысла трассы для волока кораблей с Белого моря в Онежское озеро^{326}.

На фронтах войн с Турцией и Швецией Михаил Волков провел в общей сложности 20 лет. В строю Семеновского полка прошел тысячи верст — от лесов Карелии до степей Молдавии и от приазовских равнин до северогерманских земель.

О том, что М. Я. Волков находился всегда в боевых порядках полка, свидетельствовали полученные им ранения. Первый раз прапорщик Михаил Волков был ранен 19 ноября 1700 года^{327}, во время упоминавшегося разгрома шведами русской осадной группировки под Нарвой. Затем было пулевое ранение в голову^{328} во время сражения при деревне Лесной 28 сентября 1708 года с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Левенгаупта.

9 июля 1711 года, в бою с турками в окружении близ урочища Рябая Могила у реки Прут, Михаил Яковлевич был ранен ядром в правую ногу^{329}. В том сражении М. Я. Волков оказался единственным старшим офицером гвардии, получившим ранение. Учитывая состояние тогдашней военной медицины, полное отсутствие средств анестезии и стерилизации, следует признать, что, с одной стороны, Михаилу Волкову довелось претерпеть немалые физические страдания, а с другой — что он обладал весьма крепким здоровьем.

Досконально знавший боевую службу гвардейцев Петр I по

достоинству оценил заслуги М. Я. Волкова. К 1707 году он был произведен в гвардии капитаны, к 1709 году — в майоры, став батальонным командиром^{330}. 3 августа 1711 года, сразу после выхода российских войск из «прутского котла», царь произвел Михаила Яковлевича в «полевые» бригадиры^{331} (с сохранением прежней должности и чина гвардии майора).

Последним крупным сражением, в котором довелось принять участие Михаилу Волкову, явилась морская «баталия» в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут^{69} 27 июля 1714 года^{70}. В этом сражении бригадир М. Я. Волков командовал сводным отрядом из военнослужащих пяти полков, общей численностью 1273 человека (включая 244 гвардейца), которые были размещены на шести галерах^{71} и дислоцированы на левом крыле российской группировки. В ходе длительного абордажного боя российские моряки и пехотинцы разгромили шведскую эскадру контр-адмирала Нильса Эреншельда (Nils Ehrenschield), получившего семь ран, но оставшегося в живых и попавшего в плен^{332}.

В этом бою Михаил Волков получил последнее фронтовое ранение — картечью в левую руку^{333}. Государевой наградой за Гангут стала памятная золотая медаль (с золотой цепью для ношения на шее), врученная Михаилу Яковлевичу 30 ноября 1714 года^{334}.

В рамках боевой деятельности в годы Великой Северной войны М. Я. Волкову довелось также руководить розыском и захватом группы преступников. Это произошло на территории Речи Посполитой, неподалеку от Пинска^{72}, где в первые дни февраля 1706 года некий дворянин Вяжицкий (Бежицкий) совершил предательское убийство тринадцати военнослужащих Семеновского полка во главе с капитаном Дмитрием Бабиным, которых он заманил в гости в свое имение.

По распоряжению командующего российской группировкой генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева 11 февраля 1706 года на поиск и задержание Вяжицкого и его сообщников были командированы три роты солдат под командованием капитанов Михаила Волкова и И. И. Дмитриева-Мамонова. Проведя осмотр места преступления, опрос окрестных жителей и прочесывание местности, Михаил Яковлевич сумел уже 17 февраля захватить в лесном массиве Вяжицкого и десятерых его слуг и крестьян. Об успехе операции Б. П. Шереметев незамедлительно доложил царю^{335}.

Однако в полной мере привлечение М. Я. Волкова к «розыскным делам» состоялось более десяти лет спустя. При выработке в начале

декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора и бригадира Михаила Волкова презусом одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении обер-штер-кригскомиссара^[73] флота генерал-майора Г. П. Чернышева и азовского вице-губернатора С. А. Колычева^{336}.

9 декабря в Санкт-Петербурге Михаил Яковлевич получил на руки подписанный царем список типового Наказа «майорским» канцеляриям с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Михаила Волкова были определены: его подчиненный капитан А. П. Баскаков, командир 1-й роты Семеновского полка^{337}, и капитан-поручик Преображенского полка Т. С. Тишин^{338}. Несколько позднее ассессором канцелярии стал поручик Семеновского полка С. Л. Игнатъев^{339}.

Уже 10 декабря М. Я. Волков направил в Правительствующий сенат «Пункты к доношению», в которых затребовал откомандировать в его распоряжение группу канцелярских служащих, выделить запас канцелярских принадлежностей, а заодно предоставить следователям служебное жилье поблизости от канцелярии^{340}. Два дня спустя, 12 декабря, Михаил Яковлевич запросил у Сената все материалы по уголовным делам по обвинениям Г. П. Чернышева, а также бывшего смоленского вице-губернатора князя В. И. Гагарина^{341}. Из последнего документа очевидно, что вместо изначально предполагавшегося уголовного дела С. А. Колычева^[74] в производство канцелярии М. Я. Волкова поступило дело Василия Гагарина.

Как явствует из архивных документов, попавший под следствие канцелярии Михаила Волкова генерал-майор Григорий Чернышев обвинялся в шести эпизодах получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями. Генерал-майору были, в частности, инкриминированы эпизоды хищения 40 тысяч рублей, получения в качестве взятки ярославского имения фискала И. Д. Тарбеева (за освобождение его от военной службы), незаконного привлечения солдат и каторжан к строительству Санкт-Петербургского дома. Князю В. И. Гагарину было предъявлено обвинение в преступной халатности при организации принудительного переезда из Смоленска в Санкт-Петербург «купецких людей».

Что касается расследования уголовного дела Г. П. Чернышева, то оно

было завершено канцелярией Михаила Волкова менее чем за год. В ходе следствия эпизод принятия Григорием Петровичем взятки в виде помещичьего имения не нашел подтверждения, в результате чего следственная канцелярия предъявила фискалу Ивану Тарбееву обвинение в заведомо ложном доносе о совершении особо тяжкого преступления.

А вот эпизод строительства генеральского дома силами солдат и каторжан (заодно с использованием казенного леса) следственная канцелярия доказала. В связи с этим канцелярия дополнительно предъявила обвинение в незаконной продаже казенного леса комиссару Алексею Дирину. В октябре — ноябре 1718 года расследованные канцелярией дела Г. П. Чернышева, И. Д. Тарбеева и А. Дирин поступили для рассмотрения в особое военно-судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий.

6 октября 1718 года военно-судебное присутствие приговорило Григория Чернышева к лишению чинов и конфискации имущества. Алексей Дирин был осужден к штрафу в 600 рублей^{342}. При утверждении приговора Петр I смягчил санкцию Г. П. Чернышеву и ужесточил — А. Дирину.

По всей очевидности, приняв во внимание немалые боевые заслуги Григория Чернышева (получившего пять ранений на фронтах Великой Северной войны), царь заменил ему лишение чинов арестом на пять суток, а конфискацию имущества — штрафом в 372 рубля (сумму тройного денежного содержания солдат и половинного содержания каторжников за то время, пока они работали на строительстве генеральского дома). Алексею Дирину глава государства дополнительно назначил наказание кнутом и ссылку на каторгу сроком на один год^{343}.

25 ноября 1718 года военно-судебное присутствие вынесло решение по делу И. Д. Тарбеева. За ложный донос он был приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. При утверждении приговора Петр I заменил бывшему фискалу смертную казнь на вырезание ноздрей и пожизненную ссылку гребцом на галеры^{344}.

Сведений об итогах расследования дела князя В. И. Гагарина выявить к настоящему времени не удалось. Следственная канцелярия М. Я. Волкова то ли не сумела изобличить бывшего вице-губернатора в инкриминированном эпизоде, то ли уголовное преследование было прекращено по решению царя. По крайней мере, 8 марта 1720 года князь Василий Гагарин был назначен судьей Санкт-Петербургского надворного суда, а 20 июня 1722 года — прокурором Московского надворного суда (где

проявил себя, стоит признать, весьма достойно)^{345}.

Следственной канцелярией Михаил Волков руководил значительно меньше времени, нежели остальные гвардии майоры, назначенные презусами 9 декабря 1717 года. И дело было отнюдь не в недовольстве, возникшем у главы государства по поводу «розысков» Михаила Яковлевича. Наоборот, 1 января 1721 года Петр I присвоил бригадиру М. Я. Волкову очередной воинский чин генерал-майора^{346}.

От руководства следственной канцелярией Михаила Волкова отвлекло очередное высочайшее поручение. 27 января 1721 года царь направил Михаила Яковлевича в Новгородский уезд, чтобы разместить там пехотный и кавалерийский полки. Это внешне обычное задание в действительности являлось сложнейшим военно-административным экспериментом, в ходе которого предстояло отработать принципиально новую схему как постоянной дислокации полевых частей и соединений российской армии, так и организации их денежного содержания за счет местного населения. В связи с этим генерал-майору М. Я. Волкову предстояло также установить точное число плательщиков подушной подати — тяглых «душ» мужского пола.

Проведя в Новгороде почти год, интенсивно переписываясь с Военной коллегией, Сенатом и Петром I, Михаил Яковлевич успешно справился с возложенным на него поручением. Он сумел в сжатые сроки не только организовать размещение полков по деревням, но и, проведя масштабные розыскные мероприятия, установить массовую утайку тяглых «душ». Уже в июле 1721 года генерал-майор доложил Сенату о выявлении им 33,5 тысячи неучтенных душ, что составило одну пятую (!) мужской части крестьянского населения уезда^{347}.

После успеха «новгородского эксперимента» император принял решение ввести военно-податную систему по всей территории России. В феврале 1722 года было одновременно учреждено девять канцелярий «свидетельства мужского пола душ». Во главе каждой из них был поставлен либо старший офицер гвардии, либо высший офицер армии. Генерал-майору и гвардии майору Михаилу Волкову предстояло провести реформу на территории Санкт-Петербургской губернии, охватывавшей тогда весь северо-запад России.

Обосновавшись вновь в Новгороде, проявив себя как весьма энергичный, жесткий, но при этом неподкупный управленец, М. Я. Волков справился и с этой задачей^{348}. Очередной наградой явилась приведенная выше высочайше начертанная строка: «Маеора Волкова в потполковъники

в Семеновской полк»...

Последовавшие в январе 1725 года кончина Петра I и воцарение Екатерины I не поколебали положения М. Я. Волкова в правительственной среде. 21 мая он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{349} (одновременно со своими многолетними полковыми сослуживцами и недавними соратниками по руководству «майорскими» канцеляриями И. И. Дмитриевым-Мамоновым и И. М. Лихаревым, а также заодно с бывшим подследственным Г. П. Чернышевым).

7 мая 1726 года Михаил Яковлевич был произведен в генерал-лейтенанты^{350}. Однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

Сегодня затруднительно понять, что именно побудило М. Я. Волкова подать в октябре 1727 года новому императору Петру II челобитную об отставке по состоянию здоровья. Возможно, Михаил Волков был слишком тесно связан с А. Д. Меншиковым, бесповоротно попавшим в сентябре 1727 года в государеву опалу. Не исключено, что начали сказываться последствия фронтовых ранений и он в самом деле испытал тогда ухудшение здоровья. Может, и не преувеличивал Михаил Яковлевич, когда писал в челобитной, что от «головной болезни» ему «приходит ныне повседневно обморок и лом^[75]»? Если вспомнить, что одно из ранений Михаил Волков получил именно в голову, подобные жалобы ветерана, вероятно, не являлись отговоркой. Как бы то ни было, 20 ноября 1727 года последовал именной указ об увольнении Михаила Волкова из армии «за тяжкими его ранами и за многими службами»^{351}.

Однако прошло лишь два года, и Михаила Яковлевича вновь призвали для выполнения следственного поручения. 14 ноября 1729 года секретным именным указом генерал-лейтенанту М. Я. Волкову было предписано отправиться в Симбирский уезд для расследования нескольких вооруженных нападений, устроенных крестьянами села Воскресенского на соседние деревни, принадлежавшие канцлеру графу Г. И. Головкину и действительному тайному советнику князю И. Ф. Ромодановскому. Деликатность ситуации заключалась в том, что владелицей села Воскресенского являлась не просто знатная дворянка, а сама цесаревна Елизавета Петровна, младшая дочь покойного Петра I.

Отправляясь в Симбирск, Михаил Яковлевич добился, чтобы к нему прикомандировали гвардии подпоручика Василия Коренева, гвардии прапорщика Гавриила Дубасова, секретаря Федора Тимофеева и четырех

солдат личной охраны^{352}. По существу, на исходе 1729 года при М. Я. Волкове образовалась, хотя и в миниатюре, новая следственная канцелярия.

Поскольку материалы симбирского следствия М. Я. Волкова не вводились в научный оборот, его подробности и итоги остались неизвестными. Однако если учесть, что 9 января 1730 года тяжело занемогший Петр II указал Михаилу Волкову расследовать теперь уже нападения крестьян И. Ф. Ромодановского на село Воскресенское^{353}, то возможно с уверенностью предположить, что бывшему командиру Семеновского полка довелось осуществлять никак не менее сложное следствие, нежели во времена руководства «майорской» канцелярией. Вместе с тем вынужденное пребывание вдали от Санкт-Петербурга явилось прологом нового витка карьеры М. Я. Волкова.

Благополучно переждав в симбирской глуши бурные события вступления на престол императрицы Анны Иоанновны, Михаил Волков достиг в 1730-е годы вершины своей правительственной карьеры. Никогда не входивший в ближайшее окружение императрицы, Михаил Яковлевич получил при ней должности главы Канцелярии сбора оставшихся за указными расходами денег^[76], ставшей, по существу, резервным казначейством России, главы Мастерской и Оружейной палат, главы Коллегии экономии и Раскольнической конторы синодального ведомства^{354}.

22 сентября 1735 года Михаил Волков стал также членом Московской конторы Сената (Московской Сенатской конторы), что, по существу, приравнивало его по статусу к сенатору^{355}. Главой конторы с 1733 года состоял граф С. А. Салтыков, многолетний сослуживец Михаила Яковлевича по гвардии и соратник по руководству «майорскими» канцеляриями. В итоге, по причудливому изгибу кадровой политики императрицы Анны Иоанновны, на протяжении второй половины 1730-х годов фактическими «хозяевами» Москвы являлись бывшие следователи Петра I Семен Салтыков и Михаил Волков.

27 мая 1741 года М. Я. Волков был произведен в генерал-аншефы^{356} — предпоследний чин перед генерал-фельд-маршалом. Это было, однако, последнее повышение в жизни Михаила Яковлевича.

Несмотря на то что пришедшая к власти в ноябре 1741 года императрица Елизавета Петровна подчеркнуто благоволила к сподвижникам Петра I, к Михаилу Волкову она отнеслась, по неясной причине, с очевидным недоверием. Возможно, у новой императрицы сохранились негативные воспоминания о том, как Михаил Яковлевич

провел в 1729–1730 годах расследование дела о междоусобных столкновениях ее крестьян из села Воскресенского с соседями. Что бы там ни было, к концу 1742 года М. Я. Волков лишился всех своих должностей.

И хотя в июле 1744 года Михаил Волков был возвращен к руководству воссозданной Канцелярией сбора оставшихся за указными расходами денег, сколько-нибудь заметной роли в правительственной среде он более не играл. Как было верно отмечено первым биографом Михаила Яковлевича, «честность, попечительность и опыт» бывшего командира Семеновского полка «стали не нужны, а воинские заслуги забыты»^{357}. 19 июля 1751 года «пополудни в 6-м часу» Михаил Яковлевич скончался^{358}.

Место захоронения генерал-аншефа М. Я. Волкова установить к настоящему времени не удалось.

«ИМЕЛ ОСОБЛИВЫЯ ПОД СВОЕЙ КОМАНДОЙ МНОГИЯ КАНЦЕЛЯРИИ...»: И. И. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ

18 июля 1721 года камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц, прибывший в Санкт-Петербург в свите герцога голштинского Карла Фридриха, занес в дневник очередную запись. В записи этой камер-юнкер, имевший обыкновение со всей тщательностью и точностью фиксировать обстоятельства поездки, подробно описал впечатления от обозрения одной зловещей достопримечательности новой российской столицы. Заезжему голштинцу показали раскачивающийся на ветру труп бывшего сибирского губернатора князя Матвея Гагарина, повешенного несколькими месяцами ранее. Тело его погребено не было, а оставлено на огромной виселице.

В частности, камер-юнкер отметил, что «лицо преступника, по здешнему обычаю, закрыто платком, а одежда его состоит из камзола и исподнего платья коричневого цвета, сверх которых надета белая рубашка. На ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту он очень небольшого».

Свои впечатления от увиденного Берхгольц резюмировал похвалой в адрес царя Петра Алексеевича: «История несчастного Гагарина может для многих служить примером: она показывает всему свету власть царя и строгость его наказаний, которая не отличает знатного и незнатного»^{359}.

Пространная дневниковая запись голштинского придворного отразила эпилог многолетнего уголовного преследования М. П. Гагарина, ставшего ключевым фигурантом резонансного и многоэпизодного «сибирского дела». Предварительное следствие по этому делу провела следственная канцелярия под руководством Дмитриева-Мамонова.

Иван Ильич Дмитриев-Мамонов принадлежал к разветвленному и знатному (хотя и нетитулованному) дворянскому роду, восходившему к смоленскому удельному князю Ростиславу Мстиславичу. Само фамильное прозвание — Дмитриев-Мамонов — получило официальное утверждение в 1690 году, когда ее было высочайше дозволено носить братьям А. М., В. М. и И. М. Дмитриевым.

Иван Дмитриев-Мамонов был сыном Ильи Михайловича Дмитриева

(одного из братьев, получивших право на двойную фамилию) и Акилины Ивановны, урожденной Вердеревской. Двух родных братьев Ивана Ильича также звали Иванами^{360} — что значительно осложнило изучение фактов его ранней биографии.

Согласно пространной надгробной надписи, будущий глава следственной канцелярии И. И. Дмитриев-Мамонов^[77] родился 10 декабря 1680 года и уже «в малолетствии своем» был удостоен высокого придворного чина стольника^{361}.

Придворная служба будущего главы следственной канцелярии, впрочем, не затянулась. Из архивных документов следует, что в 1700 году Иван Дмитриев-Мамонов был зачислен в гвардейский Семеновский полк и в том же году произведен в поручики^{362}. Определение Ивана Ильича именно в этот полк было не случайным: судя по всему, там уже служил его брат Иван (по всей очевидности, старший), начавший военную карьеру еще в Семеновской потешной роте^[78].

Впрочем, долго прослужить в одном полку братьям оказалось не суждено. 11 октября 1702 года гвардии поручик И. И. Дмитриев-Мамонов-старший погиб при уже описанном на страницах этой книги кровопролитном штурме шведской крепости Нотебург на острове Ореховый у впадения Невы в Ладожское озеро^{363}.

Младший из братьев Иванов Ильичей также служил впоследствии в Семеновском полку, тогда как двоюродный брат И. И. Дмитриева-Мамонова — Василий Афанасьевич — избрал военно-морскую карьеру. Пройдя в 1709–1715 годах обучение на датском флоте, В. А. Дмитриев-Мамонов успел принять участие в ряде морских кампаний Великой Северной войны, а впоследствии занимал должности советника Адмиралтейской коллегии и главы Московской Адмиралтейской конторы. В 1730 году был произведен в контр-адмиралы. Скончался 18 января 1739 года от чумы на театре военных действий Русско-турецкой войны 1736–1739 годов, командуя Днепровской военной флотилией^{364}.

Из частной жизни Ивана Ильича известно, что первой его женой была Евдокия Степановна, родопроисхождение которой установить к настоящему времени не удалось. От этого брака И. И. Дмитриев-Мамонов имел дочь Анастасию, вышедшую замуж за денщика Петра I, а впоследствии камер-юнкера В. П. Пospелова, возведенного в июле 1728 года в баронское достоинство^{365}.

Подробностей о военной службе Ивана Дмитриева-Мамонова выявить на сегодня почти не удалось. Достоверно известно лишь, что Иван Ильич

участвовал почти во всех кампаниях Великой Северной войны и в Прутском походе 1711 года. Как свидетельствуют материалы полкового архива, на фронтах Великой Северной войны будущий следователь получил два ранения. Причем оба — при осаде одного и того же города.

Первый раз гвардии поручик И. И. Дмитриев-Мамонов был ранен 19 ноября 1700 года при разгроме шведами российской осадной группировки под Нарвой. Второй раз капитан Иван Дмитриев-Мамонов получил ранение во время штурма той же Нарвы 9 августа 1704 года — «в левую руку, отшиблен меньшей палец»^{366}.

К «розыскным делам» Иван Дмитриев-Мамонов оказался привлечен в ноябре 1713 года, когда Петр I поручил ему осуществить досудебное разбирательство дела о взяточничестве при рекрутских наборах в Архангелогородской губернии^{367}. Насколько возможно понять, Ивану Ильичу предстояло довести до конца одно из дел, следствие по которым самостоятельно начал его сослуживец по Семеновскому полку, глава первой следственной канцелярии России майор М. И. Волконский, работавший в Архангелогородской губернии с августа 1713 года.

Из подробностей о тогдашнем следствии Ивана Дмитриева-Мамонова известно лишь, что следственные действия производились в Вологде и что фигурантами дела стали пятеро наборщиков рекрут, а также 11 приказчиков и старост (все они были взяты под стражу в декабре 1713 года)^{368}. Вместе с тем не вызывает сомнений, что особой следственной канцелярии под руководством Ивана Ильича тогда не учреждалось. Учитывая же, что в письме царя от 3 декабря 1713 года расследование предписывалось завершить не позднее февраля 1714 года^{369}, можно предположить, что выполнение И. И. Дмитриевым-Мамоновым высочайшего следственного поручения не затянулось.

Четыре года спустя Иван Дмитриев-Мамонов снова был направлен на следственное поприще. При разработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I назначил гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова презусом одной из них. Эта канцелярия должна была получить в производство уголовные дела, возбужденные фискальской службой России в отношении сенатора князя Я. Ф. Долгорукова, сенатора П. М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина и сибирского губернатора князя М. П. Гагарина^{370}.

9 декабря 1717 года в Санкт-Петербурге Иван Ильич получил на руки подписанный царем список упоминавшегося типового Наказа «майорским»

канцеляриям, являвшийся одновременно учредительным актом об основании канцелярии, с реестром подлежащих расследованию уголовных дел. В качестве ассессоров в канцелярию Ивана Дмитриева-Мамонова были определены гвардии капитан И. М. Лихарев, гвардии капитан-поручик Е. И. Пашков и гвардии поручик И. И. Бахметев (о них еще пойдет речь на страницах этой книги).

В 1718 году ассессором канцелярии был назначен гвардии капитан-поручик А. Г. Шамордин. Затем к работе в канцелярии был привлечен (без формального включения в ассессорский состав) стольник П. Б. Вельяминов, имевший значительный опыт следственной деятельности и ставший впоследствии прокурором Камер-коллегии^{371}.

Примечательно, что вокруг Петра Вельяминова в конце 1710-х годов разгорелось настоящее бюрократическое сражение. Началось с того, что именным указом от 9 июля 1718 года находившийся в Москве следователь уже упоминавшейся канцелярии И. Н. Плещеева стольник П. Б. Вельяминов был назначен советником в новоучрежденную Юстиц-коллегию^{372}. Однако, несмотря на высочайший указ и понукания Сената, Петр Борисович не покинул бывшую столицу, продолжая заниматься делами как канцелярии Ивана Плещеева, так и Тайной канцелярии, по поручению которой проводил распродажу конфиската.

Ситуация вроде бы разрешилась 11 января 1719 года, когда царь определил стольника в канцелярию И. И. Дмитриева-Мамонова^{373}. Между тем, невзирая на указ от 11 января, президент Юстиц-коллегии граф А. А. Матвеев не отказался от намерения заполучить Петра Вельяминова в свое ведомство.

В письме Ивану Дмитриеву-Мамонову от 26 февраля 1719 года Андрей Матвеев горестно сообщил, что «ныне в Коллегии юстиции в советниках самая настает необходимая нужда. И такова важнаго... той государственной и многоделной коллегии за оскудением заобычных^[79] людей чинится всемерная всем делам остановка»^{374}.

Не ограничиваясь описанием бедствий вверенной ему коллегии, граф Андрей Артамонович обратил внимание Ивана Ильича, что именно указ от 9 мая 1718 года состоялся все-таки раньше январского, и резонно упрекнул главу следственной канцелярии, что тот не напомнил царю о его собственном прошлогоднем распоряжении. В итоге борьба за «заобычайного» в судебных делах стольника завершилась «чистой» победой И. И. Дмитриева-Мамонова. 7 июля 1720 года Правительствующий сенат предписал: «Столнику Петру Вельяминову быть

у дел ис канцелярии ведомства от гвардии маеора господина Дмитриева-Мамонова»^[375].

В полной мере представить деятельность следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова не представилось возможным, поскольку весь ее архив сгорел при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года^[376]. Вместе с тем известно, что крупнейшим из уголовных дел, находившихся в ее производстве, было уже упомянутое «сибирское». Не случайно уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярия Ивана Ильича начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией»^[377].

Как возможно уяснить из разрозненно уцелевших документов, в тесном взаимодействии с фискальской службой канцелярия И. И. Дмитриева-Мамонова проделала огромный объем следственной работы, в рамках которой была организована поездка в Сибирь асессоров И. М. Лихарева и А. Г. Шамордина. Примером деятельности канцелярии являются сохранившиеся документы о проверке эпизода о получении губернатором Матвеем Гагариным в 1710 году внушительной взятки в 900 рублей от жителей Хлынова^[80].

Получив сведения о данном эпизоде (в которых, правда, фигурировала сумма в 1000 рублей) из доношения фискала А. Фильпина от 18 февраля 1718 года, следственная канцелярия для начала допросила в качестве свидетелей упомянутых в доношении бывшего целовальника^[81] Даниила Хохрякова и купца Романа Воронова. Допрошенные лица подтвердили добытую фискальской службой информацию как о сборе с горожан денег для поднесения губернатору, так и о передаче ему этих денег. При этом Р. Воронов уточнил, что деньги не были вручены Матвею Гагарину лично, а отосланы к нему в Москву. Наряду с этим купец показал, что при встрече с ним в 1711 году губернатор сказал, что полученную от хлыновцев тысячу рублей он внес в казну Сибирского приказа и велел зачесть в качестве податей^[378].

Далее как свидетеля допросили самого М. П. Гагарина, находившегося тогда в Санкт-Петербурге. Князь Матвей Петрович вначале сослался на забывчивость, затем стал отрицать получение денег и, наконец, заявил, что все деньги, «которые и бывали к нему в присылке из городов», он вносил в казну Сибирского приказа^[379].

Следующими действиями канцелярии были: указание П. Б. Вельяминову проверить показания М. П. Гагарина по приходо-расходным книгам Сибирского приказа, хранившимся в Москве, а также отправление в

Хлынов гвардии унтер-офицера Воейкова с поручением провести допрос бывшего земского старосты Якова Куклина, непосредственно передававшего деньги губернатору. Ознакомившись с финансовой документацией приказа, Петр Вельяминов не обнаружил там ни единого упоминания как о сумме, полученной из Хлынова, так и о ее зачете в качестве налога.

Что касается Я. Куклина, то, будучи допрошен 29 августа 1719 года, он показал, что, во-первых, денег было собрано не тысяча, а 900 рублей, во-вторых, что деньги предназначались губернатору «за честь ево, ни от каких дел» (в современном понимании, за общее покровительство), а в-третьих, что деньги были вручены тогдашнему коменданту Хлынова С. Д. Траханиотову, причем без расписки, поскольку «оной Траханиотов губернатору... свойственной человек»^{380}.

11 ноября 1719 года канцелярия предписала П. Б. Вельяминову отыскать и допросить Степана Траханиотова в Москве. Допрос этот состоялся 30 ноября. Будучи явно напуган вызовом в грозную следственную канцелярию, Степан Данилович, подтвердив эпизод принятия от хлыновцев денег, настойчиво подчеркнул, что деньги были получены им «без всякого ево... принуждения и не для упущения какова царского величества интересу».

Затем бывший хлыновский комендант поведал, что деньги губернатору в Москву он не отослал, предполагая вручить лично во время собственной поездки в бывшую столицу. Однако передача денег не состоялась и в Москве, поскольку в московском доме Степана Даниловича «волею божию» случился пожар, в пламени которого «те подносные денги... згорели»^{381}. При всей сомнительности приведенной версии пропажи денег перепроверять ее следственная канцелярия не стала.

Далее канцелярия квалифицировала установленные факты исходя из норм тогдашнего законодательства. Было сочтено, что, с одной стороны, действия С. Д. Траханиотова подпадали под действие статьи 8-й главы X Уложения 1649 года (принятие подношения сторонним лицом «без судейского ведома»^{82}). С другой стороны, согласно именному указу от 24 февраля 1720 года не подлежали взысканию в казну те частные вознаграждения должностным лицам, которые были получены ими до издания закона от 23 декабря 1714 года (сформировавшего современное понимание взятки), — если это получение не было сопряжено с вымогательством.

На основании приведенных норм следственная канцелярия И. И.

Дмитриева-Мамонова не стала предъявлять обвинение по факту получения денег с хлыновцев ни Степану Траханиотову, ни М. П. Гагарину. Впрочем, снятие данного эпизода никак не облегчило участи князя Матвея Петровича.

11 января 1719 года Матвей Гагарин был освобожден от должности губернатора и вскоре арестован. 11 марта 1721 года, ознакомившись с докладом Ивана Дмитриева-Мамонова об итогах расследования, Петр I распорядился предать М. П. Гагарина суду Правительствующего сената^{382}. Два дня спустя, 13 марта, Иван Ильич лично прибыл в здание Сената на Троицкой площади и предъявил подлинник именного указа от 11 марта 1721 года. Одновременно следственная канцелярия передала в канцелярию Сената девять пространных «выписок»^{83} по эпизодам казнокрадства, получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями, в которых Матвей Петрович был изобличен в ходе предварительного следствия.

Судебный процесс над бывшим сибирским губернатором не затянулся. Несмотря на то что в именном указе от 11 марта 1721 года ничего не говорилось о сроках рассмотрения дела, сенаторы, наскоро заслушав представленные следственной канцелярией документы и не проведя ни единого допроса подсудимого, уже 14 марта приговорили Матвея Гагарина к смертной казни. Царь не пощадил давнего соратника, лаконично приписав ниже подписей сенаторов: «Быть по сенатскому приговору»^{383}.

16 марта князь Матвей Петрович был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга^{384}. Для острастки лихоимцам и казнокрадам Петр I запретил хоронить тело казненного, и оно осталось на виселице (где четыре месяца спустя его и наблюдал Берхгольц).

25 ноября император предписал следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова организовать перевешивание останков князя Матвея Петровича на специально изготовленную цепь^{385}.

Посмертную кару довелось понести и бывшему коменданту города Томска, отставному капитану Р. А. Траханиотову, уголовное преследование которого началось в 1719 году. Благодаря уликам, собранным фискальской службой и следственной канцелярией Ивана Дмитриева-Мамонова, Роман Траханиотов признал 40 (!) эпизодов получения взяток, а также эпизод с присвоением части жалованья военнослужащих томского гарнизона. Еще 23 эпизода получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями бывший комендант признал частично, взявшись оспаривать суммы незаконно полученных и присвоенных денег. Наконец, 21 эпизод

получения взятки Роман Александрович отказался признать вовсе^{386}.

Примечательно, что с целью вымогательства взятки Роман Траханиотов не брезговал фабрикацией ложных улик. В частности, как сообщил на допросе Федор Ненашев, «в бытность де Траханиотова в Томску подьячей да денщик приходили к нему, Ненашеву, в дом для обыску и ничего не нашли. И оной подьячей выбросил из рукава в кадь с рожью в бумаге с полгорсти табаку. И взяв из кади тот табак и ево, Ненашева, с тем табаком привел в приказ^[84] и оковал на тройную цепь... и угрожал пытками. И взял на Траханиотова из-за такова страха денег...»^{387}

Несогласие Романа Александровича с частью предъявленных эпизодов, по которым имелись доказательства, поставило на повестку дня вопрос о применении к нему пытки. Между тем, согласно одной из норм упомянутого выше Наказа «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года, строевой офицер (даже отставной) мог быть подвергнут пытке только с санкции военного суда. Поскольку Роман Траханиотов являлся не просто отставным капитаном, но и ветераном крымских походов и первой осады Нарвы (где он еще и получил ранение), И. И. Дмитриев-Мамонов направил 14 декабря 1722 года в Военную коллегию просьбу рассмотреть вопрос о его пытке в военном суде, подробно изложив при этом все собранные следствием доказательства вины бывшего коменданта^{388}.

8 января 1723 года Военная коллегия распорядилась разрешить поставленный следственной канцелярией вопрос в Нижнем воинском суде в Москве^{389}. Не разобравшись в поставленной задаче (Наказ «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года типографски не обнародовался и не имел широкого распространения), Нижний воинский суд взялся рассматривать дело Р. А. Траханиотова по существу. 24 сентября 1723 года суд приговорил Романа Александровича к смертной казни с конфискацией имущества и направил приговор на утверждение в Военную коллегию^{390}.

На следующий день после вынесения приговора осужденного перевели из тюремного помещения Нижнего воинского суда в московское представительство канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова. Однако Роман Траханиотов не дождался приведения приговора в исполнение. Как известил Ивана Ильича асессор гвардии капитан Авраам Шамордин, «сентября 28 дня в 10-м часу пополудни оной Траханиотов под караулом умре, безо всего^[85], скоропостижно»^{391}.

Между тем асессор Авраам Григорьевич, дополнительно сообщив, что «мертвое ево [Р. А. Траханиотова] не погребено, содержитца в

канцелярии», задал многозначительный вопрос: «И о теле ево что поведено будет?»^[392] Решение о судьбе тела осужденного затянулось. Вероятнее всего, доложив ситуацию главе государства, Иван Ильич «с присутствующими господами штап-и обор-афицерами» стали ожидать высочайшего решения.

В конце концов следственная канцелярия решила действовать самостоятельно (возможно, получив некое не вполне определенно сформулированное устное указание императора). 9 декабря 1723 года, приняв во внимание приговор Нижнего воинского суда, хотя формально и не утвержденный еще в Военной коллегии^[393], заседавшие в Санкт-Петербурге И. И. Дмитриев-Мамонов, И. М. Лихарев, Е. И. Пашков и И. И. Бахметев вынесли решение о том, что «бывшаго томского каменданта Романа Траханиотова надлежит мертвое тело повесить...А за какие ево, Траханиотова, вины, о том в присланном из Военной каллегии держанном об нем, Траханиотове, криксрехте написано имянно»^[394].

По непостижимому совпадению, в тот же день 9 декабря в том же Санкт-Петербурге император Петр Великий во время посещения Вышнего суда между иного распорядился: «Тело умершего Рамана Траханиотова, по чиненному приговору, за вины ево повесить. И генералу-маеору и лейб-гвардии маеору господину Дмитриеву-Мамонову с товарищи учинить о том по вышеписанному его императорского величества указу»^[395].

Ситуация становится вовсе фантазмагорической, если учесть, что Вышний суд располагался тогда в Зимнем дворце («Зимнем доме»), а все следственные канцелярии — в Петропавловской крепости. То есть на разных берегах Невы, но напротив друг друга. А еще если принять во внимание, что одним из судей Вышнего суда являлся Иван Ильич Дмитриев-Мамонов.

Как бы то ни было, осуществив бюрократический синтез собственного постановления и государева указа, следственная канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова 19 декабря 1723 года приняла окончательное решение: «Тело умершего Романа Траханиотова, по прежнему их приговору сего декабря 9-го числа и по... его императорского величества имянному указу, за вины ево в Москве в пристойном месте повесить. И том послать указ гвардии капитану господину Шамордину»^[396]. Подробности «эксекции», проведенной с трупом бывшего томского коменданта, остались неизвестными.

Менее тяжкое наказание понесли бывший комендант Удинска^[86] казачий полковник Федор Рупышев и его сын Афанасий. Изобличенные

следственной канцелярией И. И. Дмитриева-Мамонова в многочисленных эпизодах получения взяток, неуплаты таможенных пошлин и контрабандной торговли пушниной с Китаем, Федор и Афанасий Рупышевы были преданы военному суду, состоявшему из презусов и ассессоров «майорских» следственных канцелярий. 30 августа 1720 года суд приговорил их к наказанию кнутом, конфискации имущества и ссылке гребцами на галеры: Федора — на три года, Афанасия — на год^{397}.

Руководство следственной канцелярией отнюдь не исчерпывало служебных занятий И. И. Дмитриева-Мамонова в последнее семилетие правления Петра I. Так, во время Персидского похода 1722 года Иван Дмитриев-Мамонов командовал батальонами Семеновского полка, которые были направлены на театр военных действий. Там Иван Ильич едва не погиб, попав со своим отрядом в сильный шторм на Каспийском море в ночь на 22 июля 1722 года. При торжественном въезде Петра I в Москву 13 декабря 1723 года после победоносного завершения похода Иван Дмитриев-Мамонов следовал верхом сразу вслед за императором^{398}.

Что касается руководства следственной канцелярией, то оно формально завершилось для И. И. Дмитриева-Мамонова в декабре 1723 года в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий. Основная часть документов канцелярии (182 дела) была в марте 1726 года передана в сенатский архив, в составе которого они и погибли в упомянутом пожаре 1737 года, а 17 дел в апреле 1726 года приняла для дальнейшего рассмотрения Юстиц-коллегия^{399}.

Последнее следственное поручение Петра I Иван Дмитриев-Мамонов получил в мае 1723 года, когда был назначен главой Канцелярии кронштадтского следствия^{400}. В этот раз Ивану Ильичу предстояло завершить расследование уголовного дела о злоупотреблениях, допущенных при строительстве Кронштадта в 1717–1722 годах. Наряду с осуществлением следственных действий И. И. Дмитриеву-Мамонову довелось фактически вступить в руководство продолжением строительства крепости и порта.

Во главе названной канцелярии он находился до сентября 1724 года, до ее передачи в подведомственность Адмиралтейской коллегии. В общем, как было сформулировано в упоминавшейся надгробной надписи на могиле Ивана Ильича, «имел особливья под своей командой многия канцелярии»^{401}.

Неординарно сложилась частная жизнь И. И. Дмитриева-Мамонова. Согласно рассказу осведомленного французского посланника Ж.

Кампредона (Jacques de Campredon), Иван Дмитриев-Мамонов, овдовев, вступил в тайную связь с племянницей Петра I царевной Прасковьей Ивановной, младшей дочерью царя Ивана V. В 1724 году незамужняя царевна родила младенца, и ее отношения с Дмитриевым-Мамоновым получили огласку^{402}. Император, хотя и воспринял эту историю весьма негативно, позволил Ивану Ильичу и Прасковье Ивановне сочетаться морганатическим браком^{403}.

Воцарение императрицы Екатерины I привело к дальнейшему карьерному возвышению И. И. Дмитриева-Мамонова. 21 мая 1725 года он был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{404}. 4 июля императрица пожаловала ему конфискованный каменный дом осужденного дьяка П. К. Скурихина, расположенный в Москве на Мясницкой улице^{405}. Наконец, 8 февраля 1726 года Иван Дмитриев-Мамонов был произведен в генерал-лейтенанты и назначен сенатором^{406}.

Ничуть не поколебалось положение Ивана Дмитриева-Мамонова и при новом императоре — Петре II. 7 мая 1727 года, в день восшествия на престол, новый император произвел И. И. Дмитриева-Мамонова в чин гвардии подполковника — с переводом в Преображенский полк^{407}. Именным указом от 31 мая 1728 года морганатическая супруга Ивана Ильича царевна Прасковья Ивановна была пожалована конфискованным московским двором А. Д. Меншикова на Мясницкой улице^{408}.

Своеобразие ситуации заключалось в том, что этот двор был в 1699 году приобретен Александром Меншиковым не у кого-нибудь, а у братьев Дмитриевых-Мамоновых^{409}. Так Иван Дмитриев-Мамонов получил возможность вновь оказаться в родных стенах, хотя и основательно перестроенных Александром Даниловичем^{87}.

Примечательный отзыв о личности Ивана Ильича оставил соприкасавшийся с ним в конце 1720-х годов первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика: «Человек храбрый, умный и решительный. Служил хорошо и был хороший офицер. Но был зол и коварен, и все его боялись»^{410}.

Совсем блестящие карьерные перспективы открылись перед И. И. Дмитриевым-Мамоновым в связи с приходом к власти в январе 1730 года императрицы Анны Иоанновны, старшей сестры царевны Прасковьи. 4 марта Иван Ильич был переназначен сенатором, а 28 апреля, в день коронации императрицы, произведен в генерал-аншефы^{411} (чин,

находившийся ступенью ниже генерал-фельдмаршала). Однако дожидаться новых высочайших милостей бывшему следователю не довелось.

24 мая 1730 года генерал-аншеф И. И. Дмитриев-Мамонов скоропостижно скончался в седле, сопровождая императрицу в подмосковную резиденцию в селе Измайлове^{412}. 29 мая он был погребен в Москве в церкви священномучеников Флора и Лавра близ Мясницких ворот, по соседству с могилами родителей.

В последний путь И. И. Дмитриева-Мамонова провожали высшие духовные чины, сенаторы, генералы, офицеры гвардии. Церемония сопровождалась пушечной пальбой и тремя ружейными залпами гвардейских батальонов^{413}.

Царевна Прасковья ненадолго пережила супруга. Быть может, из-за тоски по Ивану Ильичу она скончалась в Москве 9 октября 1731 года. Ей было всего 36 лет. Похоронили Прасковью Ивановну в Вознесенском женском монастыре в Кремле^{414}, где покоились великие княгини и царевны.

В 1934 году при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».

«А У ТВОИХ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ДЕЛ... БЫЛ БЕСКОРЫСТЕН»: Г. И. КОШЕЛЕВ

«А у твоих императорского величества дел он, муж мой, был бескорыстен, толко служил Вашему величеству с одного жалованья... А по смерти, государь, ево денег осталось два рубля семь алтын. И мне, рабе Вашей, тело мужа моего погребсти было нечем»^[415]. Так в августе 1722 года в челобитной на имя императора Петра Великого писала Анна Тимофеевна Кошелева, урожденная Кологривова, вдова одного из первых российских следователей — полковника Г. И. Кошелева. В приведенных строках Анна Тимофеевна сумела емко и точно охарактеризовать жизнь и деяния Герасима Ивановича Кошелева, которые стали выдающимся примером честного и бескорыстного служения Отечеству.

Герасим Иванович Кошелев был выходцем из не особенно родовитой дворянской фамилии, родоначальником которой считался некий Аршер Кошелев, выехавший в XVI веке из Польши в Россию на службу к великому князю всея Руси Василию III Ивановичу и верстаный (наделенный) поместьями в Рязанском, Козельском и Белевском уездах. Отец будущего следователя И. Ф. Кошелев был ветераном Русско-турецкой войны 1676–1681 годов, получил ранение в боях под Чигирином^[88]. В 1683 году Иван Кошелев удостоился «московского» чина стольника, а в 1684–1692 годах служил командиром стрелецкого полка^[416].

Согласно надгробной надписи, родился Герасим^[89] Иванович 10 июля 1671 года^[417]. Сведений о первых тридцати пяти годах его жизни сохранилось немного. Поскольку из сохранившихся автографов Герасима Ивановича очевидно, что он обладал вполне связным почерком с отчетливыми элементами графики XVII века, возможно предположить, что в юности он прошел надлежащее обучение русской грамоте.

На сегодня документально известно, что в 1692 году Герасим Кошелев состоял стольником при дворе царицы Прасковьи Федоровны^[418], супруги тогдашнего соправителя Петра I царя Ивана V. Затем, как и многие другие придворные, Г. И. Кошелев оказался на службе в гвардии.

Из опубликованных документов следует, что в декабре 1706 года Герасим Иванович уже был гвардии капитаном, командиром 15-й роты Преображенского полка^{419}. Командиры рот занимали высокое положение в полковой иерархии, назначались на должность непосредственно царем^{90}.

По всей вероятности, Г. И. Кошелеву довелось принять участие во всех основных кампаниях начального периода Великой Северной войны и в Прутском походе. В документах полкового архива сохранилось известие об участии капитана Герасима Кошелева в штурме занятого шведами укрепленного местечка Рашевки^{91} близ Полтавы 15 февраля 1709 года^{420}. 3 февраля 1713 года из командиров 15-й роты Преображенского полка Г. И. Кошелев был определен командиром 3-й роты того же полка^{421}.

Как уже отмечалось выше, Петр I лично знал всех офицеров гвардейских полков, которые образовывали своего рода высочайший кадровый резерв. С одной стороны, царь часто доверял гвардейцам выполнение различных поручений, непосредственно не связанных с военным делом (от полицейских до дипломатических), а с другой — нередко назначал их на различные государственные должности. Очередной кадровый выбор будущего императора пал на капитана Г. И. Кошелева.

15 марта 1715 года Петр I определил Герасима Ивановича главой новоучрежденной Канцелярии подрядных дел^{422}. Тогда же он был произведен в полковники. Три месяца спустя, в июле, царь дополнительно поручил Герасиму Кошелеву завершить организованный в Санкт-Петербурге смотр дворян в возрасте от десяти до тридцати лет^{423}.

При всей содержательной разнородности оба отмеченных назначения имели одно сходство: это были выгодные, «хлебные» места, располагавшие к получению щедрых «подарков». И тот факт, что в данном случае Петр I остановил свой выбор на Г. И. Кошелеве, свидетельствует о том, что Герасим Иванович имел репутацию безукоризненно честного офицера, никак не склонного поддаваться коррупционным соблазнам.

Канцелярия подрядных дел была создана для управления делами по казенным подрядам и сборам недоимок с губерний. Учреждению этой канцелярии предшествовало вскрытие грандиозной «подрядной аферы», заключавшейся в искусственном завышении цен на поставку в Санкт-Петербург и в армию провианта и фуража ответственными за такие закупки должностными лицами, которые затем осуществляли через подставных лиц эти поставки.

Колоссальные переплаты казенных денег шли в карманы лицам, осуществляющим закупки. Таким образом, Г. И. Кошелеву поручалось навести порядок в системе производства закупок для государственных нужд, выявлять злоупотребления в этой сфере.

Из введенных в научный оборот архивных документов следует, что во исполнение полученных от Петра I указаний в этот период Герасим Кошелев стал осуществлять некоторые расследования. Так, в 1715 году секретарь Петра I А. В. Макаров направил в Подрядную канцелярию подьячего, заявившего об эпизодах злоупотреблений по рекрутским наборам, «для надлежащего против доношения исследования»^{424}. Известно также, что в январе 1716 года Подрядная канцелярия занималась ревизией переписи дворов (включая следствие над «переписчиками», виновными «в утайке душ») по Санкт-Петербургской губернии^{425}.

Однако в 1716 году Г. И. Кошелеву пришлось заняться следственными делами в несравненно большем объеме. Началось с того, что 27 января 1716 года, в самом преддверии длительной зарубежной поездки, Петр I указал Герасиму Кошелеву совместно с дьяком Ф. Д. Вороновым принять в следственное производство многоэпизодное «архангельское дело», расследованием которого прежде занималась канцелярия гвардии майора князя М. И. Волконского. Одновременно, как уже повествовалось выше, Герасиму Кошелеву и Федору Воронову поручалось провести следствие и в отношении самого князя Михаила Волконского^{426}.

Появление рядом с Г. И. Кошелевым дьяка Ф. Д. Воронова было не случайным. Федор Дмитриевич являлся ключевой фигурой в следственной канцелярии, возглавлявшейся близким к царю гвардии подполковником и генерал-лейтенантом князем В. В. Долгоруковым. Поскольку Ф. Д. Воронов являлся к тому времени вполне опытным следователем, искусным в практическом законоведении, царь и прикомандировал его к «незаобычайному» в уголовном судопроизводстве Герасиму Кошелеву.

Поскольку Василий Долгоруков надолго покинул Россию в составе небольшой свиты Петра I, очень скоро встал вопрос и о судьбе уголовных дел, находившихся в производстве его следственной канцелярии. На тот момент в Санкт-Петербурге оставалось немало авторитетных правительственных и военных деятелей, потенциально способных временно заместить князя Василия Владимировича в делах канцелярии. Однако царь вновь остановил свой выбор на Г. И. Кошелеве.

13 марта 1716 года, находясь в Данциге^{92}, Петр I направил Герасиму Ивановичу указ с предписанием временно возглавить следственную

канцелярию В. В. Долгорукова. Поскольку канцелярия Василия Долгорукова занималась расследованием и финансовых злоупотреблений «полудержавного властелина» А. Д. Меншикова (основную роль в котором играл Ф. Д. Воронов), именной указ, стоит повторить, заканчивался не вполне ординарной фразой: «Також и ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»^{427}.

Таким образом, на плечи Г. И. Кошелева оказался взвален непомерный груз. Продолжая руководить Подрядной канцелярией, он возглавил расследование внушительного комплекса уголовных дел, большая часть из которых носила, выражаясь современным языком, резонансный характер. Среди подследственных Герасима Ивановича оказались такие «птенцы гнезда Петрова», как бывший архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов, бывший обер-комиссар Д. А. Соловьев (с братьями Федором и Осипом), генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, бывший глава следственной канцелярии М. И. Волконский.

Как уже упоминалось, по приговору суда 9 декабря 1717 года М. И. Волконский был расстрелян. В тот же день Петр I образовал сразу шесть «майорских» следственных канцелярий, одна из которых — канцелярия под руководством Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова — была образована на основе уже существовавшей с 1716 года временной следственной канцелярии, находившейся в их ведении.

До наших дней благополучно сохранился подписанный Петром I Наказ следственной канцелярии от 9 декабря 1717 года, данный «господину полковнику Кошелеву и дьяку Воронову»^{428}. Наказ этот начинался со следующего положения: «Дела нижеперечисленные по доношению фискальскому розыскать вам накрепко, правдою, не лицемеря, ниже маня или посягая, но как перед Богом и светом доброй ответ дать, как добрым и честным офицерам надлежит, без всяких приказных крючков, но яко правдивому судье и истцу быть надлежит».

Содержал этот акт и указания на последствие несоблюдения его положений: «Ежели ж какая мана, взятка или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего майора Волконского)». Наказом определялись полномочия следственной канцелярии по ведению розыска^{429}.

За канцелярией Герасима Кошелева и Ф. Д. Воронова были закреплены и дела, расследование которых было начато канцелярией В. В. Долгорукова. Например, возбужденное в 1714 году московским фискалом М. А. Косым дело по обвинению комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина во

взятках и хищениях казенных средств — на более чем внушительную по тем временам сумму в 140 тысяч 665 рублей — рассматривалось первоначально в следственной канцелярии В. В. Долгорукова. Будучи временно перенесено (по именному указу от 13 марта 1716 года) в следственную канцелярию Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова, это дело было окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 года^{430}.

Значительным успехом деятельности следственной канцелярии Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова явилось изобличение ими братьев Дмитрия, Осипа и Федора Соловьевых, которые, пользуясь покровительством А. Д. Меншикова, создали, в современном понимании, международную преступную группу, занимавшуюся крупномасштабными махинациями с экспортными товарами. На случай уголовного преследования О. А. Соловьев даже тайком оформил себе голландское гражданство. Общий штрафной начет на братьев составил в итоге астрономическую сумму в 709 тысяч 620 рублей^{431}.

Но все изменилось с началом активной фазы следствия по делу царевича Алексея, в ходе которой, как уже говорилось выше, в феврале 1718 года по обвинению в пособничестве царевичу был арестован и в последующем казнен дьяк Федор Воронов.

Герасим Кошелев остался в этом деле вне подозрений. Более того, он был включен в состав специального судебного присутствия из 127 судей, учрежденного для рассмотрения дела бывшего наследника престола. 24 июня 1718 года после единственного заседания этот суд вынес Алексею Петровичу смертный приговор. Подпись полковника Герасима Кошелева стоит под приговором 31-й по счету.

В 1718 году, оставшись без компетентного помощника Ф. Д. Воронова и будучи обременен новыми поручениями по Подрядной канцелярии, Герасим Кошелев начал все более отходить от активного участия в расследовании уголовных дел.

Так, в ноябре 1718 года по своим параллельным служебным обязанностям «для нужнейших его величества дел» он отправился в Ярославль и Нижний Новгород. Все дела канцелярии Герасима Ивановича были переданы в следственную канцелярию ведения майора гвардии князя Г. Д. Юсупова^{432} (о котором еще пойдет речь).

В том же 1718 году Г. И. Кошелев стал советником Камер-коллегии, созданной Петром I в числе первых коллегий именованным указом от 11 декабря 1717 года. К компетенции коллегии относились «всякое

расположение и ведение доходов денежных всего государства»^{433}. Отвечая за доходную часть государственного бюджета, Камер-коллегия осуществляла сбор всех видов налогов, контролировала соляные промыслы и монетное дело.

Формально окончательное освобождение Герасима Кошелева от руководства следственной канцелярией произошло в апреле 1719 года. Согласно именному указу от 10 апреля 1719 года «канцелярия розыскных дел, которая была под ведением полковника и лейб-гвардии капитана господина Кошелева» была передана под руководство гвардии майора М. А. Матюшкина^{434}. К моменту ликвидации следственная канцелярия Г. И. Кошелева располагала вполне внушительным штатом канцелярских служащих: в ней трудились дьяк Иван Васильев, трое старших и 15 «средней статьи» и «молодых» (младших) подьячих^{435}.

Герасим Кошелев продолжил службу в Камер-коллегии. Указом Петра I от 18 января 1722 года он был назначен президентом Камер-коллегии, и уже 5 февраля 1722 года последовал указ о немедленном его прибытии в Москву из Санкт-Петербурга. Тем не менее Кошелев не сразу приступил к своим обязанностям, чтобы прежний президент князь Д. М. Голицын смог завершить неотложные дела.

Из архивного документа следует, что в качестве, в современном понимании, служебного жилья президент Герасим Кошелев получил от Сената в Москве дом, прежде конфискованный у некоего «купецкого человека» Сидора Михайлова. Дом этот располагался за Москвой-рекой, в Нижних Садовниках, в приходе церкви Николая Чудотворца^{436}.

Вскоре после вступления в должность, 5 августа 1722 года, Герасим Кошелев умер в Москве на 52-м году жизни. Похоронили Герасима Ивановича на кладбище церкви Ризоположения у Донского монастыря^{437}.

В начале XVIII века местность вокруг храма, каменное здание которого построено в 1701–1716 годах, была малонаселенной, приход — сравнительно небольшим. В 1722 году в нем значилось 130 домов. Среди прихожан преобладали простолюдины — жители московского предместья: ремесленники и мелкие торговцы, огородники^{438}. Каменное здание храма, возведенное в петровское время, сохранилось до настоящего времени^[93].

Сегодня на месте находившегося у церкви погоста разбит сквер. Найденные при проведении земляных работ останки захороненных у храма погребены на территории сквера в общей могиле, место которой обозначено большим валуном с установленным на нем черным каменным крестом. Возможно, именно там покоятся останки и одного из первых

российских следователей — полковника Герасима Кошелева, обладавшего феноменальной среди «птенцов гнезда Петрова» честностью.

Как явствует из архивного документа, возглавлявший Подрядную канцелярию, через которую проходили все заключаемые с казной контракты, а затем ставший президентом Камер-коллегии, Герасим Кошелев (как уже было отмечено) оставил после себя 2 рубля 7 алтын наличных денег при 864 рублях долга. Недвижимого же имущества за ним на момент смерти было всего-навсего восемь крестьянских дворов. Хоронить этого бессребреника пришлось на 100 рублей, пожертвованных из личных средств его бывшим однополчанином, капитаном Преображенского полка генерал-прокурором П. И. Ягужинским, и выданные под проценты 100 рублей из канцелярии ведомства еще одного однополчанина — гвардии майора А. И. Ушакова^{439}.

В ответ на челобитную вдовы согласно указу Правительствующего сената от 10 августа 1722 года «за службы» Герасима Ивановича и его «бескорыстную работу и для ево скудости» ей была выплачена тысяча рублей^{440}. Таков был эпилог жизни Герасима Ивановича Кошелева.

«БЕЗ ИМЯННОГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ ОТДАТЬ В СЕНАТ НЕ СМЕЮ...»: С. А. САЛТЫКОВ

Семена Андреевича Салтыкова затруднительно отнести к числу общеизвестных ныне государственных деятелей императорской России. На сегодняшний день оказались подзабыты как правительственная, так и следственная деятельность Семена Андреевича. В литературе чаще всего отмечался лишь его вклад в дело сохранения российского самодержавия в дни политического кризиса 1730 года.

С. А. Салтыков принадлежал к старинной и знатной (хотя и нетитулованной) дворянской фамилии, родоначальником которой считался Михайло Прушанин, выехавший из Пруссии в Великий Новгород в XIII веке. В XVI–XVII веках многие представители рода занимали высокие должности при дворе и на государственной службе. В 1684 году Салтыковым довелось и вовсе породниться с царствующим домом: дочь боярина Ф. П. Салтыкова Прасковья Федоровна была выдана замуж за царя Ивана V, соправителя Петра I.

Согласно надгробной надписи, Семен Салтыков родился 10 апреля 1672 года^{441}. Поскольку в XVII веке жили двое братьев Андреев Салтыковых (Андрей Большой и Андрей Меньшой), установить, к какой именно ветви рода относился Семен Андреевич, сегодня крайне затруднительно.

Из обстоятельств первых двадцати пяти лет жизни С. А. Салтыкова известно лишь, что он рано удостоился высокого придворного чина комнатного стольника. В январе 1697 года в составе группы из двадцати двух стольников Семен Салтыков был отправлен для обучения морскому делу и кораблестроению в Англию и Голландию. Для охраны и услужения с Семеном Андреевичем был командирован гвардии сержант Тимофей Коробов^{442}.

В каких местах, сколько времени и чему конкретно учился С. А. Салтыков в Западной Европе, поныне неизвестно. В отличие от выехавшего одновременно с ним в Италию будущего главы Тайной канцелярии стольника П. А. Толстого (о котором подробно будет рассказано ниже) никаких путевых записок Семен Андреевич не оставил.

В 1700 году, вскоре после возвращения в Россию, С. А. Салтыков был

зачислен в гвардии Преображенский полк. С полком он прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны, драматического Прутского похода. Однако никаких сведений о его участии в конкретных боевых операциях выявить на сегодня не удалось.

Известно, впрочем, что в первые полтора десятилетия XVIII века военная карьера С. А. Салтыкова проходила на строевых должностях. И карьера эта складывалась вполне успешно. К 1706 году Семен Андреевич стал уже капитаном, командиром 10-й роты Преображенского полка^[443], а 8 мая 1715 года был произведен в гвардии майоры^[444].

Подобная динамика свидетельствовала о немалых боевых и командирских заслугах Семена Андреевича. Как уже не раз отмечалось, чинопроизводством в гвардейских полках занимался лично Петр I — скупой на поощрения и учитывавший исключительно результаты служебно-боевой деятельности «штаб-и обор-афицеров» (о которой был неизменно детально осведомлен).

Первое назначение, не связанное со строевой службой, С. А. Салтыков получил в 1717 году — возглавил следственную канцелярию. Как свидетельствует архивный документ, при выработке в начале декабря 1717 года проекта указа об учреждении новых «майорских» следственных канцелярий Петр I определил майора Преображенского полка Семена Салтыкова презусом одной из них^[445].

Учредительный указ о создании следственной канцелярии С. А. Салтыкова был издан 9 декабря 1717 года. Канцелярии Семена Салтыкова поручалось производство уголовных дел по обвинению бывшего казанского губернатора П. М. Апраксина и азовского вице-губернатора С. А. Колычева.

Уже упоминавшийся весьма информированный французский консул в Санкт-Петербурге А. де Лави извещал руководство в декабре 1718 года, что, учредив новые «майорские» канцелярии, Петр I собрал их презусов и ассессоров и обратился к ним со следующим напутствием: «Братцы! Не имея никого, кому бы я мог довериться более чем вам, назначаю вас судьями лиц, обманувших меня и злоупотребивших своей властью... Пусть ваши суждения руководствуются внушениями совести»^[446].

Вместе с Семеном Салтыковым в руководство следственной канцелярии в качестве ассессоров вошли гвардии капитан А. И. Панин^[94] и гвардии капитан-поручик Д. Г. Голенищев-Кутузов^[95]. Несколько позднее к ним присоединился гвардии капитан И. И. Горохов^[96].

С течением времени ассессорский состав канцелярии С. А. Салтыкова

редел. В 1720 году скончался Иван Горохов. Алексей Панин 10 февраля 1720 года получил должность смоленского вице-губернатора^{447}. Сведений о том, что на место выбывших ассессоров назначались новые, выявить к настоящему времени не удалось. Только Дормидонт Голенищев-Кутузов проработал в следственной канцелярии С. А. Салтыкова весь период ее существования.

Вскоре после назначения главой «майорской» следственной канцелярии С. А. Салтыков был привлечен к участию в деле царевича Алексея Петровича, обвиненного в совершении государственных преступлений. Правда, в отличие от своих сослуживцев по Преображенскому полку майоров Г. Г. Скорнякова-Писарева (о нем еще пойдет речь) и А. И. Ушакова, непосредственно участвовавших в расследовании дела, Семен Андреевич обеспечивал лишь «силовую поддержку» следственных действий. 8—11 февраля 1718 года он руководил задержанием в Санкт-Петербурге группы подозреваемых^{448}. Семен Салтыков вошел также в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июля 1718 года Алексея Петровича к смертной казни^{449}.

Подобно иным «майорским» канцеляриям, канцелярия С. А. Салтыкова получила в производство исключительно дела по должностным преступлениям. Наиболее значительные ее усилия сосредоточились на расследовании дела азовского вице-губернатора С. А. Колычева.

Почти одногодок Семена Андреевича, Степан Колычев (родившийся в 1673 или 1674 году) начал карьеру также в комнатных стольниках^{450}, служил в Бутырском, а с 1695 года — в гвардии Семеновском полку. В 1697 году был отправлен (в одной группе с С. А. Салтыковым) для обучения за границу^{451}. В 1707 году Степан Андреевич Колычев стал воронежским обер-комендантом, а 28 ноября 1713 года — азовским вице-губернатором^{97}. В 1714 году в качестве пограничного комиссара занимался также разграничением земель с Турцией^{452}.

Первые обвинения против вице-губернатора С. А. Колычева были выдвинуты фискальской службой России в 1715 году. В докладе, представленном тогда Петру I, вице-губернатору инкриминировались три эпизода: 1) неисполнение указа о конфискации татарских деревень; 2) упущения по взысканию налогов, 3) незаконное изъятие у крестьян на личные нужды «сена многова числа».

Наложённая на доклад пространная высочайшая резолюция гласила: «И протчаго что от тамашних жителей явитца, как от великороссийского

народа, так и от слободских полкоф^[98], о чем, приехаф, надлежит им сказать, ежели имеют что всяких жалоб кроме мес[т]ных вершенных дел между ими»^[453].

Судя по всему, Петр I уже тогда замышлял основать для проведения следствия о злоупотреблениях С. А. Колычева особую следственную канцелярию, направив ее руководителя в Воронеж. Царское намерение осталось, однако, неосуществленным.

Никакого выездного расследования фискальских обвинений против Степана Колычева в середине 1710-х годов так и не состоялось. Поступившее в итоге для разбирательства в Правительствующий сенат дело С. А. Колычева (как и множество других, возбужденных фискалами) легло без движения.

События декабря 1717 года показали, что Петр I не забыл об обвинениях, выдвинутых против Степана Колычева. Более того: канцелярии Семена Салтыкова предстояло расследовать уже пять эпизодов преступной деятельности азовского вице-губернатора. К трем эпизодам, фигурировавшим в отмеченном докладе 1715 года, добавились обвинения в организации незаконных денежных и излишних провиантских сборов^[454].

Однако поначалу вице-губернатор устоял. Время шло, следственная канцелярия работала, а Степан Колычев как ни в чем не бывало продолжал исполнять свои обязанности. Последовавшее 19 февраля 1721 года отстранение его от вице-губернаторства, дополненное предписанием «быть в Санкт-Питербурх... немедленно»^[455], вовсе не означало опалы. Напротив, уже в июле Степана Андреевича ожидало сколь хлопотное, столь и ответственное высочайшее поручение: организовать грандиозный всероссийский смотр дворян^[456].

Заботы по проведению смотра имели закономерным последствием состоявшееся 18 января 1722 года назначение С. А. Колычева на только что учрежденную должность герольдмейстера при Сенате. Но это назначение не стало финалом карьеры бывшего вице-губернатора. 17 апреля Петр I определил Степана Колычева «по окончании нынешняго генерального смотру дворян» — президентом Юстиц-коллегии^[457]. В истории отечественной государственности сложилась едва ли не уникальная ситуация: основной фигурант резонансного уголовного дела возглавил центральный орган правосудия и судебного управления империи.

Подобный карьерный взлет Степана Андреевича был, впрочем, вполне объясним: ему покровительствовал могущественный президент Адмиралтейской коллегии, генерал-адмирал и сенатор Ф. М. Апраксин^[458].

Однако ни завершить «генеральный смотр», ни вступить в управление Юстиц-коллегией С. А. Колычеву не довелось.

Дело в том, что С. А. Салтыкову удалось (судя по всему, после длительных усилий) добиться высочайшей санкции на арест Степана Колычева, и в двадцатых числах апреля 1722 года того взяли под стражу. Наряду с этим Семен Салтыков представил императору состоявший из семи пунктов доклад о результатах следствия над бывшим вице-губернатором^{459}.

Согласно докладу следственной канцелярии, Степану Колычеву вменялись в вину пять эпизодов: 1) хищение — путем подлога в приходной адмиралтейской книге 1709–1711 годов — 10 тысяч рублей; 2) использование на личные нужды различных припасов (красок, гвоздей, медной посуды, железа), а также держание при себе на протяжении шести лет двух мастеров «на государеве жалованье»; 3) расход, также наличные нужды, в бытность в Петербурге 200 казенных рублей; 4) незаконное присвоение части выморочного имущества казачьих полковников Ивана и Данилы Перекрестовых — с оформлением фальшивых записей о выдаче их вещей двум покойным воронежским администраторам; 5) самоуправное увеличение в 1720 году денежных сборов с населения губернии.

Наиболее серьезным, несомненно, явился эпизод о хищении 10 тысяч рублей. Между тем именно по данному эпизоду следствию так и не удалось сформировать прочную доказательственную базу. Сложилось так, что главный свидетель обвинения дьяк Василий Ключарев, будучи подвергнут пытке, изменил в этом пункте свои показания. Сведения о казнокрадстве С. А. Колычева не подтвердили и привлеченные по инициативе В. Ключарева в качестве свидетелей (и также подвергнутые пытке) воронежские целовальники Тимофей Сахаров, Прокофий Аникиев, Никифор Русинов и Петр Горденин.

Справедливость ряда обвинений Степан Колычев признал, выразив готовность возместить ущерб, причиненный казне. 18 мая 1722 года, явившись в Сенат, С. А. Салтыков предъявил подлинник своего доклада, на последнем листе которого Петр I собственноручно начертал: «Выслушать в Сенате и, приговор учиня, прислать для конфирмации ко мне»^{460}. Иными словами, Степан Колычев был отдан под суд Правительствующего сената — с последующим утверждением приговора императором.

Подобное решение Петра I не сулило бывшему азовскому вице-губернатору ничего хорошего. Ведь немногим более года назад под суд Сената уже попадал другой региональный администратор — бывший

сибирский губернатор князь М. П. Гагарин, дело которого было расследовано следственной канцелярией И. И. Дмитриева-Мамонова.

Тогда разбирательство дела не затянулось. Как уже говорилось, получив 13 марта 1721 года соответствующий именной указ, Правительствующий сенат провел всего лишь два судебных заседания. Ни подсудимый, ни свидетели не заслушивались. Сенаторы ограничились ознакомлением с подготовленной в следственной канцелярии выпиской об эпизодах преступной деятельности, инкриминированных бывшему губернатору. Уже 14 марта Сенат приговорил князя Матвея Гагарина к смертной казни, и 16 марта он был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

Однако рассмотрение обстоятельств уголовного дела Степана Колычева сложилось отнюдь не так форсированно. Впервые Сенат обратился к его делу 13 июня 1722 года. В этот день было решено истребовать из канцелярии С. А. Салтыкова вещественные доказательства по делу и допросить Степана Колычева по эпизоду о присвоении им 200 казенных рублей.

22 августа сенаторы постановили ознакомить подсудимого с подготовленной в следственной канцелярии выпиской и другими материалами по его делу, а также вызвать из Воронежа дополнительных свидетелей^{461}. На этом судебное исследование дела С. А. Колычева в 1722 году закончилось.

Подобная медлительность судебного следствия вызвала негативную реакцию С. А. Салтыкова — тем более что, хотя и перейдя в статус подсудимого, Степан Колычев продолжал содержаться под стражей в следственной канцелярии. Ситуацию окончательно обострило решение Сената от 8 марта 1723 года о переводе С. А. Колычева и иных фигурантов дела под сенатский караул и этапировании их в Санкт-Петербург^{462}.

В ответ Семен Салтыков направил Петру I особый доклад («пункты памятные»), в котором прямо обвинил сенаторов в потворстве С. А. Колычеву. Особое негодование гвардии майора вызвало упоминавшееся решение Сената об ознакомлении Степана Колычева с материалами следственного дела.

Заодно С. А. Салтыков уведомил императора об отказе исполнять распоряжение Сената о передаче фигурантов дела под сенатский караул, заявив, что сделает это только с санкции главы государства. Как писал сам Семен Андреевич, «пришед я в Сенат, объявил, что об нем, Колычове, дела и ево, Колычова... без имянного его величества указу отдать в Сенат не

смею»^[463].

События марта 1723 года вдвойне примечательны. С одной стороны, не вызывает сомнений, что, вступив в открытое противостояние с сенаторами (в первую очередь с могущественным генерал-адмиралом Федором Апраксиным), Семен Андреевич проявил незаурядное личное мужество. С другой стороны, как представляется, в приведенном эпизоде С. А. Салтыков взялся отстаивать, в современном понимании, процессуальную независимость следователя.

Впрочем, руководить следственной канцелярией гвардии майору Семену Салтыкову оставалось уже недолго. В декабре 1723 года канцелярия С. А. Салтыкова — в числе прочих «майорских» канцелярий — подверглась упразднению.

Что же до Степана Колычева, то сенатский суд над ним тянулся до января 1725 года, до самой кончины Петра I. А уже 9 февраля взошедшая на престол императрица Екатерина I назначила вчерашнего арестанта Степана Колычева генерал-рекетмейстером при Сенате^[464]. Благодаря высокому покровительству пребывание под судом и следствием завершилось для Степана Андреевича куда более благоприятно, нежели для его бывшего соратника по губернаторскому корпусу князя Матвея Гагарина^[99].

Остается добавить, что руководство следственной канцелярией явилось отнюдь не единственным служебным занятием С. А. Салтыкова в первой половине 1720-х годов. 25 января 1722 года Петр I назначил его главой канцелярии ревизии переписи душ в Нижегородской губернии^[465].

Задачей переписных канцелярий (всего их было учреждено девять) являлась проверка на вверенных территориях сведений о числе лиц мужского пола («душ м. п.», как они именовались в документах). Канцелярия Семена Салтыкова проработала до февраля 1727 года, документально зафиксировав наличие 431 тысячи душ.

Между тем переписные канцелярии не только устанавливали реальное количество душ, но также осуществляли судебную-следственную деятельность. Канцелярии были наделены полномочиями возбуждать уголовные дела и выносить по ним приговоры, если возникали подозрения, что проверявшиеся лица являлись беглыми крестьянами или холопами, либо в случаях «утайки душ» их владельцами. Например, в 1723 году С. А. Салтыков, выявив укрытие от проверки двадцати шести «душ м. п.» помещицей А. Я. Волковой, постановил конфисковать ее поместье «на государя»^[466].

Руководство следственной и переписной канцеляриями не означало, что Семен Андреевич покинул военную службу. При всем том, что сведений о конкретных командирских обязанностях С. А. Салтыкова в Преображенском полку выявить за этот период не удалось, в чинах он повышался с завидной регулярностью: 6 января 1719 года был произведен в бригадиры, а 28 января 1722 года — в генерал-майоры (его гвардейский чин при этом сохранялся как параллельный).

Кончина Петра I никак не повлияла на карьерный рост С. А. Салтыкова: 21 мая 1725 года в числе первых в России он был пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского, в феврале 1726-го стал сенатором, а в феврале 1727 года — генерал-лейтенантом.

В том же 1727 году С. А. Салтыкову довелось принять активное участие в отстранении от власти «полудержавного властелина» — генералиссимуса А. Д. Меншикова, ставшего к этому времени фактическим правителем Российской империи. Именно Семен Андреевич, явившись 8 сентября во дворец Александра Меншикова, объявил ему об аресте. Несмотря на то что формально С. А. Салтыков действовал по поручению двенадцатилетнего императора Петра II^[467], ситуация могла обернуться самым непредсказуемым образом.

Обладавший огромной властью, имевший в личном подчинении воинские части, А. Д. Меншиков имел реальную возможность предпринять встречные действия, в одночасье осуществить дворцовый переворот. При подобном развитии событий С. А. Салтыков рисковал не только карьерой, но и свободой (если не жизнью). Несомненно, что возложение на Семена Салтыкова подобного поручения свидетельствовало о том, что он имел репутацию человека незаурядного мужества.

Вновь в «большую политику» Семен Андреевич активно вмешался в январе 1730 года, в дни острого политического кризиса, связанного с попыткой ограничить самодержавие в России, — в момент восшествия на престол царевны Анны Иоанновны, дочери соправителя Петра I царя Ивана V^[468]. Именно С. А. Салтыков в ночь на 29 января 1730 года предпринял наиболее решительные действия в поддержку Анны Иоанновны, что в итоге сохранило незыблемыми самодержавные устои империи.

Новая императрица, приходившаяся Семену Салтыкову дальней родственницей, не забыла его роли в этих драматичных для нее событиях: 4 марта он был повторно определен к присутствию в Сенате, 6 марта произведен в генерал-аншефы и назначен обер-гофмейстером двора, 30

марта — пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного. В ноябре Семен Андреевич стал генерал-адъютантом, а 28 января 1733 года возведен в графское достоинство.

В 1732 году, когда императорский двор после долгого пребывания в Москве вновь переехал в Санкт-Петербург, Анна Иоанновна назначила С. А. Салтыкова «главнокомандующим в Москве», то есть старшим должностным лицом по управлению бывшей столицей и ее губернией. На этой должности Семен Андреевич пробыл до конца жизни.

Властные полномочия Семена Салтыкова в Москве были увеличены в августе 1732 года, когда императрица дополнительно назначила его главой Московской конторы Тайной канцелярии — специализированного суда по государственным преступлениям. Согласно именному указу от 12 августа 1732 года Семену Андреевичу предписывалось, в частности, вести дела «в надлежащей тайности и порядке»^[469]. Так С. А. Салтыкову довелось тесно соприкоснуться с расследованием дел по государственным преступлениям.

Кроме того, в 1734–1736 годах граф Семен Салтыков возглавлял также особую следственную комиссию по расследованию деятельности московских питейных и таможенных компанийщиков^[470]. Судя по всему, тогда Семен Андреевич последний раз выступил непосредственно в роли следователя.

Скончался С. А. Салтыков 1 октября 1742 года и был погребен в самом центре Москвы, на кладбище Никитского женского монастыря. Могила его благополучно сохранялась до начала XX века^[471].

В 1930–1933 годах монастырские постройки были снесены, а кладбище уничтожено. В 1934–1935 годах на месте монастыря и кладбища было возведено здание Никольской электростанции Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича^[100].

Остается вспомнить еще об одной заслуге С. А. Салтыкова — воспитании достойных преемников. Потомки Семена Андреевича — его старший сын Салтыков Петр Семенович (1698 года рождения) и внук Салтыков Иван Петрович (1730 года рождения) — не только продолжили достойное служение Отечеству, но и стали на этом поприще генерал-фельдмаршалами.

«ВЕРНО И ТРУДОЛЮБНО СЛУЖИЛ ВСЕРОССИЙСКИМ ЦАРЯМ...»: КНЯЗЬ Г. Д. ЮСУПОВ

Князь Григорий Дмитриевич Юсупов известен сегодня прежде всего как военный деятель и сподвижник Петра Великого, а также как активный участник событий, связанных с воцарением племянницы первого российского императора Анны Иоанновны. В то же время следственная деятельность Г. Д. Юсупова оказалась к настоящему времени совсем забыта.

Григорий Дмитриевич принадлежал к роду князей Юсуповых, родоначальником которого считался видный золотоордынский полководец, а затем основатель правящей династии Ногайской орды эмир Едигей-Мангит (умер в 1419 году), известный, в частности, предпринятым в 1408 году опустошительным набегом на Московское великое княжество^{472}. Прямой потомок Едигея-Мангита Иль-мурза, сын князя Юсуфа, прибыл в 1563 году в Россию на службу к царю Ивану IV Васильевичу.

Потомки Иль-мурзы стали именоваться на русский манер Юсуповыми или Юсуповыми-Княжево^[101]. Г. Д. Юсупов был младшим сыном правнука князя Юсуфа Абдулы-мурзы, принявшего православие под именем Дмитрия Сеюшевича, и Екатерины Яковлевны, урожденной Хомутовой^{473}.

Согласно сведениям пространной надгробной надписи, князь Григорий Дмитриевич родился 17 ноября 1676 года^{474}. Получив еще в раннем детстве высокий придворный чин стольника, Григорий Юсупов предпочел затем, однако, кремлевским коридорам поля сражений. За участие в Азовских походах 1695–1696 годов он был произведен в есаулы, а затем дослужился до капитана в драгунском полку.

С 1700 года военная карьера Григория Дмитриевича оказалась связана с российской гвардией. В отмеченном году князь был зачислен с чином поручика в Преображенский полк, с которым прошел все кампании начального периода Великой Северной войны, участвовал в тяжелейшем Прутском походе.

Воевал потомок Едигея-Мангита весьма достойно. Уже в 1701 году он был произведен в капитан-поручики, а в 1706-м — в капитаны. В битве с корпусом шведского генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта при деревне

Лесной 28 сентября 1708 года гвардии капитан Г. Д. Юсупов был дважды ранен^{475}. 3 августа 1711 года, сразу после выхода российской группировки из «прутского котла», командир 1-й роты Преображенского полка Григорий Юсупов был удостоен чина гвардии майора^{476}.

Как уже не раз было отмечено, с начала 1710-х годов Петр I стал все чаще поручать лично известным ему гвардейским офицерам исполнение поручений следственного характера. Следственное поприще ожидало и Г. Д. Юсупова.

11 ноября 1717 года Петр I указал командировать в Санкт-Петербург 14 офицеров гвардейских полков, в том числе батальонного командира Преображенского полка майора Григория Юсупова^{477}. Для начала вызванные офицеры, по всей очевидности, вошли в состав военного суда, учрежденного для рассмотрения дела следователя М. И. Волконского, обвиненного в совершении преступлений против интересов службы.

Процесс над Михаилом Волконским еще не завершился, когда Петр I определил князя Григория Дмитриевича в качестве презуса в состав одной из проектируемых новых «майорских» канцелярий^{478}. Ассессорами в канцелярию Григория Юсупова Петр I определил командира 14-й роты Преображенского полка капитана Б. Г. Скорнякова-Писарева (младший брат гвардии майора Г. Г. Скорнякова-Писарева, о котором еще пойдет речь), командира 2-й роты того же полка капитана С. Б. Федорова и поручика 9-й роты И. И. Бибикова. Формальное основание следственной канцелярии Г. Д. Юсупова (и еще шести «майорских» канцелярий) состоялось 9 декабря 1717 года.

Того же 9 декабря 1717 года руководителям новоучрежденных следственных канцелярий были вручены подписанные царем типовые указы, а также реестры подлежащих расследованию дел. Канцелярия ведения Григория Юсупова получила в производство подборку из трех уголовных дел^{479}, прежде обозначенных Петром I как «бахмуцкое дело».

Ассессорский состав канцелярии Г. Д. Юсупова не оставался неизменным. Уже в 1718 году скончался гвардии капитан Семен Федоров^{480}. Капитан Богдан Скорняков-Писарев получил в январе 1719 года указание царя отправиться в Астрахань, где единолично произвести следствие о должностных злоупотреблениях группы офицеров местного гарнизона во главе с обер-комендантом гвардии поручиком М. И. Чириковым. Тем самым Богдан Григорьевич стал руководителем самостоятельной следственной канцелярии.

Вместо отмеченных лиц следователем в канцелярию Г. Д. Юсупова

был назначен поручик Преображенского полка С. М. Украинцев. Что касается канцелярских служащих, то известно, что в январе 1718 года в следственной канцелярии князя Григория Дмитриевича трудились 15 подьячих во главе с дьяком Матвеем Алексеевым^{481}.

Систематически исследовать следственную деятельность канцелярии Григория Юсупова не представилось возможным — из-за гибели основной части ее документации в опустошительном пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года^{482}. Однако ряд подробностей работы канцелярии установить все же удалось.

Основным фигурантом «бахмуцкого дела» стал комендант города Бахмута^{102} князь Д. А. Кольцов-Масальский, обвиненный в казнокрадстве и злоупотреблениях должностными полномочиями. По результатам проведенного расследования Дмитрий Кольцов-Масальский был в 1718 году признан виновным в хищении 80 тысяч рублей и приговорен к повешению.

Приговор, однако, не был приведен в исполнение. Накануне казни Дмитрий Кольцов-Масальский умер и был похоронен. По свидетельству осведомленного прусского дипломата, узнав об этом, Петр I распорядился извлечь тело князя из могилы, а затем повесить^{483} (подобные посмертные санкции практиковались царем и впоследствии). Более того: тело Д. А. Кольцова-Масальского для устрашения казнокрадов оставалось на виселице целых два месяца^{484}.

Согласно архивному документу, наряду с «бахмуцким делом» канцелярия Г. Д. Юсупова осуществляла предварительное следствие по уголовным делам по обвинению казачьих полковников из Харькова и Изюма^{103} в хищении денежной казны, собранной для покупки фуража, а также в присвоении проезжих пошлин, взимавшихся с лиц, направлявшихся с товарами в Бахмут и из Бахмута. Отдельно расследовалось уголовное дело по обвинению полкового судьи Изюмского полка Данилы Данилевского в грабеже подданных Речи Посполитой. Наконец, канцелярия Г. Д. Юсупова «унаследовала» дела следственной канцелярии полковника А. Н. Головкина (по Киевской губернии) и следственной канцелярии гвардии подполковника В. В. Долгорукова^{485}.

Кроме того, канцелярия Г. Д. Юсупова несколько раз временно принимала к производству дела других канцелярий, руководители которых направлялись Петром I выполнять поручения по параллельным служебным обязанностям. Первый такой случай имел место осенью 1718 года, когда руководитель другой следственной канцелярии полковник Г. И. Кошелев

был командирован царем в Рыбную слободу. Согласно именному указу от 17 ноября 1718 года, на время отсутствия Герасима Кошелева дела, расследовавшиеся канцелярией его ведения, передавались в канцелярию князя Григория Дмитриевича^{486}.

5 декабря 1719 года Петр I указал временно передать в следственную канцелярию Г. Д. Юсупова уголовные дела следственной канцелярии гвардии майора М. А. Матюшкина^{487}. Учитывая, однако, что по именному указу от 10 апреля 1719 года Михаил Матюшкин возглавил канцелярию, которой прежде руководил Г. И. Кошелев, князь Григорий Дмитриевич вновь ненадолго получил в производство своей канцелярии некоторые уже известные ему уголовные дела.

Вскоре после назначения главой следственной канцелярии Г. Д. Юсупов был привлечен к участию в деле царевича Алексея Петровича, но в отличие от своего сослуживца по Преображенскому полку майора Г. Г. Скорнякова-Писарева, принявшего активное участие в расследовании, обеспечивал лишь «силовую поддержку» следственных действий.

В период с 8 по 21 февраля 1718 года он руководил сначала задержанием в Санкт-Петербурге группы подозреваемых, а затем этапированием их в Москву^{488}. Как и другие гвардейские офицеры, Г. Д. Юсупов был определен в состав специального судебного присутствия, которое в ходе единственного формального заседания приговорило 24 июня 1718 года Алексея Петровича к смертной казни. Подпись Григория Юсупова стоит на приговоре 25-й по счету.

Как следует из обстоятельств чинопроизводства князя Г. Д. Юсупова, Петр I высоко оценивал результаты его следственной деятельности. В 1719 году Григорий Юсупов, оставаясь гвардии майором, был параллельно произведен в бригадиры^{489}, а 28 января 1722 года — в генерал-майоры.

Во главе следственной канцелярии Г. Д. Юсупов находился ровно пять лет. Как уже упоминалось, 9 декабря 1723 года император издал указ об упразднении «майорских» канцелярий. 10 ноября 1724 года Григорий Юсупов направил в Правительствующий сенат пространный доклад о ликвидации возглавлявшейся им канцелярии^{490}. 8 декабря князь Григорий Дмитриевич был определен в Сенат, став последним сенатором, назначенным императором Петром Великим^{491}.

Воцарение императрицы Екатерины I никак не ухудшило карьеры Г. Д. Юсупова. 21 мая 1725 года он был — в числе первых в России — пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{492}. В том же году князь Григорий Дмитриевич был произведен в генерал-лейтенанты.

Сохранил Г. Д. Юсупов и расположение юного императора Петра II. В ноябре 1727 года Григорий Дмитриевич стал подполковником Преображенского полка^{493} и в том же году был назначен первенствующим членом Военной коллегии.

После скоропостижной кончины Петра II в соответствии с решением Верховного тайного совета Г. Д. Юсупов проводил следствие о казенных вещах, утаенных фаворитом императора Петра II обер-камергером князем И. А. Долгоруковым. Последний был обвинен князем А. М. Черкасским в краже ценных вещей из кабинета покойного императора Петра II: кинжала и ларца. Григорий Юсупов произвел обыск имения Ивана Долгорукова, обнаружил указанные вещи и вернул их во дворец.

В дни политического кризиса января — февраля 1730 года, разразившегося при восшествии на престол императрицы Анны Иоанновны, Г. Д. Юсупов занял отчетливо непоследовательную позицию. Сначала он подписал знаменитый «проект 364-х» (в котором предусматривалось некоторое ограничение самодержавия), но затем резко переменял позицию.

Григорий Юсупов не только подписал прошение о восстановлении самодержавия (и упразднении Верховного тайного совета), но и встал во главе группы дворян, подавших 25 февраля 1730 года этот документ лично императрице^{494}. В итоге 4 марта 1730 года Г. Д. Юсупов был повторно назначен сенатором, а 28 апреля произведен в чин генерал-аншефа.

За годы службы князь Григорий Дмитриевич стал весьма состоятельным землевладельцем. В 1730 году он имел 5784 крепостных, обширные поместья и недвижимость, часть из которых была получена из конфискованного имущества осужденных. Так, в 1719 году принадлежавшее Д. А. Кольцову-Масальскому имение Большое Голубино^[104] за начеты и похищения бахмутской казны было «отписано на государя», а затем пожаловано Петром I Г. Д. Юсупову^{495}, который, как уже говорилось, руководил следствием по «бахмуцкому делу».

15 ноября 1727 года князь Григорий Юсупов был пожалован каменным двором в Земляном городе Москвы, отписанным у советника Военной коллегии А. Я. Волкова — ближайшего помощника опального светлейшего князя А. Д. Меншикова^{496}. Эти палаты ранее принадлежали знаменитому дипломату барону П. П. Шафирову (осужден в 1723 году), а затем — возглавлявшему Тайную канцелярию графу П. А. Толстому (осужден в 1727 году).

Здание палат, которыми представители рода Юсуповых владели почти

200 лет (до 1917 года), сохранилось до настоящего времени^[105]. Таким образом, следственная работа была не только чрезвычайно ответственна, но и достаточно прибыльна для многих руководителей следственных канцелярий.

2 сентября 1730 года Г. Д. Юсупов неожиданно скончался в Москве. Если бы не смерть, то, возможно, жизнь вновь свела бы его со следствием, но уже в другом качестве. 16 сентября, через две недели после смерти Григория Дмитриевича, его дочь княжна Прасковья (родилась в 1697 году) была, по воле императрицы Анны Иоанновны, отправлена под конвоем из Москвы в Тихвин в Введенский девичий монастырь.

Как видно из уголовного дела Тайной канцелярии, возбужденного по извету старшего брата — Бориса Григорьевича, — княжна попала в монастырскую ссылку за то, что собиралась «императрицу склонить к себе в милость через волшебство». На допросе прислуга показала, что Прасковья Григорьевна считала началом всех своих бед события, в которых участвовал ее отец.

«Батюшка де мой з другими, а с кем не выговорила, — передавала речи княжны ее служанка, — не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков^[106] — переметчик, сводня; он с другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в землю от того сошел». Прасковья Юсупова объяснила: ее отец желал ограничить власть Анны, поскольку «наперед слышал, что она будет нам неблагодетельница»^[497]. Дальнейшая судьба княжны Прасковьи Григорьевны сложилась весьма драматично^[107].

Г. Д. Юсупов был похоронен в Москве, на территории древнего Богоявленского монастыря в нижней церкви Богоявленского храма, посвященной Казанской иконе Божьей Матери. На надгробной плите была высечена обширная надпись о заслугах князя Григория Дмитриевича перед Отечеством^[498]. Как, в частности, повествовала надпись, усопший «верно и трудолюбно служил Всероссийским царям. Известна стала служба его в разных походах, на боях полевых и городских приступах...».

В 1919 году монастырь был закрыт, а дворянские усыпальницы в нижнем храме разорены. В настоящее время храм Богоявления Господня бывшего Богоявленского монастыря стал вновь действующим, и в его подвальном помещении возможно увидеть несколько сохранившихся надгробий и фрагменты разбитых надгробных плит. Надгробия Г. Д. Юсупова среди них нет.

«И БЫЛ... ВО МНОГИХ СУХОПУТНЫХ И МОРСКИХ ПОХОДАХ, АКЦИЯХ И БАТАЛИЯХ»: М. А. МАТЮШКИН

День 12 ноября 1721 года выдался знаменательным в жизни генерал-майора и гвардии майора Михаила Афанасьевича Матюшкина. В этот день «во всей Европе и Азии прославленный воин»^{499} «приобщился брачному чертогу».

Свадьбу, устроенную в Почтовом доме Санкт-Петербурга, праздновали широко. Посаженым отцом жениха был сам император Петр Великий, посаженной матерью невесты, молодой вдовы С. Д. Яковлевой, — царица Екатерина Алексеевна, шаферами — 12 гвардейских офицеров^{500}. Среди гостей были сенаторы, военачальники, иностранные дипломаты.

Между тем в этой свадьбе была одна необычная деталь, оставшаяся неведомой почти всем участникам многолюдной церемонии. Дело в том, что к тому времени Михаил Матюшкин уже два года как возглавлял следственную канцелярию, и генеральская невеста Софья Дмитриевна приходилась одному из основных подследственных этой канцелярии родной дочерью.

Михаил Афанасьевич Матюшкин принадлежал к старшей ветви не особенно знатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался татарский мурза Албауш (Арбауш), выехавший в середине XIII века из Золотой Орды на службу к великому князю Александру Ярославичу и принявший православие под именем Евсевия^{501}. Возвышение рода произошло только в XVII веке и было связано с тем, что дед Михаила Матюшкина Иван Павлович женился на Феодосье Лукьяновне Стрешневой, родной сестре царицы Евдокии Лукьяновны, супруги царя Михаила Федоровича^{502}.

Отец Михаила Матюшкина, Афанасий Иванович, на протяжении многих лет был близок к царю Алексею Михайловичу (которому приходился по материнской линии двоюродным братом). Царь даже состоял с ним в личной переписке. Сохранились 25 адресованных ему высочайших посланий 1646–1662 годов, выдержанных во вполне теплом

родственном духе^{503}. Закономерно дослужившийся до высокого чина думного дворянина, Афанасий Матюшкин скончался 4 мая 1676 года, пребывая в должности архангельского воеводы^{504}.

Согласно сведениям пространной надгробной надписи, Михаил Афанасьевич Матюшкин родился в 1676 году^{505} (не исключено, что уже после смерти отца). Приходясь троюродным братом царевичам Ивану и Петру Алексеевичам, он был после их воцарения в мае 1682 года удостоен «московского» чина комнатного стольника и включен (имея семь лет от роду) в состав «двора» Петра I. Первая, документально зафиксированная «служба» комнатного стольника заключалась в том, что в сентябре 1683 года он сопровождал одиннадцатилетнего царя в поездке в Троице-Сергиев монастырь^{506}.

Однако успешно начавшаяся придворная карьера Михаила Афанасьевича не затянулась. При всем том, что в разных документах в качестве времени начала военной службы М. А. Матюшкина указывается то 1691-й^{507}, то 1692 год^{508}, очевидно, что он вступил в нее еще подростком.

Первым местом службы Михаила Матюшкина стала Семеновская потешная рота. Впрочем, родство с царем, судя по всему, сказалось и здесь: вчерашний комнатный стольник сразу же получил младший офицерский чин прапорщика^{509}.

Известно, что уже в чине поручика Михаил Афанасьевич принял участие в Кожуховском походе 1694 года^{510} — в первых в истории российской армии полевых учениях (максимально приближенных к боевым). Чин поручика М. А. Матюшкин сохранил и при переформировании в 1695 году Семеновской потешной роты в гвардии Семеновский полк^{511}.

Далее началась фронтовая страда Михаила Матюшкина. Как явствует из скупых строк архивного документа, Михаил Афанасьевич «был... во многих сухопутных и морских походах, акциях и баталиях»^{512}. В общей сложности М. А. Матюшкину суждено было провоевать 24 долгих года.

Своего рода «мирная передышка» была предоставлена ему лишь на исходе XVII века. В январе 1697 года в числе группы из тридцати семи стольников он был отправлен для обучения морскому делу и кораблестроению в Италию. Для охраны и услужения с ним командировался гвардии сержант Иван Рудаков^{513}.

В каких именно местах, сколько времени и чему конкретно учился М.

А. Матюшкин «в европейских христианских государствах», поныне неизвестно. Никаких путевых записок он не оставил.

Какие-либо подробности участия М. А. Матюшкина в боевых действиях установить к настоящему времени не удалось. Достоверно известно лишь, что он участвовал в штурмах Азова, Нотебурга, в сражениях при Лесной, под Добрым (при Молятичах), под Полтавой, при Пруте. Нельзя не отметить также, что фронтовая судьба удивительным образом хранила Михаила Матюшкина: за все кампании он не получил ни единого ранения.

Судя по продвижению в чинах, воевал Михаил Афанасьевич достойно. К оценке служебно-боевых заслуг Петр I подходил неизменно строго, без всяких изъятий для родственников. В 1708 году Михаил Афанасьевич (перешедший к тому времени в Преображенский полк) был произведен в гвардии майоры, 8 ноября 1715-го — параллельно в «полевые» бригадиры^{514}, а уже в 1716 году — в генерал-майоры^{515}.

К «розыскным делам» М. А. Матюшкин был впервые привлечен в январе 1715 года, когда царь поручил ему расследовать имевшие место в 1714 году эпизоды укрывательства от смотров мирских служителей кремлевского Чудова монастыря^{516}. Поскольку никакие материалы этого следствия поныне не вводились в научный оборот, его итоги неясны. Возможно лишь предположить, что продлилось оно недолго.

Некоторая загадка в последующей биографии Михаила Афанасьевича заключается в том, что на сегодня не возникает сомнений, что при формировании в ноябре — начале декабря 1717 года личного состава предполагаемых к открытию «майорских» следственных канцелярий кандидатуру М. А. Матюшкина Петр I не рассматривал. Имя Михаила Афанасьевича отсутствует как в уже не раз упомянутом списке из четырнадцати гвардейских офицеров, вызванных царем 11 ноября 1717 года в Санкт-Петербург (все они получили затем назначения в следственные канцелярии), так и в высочайше продиктованной в первые дни декабря предварительной росписи руководящего состава семи новых канцелярий.

По неясной на сегодня причине М. А. Матюшкин не был (в отличие от почти всех старших офицеров гвардии) включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного в июне 1718 года в Санкт-Петербурге для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. Не исключено, что причиной этому явился тот факт, что двоюродный брат Михаила Афанасьевича стольник К. П.

Матюшкин оказался причастен к делу царевича. Более вероятным представляется, однако, что Михаил Матюшкин попросту находился в тот момент в командировке вне столицы.

Как бы там ни было, новое следственное поручение ожидало Михаила Афанасьевича менее года спустя. 10 апреля 1719 года Петр I предписал генерал-майору Михаилу Матюшкину возглавить следственную канцелярию, которой прежде руководил полковник и гвардии капитан Г. И. Кошелев^{517}. Ассессорами канцелярии являлись на тот момент гвардии подпоручик В. Г. Языков и гвардии поручик В. И. Иванов (подробнее о них речь пойдет далее).

Имевшему минимальный опыт следственной деятельности М. А. Матюшкину досталось от Герасима Кошелева весьма непростое «наследие». В производстве канцелярии находились, в частности, многоэпизодные уголовные дела по обвинению братьев Соловьевых, бывшего архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова, дьяка П. К. Скурихина, комиссара П. И. Власова. Особенно сложными являлись дела Соловьевых и Алексея Курбатова, расследовать которые в 1713 году начала еще первая следственная канцелярия России, возглавлявшаяся гвардии майором князем М. И. Волконским.

Оказавшиеся в числе основных подследственных М. А. Матюшкина братья Дмитрий и Осип Соловьевы являлись неразборчивыми в средствах дельцами, сумевшими изрядно возвыситься в тогдашнюю «эпоху перемен». Бывшие кабальные холопы родного дяди Петра I боярина Л. К. Нарышкина (покинувшие дом умершего в 1705 году хозяина, прихватив часть его имущества и даже домашнего архива^{518}), братья отличались не только устойчивыми криминальными наклонностями, но и неординарными предпринимательскими способностями.

Воспользовавшись тем, что Осип Соловьев занял в 1707 году должность комиссара (торгового агента) России в Голландии, а Дмитрий в 1710-м — обер-комиссара в Архангельске (являвшегося тогда морским «окном в Европу»), братья создали, в современном понимании, международную преступную группу. Располагая широкими должностными полномочиями, имея в своем распоряжении значительные суммы казенных капиталов, Дмитрий и Осип Алексеевичи развернули невиданную по масштабам контрабандную торговлю запрещенными к частному вывозу товарами, в первую очередь зерном.

Как явствует из фрагментарно сохранившихся архивных документов, действуя через подставных лиц, Д. А. Соловьев закупал в Архангельске по

искусственно заниженным ценам зерно, которое затем, минуя таможенную, отгружалось в Амстердам. Далее в дело вступал комиссар Осип Алексеевич, распродававший контрабандный товар по его действительной стоимости. Полученную от незаконной коммерции прибыль братья вкладывали в амстердамскую недвижимость, алмазы и акции лондонской Компании Южных морей, помещали в голландские и английские банки.

К 1717 году общая стоимость имущества О. А. Соловьева в Голландии достигла (по неполным данным) колоссальной суммы в 336 тысяч 22 гульдена. Сумма его акционерного и банковского капитала, размещенного в Англии, составила к тому времени 16 тысяч 504 фунта стерлингов^[519]. На случай же непредвиденных осложнений на родине Осип Алексеевич оформил себе голландское гражданство.

Как уже упоминалось, на след преступной группировки первым вышел архангелогородский вице-губернатор А. А. Курбатов, направивший в феврале 1713 года соответствующую информацию непосредственно царю^[520]. Ответом Петра I явилось создание в июле 1713 года первой следственной канцелярии России во главе с М. И. Волконским.

Однако у криминальных братьев нашлись могущественные покровители, в первую очередь «полудержавный властелин» генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, управляющим у которого служил младший из братьев — Федор Соловьев. По всей очевидности, Соловьевы попутно осуществляли внешнеторговые операции светлейшего, а также отвечали за вывоз из России его капиталов.

Стоит напомнить, что, поддавшись, вероятно, давлению именно Александра Меншикова, гвардии майор М. И. Волконский по существу переориентировал следствие с Д. А. Соловьева на его разоблачителя Алексея Курбатова. Для начала излишне ретивый вице-губернатор был обвинен в получении взяток и злоупотреблении должностными полномочиями. Под влиянием донесений следователя Михаила Волконского царь в январе 1714 года уволил Курбатова с должности.

Последовавшая в январе 1716 года передача «дела Курбатова с Соловьевым» в новоучрежденную следственную канцелярию Г. И. Кошелева принципиально изменила ход расследования. Этому, несомненно, способствовало также существенное ослабление влияния А. Д. Меншикова, скомпрометированного в глазах царя активным участием в грандиозной «подрядной афере», успешно расследованной в 1714–1715 годах следственной канцелярией гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова.

27 августа 1717 года возвращавшийся из зарубежной поездки Петр I лично арестовал в Амстердаме комиссара Осипа Соловьева. Вскоре гвардейский конвой во главе с генерал-адъютантом С. Г. Нарышкиным доставил его в Россию. Как извещал младшего брата Михаила Владимировича в зашифрованном личном письме от 20 сентября 1717 года сопровождавший царя князь Василий Долгоруков, «а розыскивать ^[108] им [О. А. Соловьевым] будут о банке, понеже, как слышно, что болши полумиллиона в банке, не одного ево, многих знатных персон, что будет конечно явно: за кожей панцыря нет»^{521}.

В декабре 1718 года канцелярия Г. И. Кошелева подвела предварительные итоги следствия по «делу Соловьевых». Предъявленный канцелярией общий штрафной начет на братьев Соловьевых составил астрономическую сумму в 709 тысяч 620 рублей^{522}. 11 января 1719 года Петр I указал конфисковать имущество братьев^{523}. Общая стоимость «имения» встретивших XVIII век холопами Дмитрия, Осипа и Федора Соловьевых была исчислена (по всей видимости, заниженно) в 407 тысяч 447 рублей^{524}.

Завершить же «дело Соловьевых» предстояло гвардии майору М. А. Матюшкину. Возглавив канцелярию, Михаил Афанасьевич не стал, однако, предпринимать никаких новых следственных действий в отношении братьев, а, напротив, активно возобновил расследование в отношении их разоблачителя — бывшего вице-губернатора А. А. Курбатова.

К 1721 году канцелярия М. А. Матюшкина расследовала в полном объеме 12 эпизодов преступной деятельности Алексея Курбатова — главным образом выявленные еще Михаилом Волконским эпизоды превышения им должностных полномочий и получения взяток^{525}. Общий штрафной начет на бывшего вице-губернатора составил 16 тысяч 274 рубля^{526}.

Свертывание Михаилом Матюшкиным следствия в отношении Соловьевых (а также в отношении комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина) вызвало протест со стороны ассессоров канцелярии Василия Языкова и Василия Иванова. В 1720 году офицеры обратились с соответствующим доношением непосредственно к царю (подробно об этом будет рассказано ниже). Беспрецедентное в истории следственных канцелярий выступление ассессоров против главы канцелярии не увенчалось, однако, успехом.

Что же касается Дмитрия и Осипа Соловьевых, то по особому ходатайству влиятельнейшего президента Коммерц-коллегии и главы

Тайной канцелярии сенатора П. А. Толстого от 14 августа 1721 года^{527} царь 22 октября распорядился освободить их на поруки^{528}. В подобном контексте не приходится удивляться, что 12 ноября того же года состоялась описанная выше пышная свадьба генерал-майора М. А. Матюшкина и дочери Дмитрия Соловьева Софьи^{{529}{109}}.

Руководство следственной канцелярией фактически завершилось для Михаила Матюшкина в мае 1722 года, когда он вместе с Петром I отправился на новый театр военных действий — в Персидский поход. В боях на южной окраине империи М. А. Матюшкину суждено было сыграть в полной мере выдающуюся роль^{530}. Возглавив после возвращения императора в Москву группировку российских войск в западном и южном Прикаспии (так называемый Низовой корпус), Михаил Афанасьевич провел множество успешных боевых операций.

В частности, под непосредственным командованием М. А. Матюшкина была проведена успешная осада персидского города Баку, капитулировавшего 28 июля 1723 года. Генерал-майору Михаилу Матюшкину были торжественно вручены ключи от городских ворот^{531}. Наградой за взятие Баку явилось производство Михаила Афанасьевича в генерал-лейтенанты, последовавшее 18 августа 1723 года.

В далеком Прикаспии Михаил Матюшкин пробыл до весны 1726 года: его сменил в должности командующего Низовым корпусом другой следователь Петра I — генерал-аншеф В. В. Долгоруков (о нем уже говорилось на страницах этой книги). Еще находясь в своей резиденции в городе Решт, Михаил Афанасьевич 30 июня 1725 года был пожалован новой императрицей Екатериной I в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{532}, а 6 мая 1727 года, в самый день своей кончины, императрица произвела его в генерал-аншефы^{533}.

Последующие три года Михаил Афанасьевич не состоял в определенной должности, числясь «при армии». Пришедшая к власти в феврале 1730 года императрица Анна Иоанновна, приходившаяся М. А. Матюшкину троюродной сестрой, решила назначить его региональным администратором. В августе того же года Михаил Афанасьевич был определен киевским генерал-губернатором^{534}.

Однако уже вскоре М. А. Матюшкин просил об отставке с государственной службы по состоянию здоровья. По всей вероятности, это отнюдь не являлось отговоркой. Как было констатировано после медицинского освидетельствования генерал-аншефа, «надежда к

конечному его исцелению веема мала»^{535}.

Анна Иоанновна удовлетворила челобитную. 18 марта 1731 года она подписала «абшит» об увольнении Михаила Афанасьевича «от наших воинских и статских служб»^{536}, и 55-летний ветеран четырех войн ушел на покой.

Михаил Матюшкин оказался одним из немногих следователей Петра I, о личностных качествах которого сохранились фрагментарные свидетельства современников. Так, упоминавшийся уже первый посол Испании в России Яков Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика, соприкасавшийся с Михаилом Афанасьевичем в конце 1720-х годов, отметил, что он «порядочно знал свое дело. Человек добродетельный и совершенно честный»^{537}. В свою очередь, в пространной надгробной надписи о М. А. Матюшкине говорилось как о человеке с «веселым и доброхотным сердцем»^{538}.

Генерал-аншеф и кавалер Михаил Матюшкин скончался 17 апреля 1737 года и был погребен в самом центре Москвы, в старинном Златоустовском монастыре^{539}, поблизости от могилы знаменитого «птенца гнезда Петрова» генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина. Рядом с М. А. Матюшкиным упокоилась и Софья Дмитриевна. Она пережила мужа на 30 лет и скончалась 19 сентября 1767 года^{540}. Рожденная в холопстве, С. Д. Матюшкина успела застать возвышение старшего сына Дмитрия, пожалованного 18 ноября 1762 года титулом графа Священной Римской империи^{541}.

В 1918 году Златоустовский монастырь был закрыт, а в 1933-м его церковные постройки были снесены. Уничтожению подверглись и находившиеся на территории монастыря захоронения.

Так оказалась стерта мемориальная память о Михаиле Афанасьевиче Матюшкине, выдающемся воине России, хотя и не лучшим образом проявившем себя в качестве следователя.

«ЕХАТЬ ТЕБЕ В СИБИРЬ И ТАМ РОЗЫСКАТЬ О ХУДЫХ ПОСТУПКАХ... ГАГАРИНА»: И. М. ЛИХАРЕВ

Имя Ивана Михайловича Лихарева памятно ныне разве что краеведам, знатокам истории Архангельской и Воронежской областей России, а также Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Наиболее известным на сегодня деянием Ивана Михайловича является основание им в 1720 году города Усть-Каменогорска, нынешнего административного центра Восточно-Казахстанской области. Между тем за свою не очень долгую жизнь Иван Лихарев успел проявить себя не только как военный деятель, администратор и первопроходец, но и как следователь.

Иван Михайлович Лихарев принадлежал к незнатной и небогатой (хотя и весьма разветвленной) дворянской фамилии, родоначальником которой считался выходец из Золотой Орды Бахты-Хози, который в конце XIV века вместе с двумя братьями выехал на службу к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу, принял православие и стал прозываться Иван Лихарь. В XVI–XVII веках представители рода Лихаревых занимали должности преимущественно в региональном звене государственного аппарата.

Иван Лихарев родился 8 февраля 1676 года в семье стольника М. О. Лихарева^{542}, впоследствии воеводы города Романова^{110}. Первые 24 года жизни будущего основателя Усть-Каменогорска оказались никак не освещены в документах, введенных доньше в научный оборот. Достоверно известно лишь, что в отличие от отца Иван Михайлович не сумел попасть в ряды наиболее привилегированной части дворянства, так называемых «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»^{543}.

Судя по всему, в раннем возрасте Иван Лихарев прошел серьезное обучение грамоте. Как видно из сохранившихся автографов Ивана Михайловича, он обладал очевидными навыками «быстрописания», причем в его почерке заметны элементы графики XVII века.

Согласно архивному документу, служба Ивана Лихарева началась в 1700 году, когда он поступил рядовым в гвардии Семеновский полк^{544}. Не

исключено, что на выбор полка повлияло то обстоятельство, что в нем тогда служил еще один представитель рода Лихаревых — Федор^[111]. 11 октября 1702 года гвардии поручик Федор Лихарев пал смертью храбрых при кровопролитном штурме шведской крепости Нотебург^{545}. В 1704 году в солдаты в Семеновский полк был также зачислен младший брат И. М. Лихарева Василий, 1681 или 1683 года рождения^{546}.

Как засвидетельствовал сам Иван Лихарев в челобитной от марта 1721 года, с Семеновским полком он прошел все кампании Великой Северной войны, а также Прутский поход: «И во все время службы моей во всех походах и баталиях при полку был безотлучно...»^{547} В составе полка И. М. Лихареву довелось также, по всей очевидности, присутствовать на закладке 16 мая 1703 года на бывшем шведском острове Люст-эйланд крепости святого Петра — то есть при основании Санкт-Петербурга^{548}.

Судя по динамике чинопроизводства, воевал Иван Михайлович достойно: быстро получил чин поручика, а уже в 1707 году был произведен в капитаны и стал командиром одной из рот Семеновского полка^{549}. Вместе со старшим братом фронтовыми дорогами с Семеновским полком прошел и Василий Лихарев, удостоенный в 1707 году первого офицерского чина прапорщика, в 1710-м ставший гвардии подпоручиком, а в 1712 году — гвардии поручиком^{550}.

Определение Ивана Лихарева к «розыскным делам» произошло в 1717 году. Началось с того, что 11 ноября этого года капитан И. М. Лихарев был (в числе пяти офицеров-семеновцев) вызван Петром I из Пскова, где полк предполагалось дислоцировать на зимние квартиры, в Санкт-Петербург^{551}.

Для начала Иван Михайлович был, по всей вероятности, включен в состав уже упоминавшегося военного суда, учрежденного царем для рассмотрения уголовного дела по обвинению руководителя первой в российской истории следственной канцелярии майора Семеновского полка князя М. И. Волконского в преступлениях против интересов службы. Как известно, суд приговорил Михаила Волконского к смертной казни с конфискацией имущества.

Имеются основания полагать, что Ивану Михайловичу (как и другим офицерам гвардии) довелось присутствовать на приведении приговора в исполнение, которое состоялось 9 декабря 1717 года на Троицкой площади новой столицы. Кто бы знал, какие чувства испытал Иван Михайлович, глядя, как расстрельная команда наводит ружья и дает залп в упор по его многолетнему сослуживцу...

Между тем процесс над М. И. Волконским еще не завершился, когда Петр I назначил Ивана Лихарева ассессором в состав одной из проектируемых новых «майорских» следственных канцелярий. Возглавил эту канцелярию батальонный командир Семеновского полка майор И. И. Дмитриев-Мамонов, а ассессорами, помимо Ивана Михайловича, стали еще один «семеновец» — поручик И. И. Бибииков и капитан Преображенского полка Е. И. Пашков.

Формальное основание следственной канцелярии ведения Ивана Дмитриева-Мамонова, а также еще пяти аналогичных канцелярий, состоялось 9 декабря 1717 года, в самый день расстрела бывшего гвардии майора М. И. Волконского. В производство канцелярии царь направил резонансные уголовные дела по обвинению нескольких высших должностных лиц в совершении преступлений против интересов службы. Среди подследственных И. М. Лихарева оказались сенатор князь Я. Ф. Долгоруков, сенатор граф П. М. Апраксин, глава Мундирной канцелярии М. А. Головин, сибирский губернатор князь М. П. Гагарин^{552}.

1718 год принес Ивану Михайловичу долгожданное повышение в чине: он был произведен в гвардии майоры^{553}. В том же году он был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрекшегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. На приговоре царевича к смертной казни^{554} подпись И. М. Лихарева стоит 51-й по счету.

Благодаря новому чину и должности ассессора следственной канцелярии, И. М. Лихарев стал вполне заметной фигурой в чиновном мире Санкт-Петербурга. Именно с 1718 года его участие в мероприятиях, на которых присутствовал генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, начало отмечаться в повседневных записках («юрналах»), которые велись в секретариате Александра Даниловича^{555}.

Что касается работы канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, то крупнейшим из расследовавшихся ею уголовных дел оказалось «сибирское», фигурантами которого стала группа сибирских администраторов во главе с губернатором Матвеем Гагариным. Не случайно уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярия начала время от времени именоваться «Сибирской канцелярией».

Приняв во внимание удаленность территории, на которой было необходимо осуществить значительный объем следственных действий по «сибирскому делу», Петр I пришел к выводу о необходимости направить в

регион представителя следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова. 3 июня 1718 года для проведения допросов «разных чинов людей» в Сибирскую губернию был командирован новый ассессор канцелярии гвардии капитан-поручик А. Г. Шамордин^{556}.

Согласно архивному документу, Авраам Шамордин поступил на военную службу в 1700 году, в один год с Иваном Михайловичем. В 1714-м был переведен в Семеновский полк^{557}. К моменту назначения в следственную канцелярию он прошел достойный боевой путь. Как писал сам Авраам Григорьевич в позднейшей челобитной, «был во время Шведской войны во многих сухопутных и морских походах на галерном и корабельном флотах, при атаке неприятельских городов и на штурмах... и в разных акциях и полевых баталиях»^{558}.

Однако несмотря на боевые заслуги А. Г. Шамордина, в 1719 году глава государства решил, по всей видимости, что масштаб расследования требует присутствия в Сибирской губернии более опытного и энергичного офицера. На этот раз Петр I остановил свой выбор на И. М. Лихареве.

Соответствующий указ был подписан царем 18 января 1719 года^{559}. Первые строки «Указа маэору от гвардии господину Лихареву» гласили: «Ехать тебе в Сибирь и там розыскать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина о всем... подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого, но как доброму и честному афицеру надлежит».

Наряду с этим Ивану Михайловичу поручалось совершить экспедицию в верховья Иртыша и на озеро Зайсан, проверить сведения о наличии там месторождений золота, основать близ озера крепость, а заодно выяснить причины неудачи прежней экспедиции, которую возглавлял подполковник И. Д. Бухгольц. Со своей стороны Иван Лихарев обратился к царю с рядом просьб и вопросов по организации как следствия, так и экспедиции^{560}. Во исполнение этих просьб 31 января 1719 года был издан особый сенатский указ^{561}.

Выехав из Санкт-Петербурга в феврале 1719 года, гвардии майор И. М. Лихарев вернулся в столицу только в декабре 1720-го^{562}. В части проведения экспедиции Иван Лихарев сумел выполнить царское поручение в полном объеме. Золота, правда, отыскать не удалось^[112], но была осуществлена разведка и военно-топографическая съемка огромной территории, установлены причины провала экспедиции И. Д. Бухгольца, основана крепость Усть-Каменогорск^{563}, проинспектированы и усилены гарнизоны Омска и Семипалатинска.

В январе 1755 года один из участников экспедиции А. А. Зыбин, служивший в 1720 году прапорщиком в гарнизоне Семипалатинска, так вспоминал о событиях четвертьвековой давности: «Прибыл к ним во оную Семиполатную крепость... гвардии маэор Иван Михайлов сын Лихарев для осмотра и свидетелства... вновь построенных крепостей и в них состоящих военных полков. <...> Который, по усмотрению своему, набрав штап-и обор-афицеров, в том числе и ево, Зыбина, и рядовых баталион, с которым и следовали... водяным путем вверх по реке Иртышу на лехких судах, по тамошнему званию «зайсанскими лотками»...И дошед до места, называемого Усть-Каменогорского, и тут положением помянутого маэора Лихарева крепость земленую... с надлежащим укреплением построили»^{564}.

Не менее успешно Иван Михайлович справился и с задачей по расследованию криминальных деяний сибирских администраторов. Как явствует из сохранившегося в архиве пространного «Реэстра дел на губернатора», направленного Иваном Михайловичем в сентябре 1719 года непосредственно Петру I^[113], к тому времени он сумел собрать доказательства, изобличавшие М. П. Гагарина в тридцати пяти эпизодах получения взяток, казнокрадства и злоупотребления должностными полномочиями.

В частности, было установлено, что комендант города Тары^[114] передал губернатору пять пудов (!) серебра, «чтоб был к нему милостив» (выражаясь по-современному, за общее покровительство), а тобольский предприниматель Леонтий Зверев — гигантскую по тем временам сумму в 4000 рублей за получение винного откупа «бес торгу» (выражаясь по-современному, без проведения тендера). Вскрылось также, что комендант города Верхотурья потратил 500 рублей на оплату разъездов жены Матвея Гагарина, оформив затем эту сумму как расходы на транспортировку денежной казны^{565}.

Наряду с этим Иван Лихарев выявил 15 эпизодов получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями обер-комендантом Тобольска С. П. Карповым, являвшимся в 1714–1719 годах фактическим заместителем губернатора. Так, Ивану Михайловичу удалось установить, что Семен Карпов занимался незаконной скупкой золота, получил от некоего «татарина Аблаяра» за закрытие возбужденного против него уголовного дела взятку в 150 рублей, покрывал взяточничество подьячего Филиппова^{566}.

В декабре 1719 года И. М. Лихарев доложил царю еще о двенадцати

выявленных им эпизодах криминальной деятельности бывшего сибирского губернатора и его подчиненных. В том числе Ивану Михайловичу удалось вскрыть эпизод вымогательства князем Матвеем Петровичем у солепромышленника Ивана Ростовщикова огромной взятки в размере десяти «коробок» золота и 500 рублей. В довершение всего солепромышленник оказался вынужден «подарить» 600 рублей также и двум слугам (!) губернатора^{567}.

Не имея возможности каждый раз лично осуществлять следственные действия, И. М. Лихарев регулярно поручал расследование некоторых эпизодов командированным с ним гвардейским солдатам и сержантам (образовавшим при Иване Михайловиче своего рода следственную бригаду). Например, гвардии рядовой П. С. Чернов был направлен для сбора сведений о злоупотреблениях должностных лиц Исетского острога^{115}.

Исполняя распоряжение гвардии майора, Петр Чернов совершил объезд четырех крестьянских слобод, подведомственных острогу. Прибыв на место, гвардеец созывал мирской сход, где объявлял «великого государя указ о бывшем губернаторе князе Гагарине и о худых его поступках», после чего начинал сбор жалоб от населения.

Ничего не сообщив о противоправных деяниях губернатора, крестьяне немало рассказали солдату о «взятках и обидах» от местных управителей. П. С. Чернов собрал сведения о вымогательстве исетскими комендантами с крестьян взяток только за 1712–1718 годы в размере 517 рублей, а также пятнадцати быков и коров. В свою очередь, подьячие, направлявшиеся комендантами с различными поручениями в слободы, «вымучили» с крестьян за это же время еще 82 рубля и 35 баранов.

Не отставали от исетских администраторов и приказчики, непосредственно управлявшие слободами. Так, по данным, полученным гвардии рядовым, только в Киргинской слободе^{116} приказчики путем вымогательства получили с крестьян в 1713–1718 годах 445 рублей и 800 четвертей хлеба^{568}. Поборы подобных масштабов имели закономерным последствием «всеконечное разорение» крестьянских хозяйств и подрыв их налоговой платежеспособности.

Петр I высоко оценил результаты сибирской поездки И. М. Лихарева. 21 октября 1721 года, в дни празднования в Санкт-Петербурге победы России в Северной войне, царь (принявший на следующий день императорский титул) собственноручно начертал: «Сказать чины: <...> маэору Лихареву — в брегадиры»^{569}. Что касается Матвея Гагарина, для

изобличения которого Иван Михайлович приложил столько усилий, то, как известно, он был отдан под суд Правительствующего сената, приговорен к смертной казни и публично повешен в Санкт-Петербурге 16 марта 1721 года.

Повышение в чине изменило положение И. М. Лихарева в следственной канцелярии: из ассессоров он становится ее руководителем — совместно с Иваном Дмитриевым-Мамоновым. С этого времени в официальном делопроизводстве канцелярия стала именоваться «Канцелярией ведения генерала-маэора и лейб-гвардии маэора господина Дмитриева-Мамонова да брегадира и лейб-гвардии маэора господина Лихарева с протчими афицеры»^{570}. В 1722 году, в связи с убытием Ивана Дмитриева-Мамонова с частью батальонов Семеновского полка в Персидский поход, Иван Михайлович стал фактически единоличным главой канцелярии.

Поскольку в петровское время общепринятой практикой являлось вознаграждение следователей частью конфискованного имущества лиц, дела которых они расследовали, И. М. Лихарев взялся в 1723 году хлопотать о таком поощрении. Предметом просьбы Ивана Михайловича стали «отписные» деревни и дворы бывшего коменданта Томска Романа Траханиотова, об уголовном деле которого уже говорилось.

Как явствует из сохранившейся в архиве челобитной И. М. Лихарева от июня 1723 года, будучи заслуженным фронтовиком и потомственным дворянином, он имел в собственности всего лишь 33 крестьянских двора и не имел недвижимости ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге^{571}. В свою очередь, изобличенный «Сибирской канцелярией» в восьмидесяти четырех (!) эпизодах получения взяток и злоупотреблений должностными полномочиями Роман Траханиотов владел 263 крестьянскими дворами, четырьмя усадебными домами и огромным домом в Москве. Еще 57 крестьянских дворов числились как приобретенные женой бывшего коменданта^{572}.

Император не оставил без внимания просьбу Ивана Михайловича. На новой челобитной гвардии майора, поданной в январе 1724 года (в ней он между иного посетовал, что «против... мой брати ничем не пожалован»), 2 февраля император Петр Великий начертал по нижнему полю: «Учинить по сему»^{573}. В итоге И. М. Лихареву оказались пожалованы половина деревень умершего к тому времени Романа Траханиотова, а также его московский дом^{574}.

К этому времени Иван Лихарев уже не руководил следственной

канцелярией. Следственная деятельность бригадира формально завершилась в декабре 1723 года в связи с изданием именного указа о закрытии «майорских» канцелярий.

Последовавшее в январе 1725 года воцарение императрицы Екатерины I никак не поколебало положения И. М. Лихарева в правительственной среде. На состоявшемся 10 марта торжественном погребении Петра Великого гвардии майор Иван Лихарев был одним из офицеров, кто нес траурный балдахин над гробом первого императора^{575}.

21 мая 1725 года И. М. Лихарев был в числе первых в России пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{576} (одновременно со своим многолетним полковым сослуживцем и недавним соратником по руководству «майорской» канцелярией И. И. Дмитриевым-Мамоновым)^{117}. 1 января 1726 года Иван Михайлович был произведен в генерал-майоры, однако вскоре ему пришлось навсегда оставить военную службу.

20 декабря 1726 года Верховный тайный совет принял решение предложить Екатерине I кандидатуру И. М. Лихарева для определения на вакантную должность губернатора Воронежской губернии^{577}. А вот далее вокруг нового назначения Ивана Михайловича разгорелась бюрократическая интрига.

Согласно опубликованному архивному документу, уже на заседании Верховного тайного совета 11 января 1727 года кабинет-секретарь императрицы тайный советник А. В. Макаров (прежде одоббивший предложение об определении Ивана Лихарева в Воронеж) неожиданно выступил с новой инициативой: назначить Ивана Михайловича главой Архангельской губернии. Аргументация Алексея Макарова была более чем странной: по его мнению, И. М. Лихарев не подходил для работы в Воронеже, поскольку «губерния Воронежская... пограничная, а Лихарев человек увечной^{118} и тяжелой верховой езды понести не может»^{578}.

Несмотря на очевидную малоубедительность довода кабинет-секретаря (для перемещения по вверенной территории губернатор мог в любой момент воспользоваться каретой или иным экипажем), Верховный тайный совет принял его во внимание и 23 февраля предложил императрице определить И. М. Лихарева губернатором Архангельской губернии. В ответ Екатерина I высказала соображение, что Ивана Михайловича можно было бы направить главой администрации в Белгород или Новгород^{579}.

Итогом этих бюрократических зигзагов, причины которых так и

остались непроясненными^[119], явилось издание именного указа от 28 февраля о назначении Ивана Лихарева губернатором Воронежской губернии^{580}. Полторы недели спустя, 11 марта, Иван Михайлович был произведен в генерал-лейтенанты^{581}.

Судя по всему, отнюдь не горевший желанием приступить к губернаторским обязанностям И. М. Лихарев прибыл в Воронеж только в конце июня 1727 года.

О деятельности Ивана Михайловича в Воронежской губернии известно, в частности, что он выступил с инициативой осуществить полномасштабную проверку показаний арестованного дезертира Василия Серого, поведавшего о намерении части донских казаков уйти за рубеж, об изготовлении ими фальшивых денег, а также о продаже туркам в Азов «донскими ж есаулами и казаками российских мужского и женского пола людей и пороха, и свинца»^{582}. Впрочем, пребывание Ивана Лихарева в Воронеже не затянулось.

Уже 11 сентября 1727 года состоялся указ нового императора Петра II о переводе Ивана Лихарева губернатором в Архангельск, а архангельского губернатора И. П. Измайлова — в Воронеж^{583}. При этом «перемениться» губернаторам предписывалось отчего-то только в декабре. Какое именно могущественное лицо довело-таки до конца интригу с отправлением Ивана Михайловича поближе к полярному кругу, остается только гадать.

Как бы то ни было, но в конце декабря 1727 года Иван Лихарев покинул Воронеж и 18 июня 1728 года прибыл в Архангельск^{584}. Там Иван Михайлович «заскорбел» и 20 декабря скончался на 52-м году жизни.

На следующий день его вдова Евдокия Степановна направила с нарочным личное письмо члену Верховного тайного совета барону А. И. Остерману с просьбой разрешить перевезти тело мужа для захоронения в Москву^{585}. Такое разрешение было получено 31 декабря лично от императора^{586}.

8 февраля 1729 года тело генерал-лейтенанта И. М. Лихарева было погребено в самом центре Москвы, в паперти Сергиевской церкви Знаменского монастыря в Зарядье^{587}. В 1923 году монастырь был закрыт, а его помещения переданы под жилье. В начале 1960-х годов часть монастырских зданий, включая Сергиевскую церковь, была снесена при подготовке к строительству гостиницы «Россия» (в свою очередь, разобранной в 2006 году).

Так оказалось утрачено захоронение Ивана Михайловича Лихарева —

воина, следователя, первопроходца.

В 1990 году в Усть-Каменогорске установлен памятник И. М. Лихареву.

**III. АСЕССОРЫ «МАЙОРСКИХ»
КАНЦЕЛЯРИЙ,
УЧРЕЖДЕННЫХ 9 ДЕКАБРЯ 1717 ГОДА**

**«И ПО ИМЯННОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА УКАЗУ... ОПРЕДЕЛЕН К
СЛЕДСТВЕННЫМ ДЕЛАМ»:
И. И. БАХМЕТЕВ**

1721 года ноября 25 дня в городе Санкт-Петербурге император Петр Великий среди прочих государственных дел озаботился не вполне ординарным вопросом: что предпринять с останками бывшего сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, осужденного за преступления против интересов службы и публично повешенного в Санкт-Петербурге 16 марта? И государь предписал не снимать тело с виселицы — для наглядной острастки взяточникам и казнокрадам^[120].

В тот же день в следственной канцелярии гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова, осуществлявшей предварительное следствие по делу М. П. Гагарина, был зафиксирован переданный в устной форме именной указ о том, чтобы «князь Матвея Гагарина, с виселицы ис петли сняв и сделав железную чепь, подцепить на той же виселице, где он ныне был»^{588}. Исполнить указ Иван Дмитриев-Мамонов незамедлительно поручил гвардии капитан-поручику И. И. Бахметеву.

28 ноября Иван Бахметев доложил руководителю следственной канцелярии о выполнении государева поручения. Причем Иван Бахметев не ограничился перевешиванием останков князя Матвея Петровича на цепь, но и самостоятельно предпринял дополнительные меры по наилучшему их сохранению. Согласно доношению капитан-поручика «оного Гагарина тело с виселицы снято и повешено на железной чепи на поставленной на том же месте другой виселице. А она [прежняя] по осмотру была зело гнила и худа, того ради я ее приказал срубить»^{589}.

Кто же такой был гвардии капитан-поручик И. И. Бахметев? И почему выполнение столь деликатного государева указа оказалось поручено именно ему?

Иван Иванович Бахметев^[121] принадлежал к незнатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался татарский мурза Аслан-Бахмет (Аслам Бахмет), выехавший во второй трети XV века на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу и принявший

православие под именем Иеремии^{590}. На протяжении веков род Бахметевых изрядно разветвился. Достаточно сказать, что только в состав «царедворцев» в XVII веке входил 21 представитель рода^{591}.

Исходя из поколенной росписи рода Бахметевых^{592}, Ивана Ивановича следует полагать сыном стольника Ивана Ефремовича Бахметева, прошедшего на государственной службе более пятидесяти (!) лет. Успевший принять участие еще в подавлении восстания Степана Разина в 1670–1671 годах, И. Е. Бахметев командовал впоследствии иррегулярными формированиями калмыков и башкир в Крымских и Азовских походах, в начальных кампаниях Великой Северной войны и в Кубанском походе 1711 года. Затем он трудился на руководящих административных должностях в Поволжье и Башкирии: был саратовским комендантом (1713–1714), уфимским обер-комендантом (1714–1719) и, наконец, воеводой Уфимской провинции (1719–1722)^{593}.

Относительно времени рождения И. И. Бахметева существуют два взаимопротиворечивых документальных свидетельства. Согласно надгробной надписи, Иван Иванович родился в июне 1683 года^{594}. В свою очередь, сам Иван Иванович указал в декабре 1754 года, что «от роду мне ныне семдесятой год»^{595} (то есть в этом случае годом его рождения следует полагать 1684-й).

Однако в каком бы году в точности ни родился И. И. Бахметев, о его детстве и юности почти ничего не известно. Удалось лишь установить, что в отличие от своих старших родственников Иван Иванович не сумел попасть в ряды «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»^{596}. Наряду с этим в ранние годы Иван Бахметев вполне овладел русской грамотой. Как явствует из многочисленных сохранившихся его автографов, он уверенно владел пером, писал четко, связно, несколько растягивая начертания букв.

Что касается частной жизни И. И. Бахметева, то в апреле 1724 года в Москве он оформил «сговорную» запись о женитьбе на «девице» Гликерии Григорьевне, дочери стольника Г. И. Полибина. Невеста была богатой: в качестве приданого будущий тесть обязывался передать Ивану Бахметеву «платья... и алмазных вещей» на внушительную сумму — три тысячи рублей, да еще 10 тысяч (!) рублей на покупку деревень^{597}. Являлся ли этот брак Ивана Ивановича единственным и сколько лет он продлился, установить к настоящему времени не удалось.

Благодаря сохранившемуся до наших дней архивному документу, содержащему запись устных показаний И. И. Бахметева от 23 декабря 1754

года о прохождении им государственной службы (в правовой терминологии XVII–XVIII веков такие записи назывались «сказками»), известно, что он был призван в армию в декабре 1703 года, явившись на смотр молодых дворян в село Преображенское — подмосковную резиденцию Петра I. Насколько возможно понять из «сказки» Ивана Ивановича, именно будущий император определил его рядовым в гвардии Семеновский полк [{598}](#). И очень скоро солдат Иван Бахметев оказался в самом пекле Великой Северной войны.

Как полвека спустя повествовал Иван Иванович, «в 704-м году при оном полку [Семеновском] был при отаке и взятъе и на штурме города Нарвы. В 705-м году в Литве, в Курляндии и при отаке, взятъе города Нитавы [Митавы]. В 706-м году в Гродне в осаде, в 707-м году на Вальине [Волыни]. В 708-м году в Литве, где пожалован сержантом, и был в разных партиях [\[122\]](#). В том же 708-м году в августе был на акцы[и] под Добрым. В том же 708-м году в сентябре на Левенгоп[т]ской батали[и] [\[123\]](#), где дважды и ранен. И в том же году, по имянному... указу, пожалован в тот же полк прапорщиком» [{599}](#).

Далее гвардии прапорщик Иван Бахметев принял участие в Полтавской битве, в осаде и взятии Выборга, в Прутском походе 1711 года. После выхода российской группировки из «прутского котла» И. И. Бахметев был произведен в подпоручики, а в 1712 году — в поручики.

В последующее пятилетие И. И. Бахметеву довелось вновь в рядах Семеновского полка ежегодно участвовать в боевых действиях. С 1714 года основная часть полка (в составе которой был и Иван Бахметев) стала регулярно направляться для несения боевой службы на галерах Балтийского флота (то есть по существу семеновцы оказались временно превращены в морскую пехоту). В частности, находясь на галере, Иван Иванович принял участие в морском сражении в Рилакс-фиорде у полуострова Гангут 27 июля 1714 года.

В сентябре 1717 года после двухлетней зарубежной кампании галерная флотилия возвратилась в Ревель, высадив гвардейцев на берег. 27 октября частично переформированные подразделения Семеновского полка двинулись на зимние квартиры в Псков [{600}](#). Однако добраться до Пскова той осенью Ивану Бахметеву оказалось не суждено.

11 ноября состоявший при Петре I генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков направил командиру Семеновского полка князю П. М. Голицыну царский указ о его немедленном прибытии в Санкт-Петербург. Вместе с полковым командиром в новую столицу предписывалось

командировать еще семерых офицеров-семеновцев, среди которых значился и «порутчик Иван Бахметев»^{601}.

Внешне обычный вызов в Санкт-Петербург явился прологом к изрядным переменам в жизни упомянутых в письме гвардейцев. Для начала собранные гвардейцы (помимо семеновцев туда были направлены еще восемь офицеров Преображенского полка), по всей очевидности, образовали уже не раз упоминавшееся военно-судебное присутствие, перед которым предстал глава первой следственной канцелярии в истории России майор Семеновского полка князь М. И. Волконский, обвиненный в совершении преступлений против интересов службы. Однако, вызывая в столицу группу лично известных ему «от гвардии штап-и обор-афицеров», Петр I не собирался ограничиваться проведением судебного процесса над Михаилом Волконским.

Как уже отмечалось, в это время будущий император приступил к выработке проекта о реорганизации специализированных органов следствия, решив создать целостную систему канцелярий, нормативной основой для деятельности которых должен был стать особый типовой «Наказ».

По всей вероятности, в конце ноября — начале декабря 1717 года царь подготовил два ключевых документа: предварительную роспись следственного состава новых следственных канцелярий (с реестром подлежащих расследованию резонансных уголовных дел)^{602} и черновой проект того самого типового «Наказа» их руководителям^{603}. Объявление об учреждении новых семи канцелярий, вскоре названных царем «майорскими», и обнародование «Наказа» состоялось в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года — в день описанной выше публичной казни Михаила Волконского.

Что касается гвардии поручика И. И. Бахметева, то он изначально оказался определен ассессором (младшим сотрудником коллегиального следственного присутствия) в канцелярию, презусом которой стал его многолетний старший однополчанин майор И. И. Дмитриев-Мамонов. Как уже говорилось, канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова получила в производство подборку уголовных дел, возбужденных фискальской службой России в отношении сенатора князя Я. Ф. Долгорукова, сенатора П. М. Апраксина, главы Мундирной канцелярии М. А. Головина и сибирского губернатора князя М. П. Гагарина.

Помимо Ивана Бахметева ассессорами в канцелярию были определены капитан Семеновского полка И. М. Лихарев и капитан-поручик

Преображенского полка Е. И. Пашков (о нем еще пойдет речь). В 1718 году ассессором канцелярии дополнительно был определен капитан-поручик Семеновского полка А. Г. Шамордин. Таким образом, попав в следственную канцелярию, Иван Иванович оказался в привычной ему среде давних сослуживцев-семеновцев.

В полной мере представить следственную деятельность И. И. Бахметева к настоящему времени не удалось. С одной стороны, как известно, архив канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова сгорел при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года, с другой — сам Иван Иванович, повествуя об этих событиях в декабре 1754 года, ограничился более чем лаконичной фразой: «...по имянному... указу определен к следственным делам в канцелярию с маэором Дмитриевым-Мамоновым»^{604}.

Вместе с тем, как уже не раз упоминалось, крупнейшим из уголовных дел, находившихся в производстве канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова, было так называемое «сибирское», фигурантами которого, помимо М. П. Гагарина, стала большая группа сибирских администраторов, и уже в 1719 году в правительственном делопроизводстве канцелярию все чаще именовали «Сибирской».

В числе иных гвардейских офицеров И. И. Бахметев был включен в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела отрешившегося от прав на престол царевича Алексея Петровича. На приговоре царевича к смертной казни^{605} подпись гвардии поручика Ивана Бахметева стоит 85-й по счету.

Следует отметить, что работа в следственной канцелярии не освободила И. И. Бахметева, как и других ассессоров и презусов, ни от прежних строевых обязанностей, ни от участия в боевых действиях. В 1718 и 1721 годах Ивану Ивановичу довелось принять участие в последних за Великую Северную войну «походах на галерах» — в десантных операциях непосредственно на побережье Швеции. За эти годы он успешно продвинулся в чинах: в 1719 году стал капитан — поручиком, а 1 января 1721-го — капитаном, командиром 4-й роты Семеновского полка^{606}.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что И. И. Бахметев внес посильный вклад в расследование «сибирского дела». Своеобразным эпилогом чего стало описанное выше исполнение им в ноябре 1721 года именного указа о перевешивании на цепь останков казненного Матвея Гагарина.

По причудливому изгибу судьбы, всего двумя месяцами ранее, в сентябре 1721 года, были взяты под стражу и отправлены в Санкт-

Петербург родной дядя Ивана Бахметева, упоминавшийся саратовский комендант Дмитрий Ефремович, и его сын майор И. Д. Бахметев, обвиненные губернатором Артемием Волынским в «многих воровствах»^{607}. Несмотря на то что оба они были приговорены к выплате значительного штрафа, эта история никак не повлияла на карьеру гвардии капитана И. И. Бахметева.

В следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Бахметев проработал до самой ее ликвидации в 1723 году. Насколько возможно судить по сохранившимся фрагментам делопроизводства канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, последним документом, который подписал Иван Бахметев, явилось уже упоминавшееся постановление канцелярии от 9 декабря 1723 года о посмертном повешении тела бывшего томского коменданта Р. А. Траханиотова^{608}, приговоренного к смертной казни Нижним воинским судом и скоропостижно скончавшегося до приведения приговора в исполнение.

Однако место асессора следственной канцелярии И. И. Бахметев сменил первоначально на иную следственную должность. Дело в том, что в начале января 1723 года, вернувшись в Москву из Персидского похода, Петр I занялся подготовкой судебного разбирательства обвинений, выдвинутых друг против друга обер-прокурором Сената генерал-майором Г. Г. Скорняковым-Писаревым (о нем еще пойдет речь) и вице-президентом Коллегии иностранных дел сенатором бароном П. П. Шафировым.

В рамках этой подготовки император запросил список гвардейских офицеров, находившихся в тот момент в бывшей столице, предполагая выбрать из них судей для будущего специального судебного присутствия. В представленном 8 января списке Петр I собственноручно отметил семь фамилий, включая И. И. Бахметева^{609}. И хотя в составе судебного присутствия, сформированного 9 января, Ивана Ивановича не оказалось (как и отмеченного в том же списке И. Е. Пашкова)^{610}, очень скоро он был привлечен к его деятельности.

17 января император распорядился назначить гвардии капитанов И. И. Бахметева и А. Г. Шамордина «особливыми асесорами» для расследования выделенного в отдельное производство дела «о росходе парижском»^{611}, по которому П. П. Шафиров обвинялся в хищении казенной валюты в период сопровождения царя в зарубежном путешествии 1716–1717 годов. Иными словами, Иван Бахметев был назначен следователем судебного присутствия (очень скоро преобразованного в постоянно функционировавший Вышний суд). В этом отношении Ивана Ивановича

(как и Авраама Шамордина) следует признать первым судебным следователем в истории государства и права России.

Оказавшийся в январе 1723 года в статусе подсудимого барон Петр Шафиров (1673–1739) неоспоримо являлся одним из наиболее выдающихся сподвижников Петра Великого. Сын холопа, Петр Павлович начал трудовой путь со скромной должности переводчика и впоследствии сумел стать одним из руководителей дипломатического ведомства России. Именно П. П. Шафиров сыграл ключевую роль в заключении 12 июля 1711 года Прутского мирного договора с Турцией, благодаря которому российская армия сумела благополучно эвакуироваться из опаснейшего «прутского котла», в котором рисковал сложить голову и гвардии прапорщик И. И. Бахметев.

Однако все заслуги Петра Шафирова никак не отменяли серьезных подозрений в совершении им череды криминальных деяний. Сложность предстоящего Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину расследования заключалась в том, что по делу отсутствовали какие-либо улики, в частности соответствующие приходо-расходные документы.

Неудивительно, что дело по обвинению П. П. Шафирова в казнокрадстве, выдвинутому секретарем Федором Протопоповым, разбиралось Юстиц-коллегией и закончилось тем, что последний в декабре 1720 года был осужден на пожизненную ссылку на галеры — за «неправый донос»^{612}. В довершение всего 15 января 1723 года П. П. Шафиров подал императору повинную челобитную, в которой признал два эпизода из выдвинутых против него обвинений, но ни словом не упомянул о хищении казенной валюты^{613}.

Как бы то ни было, 13 февраля 1723 года Вышний суд, сочтя доказанными два эпизода превышения П. П. Шафировым должностных полномочий и эпизод служебного подлога, приговорил его к лишению чинов, орденов, конфискации имущества и смертной казни^{614}. Приведение приговора в исполнение было назначено на 15 февраля, местом публичной «эзекуции» была определена площадь у здания Московской конторы Сената в Кремле^{615}.

Завершение судебного процесса привело, однако, к неожиданному повороту в деле о «парижском росходе». Вечером 14 февраля осужденный Петр Шафиров, попросив доставить его на допрос к И. И. Бахметеву и А. Г. Шамордину, признался в присвоении «по слабости своей» казенных валютных средств в сумме 2475 ливров и 63 золотых^{616}.

Знакомившийся с материалами судебного дела П. П. Шафирова и Г. Г.

Скорнякова-Писарева в конце 1850-х годов и опубликовавший их в виде детального пересказа управляющий Московским архивом Министерства юстиции действительный статский советник П. И. Иванов предположил, что Петр Шафиров признался в эпизоде, не вошедшем в приговор, «готовясь предстать пред суд более страшного Судьи», иными словами, по религиозным мотивам^{617}. Подобное предположение, думается, не лишено оснований. Как бы то ни было, при всей конечной неясности мотивов, побудивших Петра Павловича к запоздалому чистосердечному признанию, картина с эпизодом хищения казны вполне прояснилась.

Прояснилась также и причина отсутствия соответствующих финансовых документов: П. П. Шафиров поведал Ивану Бахметеву и Аврааму Шамордину, что отследил передвижение по почте пакета со своими расписками в приеме казенных денег. Приказав затем почтмейстеру доставить пакет к себе на дом, вице-президент Коллегии иностранных дел Петр Шафиров собственноручно вскрыл его, извлек и сжег расписки, а затем зашил и отправил обратно к почтмейстеру^{618}.

Следователем, а затем и судьей Вышнего суда гвардии капитан И. И. Бахметев проработал до 1725 года, почти до времени его закрытия. Остается добавить, что дело о «неправой записке парижского расхода» так и не дошло до приговора. Числившееся в производстве Вышнего суда, это дело было при ликвидации суда в марте 1726 года отослано в Сенат^{619}, где о нем окончательно забыли. Что касается П. П. Шафирова, то, будучи помилован Петром I (несомненно, в память о заслугах при Пруте), он был освобожден из-под стражи сразу после смерти первого российского императора указом от 30 января 1725 года благоволившей к нему Екатерины I^{620}.

А Ивана Бахметева впереди ожидала еще долгая и успешная военная и правительственная карьера. В 1726 году он расстался с Семеновским полком, став «полевым» полковником, командиром Астраханского пехотного полка. В январе 1733 года был произведен в генерал-майоры^{621}.

Впрочем, ровно через девять лет после ликвидации «майорской» канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Иванович вновь был призван, хотя и ненадолго, на следственное поприще. Причем одновременно еще с одним бывшим ассессором упомянутой канцелярии — А. Г. Шамординым. По именному указу от 8 декабря 1732 года командир Астраханского полка И. И. Бахметев и командир Ингерманландского пехотного полка полковник А. Г. Шамордин были направлены из Санкт-Петербурга для расследования злоупотреблений воевод и иных должностных лиц местной

администрации: Иван Бахметев — в Великие Луки, Авраам Шамордин — в Торопец^{622}.

В инструкции, подписанной императрицей Анной Иоанновной и врученной И. И. Бахметеву «того ж декабря 8 дня 1732 году в вечеру», грозно возглашалось: «Известно нам [императрице] учинилось, что на Великих Луках... и всей той провинции при прежних бывших там комендантах, воеводах, ландратах... чинились многия преступления, похищения и упущения и прочие непорядки, противные указам, регламентам и нашему^[124] интересу и к тягости и озлоблению наших верных подданных, которые еще... и донныне продолжаютя...»^{623}

В ходе следственных действий И. И. Бахметеву предписывалось (вполне в духе Наказа «майорским» канцеляриям) «во всем поступать, как честному и верному офицеру и как ревностному судье... надлежит, не маня никому, ниже посягая на кого. И ничего того, что до нашего высокого интереса касаться и принадлежать будет, ни малейшего отнюдь не упустить, как о том дать ответ пред богом и пред судом»^{624}. Разве что о судьбе расстрелянного Михаила Волконского в инструкции не упоминалось.

Увы, о ходе и итогах великолукской миссии полковника Ивана Бахметева никаких подробностей выявить к настоящему времени не удалось. Известно лишь, что в сентябре 1734 года производство дальнейшего расследования в Великих Луках было передано гвардии секунд-майору Петру Воейкову^{625}. Что касается Ивана Ивановича, то он еще в мае был высочайше командирован на театр военных действий, на этот раз в Польшу^{626}.

В Польше в 1734–1735 годах генерал-майор И. И. Бахметев участвовал в боевых действиях в поддержку российского ставленника Августа III. Затем воевал на Русско-турецкой войне 1735–1739 годов. При штурме крепости Очаков^[125] в июле 1737 года получил два ранения, а затем был назначен обер-комендантом захваченной крепости. Остается надеяться, что эти страницы боевой биографии Ивана Ивановича еще будут освещены историками.

2 марта 1740 года Иван Иванович Бахметев был назначен сенатором^{627}, в ноябре — произведен в генерал-лейтенанты, а 14 августа 1741 года пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{628}. Успел он поучаствовать и в боевых действиях в Финляндии в русско-шведскую войну 1741–1743 годов.

Окончательный переход Ивана Ивановича на государственную гражданскую службу состоялся 3 сентября 1753 года, когда императрица Елизавета Петровна произвела его в действительные тайные советники (II класс Табели о рангах, соответствовал генерал-аншефу в армии). Двух сыновей-погодков — Николая, родившегося в 1730 году, и Григория — Иван Бахметев отдал в 1752 году на службу в «родной» Семеновский полк [{629}](#).

Ветеран четырех войн, четырежды раненный, сенатор и кавалер И. И. Бахметев скончался в Москве 2 октября 1760 года, пробыв на государственной службе 57 лет. Однако с его погребением возникла несколько загадочная ситуация. Дело в том, что родовым местом захоронения Бахметевых являлось кладбище Донского монастыря [{630}](#). Однако 5 октября 1760 года Иван Бахметев был торжественно, с воинскими почестями погребен не на монастырском кладбище, а в церкви Флора и Лавра близ Мясницких ворот [{631}](#).

В подобной ситуации представляется возможным лишь предположить, что место упокоения было избрано самим Иваном Ивановичем в связи с тем, что именно в церкви Флора и Лавра были похоронены И. И. Дмитриев-Мамонов и его младший брат, гвардии капитан Иван Ильич, — его многолетние сослуживцы по Семеновскому полку и, возможно, дружески близкие ему люди. Достигший возраста 77 (или 76) лет Иван Бахметев стал одним из последних следователей «майорских» канцелярий Петра I.

Стоит повторно упомянуть, что в 1934 году при прокладке Сокольнической линии Московского метрополитена церковь Флора и Лавра была снесена, а находившиеся в ней захоронения уничтожены. В настоящее время на месте церкви находится заасфальтированная площадка, примыкающая к станции метро «Чистые пруды».

**«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
УКАЗАЛ...
О ТОМ ДЕЛА... ИЗСЛЕДОВАТЬ ОСОБО
У ПРОКУРОРСКИХ ДЕЛ»:
Е. И. ПАШКОВ**

1724 года января 24 дня на Троицкой площади столичного города Санкт-Петербурга на особо возведенном эшафоте, позади которого возвышались четыре заостренных шеста с колесами для втыкания голов и размещения тел казненных, началась публичная «эксекуция». Уже давно, со времен казней после «розыска» о царевиче Алексее Петровиче, петербургский люд не видывал столь многого числа приговоренных, приведенных гвардейскими солдатами к эшафоту.

Первым из группы осужденных вывели немолодого, заросшего поседелой бородой человека. Секретарь стал зачитывать приговор: «Понеже ты явился в преступлении его императорского величества указов... в краже казны и во упущении интереса изо взятков, а имянно... похитил себе денег...»

Оборотившись в сторону церкви в Петропавловской цитадели, приговоренный несколько раз перекрестился. Затем снял верхнюю одежду и, опустившись на колени, положил голову на плаху. Палач взялся за топор...

Столь суровую кару понес бывший провинциал-фискал Савва Федорович Попцов, которого Вышний суд Российской империи изобличил в совершении многообразных преступлений против интересов службы^{632}. Всего в тот день топор, кнут и клещи для вырывания ноздрей ожидали 12 осужденных.

Так завершилось «дело фискалов» — один из наиболее резонансных уголовных процессов времен единодержавия царя и императора Петра Великого. Основную часть следствия по означенному делу провел гвардии капитан Егор Иванович Пашков.

Егор Пашков принадлежал к провинциальной дворянской фамилии, родоначальником которой считался шляхтич Григорий Пашкевич, выехавший из Речи Посполитой в Россию в XVI веке. Генеалогию Е. И.

Пашкова изрядно затуманило то обстоятельство, что его дед Еремей Афанасьевич имел шестерых сыновей, двое из которых звались Иванами^{633}. Так что установить, к какой именно ветви рода принадлежал Егор Пашков, в настоящее время крайне затруднительно.

В XVII веке Пашковы занимали вполне прочные позиции в средней прослойке российского дворянства. Привилегированные «московские» чины — от стряпчего до стольника — сумели тогда выслужить 17 представителей рода^{634}.

Упомянутый дед Егора Ивановича, стольник Еремей Пашков, имел неординарный административный опыт. На протяжении 1650—1680-х годов Е. А. Пашкову довелось занимать воеводские должности на всем бескрайнем пространстве Московского царства: от Нерчинска^[126] (!) до Тамбова и Киева^{635}.

В молодости, пребывая при отце Афанасии Филипповиче на воеводствах в забайкальских острогах, Еремей Пашков немало соприкасался с находившимся в ссылке в тамошних местах знаменитым протопопом Аввакумом. В своем «Житии», одном из наиболее выдающихся произведений русской словесности за последние 400 лет, Аввакум воистину обессмертил имя Еремея Афанасьевича. Как между иного вспоминал опальный протопоп (закончивший свои дни на костре) о Е. А. Пашкове, «се друг мне тайной был и страдал за меня. <...> Гораздо Еремей разумен и добр человек»^{636}.

Описал протопоп и конфликт, разыгравшийся между вступившимся за него Еремеем Пашковым и отцом-воеводой. Согласно повествованию Аввакума, в забайкальской тайге разыгралась подлинно эпическая сцена: «Еремей стал говорить: «Батюшко, за грех наказует бог! Напрасно ты протопопа тово [Аввакума] кнутом избил; пора покаяться, государь!» Он же [А. Ф. Пашков] рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклоняясь, прижав руки, стал... Пашков же, ухватя... колешчатую пицаль — никогда не лжет^[127] — приложася на сына, курок спустил. И божию волею осеклася пицаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклася пицаль. Он же и в третьи так же сотворил. Пицаль и в третьи осеклася же...»^{637}

Согласно прямому указанию надгробной надписи, Егор Пашков появился на свет в 1684 году^{638}. Каких-либо сведений о первых двадцати годах жизни будущего следователя выявить к настоящему времени не удалось. С уверенностью возможно лишь утверждать, что в отличие от старших родственников Е. И. Пашков не успел получить никакого

«московского» чина^{639}, а сразу начал военную карьеру.

Как явствует из архивного документа, в 1704 году Егор Иванович был зачислен рядовым в гвардии Преображенский полк^{640}. Принято считать, что солдатские годы он провел в денщиках Петра I. Возможно, именно по этой причине сведений о прохождении Егором Пашковым военной службы сохранилось немного.

Достоверно известно, что в 1708 году дослужившийся к тому времени до капрала Е. И. Пашков был произведен в младшие офицеры^{641}, став адъютантом. Сохранились также документальные свидетельства, что «отъютант» Егор Пашков выполнял при царе функции офицера связи.

Так, в июле 1711 года, сразу после выхода российской армии из окружения на реке Прут, едва не обернувшегося ее катастрофическим поражением, Е. И. Пашков совершил многоверстную поездку по вражеской территории. Прибыв к находившемуся в расположении турецких войск чрезвычайному послу барону П. П. Шафирову, адъютант вручил ему в целости и сохранности крайне важное шифрованное письмо Петра I.

В свою очередь, от посла Егор Иванович получил секретную дипломатическую корреспонденцию, которую сумел оперативно доставить царю^{642}. Если принять во внимание, что государева курьера сопровождала лишь небольшая охрана, а передвигаться приходилось большей частью по безлюдной местности, по которой рыскали почти не подконтрольные командованию отряды янычар и крымских татар, то необходимо признать, что Егор Иванович подвергался тогда риску сложить голову, ничуть не меньшему, чем на передовой.

Обстоятельства службы Е. И. Пашкова в следующее пятилетие прояснить к настоящему времени также не удалось. Неизвестно даже, когда он получил чины поручика и капитан-поручика. По крайней мере, не вызывает сомнений, что строевых должностей Егор Иванович не занимал, числясь «сверх комплекта» в 7-й роте Преображенского полка^{643}.

Загадкой осталось также, сопровождал ли Е. И. Пашков царя в зарубежной поездке 1716–1717 годов и чем он занимался в ноябре 1717 года. Из письма гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова Егору Ивановичу от 4 ноября 1717 года можно уяснить, что в тот момент адресат находился вне столицы^{644}. Соответственно, осталось непроясненным, входил ли капитан-поручик Егор Пашков в состав кригсрехта, осудившего на смертную казнь главу первой следственной канцелярии России гвардии майора Михаила Волконского.

Зато удалось установить, что при выработке в начале декабря 1717

года проекта указа об учреждении семи «майорских» следственных канцелярий Петр I включил гвардии капитан-поручика Е. И. Пашкова в руководящий состав канцелярии во главе с майором И. И. Дмитриевым-Мамоновым. Изначально эта канцелярия должна была получить в производство подборку уголовных дел по обвинениям ряда высших должностных лиц, в частности сенатора князя Я. Ф. Долгорукова и губернатора князя М. П. Гагарина^{645}.

Объем и конкретные направления следственной деятельности Е. И. Пашкова в канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова установить не представилось возможным, поскольку, как уже не раз отмечалось, почти весь архив «майорских» канцелярий сгорел при пожаре Кремля 29 мая 1737 года. Из фрагментарно сохранившихся документов явствует, что в канцелярии Егор Иванович не выполнял единоличных следственных действий, а работал в составе коллегиального присутствия.

Например, подпись Егора Пашкова стоит на постановлениях канцелярии, которыми оформлялись относящиеся к ее ведению устные указания Петра I: от 3 июля 1718 года — о командировании в Сибирь асессора А. Г. Шамордина, от 11 марта 1721-го — о пытке бывшего сибирского губернатора М. П. Гагарина^{646}.

Подписал Егор Иванович и постановление следственной канцелярии от 9 декабря 1723 года о повешении трупа бывшего томского коменданта Р. А. Траханиотова^{647}. Кроме того, известно, что он не направлялся ни в какие дальние командировки по делам канцелярии.

Что бы там ни было, Петр I положительно оценил работу Егора Пашкова в качестве следователя. 1 января 1719 года Егор Иванович был произведен в капитаны^{648}.

Щедрой оказалась государева награда Е. И. Пашкову за участие в следствии по делу Матвея Гагарина. Из конфискованного имущества повешенного князя Е. И. Пашков получил в Шацком уезде «село Благовещенское с деревнями», состоявшее из 121 двора и населенное 654 (!) крестьянскими «душами» только мужского пола^{649}.

Три с небольшим года спустя император доверил гвардии капитану Е. И. Пашкову высокий государственный пост: 7 февраля 1722 года он был назначен первым прокурором Военной коллегии^{650} — ведомства, управлявшего сухопутными войсками империи.

Учрежденная в январе 1722 года прокуратура тогда представляла собой исключительно орган надзора, не наделенный никакими уголовно-процессуальными полномочиями^{651}. Тем самым основной задачей Егора

Пашкова являлось установление соответствия актов, издававшихся Военной коллегией, нормам действовавшего законодательства. Сложность этой задачи заключалась не только в том, что Егор Иванович отнюдь не был знатоком практического законовещения, но и в том, что де-юре под надзором гвардии капитана оказался не кто иной, как президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал, «полудержавный властелин» А. Д. Меншиков.

Поэтому не приходится удивляться, что на протяжении 1722–1725 годов Е. И. Пашков — в отличие от прокуроров почти всех остальных коллегий — не внес в Правительствующий сенат ни единого (!) протеста на какие-либо нормативные или распорядительные акты Военной коллегии. Подобную позицию Егора Ивановича понять, впрочем, несложно: решиться конфликтовать с всеильным в ту пору Александром Даниловичем мог разве что душевнобольной или крайне наивный человек, излишне обнадеженный туманной перспективой «государевой милости»^[128]. Егор Иванович определенно не являлся ни тем ни другим.

Однако, оказавшись весьма пассивным представителем прокурорского надзора, Егор Пашков проявил себя в эти годы как бесспорно выдающийся следователь. Вернуться к следственной деятельности Егору Ивановичу довелось в связи с «делом фискалов».

Возбуждение дела произошло после того, как в руки Петра I попало обращение жителя Ярославля И. И. Сутягина, содержащее многочисленные обвинения против ярославского провинциал-фискала С. Ф. Попцова. 20 марта 1722 года секретарь императора Алексей Макаров направил генерал-прокурору Сената П. И. Ягужинскому письмо, в котором передал высочайшее указание, чтобы обвинения, выдвинутые против провинциал-фискала, «изследовали в Сенате или особливо в вашей канторе»^[652].

Не имея никакого опыта ни судебной, ни следственной деятельности, Павел Ягужинский принял вполне резонное решение поручить расследование кому-либо из нижестоящих прокуроров, более сведущих в уголовном судопроизводстве. 22 июня 1722 года генерал-прокурор распорядился передать следствие по делу С. Ф. Попцова прокурору Военной коллегии Егору Пашкову. Первые строки распоряжения, адресованного «благородному господину прокурору», гласили: «Его императорское величество указал по челобитью ярославца посацкого человека Ивана Сутягина... взяв о том дела из Ярославского надворного суда, изследовать особо у прокурорских дел...»^[653]

При этом не исключено, что ключевая фраза распоряжения — «извольте те дела взять к себе и по ним следовать» — означала попытку Павла Ивановича вообще передать дело Саввы Попцова из генерал-прокуратуры в прокуратуру Военной коллегии. Впрочем, такая попытка (если она действительно имела место) не встретила понимания у главы государства.

В итоге организация следствия над Саввой Попцовым оказалась перестроена, но не совсем так, как, вероятно, замыслил П. И. Ягужинский. С июля 1722 года в правительственном делопроизводстве замелькало наименование «Канцелярия генерал а-лейтенанта и генерала-прокурора Павла Ивановича Ягушинского да лейб-гвардии капитана Егора Ивановича Пашкова».

Другими словами, в генерал-прокуратуре империи образовалось новое структурное подразделение, особая следственная канцелярия под руководством генерал-прокурора. В свою очередь, Егора Пашкова можно признать первым следователем прокуратуры России, прямым предшественником тех следователей, которые трудились в следственных подразделениях прокуратуры в 1928–2007 годах.

С появлением Е. И. Пашкова расследование активизировалось. К началу августа 1722 года выявилось 28 эпизодов обвинений против С. Ф. Попцова — от укрывательства им беглых солдат до умышленного убийства. 21 августа, рассмотрев обобщающую выписку по материалам дела, следственная канцелярия вынесла постановление подвергнуть Савву Попцова пытке^{654}.

25 августа Павел Ягужинский и Егор Пашков допросили провинциал-фискала в застенке. Однако подследственный, выдержав подъем на дыбу и 17 ударов кнутом, продолжил отрицать свою вину по всем пунктам обвинения^{655}. Следующая пытка была назначена на 30 августа. И вот тогда Егору Пашкову удалось добиться перелома в психологическом настрое С. Ф. Попцова.

Согласно протокольной записи, сохранившейся в материалах уголовного дела, «августа 30-го дня Сава Попцов вожен в застенок вторично, при чем лейб-гвардии капитану Егору Ивановичю Пашкову он, Попцов, сказал, что де по делам ево, что на него показано, и сверх того, что он какое преступление указом... чинил, и кем что знает, приносит он пред его императорским величеством повинную»^{656}. Иными словами, Савва Федорович выразил готовность дать признательные показания.

Окончательный перелом в настроениях С. Ф. Попцова произошел 31

августа. В тот день Савва Федорович разразился огромной — в 70 пунктов — повинной. Убежденный Егором Пашковым в необходимости, выражаясь современным профессиональным языком, деятельного раскаяния, Савва Попцов в самом деле принялся рассказывать все, что знал. А знал он очень и очень многое.

Со страниц повинной Саввы Федоровича перед руководителями следственной канцелярии открылась уникальная в своей полноте картина криминальных деяний местных администраторов. Впрочем, вступивший на путь сотрудничества со следствием провинциал-фискал осветил злоупотребления не только региональных чиновников. В повинной от 31 августа (существенно пополненной затем 18 сентября, 12 и 18 октября) речь пошла и о куда более значительных «персонах».

Особенно подробно С. Ф. Попцов остановился на разоблачении высокопоставленного должностного лица, в расчете на действенное покровительство которого он так стойко выдержал кнут и подъем на дыбу. Психологически капитулировавший перед следствием Савва Попцов дал показания о взяточничестве главы фискальской службы России обер-фискала Алексея Яковлевича Нестерова^{657}.

Из откровений Саввы Попцова явствует, что взятки Алексей Яковлевич брал с размахом: деньгами, предметами домашнего обихода, продуктами питания, фуражом. Например, за содействие в определение самого Саввы Федоровича в фискалы А. Я. Нестеров получил с него 500 четвертей ржи. В другой раз, будучи у С. Ф. Попцова в гостях, Алексей Яковлевич прихватил с собой приглянувшееся ему стенное зеркало (в свою очередь, «позаимствованное» самим Саввой Федоровичем у Ивана Сутягина).

А вот с фискалов Г. Я. Терского, Г. Зиминского, Ф. Угрюмова и С. Я. Турчанинова Алексей Нестеров «брал... взятки денгами, лошедми и рыбою, белугами и протчими...». Справедливости ради надо отметить, что в поборах Алексея Нестерова проявились и его духовные запросы. Помимо иного обер-фискал «вытянул» из С. Ф. Попцова печатное Евангелие XVII века, а также книгу, «в которой изображены всякие звери и рыбы... с подписью латинскою»^{658}.

Уже в самый день подачи С. Ф. Попцовым повинной генерал-прокурор информировал о приведенных в ней эпизодах, касавшихся А. Я. Нестерова, Правительствующий сенат, тут же запросив санкцию на арест обер-фискала. Такая санкция была получена.

В первых числах сентября обер-фискала взяли под стражу. Алексей

Нестеров с ходу потребовал отвода прокурора Е. И. Пашкова, заявив на него ничем не мотивированное «подозрение»^{{659}{129}}. Это требование Алексея Яковлевича было отклонено как генерал-прокурором, так и Сенатом.

«Дело фискалов» набирало обороты, а производство следствия чем дальше, тем больше переходило в руки Егора Ивановича. Осенью 1722 года основное внимание следственная канцелярия сосредоточила на разбирательстве преступных деяний нескольких фигурантов: С. Ф. Попцова, ярославского фискала А. И. Никитина и А. Я. Нестерова.

Особенно ценные показания, изобличавшие обер-фискала, в сентябре дал посадский человек — откупщик А. К. Брыскин. В частности, Авдей Брыскин поведал о взятке в 500 рублей, полученной Алексеем Нестеровым от Л. Г. Воронцова за содействие в назначении его воеводой в один из сибирских городов^{660}.

Заодно Авдей Брыскин подтвердил и ряд эпизодов из повинной С. Ф. Попцова. К примеру, на допросе 11 сентября Авдей Кузьмич конкретизировал сведения Саввы Попцова о взятках, полученных А. Я. Нестеровым от фискалов Саввы Турчанинова и Григория Зиминского. По словам А. К. Брыскина, «Турчанинов ему, Нестерову... привез рыбы белуг и осетров воз... Да Зиминской пару жеребцов карих, ценою рублей в тридцать, дал»^{661}.

5 октября П. И. Ягужинский направил письмо с докладом о ходе следствия к находившемуся в Астрахани Петру I. При этом генерал-прокурор пожаловался на давление, которое кто-то из очень влиятельных лиц оказывал на Е. И. Пашкова в защиту Алексея Нестерова («к тому же не без приятеля у обер-фискала»^{130}). В связи с этим Павел Иванович попросил императора направить «особливый указ» Егору Пашкову, который без этого «в такие важные дела вступать не смеет»^{662}.

Самодержец откликнулся незамедлительно. Уже 15 октября в Москву ушло высочайшее послание с указанием Е. И. Пашкову замещать при необходимости генерал-прокурора в делах следственной канцелярии^{131}. Одновременно Петр I санкционировал применение к А. Я. Нестерову пыток^{663}.

Со своей стороны Алексей Нестеров не только не признавал какие-либо обвинения, но и продолжал пытаться вывести из следствия Е. И. Пашкова. Так, 1 ноября Алексей Яковлевич сорвал очную ставку с С. Ф. Попцовым, заявив об отказе давать показания Егору Пашкову («перед ним, господином капитаном, ни о чем ответственать он не станет»)^{664}. Однако

вскоре ситуация переменялась.

8 ноября, обобщив добытые следственной канцелярией материалы, уличавшие обер-фискала, Е. И. Пашков вынес постановление о пытке Алексея Нестерова^{665}. И тут подследственный дрогнул. 9 ноября, не дожидаясь привода в застенки, А. Я. Нестеров заявил Егору Ивановичу о готовности дать признательные показания^{666}. Расследование «дела фискалов» вышло на следующий виток.

Еще не разобравшейся в полном объеме с показаниями С. Ф. Попцова следственной канцелярии генерал-прокуратуры предстояло теперь проверять не менее содержательные откровения Алексея Нестерова. Подобно Савве Попцову, Алексей Яковлевич не ограничился признанием собственной вины, но и поведал много интересного о иных должностных лицах. А. Я. Нестеров рассказал о взятках и казнокрадстве бывшего московского вице-губернатора, а ныне главы Монастырского приказа В. С. Ершова, о подлоге завещания бывшим обер-фискалом, а ныне судьей Московского надворного суда М. В. Желябужским, о многообразных злоупотреблениях комиссара А. С. Сергеева и дьяка А. Г. Ратманова.

Тем не менее, заподозрив Алексея Нестерова в недостаточной искренности, Егор Пашков 25 ноября вновь распорядился подвергнуть его пытке^{{667}{132}}. Допрос в застенке не состоялся, однако, и на этот раз. Согласно помете в деле, «обор-фискалом не розыскивано за полученным имянным его императорского величества указом»^{668}. Иными словами, в ноябре 1722 года Петр I пытать Алексея Яковлевича воспретил.

Не вполне ясно, что за соображения побудили императора отменить собственную недавнюю санкцию о «розыске» А. Я. Нестерова. Вероятнее всего, отличавшийся повышенной подозрительностью Петр I рассудил, что глава фискальской службы мог владеть такой разоблачительной информацией, которую небезопасно было доверить даже генерал-прокуратуре. По этой причине монарх решил допросить Алексея Нестерова лично.

В итоге допрос Алексея Нестерова императором состоялся 31 января 1723 года. К этому допросу Петр I даже собственноручно написал вопросные пункты, в которых выразил, в частности, уверенность в весьма значительной информированности А. Я. Нестерова о криминальных деяниях государственных служащих: «Первое, по чину фискалскому, вторые, понеже прибежище всех воров был»^{669}. Однако, несмотря на то что допрос проводился лично монархом и под пыткой, никаких новых откровений Алексея Яковлевича на нем не последовало^{670}.

Что бы там ни было, независимо от высочайших колебаний в решении вопроса о телесной неприкосновенности А. Я. Нестерова конец ноября и весь декабрь 1722 года следственная канцелярия генерал-прокуратуры работала с прежней интенсивностью.

Так, в декабре наступил перелом в следствии по делу фискала Алексея Никитина. 30 ноября Е. И. Пашков вынес постановление о пытке А. И. Никитина, упорно отрицавшего всякие обвинения. Поднятый 3 декабря на дыбу, Алексей Никитин сознался в четырех эпизодах получения взяток на общую сумму 111 рублей (плюс бочонок вина)^{671}.

Впрочем, эта сумма, вероятнее всего, не исчерпывала криминальных доходов Алексея Никитина. Как видно из материалов дела, ярославский фискал жил более чем безбедно. Согласно описи арестованного имущества А. И. Никитина от сентября 1722 года, в Ярославле он владел каменным домом, обставленным дорогой мебелью (среди которой был, например, «стол здвижной дубовый с ящички, зеркало осмилистовое»). А для передвижений фискал располагал обитой кожей коляской голландской работы — «в ней убито^[133] сукном голубым с подзоринами» — и не менее роскошным зимним возком^{672}.

В конце ноября — декабре 1722 года следственная канцелярия генерал-прокуратуры впервые допросила упомянутых в повинной Алексея Нестерова судью М. В. Желябужского, бывшего сенатора В. А. Апухтина, секретаря И. А. Хрипунова^{673}. К примеру, у Ивана Хрипунова Е. И. Пашков выяснял объем «подарков», поднесенных им А. Я. Нестерову, а также причины этих подношений. На допросе 30 ноября Иван Авксентьевич подтвердил, что в бытность его дьяком в Архангельске он «посылывал к нему, Нестерову, свечь вологоцких салных да рыжиков», но делалось это все исключительно «из любви, по приятелству, а не от дел»^{674}.

Между тем по мере разбухания «дела фискалов», появления в нем новых эпизодов и фигурантов перед Петром I обозначилась перспектива дополнительно закрепить за прокуратурой полномочия органа предварительного следствия, совместив тем самым в ее компетенции функции надзора и уголовного преследования. Если бы законодатель решился в 1723 году придать генерал-прокуратуре следственные полномочия, то уже тогда в России могла сложиться функциональная модель прокуратуры, существовавшая в 1928–2007 годах.

Однако в решающий момент Петр I не пожелал отказываться от изначально возникшей надзорной модели отечественной прокуратуры. Это

выразилось в том, что в январе 1723 года император принял решение освободить генерал — прокуратуру от расследования «дела фискалов».

В конце января расследовавшиеся следственной канцелярией генерал-прокуратуры уголовные дела были переданы в только что основанный Вышний суд, занявший в реформированной судебной системе России место суда высшего звена. Сама же следственная канцелярия была преобразована в Розыскную контору — особое следственное подразделение суда (отдаленный прообраз следственной части Верховного суда РСФСР 1920-х годов).

От следственной канцелярии генерал-прокуратуры Розыскная контора унаследовала не только находившиеся в производстве дела, но и руководителя — Е. И. Пашкова. Тем самым Егору Ивановичу возможно признать также одним из первых судебных следователей России^[134], предшественником судебных следователей 1860–1928 годов.

Интересное свидетельство о процессе перехода следственного подразделения генерал-прокуратуры в Вышний суд сохранилось в послужном списке канцеляриста А. Баженова от ноября 1737 года. Излагая обстоятельства прежней службы, Антон Баженов указал между иного, что в сентябре 1722 года он был направлен в «розыскную канцелярию господина генерала и ковалера графа Павла Ивановича Ягушинского да гвардии капитана... Пашкова, и был по 723-й год. А в том году взят на Генеральной двор^[135] и был у розыскных дел, а потом та канцелярия сообщена с Вышним судом»^[675].

В качестве главы Розыскной конторы Вышнего суда Егору Пашкову довелось расследовать не только дела, которыми он занимался прежде. В 1723 году в производство Розыскной конторы поступил еще ряд уголовных дел — в частности, многоэпизодное дело по обвинению руководителей канцелярии Преображенского приказа дьяков Я. В. Былинского и В. Н. Нестерова в преступлениях против интересов службы и против правосудия.

Изменение ведомственной принадлежности следственной канцелярии никак не отразилось на ходе расследования «дела фискалов». Следственные действия по данному делу продолжились в полном объеме.

Например, 13 февраля 1723 года состоялся длительный допрос А. Я. Нестерова, а, скажем, 29 мая того же года в Розыскной конторе был допрошен один из «дарителей» Алексея Нестерова новгородский провинциал-фискал И. П. Погребов, подтвердивший сведения о поднесении им обер-фискалу серебряной посуды, но при этом подчеркнувший, что «во взяток ему, Нестерову, ни от каких дел ничего не

давывал»^{{676}{136}}.

26 сентября 1723 года Вышний суд направил Розыскной конторе распоряжение о скорейшем завершении находящихся в ее производстве уголовных дел, «особливо ж по делам на бывшего обор-фискала Нестерова и на дьяков Преображенского приказу»^{677}. Е. И. Пашков не затянул с выполнением этого распоряжения.

Уже в октябре глава Розыскной конторы направил в Вышний суд подборку итоговых процессуальных документов по М. В. Желябужскому, А. И. Никитину и С. Ф. Попцову. Составление документов по Алексею Нестерову было отложено, вероятнее всего, до времени новых допросов бывшего обер-фискала Петром I. Каковые состоялись только в январе 1724 года.

Помимо традиционных «выписок» (и их сокращенных версий — «экстрактов»), содержащих выстроенные по пунктам эпизоды обвинения по соответствующему фигуранту, в Розыскной конторе были впервые подготовлены принципиально новые процессуальные акты. В этих документах, подписанных Е. И. Пашковым, оказались соединены: краткое изложение эпизодов обвинения, квалификация этих эпизодов по действовавшему законодательству, а также предложения о назначении меры наказания. Такой документ, являвшийся с точки зрения обобщения материалов следствия шагом вперед по сравнению с «выпиской» и «экстрактом», явился отдаленным прообразом современного обвинительного заключения, оформляемого следователем при передаче дела в суд.

Подобные обвинительные заключения были в итоге составлены Егором Ивановичем по М. В. Желябужскому, А. Я. Нестерову, А. И. Никитину, С. Ф. Попцову^{678}. Согласно выпискам и обвинительным заключениям, Алексею Нестерову было вменено 39 (!) эпизодов преступной деятельности (главным образом получение взяток), Алексею Никитину — пять эпизодов (исключительно получения взяток), Михаилу Желябужскому — два эпизода (подлог завещания и лжесвидетельство по этому поводу).

Что касается исходного фигуранта «дела фискалов» Саввы Попцова, то ему Розыскная контора вменила в итоге 11 эпизодов: от злоупотребления должностными полномочиями («имел съезжий двор, держал колодников многое число и... на разных чинов людей полагал штрафы») и казнокрадства до получения взяток (общая сумма которых была весьма внушительной — 6420 рублей). А вот длительно проверявшийся

следствием эпизод о якобы совершенном С. Ф. Попцовым убийстве посадского человека Афанасия Жилина был при подготовке обвинительного заключения снят за недоказанностью.

В отношении мер наказания в обвинительных заключениях Е. И. Пашков предлагал санкции в основном в соответствии с действующим законодательством. Лишь к А. Я. Нестерову Егор Пашков предложил применить санкцию, прямо не предусмотренную ни в одном из законодательных актов, по которым были квалифицированы предъявленные бывшему обер-фискалу обвинения, — колесование^[679]. Нельзя исключить, впрочем, что в данном случае при подготовке обвинительного заключения глава Розыскной канцелярии принял во внимание некую устно выраженную «рекомендацию» Петра I, весьма болезненно воспринявшего разоблачение криминальных деяний А. Я. Нестерова^[137].

Вместе с тем Егор Иванович предпринял решительную попытку не допустить вынесения смертного приговора деятельно раскаявшемуся С. Ф. Попцову. По всей очевидности, обещавший Савве Федоровичу сохранение жизни в обмен на сотрудничество со следствием глава Розыскной конторы предложил в обвинительном заключении назначить бывшему провинциал-фискалу наказание в виде двух лет каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой.

Столь либеральное (с учетом характера предъявленных обвинений) предложение Егор Пашков обосновал тем, что иные подследственные в дальнейшем «взирая на милостивое исполнение [сохранение жизни С. Ф. Попцову]... могли к показанию вин признатца существом»^[680]. В данном случае остается только признать, что Е. И. Пашков предвосхитил институт «сделки с правосудием», появившийся в отечественном уголовном судопроизводстве лишь с изданием Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141—ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»^[681].

Последними досудебными действиями по «делу фискалов» явились проведенные в январе 1724 года лично Петром I допросы основных фигурантов дела. Имевший странную убежденность, что перед вынесением приговора (или даже после него) обвиняемые могут дать какие-то особенно ценные показания, первый российский император допросил под пыткой: 16 и 18 января 1724 года — А. Я. Нестерова (причем к применявшимся прежде дыбе и кнуту было добавлено жжение огнем), 16 января — А. И.

Никитина и 18 января — С. Ф. Попцова^[682].

Допросы эти не дали, впрочем, никаких новых результатов, подследственные лишь подтвердили прежние показания.

Далее материалы «дела фискалов» были направлены в Вышний суд. Сообразно господствовавшей тогда розыскной модели уголовного процесса суд проходил без участия сторон и без заслушивания обвиняемых и свидетелей. В итоге судебное следствие свелось исключительно к ознакомлению судей с подготовленными Е. И. Пашковым выписками и обвинительными заключениями по делу.

Приговоры обвиняемым были вынесены 22–23 января 1724 года. Суд не принял во внимание заступничество Егора Ивановича за обвиняемого Савву Попцова. Бывшего провинциал-фискала осудили на смертную казнь. Не удалось Е. И. Пашкову убедить в своей правоте и императора, утвердившего приговор Савве Федоровичу без изменений^[138].

А. Я. Нестеров был приговорен к колесованию. 24 января 1724 года состоялась описанная выше публичная «эксекуция».

Петр I счел «дело фискалов» столь общественно значимым, что в этот же день распорядился подготовить особый информационный листок с изложением «преступлений бывшего обер-фискала Нестерова и протчих» и опубликовать его «для всенародного известия»^[683]. Отпечатанное на листе большого формата «Объявление о бывшей эксекции в Санкт-Петербурге генваря в 24 день 1724 году» вышло в свет уже 4 марта^[684].

16 марта Правительствующий сенат указал разослать экземпляры «Объявления» по центральным и местным органам власти (для ознакомления прежде всего государственных служащих)^[685]. Так что успешно расследованное Егором Пашковым «дело фискалов» пригодилось еще и для правовой пропаганды и профилактики должностных преступлений.

Последовавшая 28 января 1725 года кончина императора Петра Великого привела к свертыванию деятельности Вышнего суда и его Розыскной конторы. Уже 2 февраля под подписку о невыезде были освобождены 13 из 15 содержащихся на тот момент под стражей подследственных Розыскной конторы^[686]. Формальное упразднение Вышнего суда произошло по указу императрицы Екатерины I от 14 марта 1726 года.

На состоявшейся 10 марта 1725 года в Санкт-Петербурге грандиозной церемонии погребения Петра Великого прокурору и гвардии капитану Егору Ивановичу Пашкову была отведена весьма почетная роль: он нес

подле гроба имперскую регалию — один из четырех «государственных мечей с золотными эфесами и з драгими каменья». Острием вниз^{687}.

После 1725 года недолго продлилась и прокурорская деятельность Е. И. Пашкова. Дело в том, что на протяжении 1726–1727 годов органы молодой российской прокуратуры подверглись постепенному упразднению. Причем в безуказном порядке. Черед прокуратуры Военной коллегии наступил весной 1727 года.

Именным указом от 13 марта прокурор Е. И. Пашков был определен на должность советника Военной коллегии^{688}. Преемника ему назначено не было. Назначение Егора Ивановича на равностатусную должность в Военной коллегии свидетельствовало о том благоволении, которое ему оказывал президент коллегии А. Д. Меншиков, ставший к тому времени фактически вторым лицом в государстве.

15 мая 1727 года только что взошедший на престол император Петр II произвел Е. И. Пашкова в «полугенеральский» чин бригадира^{689}. Позиции Егора Пашкова в среде высшей коллежской бюрократии казались незыблемыми. Однако уже в следующем году в его карьере произошла резкая перемена к худшему.

Бывшего следователя и прокурора едва не погубили излишние откровения о придворной жизни в переписке с давней приятельницей княгиней А. П. Волконской. Будучи выслана из Санкт-Петербурга в апреле 1727 года по предписанию А. Д. Меншикова, княгиня не была, однако, возвращена в столицу после ссылки самого Александра Даниловича (последовавшей в сентябре). Проживая во вполне комфортных условиях в подмосковном имении, Аграфена Волконская продолжала отслеживать придворные «конъюнктуры» и чем дальше, тем больше раздражалась, что о ней позабыли.

Дело закончилось доносом двух слуг, обыском в имении и выемкой обширной корреспонденции княгини. Пустяковое, по существу, дело стало, однако, предметом детального разбирательства в мае 1728 года в Верховном тайном совете^{690}. Поскольку в домашнем архиве А. П. Волконской была между иного обнаружена подборка писем Егора Пашкова, он оказался среди фигурантов дела.

28 мая 1728 года Егор Иванович был отстранен от должности. Трудно сказать, кто именно из влиятельных лиц вступился за бригадира, однако он наименее пострадал из числа собеседников и корреспондентов княгини Аграфены Петровны. Именным указом от 5 июня Е. И. Пашков был определен вице-губернатором Воронежской губернии^{691}.

Несмотря на то что Егор Иванович направлялся в Воронеж единоличным главой администрации, назначение в провинцию явилось для него тяжелым ударом. Опальный бригадир попытался даже отсрочить выезд к новому месту службы. Когда 14 июня к бывшему прокурору явился сенатский курьер с подорожной и ямскими подводами, Егор Иванович выгнал его со двора, отправил подводы обратно в Сенат и заявил, что поедет на собственных лошадях.

На следующий день Е. И. Пашков получил предписание покинуть Москву немедленно. В ответ Егор Иванович заявил, что если его отправляют в ссылку, то пусть везут в Воронеж в кандалах и под конвоем. Впрочем, 16 июня он все же выехал во вверенную ему губернию^[692].

В должности воронежского вице-губернатора Е. И. Пашкову пришлось отработать почти шесть лет^[693]. Оставил он о себе не лучшую память в церковных кругах, благодаря невольному участию в низложении местного епископа Льва (в миру Лаврентия Юрлова). В феврале 1730 года, когда в Воронеж уже поступили первые экземпляры манифеста о восшествии на престол Анны Иоанновны, епископ некоторое время не оглашал манифест в кафедральном соборе, а заодно не возгласил имени Анны как правящей государыни.

По долгу службы внимательно отследив ситуацию, Егор Иванович двукратно напомнил епископу о необходимости обнародовать манифест, а затем сообщил о произошедшем «по команде» в Москву^[694]. Промедление с возглашением имени новой императрицы обернулось для епископа Льва лишением сана, расстрижением и десятилетним (!) заточением в Крестном монастыре на пустынном острове Кий в Белом море.

Губернией Егор Иванович управлял не особенно удачно, неоднократно подвергался дисциплинарным взысканиям от Правительствующего сената. По доношениям вице-адмирала Матвея Змаевича попал под следствие по обвинению в вырубке заповедных корабельных лесов и в провале трудовой мобилизации работных людей на верфи в Таврове^[139].

Впрочем, будучи 3 декабря 1734 года смещен с должности (его сменил А. А. Мякинин^{[695][140]}), Егор Пашков пробыл в Воронеже еще более года^[696]. По странной причуде судьбы, в этом городе он пережил и своего гонителя вице-адмирала Матвея Христофоровича, скончавшегося в Таврове 23 августа 1735 года^[697], и нового губернатора Алексея Мякинина, ушедшего из жизни сразу вслед за вице-адмиралом — 25 августа того же года^{[698][141]}.

16 октября 1735 года бригадир Е. И. Пашков получил новое

назначение — губернатором в Астрахань. Однако на берега Каспия он так и не прибыл. Задержавшись по пути в своем имении, Егор Иванович Пашков скоропостижно скончался 6 апреля 1736 года.

Погребли Е. И. Пашкова в Успенской церкви Веневского монастыря Тульского уезда. В ноябре 1796 года племянник бывшего прокурора коллежский асессор А. И. Пашков установил на его могиле специально отлитую массивную чугунную плиту с пространной надписью, а также обнес могилу железной решеткой^{699}. Захоронение Е. И. Пашкова сохранилось до настоящего времени.

«И БЫЛ СОЛДАТОМ И ОБЕР-ОФИЦЕРОМ БЕЗПОРОЧНО И БЕЗОТЛУЧНО...»: КНЯЗЬ Г. А. УРУСОВ

1727 года сентября 8 дня в городе Санкт-Петербурге двенадцатилетний император Петр II предписал уволить от всех должностей и взять под арест генералиссимуса светлейшего князя А. Д. Меншикова^{700}, фактически управлявшего на тот момент Российской империей. Ситуация с отстранением от власти «полудержавного властелина» могла обернуться самым непредсказуемым образом, так как Александр Меншиков, располагавший огромной властью и имевший в личном подчинении воинские части, имел вполне реальную возможность предпринять встречные действия и в одночасье осуществить дворцовый переворот.

В этой шаткой обстановке одной из весьма логичных мер явилась незамедлительная смена командования столичного гарнизона. 9 сентября параллельно с изданием именного указа о лишении А. Д. Меншикова чинов, орденов и ссылке его в Раненбург император распорядился отстранить от должности Санкт-Петербургского обер-коменданта генерал-майора Ю. И. Фаминцына. Вместо него на должность коменданта временно определялся князь Григорий Урусов^{701}.

Учитывая, что на тот момент Г. А. Урусов имел чин гвардии капитана, подобный высочайший кадровый выбор мог показаться неожиданным. Однако таковым это назначение было только на первый взгляд. Дело в том, что в отличие от большинства гвардейских офицеров князь Григорий Алексеевич имел в прошлом опыт взаимоотношений с Александром Меншиковым не как с могущественным покровителем («патроном», как тогда говорили), а как с подследственным.

Будущий Санкт-Петербургский комендант являлся выходцем из знатной фамилии, имевшей татарское происхождение и восходящей к эмиру Едигею-Мангиту (умер в 1419 году), первому правителю Ногайской Орды. Фамилия «Урусовы» пошла от одного из предков шестого колена рода, который прозывался Урус-мурза^{702}. К XVII веку род прочно утвердился в российской правящей элите: достаточно сказать, что трое его представителей (князья Н. С., П. С. и Ф. С. Урусовы) сумели дослужиться до высшего тогда чина боярина^{703}. Известно, что в придворной борьбе,

разыгравшейся в России в 1680-х годах после смерти бездетного царя Федора Алексеевича, князья Урусовы явились сторонниками царевича Петра Алексеевича и его матери царицы Натальи Кирилловны.

Григорий Урусов был одним из трех сыновей князя Алексея Никитича Урусова. По свидетельству осведомленного И. А. Желябужского, в 1694 году Алексей Урусов являлся капитаном гвардии Преображенского полка и принимал участие в знаменитом Кожуховском походе^{704} — уже упоминавшихся первых в истории российской армии масштабных военных учениях, максимально приближенных к боевым. Однако каких-либо иных сведений о службе Алексея Никитича в гвардии выявить к настоящему времени не удалось.

Обстоятельства первых десятилетий жизни Григория Урусова поныне сокрыты мраком. В частности, не удалось установить ни времени, ни места его рождения. Возможно лишь констатировать, что Григорий Алексеевич не сумел попасть в число «царедворцев», не получив даже низшего чина «жильца»^{705}. Кроме того, не вызывает сомнений, что в отличие от братьев Василия и Ивана он не проходил обучения за рубежом^[142].

Первое из обнаруженных достоверных упоминаний о князе Григории Алексеевиче относится к марту 1701 года, когда он выступил одним из свидетелей заключения «сговорной» (архаичной формы брачного договора) между П. П. Бутурлиным и девицей Е. И. Савостьяновой^{706}. Что касается военной службы, то ее Григорий Урусов начал в 1704 году солдатом в Преображенском полку^{707}. Отмеченная дата была отнюдь не случайной.

Как вспоминал на склоне лет уже упоминавшийся гвардии подполковник и действительный тайный советник князь Б. И. Куракин, именно в 1704 году «разбирал его величество недорослей знатных самых персон, которых выбрали пятьсот или шестьсот человек, и написаны в солдаты в Преображенской полк и Семеновской... князья Голицыны, кн[язья] Черкасские, кн[язья] Хованские... также иные фамилей знатных, как Урусовых, из которых одного под Нарвою убили»^{708}.

Кто именно из князей Урусовых погиб при осаде (или штурме) Нарвы летом 1704 года, выяснить на сегодняшний день не удалось. Известно, однако, что в Преображенском полку много лет прослужил князь Семен Никитич Урусов (по всей вероятности, дядя Григория Алексеевича), начавший военную карьеру еще в Преображенской потешной роте в 1689 году^{709}. Как явствует из введенных в научный оборот материалов полкового архива, в феврале 1713 года гвардии капитан Семен Урусов из командиров 11-й роты Преображенского полка был переведен на ту же

должность в 4-ю роту^{710}.

Служба у князя Григория Алексеевича ладилась. В 1707 году гвардии рядовой князь Григорий Урусов был произведен в прапорщики с переводом из 16-й роты Преображенского полка в 13-ю^{711}. В качестве прапорщика 13-й роты князь Г. А. Урусов был упомянут и в списке офицеров полка за 1709 год^{712}.

В мае 1714 года ставший к тому времени капитан-поручиком Григорий Урусов был произведен в капитаны и назначен командиром «родной» 13-й роты Преображенского полка. Через год, в мае 1715 года, князь Григорий Алексеевич был переведен на должность командира 4-й роты все того же Преображенского полка^{713}.

Вместе с тем каких-либо подробностей служебно-боевой деятельности Григория Алексеевича выяснить на сегодняшний день не удалось. С уверенностью возможно лишь предположить, что за долгие годы военной службы он не получил ни единого ранения.

Достоверно известно, однако, что уже в 1714 году гвардии капитан Григорий Урусов оказался (хотя, вероятнее всего, кратковременно) привлечен к следственной деятельности, и к деятельности этой его привлек сам командир Преображенского полка гвардии подполковник князь В. В. Долгоруков.

По поручению следственной канцелярии Василия Долгорукова в 1714 году князь Григорий Алексеевич был командирован в Москву. В бывшей столице гвардеец провел обыск в доме сенатора В. А. Апухтина, опечатал его имущество, а заодно оповестил население бывшей столицы о возможности подавать жалобы на злоупотребления сенатора. Согласно формулировке опубликованного документа, «прибывал... письма к градским воротам и к его двору, чтоб приходили все и сказывали, кому какая обиды или интересу великаго государя что противное учинил»^{714}.

Жизнь Г. А. Урусова как строевого офицера окончательно изменилась на исходе 1717 года, когда он оказался привлечен к работе в одной из новоучрежденных следственных канцелярий. Обстоятельства перехода князя Григория Алексеевича на следственное поприще были, однако, не вполне ординарны.

Дело в том, что имя Григория Урусова отсутствовало в списке восьми офицеров Преображенского полка, которых было приказано откомандировать в Санкт-Петербург уже упоминавшимся распоряжением Петра I от 11 ноября 1717 года^{715}. Как возможно сделать вывод из последующих событий, именно эти офицеры (вместе с одновременно

направленными в столицу шестью офицерами гвардии Семеновского полка) образовали собой кригсрехт, перед которым предстал глава первой следственной канцелярии России гвардии майор князь М. И. Волконский.

Между тем, хотя Г. А. Урусов не был в ноябре этого года вызван в Санкт-Петербург (и, соответственно, не участвовал в суде над Михаилом Волконским), царь вписал его имя в предварительный список следователей проектируемых канцелярий, составленный в начале декабря^{716}.

Что бы там ни было, в столь насыщенный событиями день генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков направил находившемуся в Москве Григорию Урусову «ордир» (приказ) следующего содержания: «Ц[арское] в[еличество] указал тебе здесь в Санкт-П[итер]б[урхе] быть для розыскных дел. Того ради по получении сего, оставя все свои нужды, приезжайте, как наискоряе, сюда...»^{717}

Гвардии капитан Г. А. Урусов стал ассессором следственной канцелярии, которую возглавил командир Семеновского полка гвардии подполковник князь П. М. Голицын. Самым значимым уголовным делом, попавшим в производство этой канцелярии, стало дело в отношении санкт-петербургского генерал-губернатора, президента Военной коллегии и сенатора, генерал-фельдмаршала, светлейшего князя А. Д. Меншикова.

Александр Данилович обвинялся в организации фальшивых подрядов, казнокрадстве, финансовых махинациях. Уголовное дело светлейшего князя канцелярия Петра Голицына получила «в наследство» от той самой следственной канцелярии князя В. В. Долгорукова (прекратившей существование в том же декабре 1717 года), к работе которой за три года до того привлекался Григорий Урусов.

Известно, что ущерб, нанесенный А. Д. Меншиковым казне, составил, по версии канцелярии Василия Долгорукова более миллиона рублей^{718} (примерно одна восьмая государственного бюджета России). Светлейший князь отмеченную сумму оспаривал, доказывая, что он не только не расхищал казенные средства, а, наоборот, сам израсходовал на казенные нужды 147 тысяч 155 рублей личных средств^{719}. Весь клубок многолетних непрозрачных финансовых отношений А. Д. Меншикова с казной (образовавших так называемое «счетное дело» светлейшего) предстояло распутывать следственной канцелярии князя Петра Голицына.

Можно полагать, что определение Григория Урусова именно в канцелярию П. М. Голицына было обусловлено желанием Петра I сохранить «жесткий» подход к расследованию злоупотреблений Александра Меншикова, который был свойствен канцелярии В. В.

Долгорукова, соперничавшего с «полудержавным властелином» за близость к главе государства. Григорий Урусов не только долгое время служил в Преображенском полку под командованием В. В. Долгорукова, но и состоял в родстве с разветвленным родом Долгоруковых по матери, Василисе Петровне Долгоруковой. Кроме того, родной брат князь Василий был женат на княжне Прасковье Петровне Долгоруковой.

В соперничестве между Александром Меншиковым и Василием Долгоруковым Г. А. Урусов был явно на стороне последнего. Известно, что в 1715 году Григорий Алексеевич предупреждал В. В. Долгорукова, что А. Д. Меншиков специально направил офицера разузнать про «обиды и взятки» со стороны Василия Долгорукова, якобы допущенные им в Польше, когда он командовал расквартированными там русскими войсками^{720}.

О том, что князя Григория Алексеевича связывали с князем Василием Владимировичем не только служебные, но и некие личные отношения, свидетельствует также постскриптум, внесенный В. В. Долгоруковым в упоминавшийся выше приказ от 9 декабря 1717 года. В этом постскриптуме генерал-лейтенант Василий Долгоруков сугубо неформально (хотя и весьма туманно) предупреждал капитана Г. А. Урусова: «Не наведи на нас слова, и сам[ом]у б тебе не пострадать...»^{721}

Одновременно с началом работы в следственной канцелярии Петра Голицына Г. А. Урусову довелось оказаться в числе судей на процессе царевича Алексея Петровича. Как и большинство гвардейских офицеров, князь Григорий Алексеевич был включен в состав специального судебного присутствия, которое приговорило царевича Алексея Петровича к смертной казни^{722}. Подпись гвардии капитана Григория Урусова стоит на приговоре 58-й по счету.

При том, что конкретных сведений о деятельности Г. А. Урусова в качестве следователя выявить к настоящему времени не удалось, представляется очевидным, что эта деятельность вызвала одобрение со стороны Петра I. Дело в том, что после скоропостижной кончины П. М. Голицына (в январе 1722 года) презусом канцелярии император назначил именно князя Григория Алексеевича. Следственной канцелярией Г. А. Урусов руководил до декабря 1723 года, когда последовало закрытие всех «майорских» канцелярий. Основным делом, которым занималась его канцелярия, явилось «счетное дело» А. Д. Меншикова.

Поскольку материалы «счетного дела» не введены к настоящему времени в научный оборот (по всей вероятности, они не сохранились),

оценить итоги работы следственной канцелярии Г. А. Урусова не представляется возможным. Как бы то ни было, сам светлейший князь А. Д. Меншиков воспринимал «счетное дело», судя по всему, как серьезную угрозу для своей персоны.

Об этом, в частности, свидетельствует письмо Александра Меншикова от 4 апреля 1724 года царице Екатерине Алексеевне (которая не раз выступала в качестве его заступницы перед мужем), в котором он писал: «Всемиловитейше просил я у его императорского величества во всех моих винах... прощения, с которого прилагаю для известия вашему величеству копию и притом всенижайше прошу вашего матернего ^[143] всемиловитейшего предстательства и заступления, понеже, кроме бога и ваших величеств превысокой ко мне отеческой милости, иного никакого надеяния не имею» ^{723}.

Уже после прихода к власти Екатерины I Александр Данилович, став фактически вторым лицом в государстве, добился издания особого именного указа от 8 декабря 1725 года, в котором императрица милостиво предписала «объявленных на него счетов не спрашивать и по тем делам ныне и впредь не следовать и уничтожить» ^{724}.

Однако издания указа «полудержавному властелину» показалось недостаточно. 9 января 1726 года Александр Меншиков приказал обнародовать указ типографски (!) и обеспечить рассылку его экземпляров по всей империи («разослать... во все городы») ^{725}.

Несмотря на изложенные выше обстоятельства, князь Григорий Алексеевич ни имущественно, ни карьерно не пострадал в годы нового возвышения Александра Меншикова. Более того: в 1726 году Г. А. Урусов был произведен в «полевые» полковники и ему было «велено... управлять в гвардии за майора» ^{726}.

Однако вскоре Г. А. Урусову пришлось навсегда расстаться с привычной ему гвардейской средой. Как уже отмечалось, 9 сентября 1727 года, при отстранении от власти А. Д. Меншикова, Григорий Алексеевич был временно определен санкт-петербургским комендантом. 11 октября его произвели в бригадиры и утвердили в отмеченной должности.

На этом, однако, высочайшие милости не завершились. 19 декабря император Петр II повысил должностной статус Г. А. Урусова до обер-коменданта ^{727}. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, князь Григорий Алексеевич подал челобитную с просьбой о дальнейшем повышении еще и в чине.

Сообразно тогдашним бюрократическим традициям документ

начинался с изложения сведений о прежних службах челобитчика. Григорий Урусов отметил: «...служил я... деду и бабке^[144] вашего императорского величества с [1]704 года лейб-гвардии в Преображенском полку и был солдатом и обер-офицером безпорочно и безотлучно. И ныне служу вашему императорскому величеству со всяким моим рабским усердием...»

Далее новоиспеченный обер-комендант констатировал, что некие офицеры («прочие моя братья»), начавшие службу либо в один год с ним, либо позже, уже произведены в генералы, и делал горестный вывод, что он «перед оными моею братьею в награждении рангом безвинно остался»^{728}. Император воспринял челобитную вполне благосклонно: уже 1 января 1728 года князь Григорий Урусов стал генерал-майором^{729}.

Остается добавить, что в качестве столичного обер-коменданта Г. А. Урусов вновь соприкоснулся (хотя и косвенно) с низвергнутым с высот власти Александром Меншиковым. В ноябре 1727 года именно на Григория Алексеевича была возложена обязанность обеспечить войсковой охраной все конфискованное движимое и недвижимое имущество А. Д. Меншикова, находившееся в Санкт-Петербурге^{730}.

На должности санкт-петербургского обер-коменданта Г. А. Урусов пробыл до самого конца правления Петра II. Но и смена власти отнюдь не повредила карьере князя Григория Алексеевича: 4 марта 1730 года только что взшедшая на престол императрица Анна Иоанновна определила его сенатором^{731}.

Тогда же в Сенат был назначен и бывший полковой командир и старший товарищ Григория Урусова князь В. В. Долгоруков (ставший к тому времени генерал-фельд-маршалом). Однако совместная работа князей Григория Алексеевича и Василия Владимировича в Сенате продлилась недолго.

22 декабря 1731 года Григорий Алексеевич был определен в состав особого судебного присутствия, учрежденного императрицей для рассмотрения дела В. В. Долгорукова^{732}, обвиненного в совершении государственного преступления. Учитывая, что Анна Иоанновна имела обыкновение тщательно отслеживать личные и родственные связи высших должностных лиц, не вызывает сомнений, что включение Г. А. Урусова в состав этого судебного присутствия являлось проверкой его лояльности по отношению к новой императрице.

Судебное следствие по делу генерал-фельдмаршала Василия Долгорукова не затянулось. Того же 22 декабря 1731 года, ограничившись

заслушиванием краткого сообщения «о винах» подсудимого и статей военно-уголовного законодательства, по которым эти «вины» квалифицировались, судьи приговорили Василия Долгорукова к смертной казни, лишению чинов и конфискации имущества. При утверждении приговора императрица заменила смертную казнь на ссылку в крепость Шлиссельбург^{733}.

3 января 1732 года состоялся именной указ об учреждении под руководством («дирекциею») сенатора князя Григория Урусова комиссии для счета денег и рассмотрения дел Сибирского приказа. Членами комиссии определялись действительный статский советник Иван Шереметев, полковник Василий Титов, стольник князь Василий Мещерский и статский советник Иван Позняков^{734}. Уже 11 февраля Г. А. Урусов доложил из Москвы рапортом Анне Иоанновне о том, что, собрав комиссию и забрав из Сибирского приказа дела и счета, «в объявленное следствие вступил» и что «следствие производится без умедления и доимки взыскиваются неослабно»^{735}.

Дальнейшая служебная деятельность Григория Урусова оказалась вновь надолго связана с армией. Он инспектировал полки, участвовал в боевых действиях в Польше, формировал на Украине ландмилиционный корпус. 6 декабря 1734 года Григорий Урусов был произведен в генерал-лейтенанты^{736}. Под его непосредственным руководством к 1740 году была создана система оборонительных сооружений на Украинской линии между реками Днепр и Северский Донец.

2 марта 1740 года Григорий Урусов был назначен воронежским губернатором с денежным содержанием 809 рублей 50 копеек в год с выплатой ежеквартально из доходов губернии. В этой должности Григорий Алексеевич находился совсем недолго, и каких-либо подробностей его деятельности в Воронеже в научный оборот доньше не вводилось^{737}.

17 сентября 1741 года Г. А. Урусов повторно определяется к присутствию в Сенате^{738}. По воле судьбы вскоре он встретился в сенатских стенах с вернувшимся из ссылки князем Василием Долгоруковым, восстановленным в чине генерал-фельдмаршала и вновь назначенным в Сенат в декабре 1741 года. О том, как встретились и как общались князья друг с другом, остается только гадать.

Последняя выявленная запись о присутствии Григория Алексеевича на заседании Сената датирована 11 апреля 1743 года^{739}. Известно также, что 25 апреля генерал-лейтенант Г. А. Урусов был возведен в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{740}.

По сведениям осведомленного Д. Н. Бантыш-Каменского, Григорий Урусов скончался в том же 1743 году^{741}. Документального подтверждения этой даты выявить, однако, к настоящему времени не удалось.

Поныне неизвестным осталось и место погребения князя Григория Алексеевича.

«НА ВАС ВЕСЬ ПИТЕРБУРХ ВСТАНЕТ...»: В. И. ИВАНОВ И В. Г. ЯЗЫКОВ

1723 года декабря 9 дня в городе Санкт-Петербурге император Петр Великий посетил заседание Вышнего суда — учрежденного менее года назад высшего судебного органа империи. В чередке иных неотложных вопросов главе государства была доложена просьба бывшего следователя гвардии подпоручика В. Г. Языкова, содержавшегося под стражей при Военной коллегии. Василий Языков настаивал на личной встрече с императором, обещая предоставить секретные сведения, изобличавшие бывшего главу фискальской службы России А. Я. Нестерова, дело по обвинению которого расследовала Розыскная контора Вышнего суда.

Адресованный подпоручику Василию Григорьевичу ответ Петра Великого, зафиксированный секретарем суда, был, однако, сколь лаконичным, столь и обескураживающим: «Отвечать в своих делах»^{742}. Кто же такой был гвардии подпоручик Василий Языков? Отчего государь отказался от встречи с ним? И что это были за преступления, за которые ему предстояло «отвечать»?

На сегодняшний день о жизни В. Г. Языкова известно совсем немного. Не случайно единственная опубликованная биографическая справка о нем составляет неполных семь строк^{743}. Из раннего периода жизни Василия Григорьевича довелось единственно установить, что происходил он из дворян^{744} (или, как писали в документах первой половины XVIII века, «из шляхетства»).

Фамилия Языковых являлась весьма разветвленной: достаточно сказать, что в XVII веке только в рядах «царедворцев» насчитывалось 48 (!) ее представителей^{745}. При этом трое из Языковых, ставших «царедворцами» в последней трети века, носили имя Григорий^{746}. Являлся ли кто-то из них отцом В. Г. Языкова, осталось неясным, но сам он в «царедворцы» так и не попал^{747}.

Ни времени, ни места рождения Василия Языкова установить к настоящему времени не удалось. Первые выявленные сведения о нем относятся к самому концу XVII века.

Согласно архивному документу, в 1699 году Василий Григорьевич был зачислен солдатом в гвардии Преображенский полк, причем сразу в

бомбардирскую роту^{748}, командиром которой в то время числился царь Петр Алексеевич (в полковых документах он фигурировал как «капитан Петр Михайлов»). Каких-либо подробностей о боевой службе В. Г. Языкова выявить к настоящему времени также не удалось. Представляется возможным лишь с уверенностью предположить, что он являлся участником основных кампаний Великой Северной войны и, вероятно, Прутского похода 1711 года.

Военная карьера Василия Григорьевича сложилась далеко не блестяще. В «солдатстве» он провел полтора десятилетия и только в октябре 1714 года был произведен из бомбардиров в гвардии подпоручики^{749} (судя по всему, миновав первый офицерский чин прапорщика).

Поворот в жизни Василия Григорьевича произошел в марте 1718 года: он был определен ассессором в следственную канцелярию полковника Г. И. Кошелева, из руководящего состава которой месяцем ранее выбыл дьяк Ф. Д. Воронов, арестованный (а затем казненный) по фальсифицированному обвинению в государственном преступлении.

Одновременно с Василием Языковым на должность ассессора канцелярии был назначен подпоручик гвардии Семеновского полка Василий Иванович Иванов. Формально к исполнению следственных обязанностей оба приступили согласно распоряжению Герасима Кошелева от 6 марта 1718 года^{750}.

О В. И. Иванове известно на сегодня еще меньше, чем о В. Г. Языкове. Судя по тому, что на всем протяжении их последующих взаимных отношений в канцелярии Языков выступал в роли старшего^[145], Иванов был моложе его по возрасту и имел более скромный стаж боевой службы. Неформальная руководящая роль Василия Языкова не поколебалась даже после того, как Василий Иванов в 1719 году был произведен в гвардии поручики.

Будучи ассессорами следственной канцелярии, В. И. Иванов и В. Г. Языков оказались включены в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела царевича Алексея. Подпись В. Г. Языкова стоит на приговоре 93-й, В. И. Иванова — 110-й по счету (он же расписался за неграмотного гвардии подпоручика Василия Коростелева).

В 1718 году в производстве следственной канцелярии Герасима Кошелева находилась подборка резонансных, по современной терминологии, уголовных дел по должностным и экономическим преступлениям, возбужденных главным образом фискальской службой

России. Особое место в производстве канцелярии занимали дела по обвинению бывшего архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова, братьев Соловьевых, дьяка П. К. Скурихина и комиссара П. И. Власова. По состоянию на март 1719 года под следствием канцелярии находился 51 человек, 12 из которых содержались под стражей, остальные — под подпиской о невыезде^{751}.

На протяжении 1718–1719 годов В. И. Иванову и В. Г. Языкову нередко приходилось работать без руководителя («презуса»): обремененный многими параллельными служебными обязанностями Герасим Кошелев часто и подолгу отсутствовал в канцелярии. Не особенно часто бывал в канцелярии и ее новый глава — гвардии майор М. А. Матюшкин, назначенный Петром I на место Герасима Кошелева 10 апреля 1719 года. Несмотря на свой более чем скромный служебный статус, ассессоры Василий Иванов и Василий Языков порой докладывали о делах следственной канцелярии самому главе государства, самостоятельно оформляя затем устные распоряжения царя по вопросам ее деятельности^{752}.

В подобных условиях, привыкнув к независимости (и, судя по всему, «сработавшись» друг с другом), Василий Иванович и Василий Григорьевич стали чем дальше, тем больше испытывать недовольство ходом расследования ряда уголовных дел, в первую очередь — братьев Соловьевых, а также П. К. Скурихина и П. И. Власова. Не найдя поддержки у непосредственного руководителя М. А. Матюшкина, Иванов и Языков решились на неординарный шаг — доложить о непорядках в следственной канцелярии Петру I. В истории следственных канцелярий первой четверти XVIII века это был единственный случай, когда ассессоры предприняли подобный демарш в обход презуса.

Но В. И. Иванов и В. Г. Языков не просто взяли пожаловаться государю, что «по канцелярии нашей в делах остановка и винным закрывателством». На трех листах доношения, подготовленного в августе или начале сентября 1720 года^{753}, они рискнули поднять вопрос о механизме торможения резонансных уголовных дел, в связи с чем высказали подозрения в отношении нескольких весьма влиятельных должностных лиц, привели эпизоды очевидного покровительства ряду подследственных со стороны руководителей следственных канцелярий М. А. Матюшкина и генерал-майора и гвардии майора князя Г. Д. Юсупова, а также многолетнего помощника Петра I кабинет-секретаря А. В. Макарова.

Высказывание недвусмысленных подозрений в адрес Михаила

Матюшкина и Григория Юсупова означало конфликт В. И. Иванова и В. Г. Языкова как с командованием гвардейских полков, в штате которых они продолжали состоять, так и с руководством Военной коллегии.

Что касается Алексея Макарова, то именно через него главе государства поступал основной объем документации. В первой половине 1720-х годов кабинет-секретарь, имевший наиболее свободный доступ к Петру I, превратился в одну из ключевых фигур в руководстве страны^[754].

В подобном контексте не приходится удивляться, что доношение Василия Иванова и Василия Языкова завершалось примечательным свидетельством о том, как Г. Д. Юсупов, «устрашивая нас, говорил... что де на вас весь Питербурх встанет»^[755]. Дальнейшие события в полной мере подтвердили правоту искушенного в столичных «конъюнктурах» князя Григория Дмитриевича.

Первая проблема у В. И. Иванова и В. Г. Языкова возникла с подачей доношения. Несмотря на то что оба гвардейца были лично известны главе государства (7 июня 1720 года Петр I даже крестил у Василия Языкова сына^[756]), добиться встречи с царем было нелегко. Кто-то из ассессоров долго носил доношение при себе^[146], пока его не удалось вручить в руки государю 25 сентября 1720 года в Санкт-Петербурге в частном доме^[757]. С этого момента для ассессоров-правдоискателей Василия Иванова и Василия Языкова наступила полоса злключений.

Уже 27 сентября Петр I указал отстранить В. И. Иванова и В. Г. Языкова от должностей ассессоров следственной канцелярии и отдать их под следствие^[758]. Основанием для указа послужило доношение с обвинениями ассессоров в должностных преступлениях, которое представил глава фискальской службы России обер-фискал А. Я. Нестеров, а также некое доношение, которое подал дьяк следственной канцелярии Михаила Матюшкина И. В. Ангелов (Иван Васильев)^[759], вступивший к тому времени в прямой конфликт с Ивановым и Языковым.

Странность в данном случае заключалась в том, что, как явствует из архивного документа, Алексей Нестеров направил доношение главе государства с сопроводительным письмом на имя А. В. Макарова еще 13 сентября^[760]. Учитывая, что правительственные документы передавались внутри Санкт-Петербурга в течение дня и что Петр I имел обыкновение незамедлительно реагировать на поступающую к нему информацию фискальской службы, возможно с уверенностью предположить, что если бы доношение обер-фискала было доложено Алексеем Макаровым сразу же, то царь никак не стал бы выжидать две недели, чтобы отстранить ассессоров

от должности (хотя бы на время проведения служебной проверки). Следовательно, кабинет-секретарь предпочел «придержать» доношение А. Я. Нестерова у себя. По всей очевидности, не предполагая, что документ пригодится так скоро.

Доношение Алексея Нестерова содержало 18 пунктов обвинений против В. И. Иванова и В. Г. Языкова^{761}. Глава фискальской службы инкриминировал асессорам превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями, халатность, служебный подлог и получение взяток. Десять пунктов доношения касались эпизодов якобы преступных связей Василия Ивановича и Василия Григорьевича с московским фискалом Михаилом Косым, добивавшимся отстранения А. Я. Нестерова от должности.

Далее интрига с В. И. Ивановым и В. Г. Языковым несколько застопорилась, хотя в неустановленный момент они были арестованы. Лишь 13 декабря 1720 года гвардии подполковник И. И. Бутурлин объявил царский указ немедленно расследовать дело по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова в Военной коллегии^{762}.

Примечательно, однако, что десятью днями ранее, 3 декабря, Петр I распорядился изъять из производства канцелярии М. А. Матюшкина уголовное дело по обвинению Петра Власова и Петра Скурихина (одно из тех, о затягивании расследования которых писали опальные асессоры) и передать его в специально учрежденную следственную канцелярию подполковника Ивана Бутурлина^{763}. По всей очевидности, в тот момент глава государства испытывал еще какие-то колебания как по поводу обоснованности обвинений, выдвинутых в отношении Василия Иванова и Василия Языкова, так и по поводу справедливости их доношения о непорядках в канцелярии. Как бы то ни было, по воле государя в декабре 1720 года бывшие асессоры оказались в статусе подследственных.

24 декабря Военная коллегия вынесла решение учредить для разбирательства дела В. И. Иванова и В. Г. Языкова следственную канцелярию во главе с комендантом Петропавловской крепости полковником Я. Х. Бахмеотовым. Первый допрос Иванова и Языкова состоялся 17 января 1721 года. Для начала подследственных спросили, не желают ли они ходатайствовать об отводе кого-либо из состава следственной канцелярии.

В ответ они письменно заявили об отказе отвечать на вопросы, поскольку подали доношение самому царю и ожидают его решения по делу. Василий Языков, впрочем, все же высказал мотивированный отвод

Якову Бахмеотову и двум ассессорам канцелярии^{764}. Отказ давать показания Василий Иванович и Василий Григорьевич подтвердили, будучи вызваны 31 января к самому президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу А. Д. Меншикову (за что были переведены на более строгий режим содержания под стражей)^{765}.

В конце концов, был выработан компромисс. В феврале Военная коллегия сформировала следственную канцелярию нового состава, презусом которой стал полковой сослуживец Василия Языкова М. И. Бобрищев-Пушкин.

Как удалось установить, Михаил Бобрищев-Пушкин начал службу в 1704 году солдатом в 1-й роте Преображенского полка^{766}. В мае 1714 года был произведен в капитан-поручики, а в ноябре 1718-го — в капитаны и назначен командиром 5-й роты полка^{767}.

14 марта 1721 года на заседании новой следственной канцелярии В. И. Иванов и В. Г. Языков заявили, что «как де с презусом, так и с ассессорами недружбы и подозрения на них не имеют» и готовы давать показания^{768}. Так начала работу канцелярия М. И. Бобрищева-Пушкина^[147]. В ее ассессорский состав входили три офицера. Дольше всего ассессорами состояли капитан-поручик Семеновского полка С. А. Худошин и подпоручик того же полка А. Р. Сабуров. Кроме того, по просьбе Михаила Бобрищева-Пушкина к канцелярии прикомандировывались аудиторы^[148]: сначала Федор Дурасов, а затем М. В. Ершов^{769}.

Ознакомление с сохранившимися материалами уголовного дела оставляет впечатление, что М. И. Бобрищев-Пушкин старался вполне добросовестно выполнить возложенное на него следственное поручение. Он тщательно отыскивал улики, подтверждавшие выдвинутые против Василия Иванова и Василия Языкова обвинения, упорно добивался вызова необходимых свидетелей, проводил очные ставки. Если же учесть, что должность презуса Михаил Бобрищев-Пушкин совмещал с прежними обязанностями ротного командира^{770}, а в 1721–1724 годах являлся еще и ассессором следственной канцелярии И. И. Бутурлина, то необходимо признать, что по делу В. И. Иванова и В. Г. Языкова он выполнил максимум возможных следственных действий.

Перелом в деле Василия Иванова и Василия Языкова мог бы наступить в конце 1722-го — начале 1723 года, когда развернулось масштабное следствие в отношении А. Я. Нестерова, обвиненного в совершении многочисленных преступлений против интересов службы.

Воспользовавшись ситуацией, 14 января 1723 года М. И. Бобрищев-Пушкин допросил бывшего обер-фискала и потребовал предъявить доказательства в подтверждение его обвинений, выдвинутых против Василия Иванова и Василия Языкова в 1720 году. В ответ тот сослался на свое прежнее доношение, добавив, что «инога доказаня он... на них, Иванова и Языкова, не имеет»^{771}.

Впрочем, прекращение уголовного преследования Иванова и Языкова никак не входило в планы их могущественных недоброжелателей. Именно поэтому не удалась попытка Василия Языкова добиться личной встречи с Петром I, о которой он начал просить в феврале 1723 года после обнародования указа с призывом к «всяких чинов людям» объявлять об «обидах» со стороны А. Я. Нестерова^{772}. Император отказался от встречи с бывшим следователем. Причем в резкой форме.

Новый поворот в деле В. И. Иванова и В. Г. Языкова мог бы наступить в связи с тяжелой болезнью и кончиной 28 января 1725 года Петра Великого, что повлекло за собой обнародование трех амнистиционных указов. Первый из них издал 27 января 1725 года Правительствующий сенат, «дабы Господь Бог даровал его величеству от скорби исцеление»^{773}, второй — 30 января вступившая на престол императрица Екатерина I «для поминовения блаженныя и вечнодостоинныя памяти его императорского величества», третий — 14 февраля вновь Сенат^{774}.

В этих указах предусматривалось освобождение от наказания всех осужденных военными и гражданскими судами за исключением тех, кто был изобличен в государственных преступлениях, умышленных убийствах и неоднократных разбоях. Поскольку В. И. Иванов и В. Г. Языков обвинялись в должностных преступлениях, их уголовное дело, исходя из смысла амнистиционных указов, могло быть прекращено. Этого, однако, не произошло.

Вместо этого в следственной канцелярии М. И. Бобрищева-Пушкина стали готовить по делу Василия Иванова и Василия Языкова «выписку» — обобщающий процессуальный документ, необходимый для передачи дела в суд. В «выписке» излагались основания для возбуждения уголовного дела, описывались предпринятые следственные действия и добытые доказательства. Подготовка «выписки», объем которой составил 63 листа^{775}, была завершена к марту 1725 года. Из «выписки» явствует, что, несмотря на все предпринятые усилия, за четыре с лишним года следствию так и не удалось собрать никаких весомых доказательств вины В. И. Иванова и В. Г. Языкова. Обвиняемые изобличались по нескольким

эпизодам лишь показаниями трех свидетелей (в первую очередь дьяка Ивана Ангелова), правдивость которых вызывала сомнения.

К примеру, исключительно на показаниях И. В. Ангелова строилось весьма серьезное обвинение В. И. Иванова и В. Г. Языкова в том, что они уничтожили («изодрали») подлинник ими же закрепленного именного указа от 11 января 1719 года о прекращении следствия по делу братьев Соловьевых, не раз уже упоминавшегося на страницах этой книги. Наличие такого указа оба офицера отрицали^{776}.

Между тем, как явствует из сохранившейся подборки наиболее важных документов канцелярии Г. И. Кошелева — М. А. Матюшкина, 11 января 1719 года действительно состоялся указ Петра I (закрепленный единолично Василием Ивановым), касающийся Д. А., О. А. и Ф. А. Соловьевых. Вот только речь в указе шла не о прекращении уголовного преследования троих братьев, а о конфискации их имущества^{777}.

Из той же подборки документов известно, что братья и после января 1719 года продолжали находиться под стражей. 19 мая 1719 года последовал именной указ, закрепленный уже М. А. Матюшкиным, о переводе Соловьевых в Петропавловскую крепость^{778}. Более того: в письме коменданту Я. Х. Бахмеотову от 25 мая Михаил Матюшкин указал, чтобы Дмитрий, Осип и Федор Соловьевы содержались в строгой изоляции, исключаяющей их общение между собой^{779}. Как-то не вяжется это с утверждением свидетеля И. В. Ангелова о царском повелении прекратить следствие по делу братьев.

Остается добавить, что упомянутая книга документации, несмотря на неоднократные запросы М. И. Бобрищева-Пушкина, так и не была ему предоставлена^{780}. Впрочем, в контексте ситуации удивляться этому не приходится.

3 марта 1725 года Василий Иванов и Василий Языков были вызваны в следственную канцелярию, где им предложили ознакомиться с «выпиской». Вновь проявив строптивость, оба заявили, что «выписки» «им смотреть не для чего» и, сославшись на недавние амнистиционные указы, потребовали освободить их из-под стражи^{781}. Однако всего неделю спустя настрой одного из подследственных кардинально изменился.

11 марта 1725 года Василий Языков подал в следственную канцелярию собственноручно написанное заявление о признании всех выдвинутых против него обвинений. В этом документе (никак не озаглавленном, но далее в материалах дела обозначенном как «извинение») бывший следователь указал, что инкриминированные ему деяния («мое

погрешение») были совершены «моим незнанием и безо всякой моей корысти». В заключительных строках «извинения» Василий Григорьевич «с прегорестными слезами» (!) обратился к императрице с просьбой о «милосерд[н]ом прощении»^[782].

Появление «извинения» было, несомненно, связано с психологическим давлением, которое на обвиняемых оказал или Михаил Бобрищев-Пушкин, или же Г. Д. Юсупов. Зачем потребовалось «извинение», не вполне ясно. Конечно, следствию так и не удалось собрать по делу Василия Иванова и Василия Языкова полноценную доказательственную базу. Но ведь никакого независимого судебного разбирательства в данном случае заведомо не предполагалось, и заинтересованные лица могли не опасаться, что дело «рассыплется» в суде.

По всей очевидности, принуждение принести «извинение» имело целью морально сломить опальных гвардейцев, заставить их навсегда замолчать о своих подозрениях в отношении «господ вышних командиров». Однако кто бы ни занимался тогда «обработкой» подследственных и каковы бы ни были ее цели, гвардии поручик В. И. Иванов повел себя более стойко и никакой своей вины так и не признал.

Итоговым документом работы канцелярии гвардии капитана М. И. Бобрищева-Пушкина, подготовленным на основе «выписки», явился документ, по содержанию напоминающий современное обвинительное заключение^[783]. Этот документ был 15 июня 1725 года подписан Михаилом Ивановичем, тремя ассессорами и обер-аудитором Михеем Ершовым.

Василию Иванову и Василию Языкову были в конечном счете инкриминированы четыре эпизода превышения должностных полномочий и служебных подлогов: самовольное осуществление расследования по нескольким уголовным делам, внесение задним числом поправки в одно из постановлений следственной канцелярии, самовольное наложение штрафов на подследственных, уничтожение мифического именного указа от 11 января 1719 года. В качестве пятого эпизода обвинения в документе фигурировал отказ гвардейцев давать показания на допросах в следственной канцелярии.

Вмененные Иванову и Языкову преступные деяния следственная канцелярия квалифицировала (стоит признать, с формально-юридической стороны вполне корректно) по статьям 27, 28, 35, 201 и 203-й Артикула воинского^[149] и по Наказу «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года^[150]. Констатировав, что «подлежали было они, Языков и Иванов,

смертной казни», канцелярия тут же выдвинула ходатайство о их помиловании — в силу упоминавшихся амнистиционных указов^{784}. 16 июня 1725 года М. И. Бобрищев-Пушкин направил «выписку» и обвинительное заключение в Военную коллегию, предложив передать ей также и все остальные материалы дела, а его следственную канцелярию расформировать («о[б] увольнении нас к полкам указ учинить»)^{785}.

Далее уголовное дело В. И. Иванова и В. Г. Языкова подлежало направлению в военный суд. Поскольку тогдашнее отечественное военное судоустройство зиждилось на принципе, что военнослужащего должны судить его сослуживцы, судебное присутствие для рассмотрения дела Василия Ивановича и Василия Григорьевича должно было быть сформировано из строевых офицеров гвардейских полков. Поскольку выбор судей зависел всецело от командования, ничто не мешало сформировать состав суда из числа «управляемых» офицеров, которые вынесли бы Иванову и Языкову любой приговор. Однако даже такой сценарий могущественные противники опальных гвардейцев сочли недостаточно надежным.

Ни в какой военный суд уголовное дело по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова так и не поступило. Получив выписку и обвинительное заключение по их делу, Военная коллегия не стала издавать распоряжения об учреждении суда для его разбирательства. Вместо этого коллегия для начала направила дело для заключения генерал-аудитору (чего тогдашнее военно-процессуальное законодательство вовсе не требовало).

Генерал-аудиторское заключение, подготовленное в июне 1725 года, оказалось неожиданно благоприятным для В. И. Иванова и В. Г. Языкова. Проявив очевидную беспристрастность (хотя, очень может быть, и «рекомендованную»), генерал-аудитор Военной коллегии пришел к выводу, что из материалов дела «не явствует: 1. Чтоб чрез их [В. И. Иванова и В. Г. Языкова] преступление ея императорского величества интересу какой вред приключился. 2. Чтоб преступление от них для какой корысти или взятков учинено было. 3. К тому ж оные Языков и Иванов уже пятой год под арестом содержатца. 4. Оной Языков... подал прошение, по которому приносит вину свою и просит милосердия»^{786}.

Вслед за этим 30 июня Военная коллегия распорядилась утвердить обвинительное заключение следственной канцелярии М. И. Бобрищева-Пушкина (что никак не предусматривалось действовавшим военно-процессуальным законодательством). Соответственно к обвиняемым были применены предложенные в обвинительном заключении нормы

амнистиционных указов.

Дополнительно, уже как центральный орган военного управления, коллегия указала направить Василия Иванова и Василия Языкова для дальнейшего прохождения службы «в полки в Баку». Вынесенное решение Военная коллегия отправила на утверждение в Правительствующий сенат^{787}, что опять-таки не предусматривалось никакими актами военного законодательства.

Все отмеченные процессуальные несообразности объяснялись просто: в судьбу уголовного дела В. И. Иванова и В. Г. Языкова в очередной раз вмешались могущественные лица. Ими были входивший в руководство Военной коллегии и ставший к тому времени сенатором князь Г. Д. Юсупов, а также А. В. Макаров, сохранивший должность кабинет-секретаря и еще более усиливший свое влияние при Екатерине I. Как явствует из невестки как уцелевшего в архиве личного письма Михаила Бобрищева-Пушкина Алексею Макарову от 11 июля 1725 года, Михаил Иванович выполнял в тот момент указание кабинет-секретаря (вряд ли официальное) о подготовке нового списка обвинительного заключения, предназначенного как раз для представления в Сенат^{788}.

В подобном контексте не приходится удивляться, что 30 июля Правительствующий сенат без возражений утвердил решение Военной коллегии по делу В. И. Иванова и В. Г. Языкова^{789}. Что характерно, полностью воспроизведя в мотивировочной части указа приведенный выше фрагмент заключения генерал-аудитора Военной коллегии.

Получив сенатский указ, Военная коллегия 10 августа распорядилась освободить наконец В. И. Иванова и В. Г. Языкова из-под стражи и, «отдав им шпаги», отправить в Баку^{790}. Там Василию Иванову и Василию Языкову предстояло вновь оказаться под началом М. А. Матюшкина, ставшего к тому времени командующим Низовым корпусом — группировкой российских войск в Западном и Южном Прикаспии.

Однако в эпоху бывших следователей вскоре наступил очередной поворот. Никак не вдохновившись перспективой службы на южной окраине империи, В. Г. Языков подал императрице Екатерине I челобитную о смягчении участи. Эта челобитная поступила главе государства, естественно, через А. В. Макарова.

Поскольку Василий Григорьевич на следствии дрогнул и принес упомянутое выше «извинение», Алексей Макаров доложил вопрос в благоприятном для челобитчика ключе. В итоге императрица указала «отправить ево, Языкова, в киевской или в павловской гарнизон и дать ему

там учеников, чтоб он артиллерийской науке обучал». Выраженное в устной форме, это высочайшее повеление было 6 сентября закреплено особым сенатским указом^{791}.

Исполняя волю императрицы, 29 октября Военная коллегия распорядилась определить В. Г. Языкова в гарнизон города Павловска^[151], где «дать ему для обучения из малолетних салдацких детей». Одновременно коллегия вынесла решение о его чине: из гвардии подпоручиков он был произведен в «полевые» поручики^{792}, что являлось очевидным компромиссом: при переводе из гвардии армейский чин присваивался на две ступени выше. А вот вопрос о Василии Иванове, проявившем на следствии неуместную стойкость, решился по-иному.

23 декабря Военная коллегия подтвердила прежнее решение о направлении В. И. Иванова в Баку. Спohватившись, вероятнее всего с подачи Григория Юсупова, что Василий Иванович продолжал числиться в Семеновском полку, коллегия разжаловала его в армейские поручики^{793}. 30 декабря В. И. Иванов, явившись в Военную коллегию, дал подписку, что не будет впредь именовать себя гвардии поручиком и что обязуется незамедлительно выехать к новому месту службы^{794}.

Дальнейшие обстоятельства биографий следователей Василия Иванова и Василия Языкова остались поныне непроясненными. Не исключено, что Василий Григорьевич не худшим образом устроился в Павловске — небольшой крепости с огромным артиллерийским парком, вывезенным из возвращенного туркам в 1712 году Азова. В 1726 году в Павловске числилось 194 пушки, 260 осадных и 1455 корабельных орудий, при которых состояли 153 «артилерских служителя»^{795}.

Что касается Василия Ивановича, то ему с 1726 года суждено было служить в поистине гиблом месте. Болезни буквально косили солдат и офицеров Низового корпуса. Достаточно сказать, что с декабря 1724-го по ноябрь 1725 года небоевые потери корпуса составили 5 тысяч 97 человек умершими (численность более чем трех полков), а с 1 июля по 1 октября 1726 года — 648 человек^{796}.

Благополучнее сложилась последующая жизнь М. И. Бобрищева-Пушкина, постаравшегося, насколько возможно, непредвзято провести расследование дела Василия Иванова и Василия Языкова. Прослужив командиром 5-й роты Преображенского полка до 1727 года^{797}, он был произведен в полковники и назначен командиром Тверского драгунского полка. Выйдя в 1736 году в отставку, успешно трудился на государственной гражданской службе: занимал должности главы администрации Тульской

провинции, затем — Ярославской. В сентябре 1741 года удостоился чина действительного статского советника^{1798} (соответствовал генерал-майору в армии).

Время кончины и места погребений В. И. Иванова и В. Г. Языкова неизвестны.

***IV. РУКОВОДИТЕЛИ ПОСЛЕДНИХ
СЛЕДСТВЕННЫХ КАНЦЕЛЯРИЙ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО***

**«ЕХАТЬ ТЕБЕ В АСТРАХАНЬ И ТАМ...
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ... РОЗЫСКАТЬ
ПОДЛИННО»:
Б. Г. СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ**

Имя Богдана Григорьевича Скорнякова-Писарева можно с уверенностью счесть на сегодня преданным глубокому забвению. Между тем в истории органов следствия России он является неоспоримо заметной фигурой. Судьба Богдана Григорьевича примечательна, можно даже сказать уникальна, ведь на протяжении всего четырех лет ему довелось сначала успешно расследовать одно из наиболее резонансных уголовных дел петровского времени о преступлениях против интересов службы, а затем оказаться фигурантом не менее резонансного сходного дела.

Богдан Скорняков-Писарев был выходцем из старинной, но захудалой фамилии каширских дворян, родоначальником которой считался польский шляхтич Семен Писарь. Согласно выписке из родословной росписи Скорняковых-Писаревых, составленной в 1686 году, означенный Семен Писарь выехал на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу, от которого в 1441 году был пожалован именем в Коломенском уезде^{799}.

Согласно опубликованному архивному документу, в марте 1735 года Богдан Скорняков-Писарев показал себе 56 лет^{800}, так что временем его рождения следует считать 1679-й или же 1678 год. Богдан Григорьевич приходился младшим братом Г. Г. Скорнякову-Писареву, первому обер-прокурору России и одному из руководителей Тайной канцелярии Петра 1, о котором еще будет повествовано на страницах этой книги. Помимо брата Григория, Б. Г. Скорняков-Писарев имел еще некоего «сродника» Григория Григорьевича Писарева, о котором известно, что в 1723 году он служил подполковником в гарнизоне Глухова^{{801}{152}}. Степень родства Григория и Богдана Скорняковых-Писаревых с подполковником Г. Г. Писаревым установить к настоящему времени не удалось.

В отличие от старшего брата Богдан Григорьевич ни дня не пробыл на придворных должностях, а сразу начал военную карьеру. Как указал в позднейшей челобитной сам Б. Г. Скорняков-Писарев, в службу он вступил в 1700 году рядовым в гвардии Преображенский полк^{802}.

С полком Богдан Скорняков-Писарев прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны, злополучного Прутского похода. Каких-либо подробностей о тогдашней служебно-боевой деятельности Б. Г. Скорнякова-Писарева выявить к настоящему времени не удалось. Однако, судя по его уверенному продвижению по строевой лестнице, воевал Богдан Григорьевич достойно.

Согласно документам полкового архива, уже в 1702 году сержант Богдан Скорняков-Писарев был произведен в прапорщики, в декабре 1706-го — в подпоручики (с переводом из 1-й роты в 14-ю)^{803}. 5 августа 1711 года, сразу после выхода группировки российских войск из «прутского котла», Богдан Григорьевич получил чин капитан-поручика в 11-й роте, а 6 ноября 1715 года — капитана, став командиром 14-й роты^{804}.

11 ноября 1717 года по уже не раз упоминавшемуся распоряжению главы государства в числе восьми офицеров-преображенцев гвардии капитан Б. Г. Скорняков-Писарев был вызван из Новгорода, где полк готовился расположиться на зимние квартиры, в Санкт-Петербург^{805}. Отныне Богдану Григорьевичу предстояло совмещать строевые обязанности со следственными.

Для начала Богдан Скорняков-Писарев был, по всей вероятности, включен в состав военного суда, учрежденного царем для рассмотрения уголовного дела по обвинению руководителя первой следственной канцелярии России гвардии майора князя М. И. Волконского.

Процесс над М. И. Волконским еще не завершился, когда Петр I определил Богдана Григорьевича в качестве асессора в состав одной из проектируемых новых «майорских» канцелярий^{806}. Презусом канцелярии предполагался батальонный командир Преображенского полка майор князь Г. Д. Юсупов, асессорами, помимо Богдана Скорнякова-Писарева, — командир 2-й роты того же полка капитан С. Б. Федоров и поручик 9-й роты И. И. Бибилов. Формальное основание следственной канцелярии Григория Юсупова (и еще шести «майорских» канцелярий) состоялось 9 декабря 1717 года, в самый день расстрела князя М. И. Волконского.

В тот же день, как уже говорилось, Григорий Юсупов получил на руки подписанный Петром I типовой наказ, адресованный «господину маеору князю Юсупову, капитанам Федорову и Богдану Писареву и поручику Бибилову». В качестве приложения к наказу перечислялись три уголовных дела, передававшиеся в ее производство^{807} (прежде обозначенные государем как «бахмуцкое»). Основным фигурантом «бахмуцкого дела» стал комендант города Бахмута князь Д. А. Кольцов-Масальский,

обвиненный в казнокрадстве и злоупотреблениях должностными полномочиями.

Десять дней спустя, 19 декабря, Г. Д. Юсупов затребовал у Правительствующего сената для своей канцелярии дьяка и подьячих, мебель, канцелярские принадлежности, а также кандалы для подсудимых, которых предстояло взять под стражу («для колодников железа»)^{808}.

Сведений о конкретных следственных действиях, которые предпринял Богдан Скорняков-Писарев в качестве ассессора канцелярии князя Юсупова, выявить к настоящему времени не удалось. Тем более что пребывание Богдана Григорьевича в следователях канцелярии Юсупова не затянулось.

5 января 1719 года Петр I подписал указ, согласно которому гвардии капитану Б. Г. Скорнякову-Писареву надлежало отправиться в Астрахань, где самостоятельно произвести следствие о должностных злоупотреблениях группы офицеров местного гарнизона во главе с обер-комендантом гвардии поручиком М. И. Чириковым^{809}, информация о которых поступила к царю от «доносителя» Михаила Смирнова. В первых строках указа грозно предписывалось: «Ехать тебе в Астрахань и там против данных тебе доношений о преступлениях астраханского коменданта Михаила Чирикова и полковников... также о худых поступках поручиков... розыскать подлинно, не маня никому, ниже посягая на кого...»

Богдану Григорьевичу надлежало отстранить обер-коменданта от должности, арестовать его, провести необходимые следственные действия, а затем, в случае подтверждения обвинений, этапировать подсудимых и свидетелей в Санкт-Петербург. Иными словами, Богдан Скорняков-Писарев возглавил особую следственную канцелярию^{810}.

Прибыв в Астрахань 12 марта 1719 года, гвардии капитан в короткий срок сумел прояснить картину криминальных деяний местных военных администраторов. Масштаб развернутых Богданом Григорьевичем следственных действий был таков, что одних только свидетелей он допросил около ста человек^{811}.

Уже в доношении от 29 апреля Богдан Григорьевич информировал царя о шести пунктах обвинений во взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями, в которых изобличался обер-комендант Михаил Чириков^{812}. Одних только взяток обер-комендант набрал на внушительную сумму в 2135 рублей.

Наряду с этим, как было установлено следствием, Чириков

организовал контрабандную торговлю порохом, свинцом и охотничьими птицами, незаконно зачислил в астраханский гарнизон 138 стрелецких детей, беглых крестьян и дезертиров, занимался фальшивыми подрядами, да еще и расхищал рыбу из государственных запасов.

В частности, Богдан Скорняков-Писарев сумел уличить М. И. Чирикова в получении в 1713 году крупной взятки в 200 рублей от коменданта города Черного Яра^[153] Михаила Бакунина. Взятка была вручена обер-коменданту при посредничестве некоего Якова Епанчина за освобождение М. Бакунина от ответственности за хищение провианта. Ознакомившись с добытыми следствием доказательствами, Михаил Чириков дал по отмеченному эпизоду признательные показания^[813].

Что касается иных подозреваемых по «астраханскому делу», то они оказались повинны лишь в грубом нарушении воинской дисциплины и в ненадлежащем бытовом поведении. Так, поручик флота Иван Кожин был уличен в неприятии мер по предотвращению массовой драки, которые его подчиненные устроили с гарнизонными солдатами, а также в «блудном» сожительстве с женой полкового лекаря^[154]. Кроме того, на Святки поручик ездил славить «в дома астраханских обывателей на верблюдах и на свиньях»^[814].

4 августа 1719 года, захватив с собой 50 (!) человек обвиняемых и свидетелей, Б. Г. Скорняков-Писарев покинул Астрахань и двинулся в Санкт-Петербург^[815]. Каким образом расследование продолжилось в столице, какие именно следственные действия еще предпринял Богдан Скорняков-Писарев, установить к настоящему времени не удалось. Что бы там ни было, но в 1720 году М. И. Чириков, сохранявший де-юре статус военнослужащего, был отослан в Военную коллегию для предания военному суду^[816].

Далее в производстве по уголовному делу коррумпированного обер-коменданта начались очевидные странности. Суд для разбирательства дела Михаила Чирикова был созван по указанию Петра Великого лишь в 1722 году — в период его пребывания в Астрахани во время Персидского похода. Председателем суда был определен сопровождавший императора в походе тайный советник и гвардии капитан П. А. Толстой^[817], о котором еще пойдет речь, имевший значительный опыт судебно-следственной деятельности.

Однако когда приговор суда, содержание которого до сих пор неизвестно, был направлен на утверждение Петру I, возникла неожиданная заминка. Проявив отроду не свойственную ему юридическую

щепетильность, первый российский император неожиданно предписал выяснить, имел ли бывший обер-комендант возможность ознакомиться с Артикулом воинским 1715 года — военно-уголовным кодексом, на основании которого квалифицировались его преступные деяния.

Поскольку, как было установлено путем опроса подъячих комендантской канцелярии и офицеров гарнизона, ни одного экземпляра Артикула воинского в Астрахань в период службы там М. И. Чирикова не поступало, Петр I не стал утверждать приговор, указав подготовить его новый вариант^{818}. Несмотря на то что новый вариант приговора был подготовлен и о нем неоднократно докладывалось императору, тот почему-то так и не нашел времени его рассмотреть^{819}.

Вместе с тем, как явствует из архивного документа, в неустановленный момент (и неясно, по чьему решению) у Михаила Чирикова было конфисковано имущество^{820}. Кроме того, начиная с 1719 года он содержался под стражей (в Астрахани, Санкт-Петербурге, затем вновь в Астрахани). Наконец, поданная женой бывшего обер-коменданта Марфой Петровной в апреле 1724 года челобитная о помиловании мужа осталась без удовлетворения^{821}.

В конце концов после кончины Петра I так и не осужденный Михаил Чириков согласно сенатскому указу от 2 февраля 1725 года^{822} был освобожден из-под стражи, а полтора месяца спустя, 17 марта, Сенат, откликнувшись на новую челобитную супруги М. И. Чирикова, предписал вернуть ему «движимые и недвижимые имении, которые остались за роздачею»^{823}.

Подобные зигзаги в уголовном преследовании бывшего обер-коменданта выглядели бы таинственными, если не принять во внимание тот факт, что назначение в Астрахань он получил благодаря хлопотам одного очень влиятельного лица, каковым являлся «птенец гнезда Петрова» генерал-адмирал Ф. М. Апраксин^{824}. Если же еще учесть завещание, которое генерал-адмирал составил в октябре 1728 года и в котором одним из трех душеприказчиков назначил «благодетеля моего (!) Михаила Ильича Чирикова»^{825}, то картина с развалом уголовного дела прояснится окончательно. Нельзя также исключить, что в истории с неутверждением приговора М. И. Чирикову оказался замешан и не менее могущественный Петр Толстой. Известно, что Петр Андреевич и Михаил Ильич вместе служили в Семеновской потешной роте, откуда в 1695 году поступили рядовыми в гвардии Семеновский полк^{826}.

Что же касается Б. Г. Скорнякова-Писарева, то после завершения следствия по «астраханскому делу» его ожидало повышение по службе. По именному указу от 16 октября 1720 года он был произведен в «полевые» полковники и назначен комендантом крепостей Полтавы и Переволочны^{827}. Вскоре он был переведен комендантом в Глухов — резиденцию украинского гетмана. Однако пребывание в «Малой России» принесло Богдану Скорнякову-Писареву серьезные неприятности.

Началось с того, что согласно сенатскому указу от 31 марта 1721 года^{828} полковник Б. Г. Скорняков-Писарев был командирован для проверки качества межевания земель близ местечка Почеп^{155}, еще в 1709 году пожалованного «полудержавному властелину» А. Д. Меншикову. Необходимость проверки была вызвана тем, что межевавший эти земли в 1718–1719 годы дьяк Поместного приказа И. Р. Лосев в угоду Александру Меншикову присоединил к его владениям часть земель, исстари принадлежавших украинским казакам^{829}.

После жалоб гетмана И. И. Скоропадского Петр I распорядился организовать проверку межевых работ Ивана Лосева.

Предпринятая Богданом Скорняковым-Писаревым проверка не выявила между тем каких-либо нарушений. После повторных жалоб Ивана Скоропадского в январе 1722 года была назначена повторная проверка, для проведения которой в июле в Почеп был командирован подполковник С. И. Давыдов^{830}.

Однако новый поворот в деле был связан отнюдь не с результатом миссии Семена Давыдова, а с конфликтом, разыгравшимся в октябре — декабре между сенатором бароном П. П. Шафировым и обер-прокурором Сената Г. Г. Скорняковым-Писаревым. В письмах, направленных к находившемуся в Персидском походе Петру I, Петр Шафиров обвинил Григория Скорнякова-Писарева между иного в потворстве А. Д. Меншикову в «почепском деле».

В существо взаимных обвинений сенатора и обер-прокурора император начал вникать 11 января 1723 года, когда состоялось первое заседание специального судебного присутствия, учрежденного для разбирательства дела Петра Шафирова и Григория Скорнякова-Писарева^{831} (это присутствие было вскоре преобразовано в постоянно функционировавший Вышний суд). В тот же день Петр I распорядился возбудить уголовные дела «О неправом межеванье Почепа, которое чинил дьяк Лосев» и «О полковнике Богдане Писареве, которой посылан был для межеванья Почепа»^{832}.

16 января первый российский император собственноручно написал распоряжения, в которых предписывалось арестовать Богдана Скорнякова-Писарева и Ивана Лосева и этапировать их в Москву^{833}. События развивались стремительно. Уже 10 февраля всерьез испугавшийся ответственности Александр Меншиков принес повинную с признанием махинаций «по делу о почепском межевании»^{834}.

Сколько времени Б. Г. Скорняков-Писарев провел тогда под арестом и когда именно в Вышнем суде было вынесено решение по его делу, установить на сегодня не удалось. По крайней мере в делопроизводстве суда была отмечена челобитная Богдана Григорьевича, поданная 21 сентября 1723 года, «о свободе ево из-под караула на поруки»^{835}. В том же сентябре с просьбой о содействии в освобождении из-под стражи младшего брата к Александру Меншикову «со слезами» обратился Г. Г. Скорняков-Писарев^{836}.

Насколько возможно понять, в конечном итоге Вышний суд счел, что Б. Г. Скорняков-Писарев допустил лишь халатность, и принял решение освободить его от ответственности. По всей очевидности, решающими для суда явились данные под пыткой показания И. Р. Лосева о том, что он не обращался к Богдану Скорнякову-Писареву ни с какими просьбами проигнорировать нарушения, допущенные при межевании^{837}. Показательно также, что в приговоре, вынесенном Вышним судом 13 февраля 1723 года Григорию Скорнякову-Писареву, ни словом не упоминалось о каком-либо его содействии А. Д. Меншикову в связи с историей о межевании почепских земель^{838}.

Наиболее пострадавшим в ходе «почепского дела» оказался дьяк И. Р. Лосев. За «учинение воровской межи» и составление «воровских межевых книг» Вышний суд в январе 1724 года приговорил «попавшего под раздачу» Ивана Родионовича Лосева к вырезанию ноздрей, наказанию кнутом, конфискации имущества и пожизненной ссылке на каторгу. Приговор был приведен в исполнение 24 января^{839} на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

Окончательно страсти «по Почепу» улеглись после ухода из жизни первого российского императора. Ставший фактически вторым лицом в империи, А. Д. Меншиков добился издания в декабре 1725 года особого именного указа о своей полной реабилитации по всем возбуждавшимся против него уголовным делам^{840}.

Бывшего дьяка Ивана Лосева освободили с каторги особым сенатским указом от 2 июня 1725 года, но с запретом проживать в Москве и Санкт-

Петербурге^[156] и состоять на государственной службе («у дел ему нигде ни у каких не быть»)^[841]. Что же до Богдана Скорнякова-Писарева, то его вернули на прежнюю должность коменданта Глухова.

В «Малой России» Б. Г. Скорняков-Писарев прослужил до октября 1731 года^[842]. Пробыв затем несколько лет «не у дел», Богдан Григорьевич в 1735 году был уволен в отставку с военной службы с награждением чином бригадира^[157]. К этому времени Богдан Скорняков-Писарев являлся вполне состоятельным помещиком, владельцем четырехсот душ крестьян в Каширском, Лебедянском, Елецком, Владимирском и Рыльском уездах^[843].

Впрочем, в том же году Богдану Григорьевичу нашлось место и на государственной гражданской службе. Сенатским указом от 18 марта 1735 года он был определен на должность воеводы Елецкой провинции. В этой должности Б. Г. Скорняков-Писарев и скончался 8 июня 1737 года^[844]. Место его погребения неизвестно.

«ПОМЯНУТОГО УМЕРШЕГО ДЪЯКА... ТЕЛО ЕГО ПОВЕСИТЬ»: И. И. БУТУРЛИН

1725 года марта 10 дня в Санкт-Петербурге состоялись одновременные похороны Отца Отечества императора всероссийского Петра Великого, скончавшегося 28 января, и его младшей дочери, цесаревны Натальи Петровны, безвременно усопшей 4 марта в возрасте шести с половиной лет. Согласно описанию многолюдной траурной церемонии, непосредственно перед гробом императора шествовал «генерал и лейб-гвардии подполковник Бутурлин», державший в руках корону Российской империи^{845}. Кто же такой был «лейб-гвардии подполковник Бутурлин»? И отчего именно ему оказалась доверена честь нести императорскую корону?

Иван Иванович Бутурлин был выходцем из старинной и знатной дворянской фамилии, родоначальником которой считался некий Ратша, «государич» из Трансильвании^{158}, выехавший в XIII веке на службу к великому князю Александру Ярославичу^{846}. С течением времени род Бутурлиных чрезвычайно разветвился: достаточно сказать, что в XVII веке только в составе «царедворцев» (верхушки тогдашнего дворянства) числились 67 представителей фамилии^{847}. Учитывая же, что среди Бутурлиных, живших во второй половине XVII века, имя «Иван» носили 13 (!) человек^{848}, достоверно определить, кто именно из них являлся отцом будущего гвардии подполковника, на сегодня не представляется возможным.

Родился И. И. Бутурлин 24 июня 1661 года. Каких-либо сведений о первых тридцати годах его жизни выявить к настоящему времени не удалось. Вопреки расхожим утверждениям будущий гвардии полковник, судя по всему, не попал в число «царедворцев»^{849}.

Неизвестно и время начала военной службы И. И. Бутурлина. Насколько возможно понять, Иван Иванович оказался в первом составе гвардии Преображенского полка, однако документальных указаний на точную дату его зачисления в полк отыскать пока не удалось. По крайней мере, достоверно известно, что осенью 1694 года он принял участие в Кожуховском походе^{850}. Неясными поныне остались и обстоятельства

производства Ивана Ивановича в начальные офицерские чины. С одной стороны, в списке участников Кожуховского похода Иван Бутурлин отмечен уже как майор Преображенского полка^{851}, с другой — в материалах полкового архива зафиксировано, что старшим офицером он стал лишь в 1697 году^{852}. В отличие от большой группы своих сослуживцев по гвардии И. И. Бутурлин не совершал в 1697–1698 годах никаких образовательных поездок по Западной Европе, а также не сопровождал Петра I в первом зарубежном путешествии^{853}.

Впрочем, в отличие от некоторых других старших офицеров гвардии петровского времени Иван Бутурлин свободно владел пером. Сохранившиеся его многочисленные росписи исполнены связным, четким письмом, не лишенным даже некоторой декоративности. В начертании ряда букв Иван Иванович отчетливо воспроизводил графику XVII века.

Как бы то ни было, Великую Северную войну И. И. Бутурлин встретил уже генерал-майором. Более того, он стал одним из руководителей первой значительной операции российской армии — осады шведской крепости Нарва. Согласно официальной «Гистории Свейской войны» 23 сентября 1700 года царь прибыл к крепости в сопровождении И. И. Бутурлина, командовавшего внушительной группировкой из двух гвардейских и четырех полевых полков^{854}.

Пребывание под Нарвой завершилось для И. И. Бутурлина, однако, не лучшим образом. 19 ноября шведский отряд во главе с королем Карлом XII, скрытно десантировавшись на южном берегу Финского залива, стремительной атакой разгромил осадные позиции российских войск. Несмотря на то что полкам гвардии удалось отступить в организованном порядке, Иван Бутурлин и еще пять генералов попали в плен.

На чужбине Иван Иванович провел почти десять долгих лет. Шведская сторона поначалу отнеслась к сановным нарвским пленникам вполне благосклонно. Им было позволено снять в Стокгольме частные дома и свободно перемещаться по городу. Достаточно сказать, что стокгольмские амурные похождения генерал-майора князя И. Ю. Трубецкого имели последствием рождение в феврале 1704 года внебрачного сына — будущего знаменитого просветителя И. И. Бецкого^{855}, дослужившегося до чина действительного тайного советника и скончавшегося в возрасте 91 года^{159}.

Исключение в режиме содержания было сделано единственно для И. И. Бутурлина. Будучи доставлен в шведскую столицу в мае 1701 года, Иван Иванович оказался водворен в сырое полуподвальное помещение с зарешеченными окнами, где находился в полном одиночестве.

Столь суровое обращение шведов с Иваном Бутурлиным было не случайным. Дело в том, что под Нарвой И. И. Бутурлин лично пытал раненого двадцатилетнего прапорщика Хенрика Барона^{856} (Henrik Johan Barohn), плененного в сентябре 1700 года^{857}, добиваясь от него сведений о гарнизоне крепости. Поскольку уже в ноябре Х. Барон был освобожден, история стала известна шведскому командованию. Хорошо еще, что шведская сторона, учтя высокий статус Ивана Ивановича, не поступила с ним аналогичным образом. Тем более что у генерала было что выпытывать.

Известно, что 2 мая 1703 года Иван Иванович, переведенный к тому времени на более свободный режим, а также генералы А. А. Вейде, А. М. Головин и любвеобильный И. Ю. Трубецкой предприняли дерзкую попытку побега. Воспользовавшись тем, что почти вся охрана отправилась в церковь, генералы проломили часть стены на первом этаже, выбрались на улицу, сели в заранее нанятую карету и попытались скрыться из города. Однако исчезновение пленников быстро обнаружили и объявили за их поимку огромное вознаграждение — четыре тысячи золотых ефимков. Беглецы были в тот же день схвачены в трех милях от Стокгольма, закованы в кандалы и доставлены к бургомистру^{858}.

И вновь злопамятные шведы наказали Ивана Бутурлина строже других. На месяц он был безысходно заключен в подземную камеру, где имелось лишь оконце в двери, через которое пленнику подавали пищу и воду. Затем шведы поместили всех «нарвских» генералов на гостиный двор, где им выделили отдельные небольшие дома, находившиеся, однако, под строгой охраной^{859}. Наконец в 1710 году Иван Иванович был обменен — первым из пленных российских генералов — на шведского генерал-майора Юхана Мейерфельда (Johan August Meijerfeldt).

По возвращении в Отечество карьера Ивана Бутурлина возобновилась вполне успешно. В марте 1711 года, после начала Русско-турецкой войны, он получил под командование войсковую группировку, сосредоточенную у крепости Каменный Затон и предназначенную для прикрытия Правобережной Украины от набегов турок и крымских татар, с предписанием «обороняться по самой крайней возможности»^{860}. В последующее пятилетие боевая служба Ивана Ивановича проходила на высших командных должностях на балтийском театре военных действий.

Далее в строевой службе И. И. Бутурлина наступил перерыв, связанный с тем, что в октябре 1716-го — сентябре 1717 года в составе небольшой свиты он сопровождал Петра I в поездке по Голландии и Франции. Примечательно, что будущий император и его сопровождающие

были настолько скромно одеты, что во Франции им пришлось заняться приведением гардероба в более приличный вид. В частности, для Ивана Бутурлина в Париже была заимообразно выделена сумма казенной валюты для приобретения золотой парчи на камзол, золотых нитей для верхней одежды, зубочистки и золотого набалдашника к трости^[861].

Из иных подробностей отмеченной поездки Ивана Ивановича известно, что в мае 1717 года он присутствовал при встрече царя с малолетним французским королем Людовиком XV, а 19 июня сопровождал Петра I при посещении судебного заседания в Парижском парламенте^[160] (Parlement de Paris)^[862]. В ходе этого заседания высокие российские гости выслушали речь замещавшего генерал-прокурора генерал-адвоката Г. Ламуаньона, который выступил с прокурорским заключением по существу рассматривавшегося дела.

Затруднительно сказать, какие впечатления остались у И. И. Бутурлина от визита в парижский Дворец правосудия (Palace de Justice), но по возвращении в Россию он сам оказался привлечен к следственной и судебной деятельности. Поводом для очередного отвлечения Ивана Бутурлина от строевых обязанностей явилось уголовное дело, возбужденное в отношении бывшего наследника престола царевича Алексея Петровича.

Следствие по делу Алексея Петровича, обвиненного в организации заговора против Петра I, началось сразу после публичного отречения царевича от престола, состоявшегося в Московском кремле 3 февраля 1718 года. Как уже упоминалось, для производства расследования по делу бывшего наследника была учреждена особая следственная канцелярия под руководством тайного советника П. А. Толстого, по организации и полномочиям весьма сходная с уже существовавшими «майорскими» канцеляриями, в производстве которых находились, правда, почти исключительно уголовные дела о преступлениях коррупционной направленности.

Первоначально следствие велось в Москве, точнее — в подмосковной резиденции Петра I селе Преображенском, а затем переместилось в Санкт-Петербург, куда царь выехал 18 марта 1718 года. В связи с этим в конце марта Петр I распорядился перевезти материалы уголовного дела в новую столицу, предписав передать их И. И. Бутурлину^[863]. Тем самым Иван Иванович оказался привлечен к производству следствия по делу опального царевича.

Функционирование следственной канцелярии П. А. Толстого

продлилось, впрочем, недолго. Уже в апреле — мае 1718 года канцелярия была преобразована в Канцелярию тайных розыскных дел (Тайную канцелярию) — специализированный суд по государственным преступлениям. Во главе канцелярии остался по-прежнему Петр Толстой, а судьями (звучно наименованными почему-то «министрами») стали гвардии майоры И. И. Бутурлин, А. И. Ушаков и Г. Г. Скорняков-Писарев.

Затруднительно точно сказать, отчего Петр I решил привлечь Ивана Бутурлина сначала к расследованию дела бывшего наследника престола, а затем к деятельности суда по государственным преступлениям. По всей вероятности, решение включить Ивана Ивановича в состав следователей по делу Алексея Петровича царь принял в связи с тем, что одним из фигурантов оказался прежний командир Преображенского полка и глава одной из следственных канцелярий генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков. В этих условиях главе государства необходимо было иметь в числе следователей, а затем и судей Тайной канцелярии военного деятеля, имевшего значительный авторитет среди гвардейцев, что должно было укрепить их лояльность верховной власти^[161].

На смертном приговоре бывшему наследнику престола^{864} подпись «генерал-поручик Иван Бутурлин» стоит 12-й по счету, выше подписей части сенаторов.

Привести в исполнение приговор, однако, не успели. 26 июня 1718 года содержащийся под стражей в Трубецком бастионе Петропавловской крепости Алексей Петрович скончался^[162]. Уже после его смерти и похорон И. И. Бутурлину довелось выполнять поручения по распределению оставшихся от царевича вещей.

В частности, по указу Петра I от 3 ноября 1718 года именно он передал «девке Афросинье» (Ефросинье Федоровой, бывшей сожительнице Алексея Петровича) хранившиеся среди имущества покойного ее личные вещи: от бархатной шапки, отороченной соболем, до туфель «с позументом серебряным»^{865}. Учитывая, что Ефросинья дала на следствии множество показаний, изобличавших царевича, подобное возвращение имущества было одной из форм ее вознаграждения.

Участие И. И. Бутурлина в расследовании дела Алексея Петровича было высоко оценено главой государства: 9 декабря 1718 года он был произведен в гвардии подполковники^{866}, что означало также назначение его командиром Преображенского полка. Очень скоро укрепилось и благосостояние Ивана Бутурлина.

11 января 1719 года Петр I пожаловал И. И. Бутурлину часть

земельных владений, конфискованных у лиц, осужденных по делу Алексея Петровича. Иван Иванович получил 159 крестьянских дворов из имущества сибирского царевича Василия Алексеевича и 660 дворов из имущества своего многолетнего сослуживца князя В. В. Долгорукова^{867}.

Основными занятиями судей-«министров» Тайной канцелярии были допросы обвиняемых и свидетелей, вынесение приговоров, ознакомление с разнообразными выписками («экстрактами»)^{163} из уголовных дел. Нередко в присутствии «министров» проводились очные ставки. Судебно-следственные процедуры осуществлялись в разном составе: коллегиально (в различном составе судей) или — реже — единолично. Известно, например, что в 1719 году Иван Бутурлин единолично провел судебное следствие и вынес приговор по делу о ложном доносе по государственному преступлению^{868}.

В отличие от офицеров-преображенцев А. И. Ушакова и Г. Г. Скорнякова-Писарева гвардии подполковник Иван Бутурлин явно тяготился судебно-следственными занятиями в Тайной канцелярии и являлся наиболее пассивным из числа ее «министров». Впрочем, самоустранение И. И. Бутурлина от деятельности Тайной канцелярии отчасти было вызвано и объективными причинами.

Во-первых, с 1718 года И. И. Бутурлин в полной мере вернулся к строевым обязанностям, приняв на себя командование Преображенским полком. Во-вторых, возобновилась и его боевая служба: он явился участником кампаний Великой Северной войны 1718–1719 годов на хорошо известном ему балтийском театре военных действий. В-третьих, с 1720 года он руководил собственной следственной канцелярией.

Победоносное завершение Великой Северной войны ознаменовалось для Ивана Бутурлина долгожданным повышением в чине: 22 октября 1721 года, в день официального празднования победы над Швецией, он был произведен в полные генералы (генерал-аншефы)^{869}. Тогда же завершилась и его боевая служба: в предпринятом в 1722 году под командованием Петра I знаменитом Персидском походе он уже не участвовал.

Что касается следственной канцелярии И. И. Бутурлина, то она была учреждена по именному указу от 3 декабря 1720 года^{870}. В производство канцелярии поступило единственное, но резонансное уголовное дело по обвинению комиссара П. И. Власова и дьяка П. К. Скурихина во взятках и хищении казенных средств на сумму в 140 тысяч 665 рублей. Дело это было воистину многострадальным.

Это уголовное дело было возбуждено московским фискалом М. А. Косым еще в 1714 году и первоначально рассматривалось в следственной канцелярии В. В. Долгорукова. Затем по именному указу от 13 марта 1716 года было временно перенесено в следственную канцелярию Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова и окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 года^{871}. В апреле 1719 года произошла очередная смена следователей: вместо Герасима Кошелева главой канцелярии стал гвардии майор М. А. Матюшкин.

Когда же против последнего, как уже говорилось, выступили ассессоры канцелярии гвардии поручик В. И. Иванов и гвардии подпоручик В. Г. Языков, между иного обвинив его в свертывании расследования по делу Петра Власова (которого они именовали племянником гвардии майора) и Петра Скурихина, Петр I встал на сторону главы следственной канцелярии, но отчасти все же принял во внимание информацию, сообщенную ассессорами-правдоискателями. Судя по всему, именно поэтому он и решил передать данное уголовное дело в производство иному органу следствия, учредив специально для этого канцелярию ведения Ивана Бутурлина.

Поскольку основной массив документов по делу П. И. Власова и П. К. Скурихина, по всей вероятности, оказался утрачен, полную картину расследования воссоздать уже нереально. Вместе с тем некоторые сохранившиеся архивные материалы все же позволяют фрагментарно представить деятельность вверенной И. И. Бутурлину следственной канцелярии.

Бывший комиссар Санкт-Петербургской губернской канцелярии стольник Петр Власов и состоявший при нем дьяк Петр Скурихин являлись прожженными дельцами, имевшими более чем серьезные неформальные связи в столичных коридорах власти. Достаточно сказать, что когда встал вопрос о разрешении П. К. Скурихину кратковременно выехать из Санкт-Петербурга в Москву (дьяк находился тогда под подпиской о невыезде), то требуемое в этих случаях поручительство («поручную запись») за него 4 февраля 1716 года подписали шесть человек, среди которых были глава секретариата генерал-фельдмаршала А. Д. Меншикова Алексей Волков, управляющий гигантским хозяйством «полудержавного властелина» Ф. А. Соловьев, родной брат царского секретаря (!) А. В. Макарова дьяк Кузьма Макаров да еще влиятельный дьяк С. Г. Киреев^{872}. Комментарии здесь, что называется, излишни.

В подобной ситуации не приходится удивляться, что подследственные Власов и Скурихин не торопились исполнять, например, постановление

канцелярии В. В. Долгорукова от 20 декабря 1715 года о незамедлительном взыскании с них сумм, полученных в качестве взяток с подрядчиков^{873}, о которых они уже дали признательные показания^[164]. Следующее постановление о взыскании означенных сумм было вынесено канцелярией И. И. Бутурлина 21 октября 1721 года^{874}. Завершилась же эта история тем, что в 1722 году канцелярия И. И. Бутурлина развернула бурную деятельность по взысканию денег с... должников Петра Скурихина.

Никак не получилось у грозных следователей-гвардейцев за семь (!) лет «вытрясти» полученные преступным путем средства с двух чиновников среднего звена. За одного из которых, правда, ручался брат царского секретаря.

Насколько возможно понять, деятельность следственной канцелярии И. И. Бутурлина несколько активизировалась в 1723 году: были проведены допросы подследственных и очная ставка между ними. В результате Петр Власов принес новую повинную, признав, что получал взятки от подрядчиков, «чтоб других подрядчиков к тем подрядом не допустить», и что действовал в сговоре с П. К. Скурихиным. «И в том себя он, Власов, утвердил»^{875}.

Петр Скурихин, успевший к тому времени стать секретарем Главного комиссариата, отвечавшего за снабжение армии продовольствием и амуницией, не стал сотрудничать со следствием и не признал преступного сговора десятилетней давности с бывшим начальником. Пока следственная канцелярия решала, что с ним делать, Петр Скурихин отошел в мир иной.

И вот тогда И. И. Бутурлин вдруг спохватился, что Петра Скурихина необходимо было бы пытаться: «Ежели б он, Скурихин жив был, надлежало в том иметь им розыск»^{876}. В итоге, обобщив результаты следствия, Иван Иванович доложил их главе государства, изложив ситуацию с не вовремя умершим П. К. Скурихиным. Реакция государя была весьма суровой.

15 апреля 1724 года император Петр Великий указал: «Помянутого умершего дьяка Петра Скурихина тело ево повесить на железной чепи за Московую рекою на Болоте, для того что он... покрывая свое воровство, по многуму следованию... заперался и до смерти своей не извинился и повинной в том не принес»^{877}. Этим же указом было конфисковано имущество покойного, много лет находившееся под обеспечительным арестом.

О втором подследственном в указе было сказано туманно: «А о Власове по тем делам, чего не исследовано, следовать, где то дело будет»^{878}. Иными словами, дело по обвинению П. И. Власова изымалось

из производства следственной канцелярии И. И. Бутурлина, но куда оно передавалось, в указе не уточнялось. Уголовное дело бывшего комиссара «висело в воздухе» почти год. Лишь 8 февраля 1725 года Правительствующий сенат распорядился передать дело в Главную Фискальскую канцелярию^{879}.

Завершилась история тем, что в августе 1725 года формально еще подследственный Петр Власов был назначен в дальнюю посылку — вторым комиссаром на разграничение земель с Китаем^{165}. Выехав из Санкт-Петербурга 21 сентября, он в дороге серьезно занемог и 13 января 1726 года скончался в Москве^{880}. Уголовное преследование Петра Ивановича Власова было прекращено еще при его жизни согласно сенатскому указу от 29 сентября 1725 года^{881}.

Следственная канцелярия И. И. Бутурлина в 1724 году подверглась упразднению, что явилось вполне логичным решением императора.

В последний раз судебские обязанности Ивану Бутурлину довелось исполнять в качестве судьи Вышнего суда. По воле судьбы одним из первых в числе подсудимых Вышнего суда оказался недавний «министр» Тайной канцелярии, ставший затем обер-прокурором Сената, генерал-майор Г. Г. Скорняков-Писарев. 13 февраля 1723 года судья Иван Бутурлин скрепил подписью приговор, осудивший Григория Скорнякова-Писарева к конфискации имущества и разжалованию в рядовые^{882}. В составе суда И. И. Бутурлин проработал до его ликвидации в 1726 году.

В последние дни января 1725 года, сразу после кончины Петра I, И. И. Бутурлину довелось поучаствовать в «большой политике», приняв активное участие в разрешении династического кризиса, вызванного тем, что первый российский император не успел назначить преемника^{883}. Поддержав придворную группировку во главе с «полудержавным властелином» генерал-фельдмаршалом А. Д. Меншиковым, Иван Иванович немало поспособствовал возведению на престол Екатерины Алексеевны, вдовы ушедшего из жизни императора (сам он, вероятнее всего, готовился передать престол старшей дочери Анне).

Новоявленная императрица Екатерина I по достоинству оценила заслуги Ивана Бутурлина. Не случайно, как уже было отмечено, на похоронах Петра I именно ему было доверено нести в траурной процессии корону Российской империи. 21 мая 1725 года И. И. Бутурлин был пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного, а 30 августа — вновь учрежденного ордена Святого Александра-Невского^{884}.

8 февраля 1726 года Иван Иванович был назначен к присутствию в

Правительствующем сенате^{885}. Это была высшая точка карьеры бывшего пленника шведского короля, открывавшая ему перспективы достойной и почетной старости. Однако далее Ивана Бутурлина подстерегало жизненное крушение.

Когда весной 1727 года Екатерина I тяжело заболела, остро встал вопрос о том, кому наследовать престол. Наиболее вероятными кандидатурами были внебрачные по рождению дочери Петра и Екатерины Анна (1708 года рождения) и Елизавета (родилась в 1709 году), а также великий князь Петр Алексеевич (1715 года рождения) — сын запы-танного в 1718 году царевича Алексея.

Как уже говорилось, в подобной династической комбинации почти все те, кто был непосредственно причастен к расследованию дела царевича Алексея, в том числе и И. И. Бутурлин, не могли не выступить сторонниками воцарения одной из дочерей Петра I. Иную позицию занял ставший к тому времени вторым лицом в государстве А. Д. Меншиков, сумевший договориться о помолвке двенадцатилетнего великого князя Петра Алексеевича со своей старшей дочерью Марией.

Воспользовавшись свободным доступом к Екатерине I, Александр Меншиков добился формирования 28 апреля 1727 года особой следственной комиссии, по итогам трехдневной работы которой группа бывших приближенных Петра I была обвинена в заговоре и предана очередному специальному судебному присутствию — Учрежденному суду. Центральными фигурами процесса стали первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга сенатор граф А. Э. Девиер, граф П. А. Толстой и все бывшие «министры» Тайной канцелярии — И. И. Бутурлин, Г. Г. Скорняков-Писарев и А. И. Ушаков. Так Иван Иванович Бутурлин впервые в жизни оказался в статусе подследственного, а затем и подсудимого.

Расплата для «заговорщиков», преступление которых состояло в нескольких разговорах в узком кругу о нежелательности прихода к власти великого князя Петра, оказалась жестокой. 6 мая 1727 года Учрежденный суд приговорил Антона Девиера и Петра Толстого к смертной казни. В качестве дополнительных санкций осужденным назначались конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов. Иван Бутурлин был приговорен к лишению чинов, орденов, пожалованных земель и к ссылке в свои деревни.

В тот же день Екатерина I утвердила приговор, и в тот же день Иван Иванович Бутурлин был исключен из списков Преображенского полка^{886}. А. Э. Девиеру и П. А. Толстому смертная казнь заменялась на

пожизненную ссылку, а И. И. Бутурлин освобождался от конфискации пожалованных земель^[887].

Остаток жизни Иван Иванович провел в небольшом родовом имении Крутцы Переславль-Залесской провинции. Об этом периоде жизни опального генерала известно лишь, что его вроде бы посещала в Крутцах цесаревна Елизавета Петровна, вотчиной которой являлась расположенная поблизости Александрова слобода^[166], в которой она часто и подолгу бывала^[888]. Однако дожидаться воцарения Елизаветы Петровны Ивану Бутурлину было не суждено.

31 декабря 1738 года И. И. Бутурлин скончался в своем родовом имении. Погребли его в подклете под алтарем Троицкого собора Успенского женского монастыря в Александровой слободе. Его могила сохранилась донныне и, спустившись в расположенную в подклете усыпальницу, можно разобрать надгробную надпись:

«Лета 7170 июня 21 числа родися раб Божий Иоанн Иоаннович Бутурлин, тезоименитство его того ж июля 24 числа. А преставися лета 7247, а от Рождества Христова 1738 декабря 31 числа в нощи, то было преподобныя Мелании Римленины на день светаго Василия Великаго в Переславской своей вотчине в селе Успенском Крутец то [ж] (?). Погребен 7247, от Рождества Христова 1739 году генваря 6 числа в Александровой слабаде в Успенском девиче манастыре под сею надписью. А жития его была от рождения и да преставления 77 лет 6 месяцев и десеть дней».

Там же в подклете нашли упокоение супруга И. И. Бутурлина — Марфа Тимофеевна, урожденная Савёлова, один из его сыновей — Аркадий Иванович (1699–1775), действительный камергер, а также внучка — девица Анастасия Аркадьевна (1733–1807), дочь Аркадия Ивановича. Кроме того, у Ивана Ивановича были сыновья Николай (умер в 1761 году) и Сергей, а также дочь Анна, вышедшая замуж за С. А. Головина. К середине XIX века потомство Ивана Ивановича по мужской линии угасло^[889].

**V. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ
ДЕЯТЕЛИ,
ОСУЩЕСТВЛЯВШИЕ ОТДЕЛЬНЫЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ**

«И БЫЛ... ГЛАВНЫМ СУДЬЕЮ У ТАЙНЫХ РОЗЫСКНЫХ ДЕЛ»: П. А. ТОЛСТОЙ

Ночь на 7 февраля 1718 года выдалась для Санкт-Петербургского генерал-губернатора светлейшего князя А. Д. Меншикова бессонной. Отойдя ко сну по обыкновению в девятом часу вечера, уже два часа спустя он был разбужен курьером, прибывшим из Москвы от царя Петра I. Переговорив с государевым посланцем «во особой комнате тайно», светлейший князь Александр Данилович приказал поднять по тревоге старших офицеров и группу солдат дислоцированных в столице гвардейских полков. Местом сбора был назначен дворец генерал-губернатора.

Явившихся к месту сбора вооруженных офицеров и солдат разделили на две группы. Первая группа, возглавленная лично А. Д. Меншиковым, арестовала в собственном доме отставного адмиралтейского советника Александра Кикина. Вторая, во главе с генерал-майором Г. П. Чернышовым и гвардии майором Г. Д. Юсуповым, взяла под стражу Ивана Афанасьева, камердинера царевича Алексея Петровича. Водворив закованных «в железа» арестованных порознь в гвардейские казармы, участники операции провели в Зимнем дворце краткое совещание и в пятом часу утра разъехались по домам и местам службы^{890}.

Произведенные в эту ночь аресты явились одними из первых следственных действий по многоэпизодному уголовному делу по обвинению в государственной измене наследника престола царевича Алексея Петровича. Следствие и суд по этому делу явились крупнейшим «политическим» процессом в истории России XVIII века, имевшим невиданный резонанс не только в нашей стране, но и во всей Европе. Ключевую роль в расследовании дела сыграл тайный советник Петр Андреевич Толстой.

Согласно генеалогическим документам, Петр Толстой принадлежал к дворянскому роду, восходившему к некоему «знатному мужу» Гендриху (Генриху, в древнерусском написании — Индросу), выехавшему в 1352 году с двумя сыновьями из Священной Римской империи на службу в Черниговское княжество. В Чернигове Гендрих-Индрос с сыновьями принял православие и стал зваться Леонтием. В XV веке правнук Гендриха

переехал из Чернигова в Москву, где получил «прозвание Толстой»^{891}.

При всем том, что сведения об основателе рода Толстых представляются глубоко сомнительными (приписывать себе мифических зарубежных прародителей являлось стародавней традицией российских дворян), в XVII веке представители рода заняли прочные, хотя и далеко не первостепенные позиции в рядах московской знати. Уже дед П. А. Толстого Василий Иванович достиг высокого «думного» чина окольничего. Этому же чину удостоился в 1682 году и отец Петра Толстого Андрей Васильевич, успешно проявивший себя как администратор и военачальник.

Хотя датой рождения П. А. Толстого поныне общепринято считать 1645 год, в действительности он появился на свет несколько позднее. Согласно архивному документу, в июне 1718 года Петр Андреевич указал себе 65 лет^{892}, что означает, что родился он в 1653 или 1652 году. Первые 40 лет жизни будущего тайного советника в сохранившихся исторических источниках освещаются скудно.

Достоверно известно лишь, что поначалу служба П. А. Толстого проходила при отце (что было вполне распространенной практикой того времени). Совместно с А. В. Толстым Петру Андреевичу довелось в 1665 году принять участие в обороне Чернигова, осажденного войсками мятежного украинского гетмана Ивана Брюховецкого, а впоследствии — в Русско-турецкой войне 1676–1681 годов. Несмотря на то что в 1672 году Петр Толстой был пожалован чином стольника при дворе царицы Натальи Кирилловны^{893}, в 1681 году он еще не имел ни государева жалованья, ни собственных поместий.

Насколько возможно понять, в юности Петр Андреевич очень хорошо выучился русской грамоте. Как явствует из многочисленных сохранившихся его автографов, он до последних лет жизни обладал редким для государственного деятеля его статуса великолепно поставленным почерком с неизменно связным и четким написанием букв, что свидетельствовало об опыте собственноручного написания значительного объема текстов.

Поныне загадочным эпизодом биографии П. А. Толстого (нуждающимся в дальнейшем изучении) явилось его участие в стрелецком восстании в Москве в мае 1682 года. Восстание это было направлено против воцарения царевича Петра Алексеевича (будущего Петра I) и привело к гибели нескольких его родственников и приближенных. По свидетельству едва уцелевшего в те дни будущего сенатора и президента Юстиц-коллегии А. А. Матвеева, Петр Толстой вместе со старшим братом

Иваном агитировал стрельцов захватить Кремль, распуская ложные слухи, что законный претендент на престол царевич Иван Алексеевич задушен Нарышкиными (родственниками матери Петра I царицы Натальи Кирилловны).

Как бы то ни было, первое административное назначение Петра Толстого состоялось лишь в 1693 году и было достаточно скромным: он был назначен воеводой в удаленный от Москвы Великий Устюг^[894]. Именно там П. А. Толстой получил первую судебную-следственную практику.

Связано это было с тем, что до самых 1720-х годов главы местных администраций в России располагали не только управленческими, но и судебными полномочиями. Известно, что в 1693 году Петр Толстой расследовал имевшее общественный резонанс дело о краже в церкви, в частности, он лично вел допросы под пыткой обвиняемого Москалева^[895].

Два года спустя судебные-административные занятия П. А. Толстого сменились на строевые. В числе других стольников в 1695 году он был призван в армию, попав рядовым в Семеновскую потешную роту. Первоначально военная карьера Петра Андреевича не заладилась. Документально известно, что при реформировании в том же 1695 году потешной роты в Семеновский полк будущий тайный советник остался в числе «нижних чинов»^[896].

Из подробностей военной службы Петра Толстого на сегодня установлено лишь два обстоятельства: в 1696 году он принял участие во втором Азовском походе, а также был произведен сначала в прапорщики, а затем в капитаны Семеновского полка (впоследствии Петр Андреевич был номинально переведен с тем же чином в гвардии Преображенский полк).

Однако впереди гвардии капитана ожидали не поля сражений, а образовательная командировка в Западную Европу.

В январе 1697 года 43-летний П. А. Толстой получил в числе еще тридцати семи дворян государево предписание ехать «в европейские христианские» государства «для науки воинских дел»^{[897][167]}.

За рубежом Петр Толстой пробыл почти два года: с марта 1697-го по январь 1698 года. Более всего времени он провел в итальянских государствах, где обучался морскому делу. Согласно аттестату, выданному правителем Венеции 30 октября 1698 года, русский ученик прошел как теоретический курс навигации («наук теоричных... до науки морской надлежащих»), так и значительную морскую практику («до лутчаго поятия трудностей морских явное труда своего приложил прилежание... был

неустрасимый в бурливости морской»)^{898}.

Между тем в ходе заграничной поездки Петр Толстой не только освоил начала морского дела (а также в совершенстве овладел итальянским языком), но и составил пространные путевые записки. Завершенное Петром Андреевичем в 1699 году описание своего путешествия явилось одним из выдающихся памятников российской словесности петровского времени.

Вот как, например, П. А. Толстой описал знаменитый венецианский карнавал: «И приходит... множество людей в машкарах, по-словенски в харях, чтоб никто никого не познавал... Так и все время карнавала ходят все в машкарах: мущины и жены, и девицы; и гуляют все невозбранно, кто где хочет. И так всегда в Венецы увеселяются и никогда не хотят быть без увеселения, в которых своих веселостях и грешат много. И... многие девицы берут в машкарах за руки иноземцев и гуляют с ними и забавляются без стыда^{168}. Также в то время по многим местам на площадях бывает музыка и танцуют по италиянски»^{899}.

Как бы то ни было, по возвращении в Россию П. А. Толстой не получил назначения ни в армию, ни на государственную гражданскую службу. По всей вероятности, Петр I, имевший обыкновение лично экзаменовывать дворян, прибывших из зарубежных образовательных поездок, критически оценил уровень морских познаний Петра Толстого, а также остался недоволен тем, что тот вовсе не ознакомился с судостроительным делом.

Поворот в карьере П. А. Толстого состоялся лишь спустя три года после возвращения из-за границы. 2 апреля 1702 года он был назначен послом России в Оттоманской империи (нынешней Турции). Предпосылки этого назначения до сих пор неясны. Мало того что в то время Петр Андреевич не имел ни дипломатического, ни значительного административного опыта, он не входил тогда даже в дальнейшее окружение Петра I. В этой связи заслуживает внимания известие осведомленного французского дипломата, что должность посла Петр Толстой получил благодаря «подарку» в две тысячи золотых, которые он вручил близкому к царю главе Посольского приказа Ф. А. Головину^{900}.

Однако каковы бы ни были обстоятельства назначения П. А. Толстого на высокий дипломатический пост, на новом поприще он проявил себя весьма успешно. Петр Андреевич сумел не только утвердить свой статус как первого постоянного посла в Турции и организовать российское дипломатическое представительство в Стамбуле, но и выполнил главную

свою миссию — обеспечил благожелательный нейтралитет Турции в наиболее тяжелые для России годы Великой Северной войны^[901].

Именно на берегах Босфора в полной мере проявились такие качества Петра Толстого, как неординарное аналитическое мышление, высочайшая работоспособность, исполнительность, склонность к многоходовым интригам, коммуникабельность, незаурядные способности переговорщика. П. А. Толстой выступил также автором ряда вполне оригинальных сочинений, посвященных стране пребывания. В частности, в феврале 1706 года посол направил в Москву подготовленное им первое в своем роде «Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота»^[902].

Заслуги Петра Андреевича были по достоинству оценены главой государства. Согласно архивным документам, 28 апреля 1707 года «за управление в Цареграде^[169] посольских дел» Петр I пожаловал П. А. Толстому поместья в Дмитровском и Коломенском уездах, а 29 июня 1710 года произвел его (одним из первых в России) в чин тайного советника^[903].

Грянувшее в ноябре 1710 года неожиданное объявление Турцией войны России резко изменило положение П. А. Толстого. Весь личный состав российского посольства был заключен в пользовавшийся дурной славой Семибашенный замок — Едикуле (Yedicule Zindanlari), а имущество посольства разграблено. Как позднее свидетельствовал Петр Толстой, «приведши меня в Семибашенную фортецию посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную. И был заключен в той малой избе 17 месяцев, из того числа лежал болен от нестерпимого страдания семь месяцев... К тому же на всякой день угрожали мучением и пытками»^[904].

Однако на этом заключение российского посла не закончилось. Освобожденный из тюрьмы в апреле 1712 года, Петр Толстой вновь оказался в Семибашенном замке 31 октября того же года. На этот раз Петру Андреевичу довелось соседствовать в темнице не только со служащими посольства, но и с близким сподвижником Петра I бароном П. П. Шафировым, прибывшим в Турцию с небольшим штатом сотрудников в качестве чрезвычайного посла после весьма неудачного для России Прутского похода 1711 года.

Новое заключение оказалось ничуть не легче прежнего. Попавший в Едикуле офицер связи при Петре Шафирове ротмистр А. П. Вольнский (будущий знаменитый кабинет-министр) сообщал в донесении, что они «в таком злом месте заключены были... что каждой ожидал смерти. Ибо не токмо света, ниже свободного воздуха, но и ветры там никогда не

заходят»^{905}.

Как бы то ни было, но в апреле 1713 года дипломаты-пленники были наконец освобождены и осенью 1714 года вернулись в Россию. Постоянное российское посольство в Турции было ликвидировано. В письме секретарю царя А. В. Макарову от 21 сентября 1714 года Петр Толстой оценил завершение своей миссии в Стамбуле как избавление от «тьмы адския»^{906}.

Успешная дипломатическая деятельность в Турции (равно как и обретенная поддержка со стороны влиятельнейшего Петра Шафирова) способствовала вхождению П. А. Толстого в окружение Петра I. Однако какой-либо новой должности по возвращении с берегов Босфора Петр Андреевич не получил, оставшись в статусе временно прикомандированного к Посольской канцелярии. Ситуацию изменил 1717 год.

Началось с того, что в январе 1716 года царь Петр Алексеевич отправился в длительную поездку по Западной Европе. Задачей царя было как разрешение ряда дипломатических вопросов, так и непосредственное ознакомление с зарубежными государственными институтами (что было необходимо для выработки направлений дальнейшего реформирования государственного механизма России). В небольшую группу сопровождавших Петра I сановников был включен и П. А. Толстой.

Именно в ходе этой заграничной поездки Петру Толстому суждено было получить особо важное высочайшее поручение, успешное исполнение которого окончательно переменяло его судьбу. Поручение это было весьма деликатным и касалось царевича Алексея Петровича.

Сын Петра I от брака с Е. Ф. Лопухиной, в восьмилетнем возрасте разлученный с матерью, царевич Алексей характером и умонастроениями был совсем не похож на отца-реформатора. Выросший в удалении от Петра I царевич ничуть не разделял ни отцовской увлеченности военными и военно-морскими делами, ни его планов по преобразованию России, а потому никак не вписывался в когорту «строителей империи».

Нередко третируемый властным отцом, неоднократно подвергавшийся от него побоям, уже готовый под отцовским давлением отречься от прав на престол, впечатлительный и эмоционально неустойчивый Алексей Петрович решился в конце концов на сколь безрассудный, столь и глубоко ошибочный шаг. Выехав в сентябре 1716 года из Санкт-Петербурга для встречи с Петром I в Копенгагене, царевич изменил маршрут и, прибыв в Вену, обратился к императору Карлу IV с просьбой о предоставлении

политического убежища. По решению императора местом тайного пребывания августейшего беглеца был избран замок Эренберг (Ehrenberg) в Тироле^{907}.

Внезапное исчезновение царевича крайне встревожило Петра I (первоначально он не исключал даже, что передвигавшийся без охраны, в сопровождении всего нескольких слуг Алексей стал жертвой разбойного нападения). Интенсивные поиски царевича начались в декабре 1716 года, и вскоре ситуация прояснилась. После этого стала очевидной необходимость, во-первых, установить точное местонахождение беглеца, во-вторых, убедить его вернуться в Россию, в-третьих, обеспечить его выезд с территории Священной Римской империи. Учитывая, что Алексей Петрович пребывал отныне под защитой императора, обе эти задачи были трудноразрешимы.

Как бы то ни было, с первой задачей успешно справились резидент в Австрии А. П. Веселовский и прикомандированный к нему гвардии капитан А. И. Румянцев. Они сначала установили факт пребывания царевича в замке Эренберг, а затем гвардии капитан сумел проследить за перемещением августейшего невозвращенца в замок Сент-Эльмо (Sant'Elmo) близ Неаполя.

Решение еще более сложных задач по убеждению Алексея Петровича вернуться и по его беспрепятственному вывозу царь возложил на тайного советника Петра Толстого. Помощником к Петру Андреевичу был определен все тот же Александр Румянцев. 1 июля 1717 года дипломат и гвардеец получили от Петра I пространную секретную инструкцию.

Принимая решение, кому именно поручить столь деликатную миссию, царь испытывал серьезные колебания. По заслуживающему доверия свидетельству гвардии подполковника князя Б. И. Куракина, поручение «призвать» царевича на родину было дано первоначально ему. Но затем «через интриги Толстова и Шафирова пременялось, и отправлен Толстой»^{908}.

Впрочем, какие бы обстоятельства ни предшествовали данному назначению П. А. Толстого, выбор царя оказался верным. Благодаря как незаурядному интеллекту, так и выдающимся способностям переговорщика, отточенным во время пребывания в Стамбуле, П. А. Толстой выполнил секретное высочайшее задание и склонил Алексея Петровича к возвращению в Россию.

Одним из решающих доводов Петра Андреевича явилось никак не предусмотренное инструкцией заверение, что отец позволит царевичу

жениться на его фаворитке Ефросинье Федоровой (к тому времени уже беременной). Столь же успешно Петр Толстой сумел преодолеть сопротивление властей Священной Римской империи, весьма настороженно воспринявших его переговоры с царевичем.

15 декабря 1717 года Петр Толстой (еще находившийся на пути в Москву) был назначен президентом новоучрежденной Коммерц-коллегии (что означало также получение должности сенатора). 64-летний Петр Андреевич вошел в ряды высшего руководства страны.

Возвращение Алексея дало Петру I не только возможность сурово покарать сына-невозвращенца (а заодно обеспечить права на престол родившемуся в октябре 1715 года любимому сыну Петру Петровичу). Склонный к подозрительности, царь получил также уникальный шанс прояснить степень политической лояльности любого правительственного и придворного деятеля. Достаточно было лишь выспросить у царевича, кто именно симпатизировал ему, знал, но не сообщил о его намерении бежать за границу.

Первая встреча Петра I с сыном состоялась в Ответной палате московского Кремля 3 февраля 1718 года в присутствии большой группы «всяких чинов людей». В ходе встречи Алексей Петрович публично отрекся от прав на российский престол^{909}. Однако отречением дело не ограничилось.

Находившийся среди приглашенных обер-фискал А. Я. Нестеров так засвидетельствовал финальный эпизод встречи: «И потом его величество изволил еще говорить громко же, чтоб показал самую истинну, кто его высочеству (царевичу) были согласники, чтоб объявил. И на те слова его высочество поползнулся было говорить, но понеже его величество от того сократил, и тем... разговор кончился»^{910}.

Разговор о «согласниках», демонстративно прерванный Петром I в Кремле, разумеется, не мог не возобновиться. Не случайно именно 3 февраля 1718 года царь отправил А. Д. Меншикову письмо с предписанием произвести в Санкт-Петербурге описанные выше аресты.

Для наилучшего же установления всего круга потаенных оппозиционеров царь вновь призвал П. А. Толстого (что было вполне логично, учитывая предшествовавшую вовлеченность тайного советника в историю с царевичем). Уже 4 февраля царь предложил Алексею четыре допросных «пункта». Все они были написаны рукой Петра Андреевича Толстого^{911}.

Развернувшееся в первые дни февраля расследование продлилось до

июня. Проходило оно первоначально в Москве (а точнее, в подмосковной резиденции Петра I селе Преображенском), а с конца марта — в Санкт-Петербурге. В феврале для производства расследования по делу бывшего царевича была учреждена особая следственная канцелярия ведения П. А. Толстого, по организации и полномочиям весьма сходная с уже существовавшими «майорскими» канцеляриями, расследовавшими главным образом дела по должностным преступлениям.

Функционирование следственной канцелярии П. А. Толстого продлилось, впрочем, недолго. Уже в апреле 1718 года следственная канцелярия была преобразована в Канцелярию тайных розыскных дел (Тайную канцелярию)^[912], возглавленную Петром Толстым и вскоре превратившуюся в специализированный суд по государственным преступлениям. В Тайной канцелярии в помощь П. А. Толстому были определены помощники: гвардии майоры А. И. Ушаков и Г. Г. Скорняков-Писарев (о котором еще пойдет речь на страницах этой книги).

Роль П. А. Толстого в расследовании дела Алексея Петровича была ключевой на всех этапах. Он неустанно допрашивал обвиняемых и свидетелей, проводил очные ставки, докладывал материалы дела Петру I, принимал решения (или испрашивал санкции у царя) о привлечении к делу новых фигурантов и применении пыток, руководил подготовкой особых выписок для передачи дел в суд.

На расследовании столь масштабного и неординарного уголовного дела не мог не сказаться фактор «большой политики». С одной стороны, нельзя не констатировать, что П. А. Толстой и его помощники проделали колоссальный объем следственных действий, установили, вероятно, исчерпывающий круг лиц, так или иначе причастных к делу опального царевича.

С другой стороны, часть уголовных дел, образовавших массив «царевичева розыска», представляются отчетливо сфабрикованными, обвинение в них основано исключительно на показаниях, которые давались под пыткой (например, описанное выше дело руководителя одной из «майорских» канцелярий дьяка Ф. Д. Воронова). Да и наиболее важные признания Алексея Петровича были также получены в застенке.

Не вызывает ни малейших сомнений, что П. А. Толстой использовал свою роль главного следователя по делу царевича не только ради установления судебной истины, но и в чисто карьерных целях. Он сумел с большим успехом решить двуединую задачу: и продемонстрировать Петру I грандиозные успехи в искоренении «крамолы», и скомпрометировать неугодных ему лиц в правительственной среде.

В последнем случае Петр Андреевич действовал в тесном союзе с А. Д. Меншиковым, положение которого к 1718 году весьма пошатнулось из-за многочисленных обвинений в должностных преступлениях. Именно дело Алексея Петровича (враждебное отношение которого к светлейшему князю было общеизвестно) позволило Александру Даниловичу не только восстановить доверие царя, но и при помощи Петра Толстого устранить ряд опасных политических конкурентов.

Как бы то ни было, процесс царевича Алексея Петровича завершился преданием его суду и смертным приговором^{913}. Подпись Петра Толстого стоит на приговоре девятой по счету.

Склонение Алексея Петровича к возвращению из Священной Римской империи и руководство следствием по его делу обернулись для П. А. Толстого чередой высочайших милостей. В 1718 году он был пожалован высшим российским орденом Святого Андрея Первозванного^{914}, 13 декабря того же года «за показанную великую службу... в привезении по рождению сына его величества, а по делу злодея и губителя отца и Отечества» произведен в действительные тайные советники и пожалован богатыми поместьями из числа конфискованных по расследованному им делу^{915}.

П. А. Толстой оказался на вершине успеха. Несмотря на преклонный возраст он активно работал в Правительствующем сенате, руководил Коммерц-коллегией и Тайной канцелярией, в 1722 году в качестве знатока Востока и главы походной дипломатической канцелярии сопровождал Петра I в Персидском походе.

Последняя государева милость была оказана Петру Андреевичу 7 мая 1724 года, в день коронации Екатерины Алексеевны, на которой он исполнял обязанности обер-маршала церемонии. В тот знаменательный день император Петр Великий собственноручно начертил на полулисте бумаги: «Объявить тайному советнику Толстому надание гравства и наследником ево линеи»^{916}. Иными словами, Петр Андреевич был пожалован титулом графа Российской империи.

Последовавшая в январе 1725 года кончина императора Петра Великого хотя и явилась для П. А. Толстого поводом для изрядных переживаний^{917}, однако никак не поколебала его карьерных позиций. Более того: императрица Екатерина I (занявшая престол при активном содействии Петра Андреевича) 10 мая 1725 года назначила его старшего сына И. П. Толстого президентом Юстиц-коллегии^{918}. 30 августа императрица пожаловала П. А. Толстого в кавалеры ордена Святого

Александра Невского^[919]. Но все это благополучие оказалось хрупким.

Потрясения ожидали Петра Андреевича весной 1727 года, когда Екатерина I тяжело заболела. Недуг императрицы со всей остротой поставил вопрос о том, кому наследовать престол. Наиболее вероятными кандидатурами были вроде бы дочери Петра и Екатерины Анна и Елизавета. Оставался, правда, еще полузабытый двором двенадцатилетний великий князь Петр Алексеевич.

В подобной династической комбинации П. А. Толстой выступил, разумеется, сторонником воцарения одной из дочерей Петра I. Однако в этот момент внутривластная конъюнктура повернулась самым неожиданным образом.

За передачу престола великому князю Петру решительно выступил А. Д. Меншиков, сумевший договориться о его помолвке со своей старшей дочерью Марией. Тем самым сын дворцового конюха оказался в шаге от родства с правящим домом Российской империи. Соответственно противники воцарения великого князя Петра оказались в одночасье злейшими врагами светлейшего князя.

Удар по недоброжелателям великого князя Петра Алексеевича был скор и решителен. 28 апреля 1727 года была сформирована особая следственная комиссия, по итогам трехдневной работы которой группа бывших приближенных Петра I была предана очередному специальному судебному присутствию — Учрежденному суду. Центральными фигурами процесса стали первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга сенатор граф А. Э. Девиер, П. А. Толстой и его бывший помощник по Тайной канцелярии генерал-майор Г. Г. Скорняков-Писарев. Так Петр Андреевич впервые в жизни оказался в статусе подсудимого, а вскоре и подсудимого.

Расплата была жестокой: 6 мая Учрежденный суд приговорил Антона Девиера и Петра Толстого к смертной казни с конфискацией имущества, лишением чинов, титулов и орденов.

В тот же день (ставший и днем ее кончины) Екатерина I утвердила приговор^[170]. Смертная казнь П. А. Толстому была заменена на ссылку в Соловецкий монастырь. Заодно в итоговом документе в число осужденных был добавлен старший сын Петра Толстого — президент Юстиц-коллегии И. П. Толстой, не привлекавшийся ни к следствию, ни к суду (!), а потому не упомянутый в исходном тексте приговора. Иван Петрович был направлен в ссылку вместе с отцом^[920].

Второй раз в жизни Петру Толстому довелось оказаться в тюремных

казематах. Ссылные отец и сын Толстые были помещены под круглосуточную охрану в тесные, темные и неотапливавшиеся кельи. Прогулок для осужденных не предусматривалось^{921}. Это были условия, мало чем отличавшиеся от тех, в которых некогда пребывал Петр Андреевич в стамбульском Едикуле.

Итог столь тяжкого заключения был предсказуем. 7 июня 1728 года скончался заболевший цингой Иван Петрович Толстой. Вскоре настал черед и Петра Андреевича. Как известил Учрежденный суд начальник караула капитан Григорий Воробьев, «в нынешнем 1729 году генваря с первых чисел оной Толстой заболел жестоко... И сего же генваря 30 дня оной Петр Толстой от той болезни умре»^{922}.

Иван и Петр Толстые были погребены внутри монастырской ограды, близ западной стороны Преображенского собора. В начале XX века их могила еще сохранялась, однако надпись на надгробной плите уже полностью стерлась^{923}.

В настоящее время могила П. А. и И. П. Толстых утрачена.

«ОТЕЦ... ЕВО НАУЧИЛ НЕ ПАХАТЬ, НО АРИХМЕТИКЕ И ГЕОМЕТРИИ»: Г. Г. СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ

1734 года ноября 11 дня в городе Якутске в доме поручика Кузьмы Шкадера в собрании гостей завязалось необычайное прение. В разгар застолья главный командир Охотского правления господин Григорий Скорняков-Писарев объявил себя автором геометрии.

В ответ на это глубокомысленное утверждение флота лейтенант Михаил Плаутин, резонно заметив, что «науки геометрии сочинитель Евклид», посоветовал собеседнику, чтобы тот «не возвышался и не сказывал на себя, что прежде ево зделано». Уязвленный напоминанием об античном предшественнике Григорий Григорьевич обозвал лейтенанта «детинишкой и сукиным сыном», веско прибавив, что тот «потерял свой смысл, не зная ничего». Услышав в ответ, что он сам «каналья», вконец разволновавшийся главный командир схватился за шпагу и с криком «Зарежу!» ринулся на обидчика. Полемистов растащили...^{924}

Между тем самохвалебное заявление охотского гостя вовсе не было абсурдом. Дело в том, что он в самом деле являлся автором геометрии.

Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева затруднительно отнести к числу хрестоматийно известных государственных деятелей России XVIII века. Между тем его военная и правительственная карьера была сколь успешной, столь и неординарной. Достаточно только сказать, что в чин генерал-майора Григорию Скорнякову-Писареву довелось быть произведенным трижды.

Первый обер-прокурор Российской империи Г. Г. Скорняков-Писарев был выходцем из старинной, но незнатной фамилии каширских дворян, родоначальником которой, как уже говорилось, считался польский шляхтич Семен Писарь, выехавший в 1440-е годы на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу^{925}.

На протяжении XVII века 16 представителей фамилии сумели выслужить «московские» чины, войдя в число «царедворцев»^{926}. Из рядов низового дворянства сумел выбиться также и отец будущего обер-прокурора Григорий Нефедьевич, достигший чина дворянина московского. Примечательно, что он позаботился дать сыну Григорию весьма необычное

для России того времени домашнее образование. Как в 1722 году засвидетельствовал Григорий Григорьевич, «отец... ево научил не пахать, но арихметике и геометрии»^{927}.

Заодно отец основательно выучил сына и русской грамоте. Как явствует из многочисленных сохранившихся автографов, Григорий Григорьевич обладал почти каллиграфическим почерком со многими архаическими элементами графики XVII века.

Согласно архивному документу, в июне 1718 года Г. Г. Скорняков-Писарев показал себе 43 года^{928}, то есть родился он или в 1674-м, или в 1675 году. Григорий Григорьевич имел младшего брата Богдана, о котором уже повествовалось на страницах этой книги. Из обстоятельств частной жизни Григория Скорнякова-Писарева достоверно известно, что он был по меньшей мере дважды женат.

Первую его жену звали Екатерина Ивановна, в 1718 году ей было 40 лет. Родопроисхождение Е. И. Скорняковой-Писаревой установить к настоящему времени не удалось. В этом браке «автор геометрии» имел дочь Анастасию 1708 или 1709 года рождения и сына Ивана, родившегося в 1713 (или 1714) году^{929}. О второй супруге Григория Скорнякова-Писарева известно лишь, что звали ее Марина Кирилловна^{930}.

Карьеру Григорий Григорьевич начал в стольниках при дворе царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана V Алексеевича, соправителя Петра I Алексеевича в 1682–1696 годах. Затем, подобно многим другим молодым придворным, Григорий Скорняков-Писарев был призван в армию («взят в ученье пехотному салдацкому строю»)^{931}.

Не вполне ясным эпизодом биографии Григория Григорьевича является его образовательная поездка в Западную Европу. Известно, что в 1697 году для сопровождения направленного в итальянские государства князя Ивана Урусова был определен солдат Григорий Скорняков^{932}. Однако традиционная идентификация этого солдата с Г. Г. Скорняковым-Писаревым вызывает изрядные сомнения: судя по всему, в Италию был командирован полуоднофамилец будущего обер-прокурора^{933}. В этой связи неясна и достоверность сведений о последующем обучении Григория Григорьевича в Берлине механике и инженерному делу^{934}.

Тем не менее документально известно, что в 1700 году, получив первый офицерский чин прапорщика, Григорий Скорняков-Писарев был зачислен в знаменитую бомбардирскую роту гвардии Преображенского полка^{935}. В ту самую роту, командиром которой числился сам царь Петр

Алексеевич, проходивший в полковых документах как Петр Михайлов.

Служба в привилегированном гвардейском подразделении отнюдь не являлась синекурой. С Преображенским полком Григорий Скорняков-Писарев прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны и Прутского похода и на склоне лет отмечал, что был «в атаках у шведских, польских, голстинских, померанских у десяти городов и на многих баталиях и акциях»^{936}. Характерно, что фронтовая судьба хранила «автора геометрии»: в отличие от многих однополчан за все кампании он не получил ни царапины.

Воевал Г. Г. Скорняков-Писарев, судя по его продвижению в чинах, достойно (без реальных боевых заслуг гвардейцев тогда в чинах не повышали). Уже в 1704 году стал «командующим офицером» бомбардирской роты (то есть ее фактическим командиром), в 1711-м — «от бомбардир» капитан-поручиком, а в январе 1716 года — гвардии майором^{937}. За участие в битве при Лесной будущий обер-прокурор получил серебряную медаль, за Полтаву — обширное имение Экиматово из вотчин подмосковного Троице-Сергиева монастыря.

Примечательно, что в связи с пожалованием этой деревни Г. Г. Скорняков-Писарев попытался заменить не вполне благозвучную часть своей фамилии. В документах 1710-х годов Григорий Григорьевич стал регулярно фигурировать как Экиматов-Писарев (подобное использование названия имения в качестве фамильного прозвища имело тогда широкое распространение среди польской шляхты). Новый вариант фамилии будущего обер-прокурора, однако, не утвердился.

Земельные владения Григория Григорьевича прирастали и позднее. В 1714 году он стал владельцем восьми пожалованных дворов в новозавоеванном Копорском уезде, а в 1717-м — целой кирхи в 197 дворов в Выборгском уезде^{938}.

Однако прочно вошедший в военно-походное окружение Петра I, завоевавший репутацию знатока артиллерийского и инженерного дела Г. Г. Скорняков-Писарев в правительственной среде продолжал оставаться фигурой малозаметной. Ситуация кардинально переменилась в 1718 году.

9 февраля 1718 года гвардии майор Григорий Скорняков-Писарев получил собственноручно написанный царем секретный указ отправиться в Суздаль^{939}. Боевому офицеру-артиллеристу надлежало установить возможную причастность к делу опального царевича Алексея Петровича его матери — первой супруги государя Евдокии Федоровны. Еще в 1698 году насильно постриженная в монахини под именем Елены бывшая

царица содержалась в Покровском девичьем монастыре.

Возложение на Г. Г. Скорнякова-Писарева поручения провести, в современном понимании, доследственную проверку в отношении бывшей царицы было не случайным. К 1718 году Петр I уже неоднократно откомандировывал лично известных ему гвардейцев для исполнения поручений следственного характера — в первую очередь в состав следственных канцелярий.

Как бы то ни было, царь Петр Алексеевич не прогадал с новым поручением своему сослуживцу по бомбардирской роте. Прибыв 10 февраля в Суздаль, не имевший никакой юридической подготовки^[171], Григорий Скорняков-Писарев провел в Покровском монастыре серию грамотно организованных обысков и допросов. В итоге менее чем за недельный срок гвардии майор сумел не только получить сведения, изобличавшие Евдокию в оппозиционных настроениях, но и выявить сложившийся вокруг нее кружок единомышленников из числа светских и духовных лиц^[940].

Заодно в первом же донесении от 10 февраля Григорий Григорьевич крайне встревожил Петра I известием, что Евдокия Федоровна вообще не была пострижена^[941]. Совершившееся в 1711 году бракосочетание царя с плененной в 1702 году бывшей пасторской служанкой Мартой Скавронской (в крещении Екатериной Алексеевной) оказывалось в этом случае незаконным, а родившийся в 1715 году государев любимец царевич Петр Петрович становился внебрачным ребенком. Впрочем, к облегчению государя, в ходе дальнейшего расследования информация о непострижении Евдокии не подтвердилась.

Верно оценив значение добытых Г. Г. Скорняковым-Писаревым сведений, Петр I предписал ему арестовать бывшую царицу и «ея фаворитов» и этапировать их в Москву. Уголовное дело по обвинению Евдокии и ее сообщников («суздальский розыск») стало одним из составных частей многоэпизодного дела по обвинению в государственной измене бывшего наследника престола царевича Алексея Петровича.

Продолжившееся с 16 февраля 1718 года в Москве, точнее в подмосковном селе Преображенском, расследование дела бывшей царицы осуществлялось форсированными темпами. Общее число арестованных по «суздальскому розыску» очень скоро достигло сорока пяти человек (включая 16 лиц духовного звания).

При всем том, что основная часть фигурантов дела, включая саму Евдокию, была повинна лишь в словесной критике Петра I и его

нововведений да в ожидании воцарения Алексея Петровича, следствию удалось, вероятно, выйти на след реального заговора против царя-реформатора. Это произошло в ходе выяснения обстоятельств взаимоотношений Евдокии с бывавшим в Суздале неким майором С. Б. Глебовым.

Будучи арестован и допрошен 20 февраля, Степан Глебов незамедлительно дал признательные показания, что якобы состоял с Евдокией Федоровной в интимных отношениях («жил с нею блудно»). На следующий день, 21 февраля, эти показания на очной ставке с ним подтвердила и сама бывшая царица^[942].

Подобные показания были крайне выгодны Петру I, весьма заинтересованному в компрометации бывшей жены. Лучшего сюжета, чем «блуд» монахини с мирянином, придумать было трудно. Загвоздка в данном случае заключалась в ином.

Дело в том, что при обыске в доме С. Б. Глебова была найдена подборка зашифрованных записей («писма цифирныя»). И ключ к шифру столь легко согласившийся дать показания о связи с царицей-монахиней Степан Глебов выдать отказался, причем утвердился в этом отказе в ходе серии допросов под пыткой.

В итоге следствие было вынуждено удовлетвориться показаниями С. Б. Глебова, что зашифрованные записи содержат «выписки из книг» (?) и что он «цыфирь складывал сам и ни с кем не соглашался»^[943]. Что же касается романтических отношений с Евдокией Федоровной, то они, по всей очевидности, явились фантазией следователей, стремившихся в угоду царю (или же по его прямому указанию) скомпрометировать бывшую царицу^[944].

Между тем отказ выдать ключ к шифру обернулся для С. Б. Глебова не просто смертным приговором. Раздосадованный и встревоженный стойкостью подследственного, Петр I распорядился подвергнуть его крайне редко применявшейся в России квалифицированной форме смертной казни — посажению на кол.

Казнь Степана Глебова состоялась в Москве в морозный день 15 марта 1718 года. На тот случай, если осужденный изъявил бы желание покаяться в ходе медленного умирания, на эшафот были направлены трое доверенных священнослужителей. Однако, несмотря на то что Степан Глебов промучился на колу почти сутки^[172], никаких откровений от него не последовало.

Исходя из обстоятельств дела С. Б. Глебова, можно предположить, что

он был участником (или даже одним из руководителей) заговора против Петра I, возникшего, вероятно, в среде офицеров «полевой» армии (гвардейцы были, несомненно, лояльны к царю). Как бы то ни было, тайну этого заговора, если он и в самом деле имел место, Степан Глебов унес с собой в могилу.

Из числа духовных лиц крупнейшим деятелем, изблеченным Г. Г. Скорняковым-Писаревым, явился ростовский епископ Досифей, лишенный сана 27 февраля 1718 года (далее в судебно-следственных документах он именовался «розстрига Демид»). Как было установлено следствием, Досифей-Демид всячески покровительствовал Евдокии Федоровне, предсказывал возвращение ей статуса царицы, высказывал негативное отношение к Петру I и желал скорейшего воцарения Алексея Петровича^[945].

Публичным итогом «суздальского розыска» явилось обнародование 5 марта 1718 года беспрецедентно откровенного по содержащимся «амурным» подробностям «Манифеста о бывшей царице Евдокии», типографски опубликованного тремя (!) тиражами^[946]. Очень уж разбирало Петра I стремление «втоптать в грязь» бывшую супругу... Вслед за этим Евдокия Федоровна 20 марта была отправлена в ссылку под строгий надзор в девичий монастырь в Старую Ладугу.

После завершения «суздальского розыска» Г. Г. Скорняков-Писарев вслед за царем выехал в Санкт-Петербург. Здесь гвардии майор продолжил следственную деятельность уже на постоянной основе, будучи назначен государем в руководство только что основанной Тайной канцелярии, главой которой стал главный следователь по делу царевича Алексея Петровича тайный советник П. А. Толстой.

В новом качестве будущий обер-прокурор принял активное участие в продолжении расследования дела царевича и вошел также в состав специального судебного присутствия, которое приговорило Алексея Петровича к смертной казни^[947]. Уже после вынесения приговора Григорий Скорняков-Писарев 25 июля провел последний допрос царевича^[948], скончавшегося на следующий день от последствий пыток.

Активное участие в расследовании дел Евдокии Федоровны и Алексея Петровича продвинуло карьеру Г. Г. Скорнякова-Писарева никак не менее, чем поля сражений. В декабре 1718 года «за верные труды в бывшем розыске» он получил чин полковника, 200 крестьянских дворов и каменный дом на Васильевском острове Санкт-Петербурга^[173] из числа конфискованных у разных лиц, осужденных по делу царевича Алексея^[949].

Работая в Тайной канцелярии, Григорий Скорняков-Писарев имел отношение к судебному следствию по многим делам. Так, в 1722 году он вел дело воронежца И. М. Завесина, который в состоянии сильного алкогольного опьянения объявил себя «холопом государя Алексея Петровича». Несмотря на то, что согласно добросовестно собранной Григорием Григорьевичем информации обвиняемый в пьяном виде и ранее допускал, мягко говоря, эксцентричные выходки, он был подвергнут пытке, а затем приговорен Тайной канцелярией к наказанию кнутом^{950}.

Однако судебно-следственная деятельность в Тайной канцелярии отнюдь не исчерпывала круга занятий Григория Григорьевича. Еще 3 декабря 1718 года царь возложил на него руководство строительством Ладожского канала. Месяц спустя, в январе 1719 года, Петр I определил его на престижную должность начальника Морской академии^{951}, а 8 мая того же года последовало высочайшее поручение руководить также устройством бечевника (дороги для бурлаков) от Ладоги по рекам Волхову и Мете^{952}.

Находил Григорий Григорьевич время и для интеллектуальных трудов. В августе 1720 года он подготовил для слушателей Морской академии «Науку статическую или механику» — первое отечественное пособие по механике. Сочинение гвардии майора Григория Григорьевича представляло собой глубокую сокращенную переработку двухтомного пособия немецкого математика и философа Иоганна Штурма «Молодая математика. Путеводитель для юношества по математике», изданного в Нюрнберге в 1702–1705 годах.

Автографический список «Науки статической...» был поднесен Григорием Скорняковым-Писаревым Петру I в ноябре 1720 года^{953}. В феврале 1722 года «Наука статическая...» была типографски опубликована в Санкт-Петербурге^{954}. Так что как ни поверни, а Григорий Григорьевич являлся все-таки «автором геометрии».

Возглавлял Морскую академию Григорий Григорьевич три года. 18 января 1722 года, вслед за распоряжением о назначении генерал-прокурором Российской империи генерал-майора П. И. Ягужинского, император собственноручно начертал: «В обор-прокуроры Григорья Писарева»^{955}. Так 47-летний Г. Г. Скорняков-Писарев стал первым обер-прокурором Правительствующего сената. 22 января он был произведен в генерал-майоры.

Пребывание Г. Г. Скорнякова-Писарева на вершинах петербургской власти, однако, не затянулось. 2 октября обер-прокурор имел неосторожность принести протест на незаконное решение Сената от 26

сентября о выплате излишнего жалованья (в размере 298 рублей 84 копеек) советнику Берг-коллегии М. П. Шафирову^{956}. Итогом протеста явился острейший конфликт, разгоревшийся между обер-прокурором и инициатором незаконного решения сенатором и вице-президентом Коллегии иностранных дел бароном П. П. Шафировым — старшим братом советника Михаила Шафирова.

Ареной многочисленных перепалок между Григорием Григорьевичем и бароном Петром Павловичем стали заседания Сената. В последние месяцы 1722 года регулярно повторявшиеся «многоплодные крики» обер-прокурора и барона друг на друга стали затруднять текущую работу сенаторов: и Григорий Скорняков-Писарев, и Петр Шафиров отличались неуравновешенностью и склонностью к агрессии.

Попутно участники конфликта направили серию взаимообличающих посланий к находившемуся в Персидском походе Петру I^{957}. Возвращение 18 декабря императора в Москву пригасило страсти.

Обратившись к делам после новогодних празднеств, государь пожелал прояснить обстоятельства недавней «междоусобной ссоры» в Сенате. 9 января 1723 года Петр I собственноручно написал указ об отстранении от должностей обоих участников склоки и об учреждении особого Вышнего суда для разбирательства их взаимных обвинений^{958}. Процесс над обер-прокурором и сенатором не затянулся^{959}.

13 февраля за нарушение порядка на заседаниях Сената и ненадлежащий надзор за исполнением Сенатом одного из именных указов Вышний суд приговорил Г. Г. Скорнякова-Писарева к разжалованию в рядовые «до выслуги» и конфискации имущества (кроме родового). Петр I утвердил приговор без изменений^{960}. Правительственная карьера бомбардира закончилась.

Вновь командированный (на этот раз без предоставления должности) на строительство Ладожского канала, Григорий Скорняков-Писарев недолго пробыл в немилости у императора. Воспользовавшись законным поводом — предстоящей коронацией Екатерины Алексеевны, опальный «автор геометрии» подал челобитную о возвращении чинов и «пожалованных деревень».

Последовавшая 7 мая 1724 года высочайшая резолюция отличалась неординарной пространностью: «Сказать, что он за дерзновение брани в Сенате довольно наказан и в старой чин достоин был бы. Но в каналном деле потачка и недосмотр. Того ради и за оную вину то тому сам себя учинил недостойным. Но для нынешнего торжества и обличенья Шафирова

даетца чин полковничей и половина взятых деревень»^[961]. Иными словами, восстановлению бывшего обер-прокурора в чине генерал-майора помешали его упущения в деле строительства Ладожского канала.

Положение Григория Григорьевича изменилось к лучшему после кончины Петра I. 21 мая 1725 года по предложению П. А. Толстого и А. Д. Меншикова императрица Екатерина I возвратила Григорию Скорнякову-Писареву вторую половину конфискованного имущества. 28 июля 1726 года императрица определила Г. Г. Скорнякова-Писарева начальником Артиллерийской конторы Военной коллегии, а 24 ноября — вторично произвела в генерал-майоры^[962].

Перед Григорием Григорьевичем маячила перспектива вернуться в высшие эшелоны власти. Но бывшего обер-прокурора подстерегало новое крушение.

Весной 1727 года, когда стал очевиден скорый уход из жизни тяжело занемогшей Екатерины I, крайнюю остроту приобрел вопрос о престолонаследии. Дилемма была несложной: или к власти приходит великий князь Петр Алексеевич или одна из дочерей Петра I от брака с Екатериной Алексеевной. В этих условиях у Григория Григорьевича, непосредственно причастного к мученической гибели царевича Алексея, не было выбора: он примкнул к исподволь формировавшейся «партии» противников воцарения великого князя Петра.

Расплата оказалась скорой и весьма суровой. Григорий Скорняков-Писарев 27 апреля был арестован, обвинен (заодно со своим бывшим начальником по Тайной канцелярии П. А. Толстым) в участии в мифическом заговоре^[963] и снова оказался в статусе подсудимого.

6 мая Учрежденный суд приговорил Г. Г. Скорнякова-Писарева к ссылке и некоему «наказанию». Дополнительно ему назначалась конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов.

Вопреки многовековой традиции наказание, назначенное Григорию Григорьевичу, при утверждении оказалось ужесточено: его предписывалось отослать в ссылку, «бив кнутом»^[964].

Отправленный за полярный круг, в отдаленнейшее Жиганское зимовье^[174], расположенное на берегу реки Лены, примерно в 700 верстах от Якутска, Григорий Скорняков-Писарев едва не погиб от лишений. В довершение всего его стал притеснять местный комиссар Иван Шемаев. Нимало не интересуясь былым положением и заслугами ссыльного, комиссар для начала ограбил его, затем приказал избить, а потом и вовсе пригрозил утопить^[965].

Положение Г. Г. Скорнякова-Писарева изменилось, когда о нем вспомнили в Санкт-Петербурге и в мае 1731 года (по предложению бывшего генерал-прокурора Павла Ягужинского) назначили на должность главного командира Охотского правления. Бесправный обитатель Жиганска в одночасье превратился в единоличного управителя гигантской территории, включавшей побережья нынешних Охотского и Берингова морей, Анадырский край, Камчатский полуостров. По существу под властью формально оставшегося в статусе ссыльного Григория Григорьевича оказалась вся северо-восточная оконечность Европейско-Азиатского континента.

Впереди у Г. Г. Скорнякова-Писарева были успешные реконструкция города Охотска и обустройство Охотско-Якутского тракта, склоки с руководством Второй камчатской экспедиции (в том числе лично с Витусом Берингом), кратковременное возвращение в Жиганское зимовье, арест в 1740 году по обвинению в упущениях по управлению краем^[966]. Впереди были дворцовый переворот 1741 года, долгожданная реабилитация, возвращение в Санкт-Петербург, третье производство в чин генерал-майора.

И был указ императрицы Елизаветы Петровны от 23 апреля 1743 года, повелевавший Григорию Скорнякову-Писареву «жить в доме своем, и к делам никуда его не определять»^[967].

Время кончины и место погребения Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева доподлинно неизвестны. Исходя из того, что в документе, составленном в марте 1752 года, тогдашняя супруга Григория Григорьевича Марина Кирилловна еще не названа вдовой^[968], можно заключить, что «автор геометрии» благополучно пережил середину столь бурного для него XVIII столетия.

«И В ТО ВРЕМЯ ГОСУДАРЬ МЕНЯ ВЕЛИТ СУДИТЬ И РОЗСТРЕЛЯТЬ...»: В. И. ГЕННИН

В январе 1713 года Санкт-Петербургская типография выпустила в свет книгу с длинным и звучным названием: «Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификацей и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества свейскаго». Набранная непривычным еще для русского читателя «новоманерным» гражданским шрифтом, она явила собой богато иллюстрированное гравюрами собрание официальных реляций о событиях на российско-шведском фронте Великой Северной войны за 1702–1712 годы.

Между иного в книге повествовалось и о взятии в 1710 году шведской крепости Кексгольм. В конце не особенно пространной реляции в двух строках было упомянуто о том, что для переговоров о капитуляции в крепость был отправлен «артиллерной маеор Геник да с ним капитан Киселев. Тоя ж ночи маеор Геник из города возвратился назад»^[969]. О том, как именно проходили переговоры «маеора Геника» с комендантом крепости, никаких подробностей не приводилось. Как бы то ни было, «Книга Марсова» навсегда запечатлела «артиллерного маеора Геника» в анналах отечественной военной истории.

В приведенные строки «Книги Марсовой» вкралась лишь одна неточность. Дело в том, что в действительности «маеора Геника» звали иначе. В российских документах XVIII века он фигурировал еще и как «Геннинг», и как «Генинг», и как «Генин», и как «Генн», и как «Ген», и как «Генан», и как «Хеник», и как «Хенинг». Сам же обладатель этих разнообразных фамилий подписывался по-русски «Видим Геннин» либо «В. Геннин». Впрочем, при рождении «маеор Геник» был наречен совсем другим именем.

Ставший известным в нашей стране как Видим Иванович, Георг Вильгельм Геннин (Georg Wilhelm Henning) родился 11 октября 1676 года в старинном городе Зигене (Siegen), тогдашней столице германского графства Нассау. Будущий «артиллерной маеор Геник» происходил из незнатной семьи, ряд представителей которой были, однако, известны в XVII веке как

деятели просвещения и проповедники в Голландии и западных германских герцогствах и графствах.

Дед В. И. Геннина, Конрад Геннин, был священником в Зигене, а затем придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в городе Ганау, столице одноименного графства. Отец, Иоганн Геннин (Johannes Henning), обучался философии в Академии Ганау, некоторое время работал писарем в казначействе, а потом служил младшим офицером в артиллерии^{970}. Дядя, Генрих Геннин (Heinrich, Christian Henning), в 1679 году окончил университет в Утрехте со степенью доктора медицины, впоследствии состоял ректором гимназии в голландском городе Тиле, а в 1690 году стал профессором философии в университете города Дуйсбурга.

В свете приведенных данных этническое происхождение Видима Геннина в точности установить не представляется возможным. С равной вероятностью он мог быть и немцем, и голландцем. Датский посланник в России командор Юст Юль, лично соприкасавшийся с Видимом Ивановичем в сентябре 1710 года, воспринял его как немца^{971}. Немцем посчитал В. И. Геннина и не раз уже упомянутый на страницах этой книги голштинский камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц, общавшийся с ним в декабре 1721 года^{972}. Однако этот факт указывает лишь на то, что Видим Геннин в совершенстве владел немецким языком. Что же касается вероисповедания, то Видим Иванович до конца жизни являлся протестантом реформатского направления^{973}, иными словами, кальвинистом.

Выявленные на сегодняшний день сведения о раннем периоде жизни Видима Геннина весьма фрагментарны. Известно, что в юности он работал формовщиком^{974}, то есть рабочим, изготавливающим формы для заливки в них расплавленного металла. Выбор Георгом Вильгельмом подобной специальности был вполне понятен: его родной город Зиген являлся в XVII веке одним из крупнейших центров горнорудной промышленности Западной Европы.

Судя по всему, перспективы дальнейшей карьеры в графстве Нассау не особенно вдохновили Георга Геннина. В письме генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину в 1716 году В. И. Геннин упомянул между иного, что покинул родительский дом «скуден»^{975} (то есть бедняком). В итоге в 1698 году в Амстердаме во время пребывания там «великого посольства из Московии» во главе с царем Петром I он вступил в русскую службу. Характерно, что прошение об этом Георг Вильгельм написал по-голландски^{976}. В прошении он указал, что «несколько лет обучался и... основательно разумеет архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких потешных

огнестрелных вещей... презрительно на бумаге вырезать»^{977}.

Однако каких-либо данных о том, где именно «несколько лет обучался» Георг Геннин, кто наставлял его по «архитектуре гражданской» и по части изготовления «потешных огнестрелных вещей», выявить пока не удалось. Судя по всему, в отличие от старших родственников он не сумел получить ни академического, ни университетского образования.

По сведениям Г.-А. Гельбига, секретаря саксонского посольства в 1787–1795 годах, собравшего множество сведений о российских государственных и придворных деятелях XVIII века, при приеме на службу Георг Геннин был проэкзаменован самим Петром I и его тогдашним ближайшим соратником генерал-адмиралом Францем Лефортом^{978}. Состоялся ли в действительности подобный экзамен (или вообще какая-то личная беседа Георга Вильгельма с русским царем), сказать ныне затруднительно. Зато в точности известно, что 10 мая 1698 года будущий «артиллерной маеор Генник» был зачислен в Оружейную палату с окладом 72 рубля в год^{979}. В том же мае Георг Геннин получил из казны «великого посольства» 36 золотых ефимков для проезда в Россию (в зачет жалованья)^{980}.

Обстоятельства раннего этапа карьеры В. И. Геннина в России остались поныне столь же туманными, как и события первых двадцати двух лет его жизни. Известно, впрочем, что поначалу Вилим Иванович обосновался в Немецкой слободе в Москве^{981} — небольшом поселке, расположенном на берегу реки Яузы, в получасе ходьбы от Земляного вала, специально отведенном в 1652 году для проживания иностранцев-иноверцев. Вилиму Геннину Немецкая слобода более чем подходила, в частности в религиозном отношении: в ней издавна функционировала реформатская церковь, для которой в 1694 году было выстроено новое кирпичное здание (на 200 сидячих мест)^{982}.

Наиболее подробным источником биографии Вилима Ивановича в конце XVII — начале XVIII века является автобиографическая записка, собственноручно начертанная им в 1743 году и извлеченная первым его биографом капитан-лейтенантом В. Н. Верховым в 1820-е годы из семейного архива Генниных^{983}. Как явствует из записки, российскую службу Вилим Геннин начал в 1698 году в чине фейерверкера (сержанта артиллерии) с окладом 72 рубля в год. В той же записке указано, что в 1700 году он был произведен в поручики, в 1702-м — в капитаны, в 1706-м — в майоры, а в 1710 году — в подполковники^{984}.

Автобиографическая записка эта между тем весьма загадочна. Дело в

том, что, по другим документам, в первые годы пребывания в России В. И. Геннин не имел никакого отношения ни к военной службе в целом, ни к артиллерийскому ведомству в частности.

Согласно опубликованной еще в конце XIX века окладной росписи канцелярских служащих и мастеров Оружейной палаты за 1701 год, в ней тогда по-прежнему числился «архитектурная) дела иноземец Георг Видим ди Генан», не имевший никакого воинского звания, но притом получавший жалованье в размере изначально установленных ему 72 рублей в год^{985}. Отчего В. И. Геннин решил на склоне лет изложить иначе обстоятельства начала своей службы царю Петру Алексеевичу, понять не представилось возможным, особенно учитывая чисто личный, неофициальный характер автобиографической записки.

Впрочем, 1701 год оказался все же последним, который Видим Иванович провел в статусе гражданского специалиста. В «Списке иноземцом, которые ныне ведомы службою и дачею жалованья в Приказе артил[л]ерии», составленном предположительно в 1702 году, в числе офицеров — в чине поручика — оказался упомянут «Георгий Вилгелим Генинг». Против имени которого в списке было отмечено, что он «принят в артил[л]ерию в 1701 году», что жалованье ему установлено в размере 156 рублей в год и что находится он в Новгороде^{986}.

Обстоятельства поступления Видима Ивановича на военную службу поныне неясны. Возможно лишь предположить, что решение избрать воинскую стезю принимал он сам: служителей Оружейной палаты на фронты Великой Северной войны не отправляли. Подобное решение «Георга Видима ди Генана» представляется вполне объяснимым: мастер Оружейной палаты имел несравненно более скромные карьерные перспективы, нежели офицер действующей армии.

Честолюбивых же устремлений у 25-летнего Видима Геннина, несомненно, хватало. Полтора десятилетия спустя в письме генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину он упомянет о мотивах, приведших его на военную службу: «...Однако ж всякой человек ищет себе чести и повышения чина. За что мы на свете служим»^{987}.

А вот кто именно оказал содействие Вилиму Ивановичу в далеко не простом в 1701 году переходе в артиллерийское ведомство, остается только гадать. Тем более что произошел этот переход с существенным отступлением от бюрократических канонов. Дело в том, что в упомянутом «Списке иноземцом...» рядом с именем «Георгия Вилгелима Генинга» читается еще одна запись: «А которые земли, и в котором году выехал, того

неведомо»^{988}.

Запись эта означала, что при зачислении в ведение Приказа артиллерии В. И. Геннин избежал общеобязательной для иностранца процедуры опроса о происхождении, социальном статусе, прежней службе. Между тем Видим Геннин не просто сменил ведомство, он был еще и сразу аттестован на офицерский чин, причем второй ступени (первую тогда занимал чин прапорщика). Выходит, к 1701 году Видим Иванович обзавелся неким неформальным покровителем («патроном», по терминологии того времени). И был этот таинственный покровитель Видима Ивановича, несомненно, лицом изрядно влиятельным.

Может, на мастера Оружейной палаты обратил благосклонное внимание генерал-майор Я. В. Брюс, ставший вскоре «управителем над всею артиллериею»^{989}, а в 1701–1703 годах состоявший в должности воеводы прифронтового тогда Новгорода? Может, не случайно именно в этом городе в 1702 году оказался на службе поручик Видим Геннин? Тем более что между Яковом Вилимовичем и Видимом Ивановичем отсутствовал языковой барьер: будучи обрусевшим шотландцем, Яков Брюс владел не только английским, но и немецким и голландским языками^{990} (хотя и неясно, насколько свободно). Увы, ответить на все эти вопросы вряд ли когда-нибудь удастся.

Далее, однако, в биографии В. И. Геннина возникает следующая загадка. На сегодняшний день так и осталось непроясненным, за какие заслуги Вилим Иванович сумел за восемь лет добиться производства в подполковники. Загадку эту образовали два обстоятельства.

Во-первых, в опубликованном в середине 2000-х годов трехтомнике служебной переписки Я. В. Брюса за 1704–1707 годы Вилим Иванович оказался упомянут всего лишь трижды: в июне 1706 года в связи с тем, что его обокрали собственные денщики^{991}, а затем в августе и ноябре 1707 года в связи с отменой высылки «х капитану Генину» дополнительной группы артиллерийских мастеров и в связи с откомандированием из его команды кузнеца Филиппа Григорьева^{992}. Из контекста писем 1707 года очевидно, что в это время В. И. Геннин руководил (причем вовсе не в звании майора) работами по ремонту материальной части артиллерии в Шлиссельбургской крепости.

Во-вторых, скрупулезно перечислив в автобиографической записке награды и сверхокладные денежные выплаты, полученные за 45 лет службы в России, Вилим Иванович не указал ни единого соответствующего пожалования до 1710 года. Вместе с тем успешная офицерская карьера

вчерашнего мастера Оружейной палаты, пусть и иностранца, не могла не иметь в годы Великой Северной войны весомых оснований. Увы, в каких именно кампаниях 1700-х годов принял участие Вилим Иванович и какие именно он выполнял в то время поручения по артиллерийскому ведомству (кроме починки пушек в Шлиссельбурге), установить к настоящему времени не удалось.

Первые выявленные подробности боевой службы Вилима Геннина относятся к 1710 году и связаны с его участием во взятии Выборга, наиболее мощной крепости в шведской Финляндии, имевшей стратегическое значение для северо-западного театра военных действий. Осада крепости, блокированной с суши, а затем и с моря, продлилась более трех месяцев^{993}. Примечательно, что к моменту начала осады в крепости оказались сразу два коменданта: назначенный в феврале 1710 года полковник Магнус Шернстрале (Magnus Stiemstråhle) и прежний — 79-летний (!) полковник Захариас Аминоф (Zacharias Aminoff)^{994}, потомок псковского дворянина Ф. Г. Аминова, принявшего в начале XVII века шведское подданство^{995}.

Первоначально осадная группировка под командованием генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина столкнулась с немалыми трудностями. С одной стороны, совершенно недостаточной оказалась огневая мощь подвезенных к крепости по льду Финского залива десяти пушек и трех мортир (к тому же одна из пушек вышла из строя из-за интенсивной стрельбы, а другая была разбита прямым попаданием шведского ядра^{996}). С другой — обстрелы крепостной артиллерии (насчитывавшей 143 пушки и восемь мортир) чрезвычайно затрудняли осадные фортификационные работы и с каждым днем увеличивали число раненых^{997}. Наконец, осаждающие стали очень скоро испытывать недостаток провианта.

Ситуация обострилась до такой степени, что состоявшие под началом Федора Апраксина генерал-майоры Р. В. Брюс^[175] и Вильгельм Берхгольц^[176] 5 апреля обратились к нему с письменным предложением о немедленном штурме крепости, подчеркнув, что в случае затягивания осады «могут больше людей от ран и болезни помереть, нежели на штурме пропасть»^{998}. Это предложение, незамедлительно переправленное командующим Петру I, не было им поддержано. Детально мотивированные сомнения в успехе штурма царь высказал в письме Ф. М. Апраксину от 7 апреля^{999}.

Вместе с тем, будучи сторонником активных боевых действий, глава

государства отметил, что право принять окончательное решение он оставляет за командующим группировкой («даем на ваше разсуждение»). Вслед за этим, однако, Петр I предупредил графа Апраксина, что если штурм окончится неудачей, «то должны будете ответ дать»^{1000}. Откровенно напуганный высочайшим предостережением, Ф. М. Апраксин тут же отказался от идеи штурма, открестившись заодно — в ответном письме от 10 апреля — от недавней инициативы подчиненных: «А что предлагали господа генералы-маеоры, тово мне вашему величеству было не донести невозможно»^{1001}.

Перелом в ходе осады произошел в начале мая. Тогда, несмотря на тяжелую ледовую обстановку в Финском заливе, под непосредственным руководством Петра I была успешно проведена одна из крупнейших за Великую Северную войну морских военно-транспортных операций. В ходе этой операции к Выборгу из Санкт-Петербурга на галерах, бригантинах и шнявах были доставлены личный состав гвардейских полков, артиллерия, а также значительные запасы боеприпасов и продовольствия.

Как было констатировано в связи с этим в походном журнале царя (прибывшего под Выборг 8 мая на шняве «Мункер»), «ежели бы с тем транспортом господин контра-адмирал [Петр I] к Выборху не ускорил, то бы принуждены были салдаты есть не только что живых (которых было уже гораздо мало), но и мертвых лошадей, и потом с[о] стыдом от города отступить»^{1002}. Наряду с этим в походном журнале оказалась зафиксирована колоритная деталь из тогдашнего стиля ведения боевых действий (отразившая заодно плачевное состояние организации войсковой разведки в шведском гарнизоне). В записи от 9 мая было отмечено, что часовые на валах крепости, наблюдая пришедшую транспортную эскадру, стали интересоваться у российских часовых передовой линии, «чтобы сказали про те суды: что их ли швецкия или ро[с]сийския? На что наши часовые ответствовали им, что те суды наши...»^{1003}.

Подвезенные морем 80 пушек и 19 крупнокалиберных мортир^{1004} решили судьбу крепости. До штурма дело не дошло (хотя решение о его проведении было принято на военном совете 6 июня, а на следующий день началось сосредоточение штурмовых колонн в траншеях первой линии^{1005}). 13 июня гарнизон капитулировал, не выдержав длившегося восемь дней массированного артиллерийского обстрела, который вызвал как значительные разрушения и пожары в жилой части города, так и частичное обрушение одного из сегментов крепостной стены^{1006}.

В русском плену оказалось 3880 шведских солдат и офицеров, включая

обоих комендантов^{1007}. За время осады гарнизон потерял около 650 человек убитыми и умершими от ран и болезней^{1008}. Потери, понесенные под Выборгом российскими войсками, до настоящего времени не опубликованы.

Вступив в город утром 14 июня во главе Преображенского полка, Петр I в тот же день отправил собственноручное послание невенчанной супруге Екатерине Алексеевне, в котором аллегорически подчеркнул стратегическое значение взятия Выборга: «Крепкая подушка Санкт-Петербурху устроена»^{1009}. Комендантом новозавоеванной крепости царь назначил отличившегося в ходе осады бригадира Г. П. Чернышева (будущего подследственного канцелярии М. Я. Волкова).

Роль Видима Геннина при взятии Выборга в полной мере не ясна. Неизвестно даже, находился ли он там с начала осады или же прибыл в мае 1710 года на одном из судов транспортной эскадры. Единственное достоверное свидетельство о тогдашней боевой службе Видима Ивановича оказалось зафиксировано на плане-схеме взятия Выборга, помещенном в «Книге Марсовой». На этом плане-схеме в западном сегменте осадных сооружений под буквой «Х» отмечены «кетели^{177} и батареи маеора Геннина»^{1010}. Из этого следует, что Вилим Иванович командовал одним из артиллерийских подразделений, имевших смешанное пушечно-мортирное вооружение.

Наряду с этим В. И. Геннин являлся, по-видимому, одним из руководителей осадных фортификационных работ, важнейшей частью которых было оборудование артиллерийских позиций (с уверенностью можно предположить, что Вилим Иванович по крайней мере обустроивал позиции для тех батарей, которыми командовал). Работы эти велись круглосуточно, на каменистом грунте, в условиях постоянных обстрелов со стороны крепости (чему дополнительно способствовали установившиеся в мае белые ночи).

Вполне вероятно, что в бытность под Выборгом майор В. И. Геннин, случалось, рисковал жизнью, что рядом с ним, взметывая землю и каменное крошево, падали шведские ядра, что на него оседала гарь от близких разрывов бомб, а когда, стоя на бруствере, он корректировал огонь вверенных ему батарей, над его головой свистели пули. В точности об этом уже никогда не узнать. Как и не узнать, какие эмоции обуревали бывшего формовщика и «архитектурного дела» мастера, когда он наблюдал зарево пожаров в обстреливаемом его орудиями городе. За участие в осаде Вилим Геннин получил первое награждение — 100 рублей^{1011} (выплата которых,

правда, затянулась^{1012}).

Впрочем, как бы ни были важны детали служебно-боевой деятельности Видима Ивановича для его жизнеописания, в данном случае существенным представляется иное обстоятельство. Взятие Выборга вплелось одним из ключевых звеньев в череду успешных осад кампании 1710 года на российско-шведском фронте Великой Северной войны. Последовавшие одна за другой капитуляции Риги (4 июля), Пернова^[178] (14 августа), Выборга и Ревеля (29 сентября) привели к необратимому падению шведского владычества в Лифляндии, Эстляндии и основной части Ингерманландии. И в этом значимом для истории Северной Европы событии навсегда останется толика ратных трудов майора артиллерии В. И. Геннина.

После капитуляции Видим Геннин, скорее всего, остался в Выборге для организации работ теперь уже по восстановлению крепостных сооружений. Согласно донесению коменданта Григория Чернышева, по состоянию на 6 июля 1710 года на восстановлении крепостных объектов трудились 40 солдат, 1950 мобилизованных работных людей и 200 каторжников^{1013}.

Необходимость привести крепость в боевое состояние была очевидной: в Финляндии по-прежнему дислоцировалась внушительная группировка шведских войск под командованием генерал-майора барона Г. Либекера (Georg Lybecker), и вероятность того, что шведы попробуют отбить город, была велика. Такая попытка и в самом деле последовала осенью 1710 года. По краткому, но исполненному скрытого драматизма свидетельству Г. П. Чернышева, ему пришлось находиться «в блокаде от неприятеля в том 1710 году октября с 1-го декабря по 4-е число, и неприятельская армия отступила декабря 10-го числа... А в то время осталось было на гарнизон провианту на 3 дни»^{1014}.

Впрочем, даже если Видим Геннин и оставался на какое-то время в Выборге, тягот осенней блокады испытать ему не довелось. Дело в том, что уже очень скоро он отправился на осаду другой крепости — Кексгольма, как с 1611 года после установления в этих краях шведского господства стал именоваться старинный русский город Корела.

Расположенный на двух островах в устье реки Вуоксы у западного берега Ладожского озера Кексгольм располагал к 1710 году гарнизоном в 562 штыка при 45 пушках (шесть из которых являлись трофейными, отлитыми в России еще в XVI веке) и четырех мортирах. В военном отношении крепость была оборудована не лучшим образом, в

частности, ее стены и валы были не способны выдержать обстрел из тяжелых орудий^{1015}.

Ранее, с 1708 года, комендантом Кексгольма являлся тот самый полковник Магнус Шернстрале, который в феврале 1710 года был переведен комендантом в Выборг. На его место в марте прибыл сорокалетний полковник Йохан Шерншанц (Johan Stiemschantz), уроженец города Ниеншанца (Nyenskans)^[179], поступивший на военную службу добровольцем в 1695 году, а с 1700 года проходивший службу в воинских частях, дислоцированных в Лифляндии и Ингерманландии^{1016}.

Руководство операцией по взятию Кексгольма Петр I возложил на генерал-майора Р. В. Брюса, получившего это высочайшее указание 24 июня 1710 года^{1017}. Осадную группировку образовали два пехотных, три кавалерийских полка и две гренадерские роты, направленные к Кексгольму из-под Выборга. Общая численность группировки, двинувшейся под командованием Романа Брюса к шведской крепости, составила свыше 4400 солдат и офицеров.

Поскольку протока Вуоксы, омывавшая Кексгольм с юга, была совсем узкой, из-под Выборга были также переброшены инженерные средства для наведения понтонных мостов. Первые разъезды российских драгун появились вблизи крепости 5 июля. Вскоре, 8 июля, кетенам крепости прибыла основная часть осадной группировки. Она была усилена речной транспортной флотилией под командованием капитан-поручика флота Х. Гаука. Суда флотилии по Ладожскому озеру доставляли осаждающим продовольствие, а также артиллерию и боеприпасы из Шлиссельбурга и Новой Ладogi. Швартовались суда в устье Вуоксы, где и производилась их разгрузка^{1018}.

10 июля началось возведение осадных сооружений на южном берегу Вуоксы. Несмотря на интенсивный огонь крепостной артиллерии, работы (ведшиеся, как и при осаде Выборга, круглосуточно) были завершены к 15 июля. На следующий день на Кексгольм обрушились первые русские ядра и бомбы.

11 августа одна из русских бомб попала в арсенал цитадели, вызвав подрыв двух бочек с порохом и более тысячи патронов. 17 августа при обходе крепостного вала комендант Йохан Шерншанц получил пулевое ранение в ногу. Несмотря на рану, он продолжал руководить обороной крепости и даже лично корректировал артиллерийский огонь по русским позициям^{1019}.

Однако чем дальше, тем более очевидной становилась безнадежность

положения осажденных. Так и не дождавшись каких-либо действий шведского командования по деблокированию Кексгольма, Й. Шерншанц 2 сентября направил в русский лагерь парламентаря с письмом, в котором объявил, что «имеет склонность» капитулировать. Поскольку крепость сдавалась «на аккорд», то есть добровольно и до начала штурма, комендант имел основания настаивать на почетных условиях капитуляции.

В данном случае Йохан Шерншанц выдвинул условием свободный выход гарнизона с холодным и огнестрельным оружием, боеприпасами (по 24 патрона на солдата), развернутыми знаменами и оркестром («полковой музыкой»). Свободный выход должен был быть гарантирован также всем жителям города, не пожелавшим принимать российское подданство. В свою очередь, комендант обязывался передать российской стороне в целости всю артиллерию, боеприпасы и иное войсковое имущество, находящееся в крепости, а также раскрыть схему минирования крепостных объектов^{1020}.

Оперативно согласовав вопрос с царем (находившимся тогда в Санкт-Петербурге), командующий Роман Брюс согласился на все условия шведского коменданта за исключением выноса из крепости знамен и «музыки»^{1021}. Для выработки окончательного варианта соглашения о капитуляции («аккордных пунктов») вечером 7 сентября в крепость и были направлены «артиллерной маеор Геник да с ним капитан Киселев».

Как уже отмечалось, детали переговоров В. И. Геннина с полковником Йоханом Шерншанцем остались неизвестными^{1022}. Несомненным представляется лишь то обстоятельство, что велись переговоры на немецком языке, без переводчиков (в шведской армии немецкий язык являлся в то время вторым командным). Как бы то ни было, соглашение о капитуляции на российских условиях было достигнуто, и в ночь на 8 сентября В. И. Геннин вернулся в расположение своей части.

Утром 8 сентября Й. Шерншанц и Р. В. Брюс поставили свои подписи на списках соглашения на немецком и русском языках^{1023}, и после полудня в крепость вступил первый российский батальон. Как было сформулировано по поводу сдачи Кексгольма в уже упоминавшейся официальной «Гистории Свейской войны», «и тако сия праотечественная крепость взята без великаго урону людей»^{1024}. Помимо крепостных пушек и мортир трофеями русских войск стали 150 пудов пороха, большие запасы военного снаряжения и два боевых знамени «с королевскими именами золотыми под коронами»^{1025}.

Во исполнение «аккордных пунктов» солдаты и офицеры гарнизона

были погружены на два российских судна, снабжены провиантом на восемь суток и отправлены под конвоем по Ладожскому озеру в направлении еще остававшегося под шведским владением города Кроноборг^{1026} (Cronobårg)^[180]. Вместе с гарнизоном Кексгольм покинул и комендант Й. Шерншанц, ставший в следующем году командиром Саволакского ленного полка^{1027}. Линии судеб Йохана Шерншанца и В. И. Геннина еще косвенно соприкоснутся. Но произойдет это уже 18 лет спустя.

Что же касается обстоятельств участия майора Видима Геннина в осаде Кексгольма, то они остались непроясненными, как и при взятии Выборга. Вместе с тем возможно предположить, что под стенами бывшей Корелы он выступил на более ответственных ролях (возможно, в качестве начальника артиллерии осадной группировки). Показателем этого явился тот факт, что именно его Р. В. Брюс направил к Петру I с почетной миссией — доложить о капитуляции Кексгольма^{1028}.

Известно также, что В. И. Геннин изготовил план-схему крепости и осадных сооружений^{1029}, который лично передал царю. Согласно упоминавшейся автобиографической записке, в награду Видим Иванович получил золотую медаль с алмазами^{1030}, а в новозавоеванном Кексгольмском уезде ему была пожалована деревня Азила, состоявшая из шестидесяти крестьянских дворов. (По другим документам, имение в Кексгольмском уезде — «Азалову мызу» в 66 дворов — В. И. Геннин получил в 1714 году^{1031}.) Как уже отмечалось, вроде бы в том же 1710 году Видим Иванович был произведен в подполковники артиллерии^{1032}.

Впрочем, независимо от неточностей в сведениях вполне очевидно, что 1710 год явился переломным в его карьере. Вместе с тем этот год стал, вероятнее всего, последним, в котором Видим Иванович принял непосредственное участие в боевых действиях. При всем том, что на сегодня не удалось выявить никаких сведений о занятиях Видима Геннина в 1711 году, можно с уверенностью утверждать, что он не принял участия в драматическом Прутском походе, что ему не довелось испытать ни тягот изнурительных маршей под палящим южным солнцем, ни мучительного ожидания последнего боя в окружении близ урочища Рябая Могила.

А вот в 1712 году Видим Иванович совершенно точно находился в уже знакомом ему Санкт-Петербурге. Здесь ему довелось приступить к выполнению высочайшего поручения по достройке и оснащению Литейного двора на Московской стороне новой столицы. Кроме того, в декабре этого года В. И. Геннин подготовил обширную «табель», в которой привел сведения о наличии запасов пороха для артиллерии в тринадцати

старых и новозавоеванных крепостях северо-запада^{1033} (неясно, правда, каким образом он собрал эти данные, — затребовал доношения комендантов или же совершил инспекционную поездку). Согласно «табели» наиболее обеспеченными пороховым запасом оказались Нарва, Шлиссельбург и Кексгольм, в которых пороха тогда приходилось соответственно по 277,190 и 189 зарядов на орудие^{1034}.

Литейный двор (давший начало Санкт-Петербургскому арсеналу и вообще Литейной части города) начал строиться осенью 1711 года. Первоначально работы велись силами гарнизонных солдат под руководством бессменного обер-коменданта Р. В. Брюса^{1035}. Вскоре, однако, стало очевидно, что строительство требует, с одной стороны, привлечения более значительных людских ресурсов, а с другой — руководства более сведущего в военно-инженерном деле и литейном производстве человека. В итоге в марте 1712 года состоялся именной указ (инициированный, вероятнее всего, Романом Брюсом), в котором предписывалось передать строительство будущего Арсенала в ведение Санкт-Петербургской губернской канцелярии, а руководителем стройки назначить подполковника артиллерии В. И. Геннина (рекомендованного на эту должность, судя по всему, все тем же обер-комендантом Романом Брюсом).

В доношении от 9 декабря 1712 года Видим Геннин информировал Р. В. Брюса, что из-за некомплекта работных людей и дефицита строительных материалов (особенно термостойкого белого кирпича) удалось запустить лишь одну небольшую домну («литейную печь»)^{1036}. Как бы то ни было, не прошло и полутора лет, как строительство было завершено. В апреле 1714 года Литейный двор был передан на баланс артиллерийского ведомства^{1037}, под начало ставшего уже к тому времени генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюса. Несколько позднее поблизости от Литейного двора был также выстроен Пушечный двор, ставший складом артиллерийского вооружения.

Достроенный трудами Вилима Ивановича Литейный двор располагался на берегу Невы, замыкая собой тогдашнюю Литейную просеку (в 1716 году около него была дополнительно сооружена особая пристань)^{1038}. Неоднократно перестраивавшийся, двор был снесен в 1851 году^{1039}, благодаря чему Литейный проспект получил выход к Неве. Сегодня на этом месте находится въезд на Литейный мост^{181}.

Не исключено, что строитель Литейного двора Вилим Геннин рассматривался «господами вышними командирами» в качестве его

будущего начальника. Однако это назначение (если оно в самом деле планировалось) так и не состоялось. Более того, судя по всему, В. И. Геннин уже не руководил стройкой на этапе ее завершения.

Дело в том, что в сентябре 1713 года подполковник В. И. Геннин получил иное, более высокое назначение. Правда, вне новой столицы. По высочайшей воле 37-летний Вилим Иванович стал комендантом города Олонца^[182] и начальником олонечких металлургических заводов и верфи^{1040}. Поскольку эти предприятия и сам Олонецкий уезд в июне 1712 года перешли в подведомственность Адмиралтейского приказа, В. И. Геннин вышел из подчинения Я. В. Брюса, оказавшись вновь под началом генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина.

Многолетним предшественником Вилима Геннина в Олонце являлся стольник А. С. Чоглоков. История смещения его с должности, правда, вряд ли могла воодушевить Вилима Ивановича. Будучи вызван в ноябре 1711 года для отчета в Санкт-Петербург, Алексей Чоглоков предстал там перед Петром I. Встреча эта, как описывал Алексей Семенович в челобитной 1727 года, обернулась тем, что государь «о заводских делах на меня... гнев свой возымел и изволил... пред собственным своим лицом наказанием истязать по словесному своему... изволению, без писменного произведения»^{1041}. Иными словами, за некие упущения в «заводских делах» стольник и комендант по устному распоряжению главы государства подвергся в его присутствии телесному наказанию, скорее всего кнутом^{1042}.

Впрочем, даже если у Вилима Ивановича и возникали какие-то неблагоприятные ассоциации в связи со злоключениями предшественника, к новой работе он приступил с присущей ему добросовестностью. Под руководством В. И. Геннина олонечкие предприятия достигли максимума продуктивности за первую четверть XVIII века. Достаточно сказать, что за 1712–1719 годы на Петровском и По-венечком заводах было изготовлено 1485 артиллерийских орудий, в том числе 813 — крупных калибров. Попутно за 1714–1719 годы на Олонце отлили 1801 якорь, а в 1718 году освоили технологию производства якорей больших размеров (более 200 (!) пудов весом) с помощью вододействующих механизмов^{1043}.

Порой объемы адмиралтейских заказов (равно как и сроки их выполнения) превосходили производственные возможности олонечких заводов. В марте 1715 года образцово исполнительный Вилим Иванович оказался вынужден с нескрываемым раздражением писать Ф. М. Апраксину: «Они думают в Петербурге, что мочно лить пушки и якоря

делать так скоро, как лить свинцовые пули»^{1044}. Реакция на эту инвективу со стороны адресата осталась неизвестной.

Петр I остался доволен первыми годами работы Вилима Геннина в Олонце и в 1716 году произвел его в полковники^{1045}. По всей очевидности, это произошло в январе, перед выездом главы государства в длительную зарубежную поездку.

Помимо руководства заводами и верфью на коменданта были возложены полномочия как по управлению городом и Олонецким уездом, так и по поддержанию правопорядка и отправлению правосудия на вверенной территории. Между тем одних крестьянских дворов под властью Билима Ивановича оказалось 8322 (включая 1764 монастырских и 90 помещичьих), численность же тяглого населения города и уезда составила в конце 1710-х годов более 48 тысяч душ только мужского пола^{1046}. Именно в Олонце В. И. Геннин впервые в полной мере проявил себя не только как технический специалист, организатор металлургического и артиллерийского производства, но и как поборник законности, прагматичный, волевой и неподкупный администратор.

Так, столкнувшись с массовым бегством работных людей с заводов, комендант предпринял сколь здравую, столь и гуманную меру: вместо традиционного наказания кнутом он ввел за побег имущественную санкцию — штраф в два рубля за месяц отсутствия на рабочем месте. В доношении Федору Апраксину от 22 мая 1714 года Билим Иванович так объяснил мотивы своего решения: «Чтоб кроволития болше не чинить, положил я за побег штрафу... Понеже их [работных людей] кнутом содержать [удержать] было невозможно, а вешать грех»^{1047}. В данном случае протестант Билим Геннин проявил себя куда человечнее, нежели православный светлейший князь А. Д. Меншиков, который в июне 1708 года предписал беглых с олонецких заводов «сыскав, перевешать тут же на заводех», причем в присутствии их семей^{1048}.

Впрочем, во второй половине 1710-х годов жестокосердный князь Александр Данилович стал еще одним «патроном» В. И. Геннина. При всем том, что с формальной стороны олонецкий комендант никак не подчинялся Александру Меншикову, Билим Иванович принимался время от времени обращаться к нему с различными просьбами. Так, в марте 1717 года в письме светлейшему В. И. Геннин посетовал, что не получает в Олонце положенное коменданту продуктовое жалованье (вино и овес).

Александр Данилович милостиво вмешался в ситуацию, что весьма растрогало Билима Ивановича. Уже в мае 1717 года олонецкий комендант

отписал «полудержавному властелину», что получил от Ф. М. Апраксина разрешение безденежно получить из местного кабака 100 ведер вина, «за что должен вашей высококняжеской светлости вечно служить»^{1049}. Очень уж дорожил трезвенник Вилим Геннин поддержкой генерал-фельдмаршала Меншикова, если из-за ста ведер спиртного (необходимых ему, по всей вероятности, для представительских целей) адресовал ему столь подобострастные строки.

Особой страницей пребывания Вилима Геннина в Олонце явилось его противостояние с влиятельным кланом братьев Ижориных. Началось с того, что старший из братьев, Антон Алексеевич, служивший подьячим с 1695 года, попытался занять при новом коменданте должность помощника по судебной части. Наведя справки, Вилим Геннин выяснил, что претендент имеет, мягко говоря, сомнительную репутацию: «При прежних комендантах... разорил много людей и взятки мукою^[183] взял... и дворов много опустошил»^{1050}. Естественно, никакого места при Вилиме Ивановиче А. А. Ижорин не получил.

В. И. Геннин сумел в 1713 (или 1714) году добиться откомандирования Антона Ижорина из Олонца. Впрочем, и удаленный из родных мест коррумпированный подьячий Антон Алексеевич устроился не худшим образом. Последующие годы он провел на «хлебных» местах: «у надзирания» соляных промыслов Соловецкого монастыря, в Санкт-Петербургской губернской канцелярии и в отвечавшей за сбор налогов Камер-коллегии, у межевания земель в Ингерманландии. В 1718 году был произведен в дьяки. В августе 1728 года А. А. Ижорин подал челобитную с просьбой — «для моей старости... и для многовременной моей приказной работы» — вернуть его в Олонец^{1051}.

Челобитная встретила понимание в Сенате. Сенатским указом от 23 ноября 1728 года он был определен в Олонец «секретарем при воеводе»^{1052}. Так что от алчного приказного Вилим Геннин уберег олонецких жителей на целых 15 лет.

Между тем под стать Антону Ижорину был его младший брат Петр (родился в 1690 году). Начавший службу подьячим в Приказе Казанского дворца в 1706 году, поучившийся даже некоторое время «арифметике и геометрии и тригонометрии» (!) в московской Математико-навигаторской школе в Сухаревой башне, Петр Ижорин сумел в 1716 году добиться назначения фискалом в Олонец^{1053}. Успевший «засветиться» в хищении изделий из драгоценных металлов с гамбургского корабля, потерпевшего крушение близ Кольского острога^[184], П. А. Ижорин, прибыв в Олонец,

принялся открыто — «при народе» — угрожать Вилиму Ивановичу: «Этому коменданту быть сковану [закованному в кандалы]^{1054}».

Угрозы эти были совсем не пустым звуком. Конфликт с молодым фискалом был опасен для олонецкого коменданта по нескольким причинам. Начать с того, что на местного фискала ни административные, ни юрисдикционные полномочия Вилима Ивановича не распространялись. Фискал же обладал правом возбудить уголовное преследование в отношении любого должностного лица, включая коменданта. И то, что П. А. Ижорин мог это сделать по ложным основаниям (скажем, на основании им же инспирированных исковых челобитных кого-то из олончан), сомнений не возникает.

Кроме того, Ижорин-младший пользовался очевидным покровительством главы фискальской службы России А. Я. Нестерова, который имел возможность доложить сфальсифицированные материалы, компрометировавшие В. И. Геннина, непосредственно Петру I. И в этом случае Вилиму Ивановичу реально грозила участь его предшественника Алексея Чоглокова. Тем более что генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, чрезмерно осторожный по натуре и имевший собственный печальный опыт столкновения с фискальской службой, вряд ли стал бы вступаться за коменданта Вилима Геннина.

В противостоянии с Петром Ижориным Вилим Иванович пытался заручиться содействием А. Д. Меншикова. В одном из недатированных посланий светлейшему он подробно изложил ставшие известными ему обстоятельства упоминавшегося расхищения П. А. Ижориным серебряных изделий с разбившегося корабля. В. И. Геннин предложил взять расследование этого криминального эпизода на себя, причем с условием, чтобы «при том розыске прислал бы своих ево царское величество преображенских людей»^{1055} (то есть кого-то из офицеров гвардии Преображенского полка). В противном случае, по мнению коменданта, дело по обвинению Петра Ижорина будет обречено на развал («оное дело фискалы и обор-фискалы и протчие, которые в Питербурхе их [братьев Ижориных] оберегатели, станут заминать»^{1056}). Иными словами, Вилим Иванович предложил учредить под своим руководством следственную канцелярию. Эта его инициатива не получила, однако, поддержки у А. Д. Меншикова (самого находившегося в то время под следствием канцелярии гвардии подполковника В. В. Долгорукова).

Карьере Петра Ижорина, казалось, пришел конец в 1717 году, когда вдова У. Н. Лобанова обвинила его в составлении фальшивого завещания и

присвоении имущества ее покойного мужа. Согласно исковой челобитной Улиты Лобановой от 26 марта 1717 года завещание («духовная») было оформлено П. А. Ижориным, когда ее муж, соляной откупщик Иван Лобанов, из-за тяжелой болезни уже утратил способность говорить («был безгласен»). К тому же завещание не имело подписи И. Лобанова, что, по резонному мнению вдовы, свидетельствовало о его беспомощном физическом состоянии («безсилстве»)^{1057}. После длительных проволочек Правительствующий сенат все же предписал В. И. Геннину выслать олонецкого фискала для допроса в Санкт-Петербург.

Однако когда в сентябре 1717 года комендант направил для задержания П. А. Ижорина семерых солдат, тот сумел скрыться. Нелегально прибыв затем в столицу, Петр Алексеевич явился прямо на дом к Алексею Нестерову, который в очередной раз взял его под защиту^{1058}. И хотя в Олонец Петр Ижорин более не вернулся и был вынужден покинуть фискальскую службу, его карьера на этом не завершилась.

Беглый фискал сумел устроиться не куда-нибудь, а в только что основанную Юстиц-коллегию (предшественницу Министерства юстиции), по представлению которой уже в октябре 1720 года был произведен в секретари^{1059}. Отвечать же секретарь П. А. Ижорин стал в коллегии за «фискальские дела», поскольку, как было сказано в отмеченном представлении, «он... к тем делам заобычайным есть»^{1060}. Вот уж, что называется, бросили щуку в реку.

В очередной раз гром грянул над головой Петра Ижорина в 1722 году, когда под следствие следственной канцелярии генерал-прокуратуры попал провинциал-фискал С. Ф. Попцов. Будучи склонен к сотрудничеству со следствием, Савва Попцов подал обширную повинную, в которой между иного поведал о крупной взятке, которую в 1719 году вручил канцеляристу Юстиц-коллегии П. А. Ижорину. Отличавшийся неординарной памятью Савва Федорович детально описал, что «Петр Ижорин... взял с него... во взяток двой часы, одни карманные серебряные, ценою в пятьдесят рублей, другия стенные боевые^[185] в корпусе, ценою в шездесят рублей, да запасу всякого, а имянно муки, солоду, вина, мяс, рыб и протчаго, рублей на пятьдесят с небольшим»^{1061}.

Учитывая, что беспрецедентная по откровенности повинная С. Ф. Попцова проверялась следственной канцелярией пункт за пунктом невзирая на служебный статус упомянутых в ней лиц, Петр Ижорин имел более чем реальную перспективу попасть в число подследственных по грандиозному «делу фискалов», в которое переросло уголовное дело Саввы

Попцова. Тем более что, как уже говорилось, одним из ключевых фигурантов дела стал покровитель Петра Ижорина А. Я. Нестеров. И ведь запись в следственном деле сохранилась, что «онный Ижорин допрашивай, и учинена выписка особо»^{1062}. Вот только ни протокола допроса, ни упомянутой «выписки» отыскать в материалах дела (дошедших до наших дней в полной сохранности) не удалось.

В свете этого не приходится удивляться, что вместо колодничьей палаты П. А. Ижорин в 1723 году оказался на новой должности. Теперь уже секретаря новоучрежденного Вышнего суда — высшего органа правосудия, рассматривавшего главным образом дела о преступлениях против интересов службы (или, как они еще сейчас именуются, «коррупционной направленности»). В числе прочих в производство Вышнего суда попало и «дело фискалов» (по всей вероятности, именно тогда из него оказались изъяты неблагоприятные для бывшего олонецкого фискала документы).

Излишне разоткровенничавшийся перед прокурорами Савва Попцов взошел, в конце концов, на эшафот на Троицкой площади Санкт-Петербурга, а в его судебном деле (соединенном со следственным) появилась запись, сделанная рукой секретаря Петра Ижорина: «Попцов казнен, а имянно отсечена голова генваря 24 дня 1724»^{1063}. Заодно с С. Ф. Попцовым на эшафоте в тот январский день оказался и бывший судья Московского надворного суда (а до того глава фискальской службы) стольник М. В. Желябужский.

Осужден стольник был по делу, обстоятельства которого один в один совпадали с историей о фальшивом завещании откупщика Ивана Лобанова (отличие было только в том, что Михаил Желябужский осуществил подлог завещания дворянки — вдовы Акулины Поливановой). В судебном деле М. В. Желябужского избежавший ответственности за аналогичное преступление Петр Ижорин также оставил лаконичную запись: «Эксекуция Желябужскому учинена на Троицкой площади генваря 24 дня 1724 года. Дано 50 ударов [кнутом]^{1064}».

24 января 1724 года Петр Ижорин начертал и строки, касавшиеся Алексея Нестерова: «Оному Нестерову... на Троицкой площади эксекция учинена, казнен колесованием»^{1065}. И ведь не дрогнула рука у секретаря, вблизи наблюдавшего, как ломают кости его многолетнему благодетелю, некогда уберегшему его от коменданта Вилима Геннина. Запись исполнена четким, идеально разборчивым почерком. Разве что в слове «площадь» сделана описка.

Перспектива самому взойти на эшафот замаячила перед П. А.

Ижориным в ноябре 1724 года, когда Петр I ознакомился с подметным письмом о злоупотреблениях в Вышнем суде. Из 7-го пункта письма император узнал, что «секретарю Ижорину, которой ныне в канцелярии Вышняго суда, надлежало было дать по некоторому делу с Попцовым очная ставка, токмо того в той Вышняго суда канцелярии не учинили». На полях напротив приведенных строк глава государства собственноручно поставил крест в кружке^{1066}. Это означало, что информация будет проверяться под его личным контролем. Увы, разбирательства сведений подметного письма, изрядно заинтересовавшего Петра I^{1067}, не последовало: в январе 1725 года первый российский император скончался.

Что же до «непотопляемого» П. А. Ижорина, то после закрытия в 1726 году Вышнего суда он получил очередное повышение, став обер-секретарем Военной коллегии. Во главе коллежской канцелярии Петр Ижорин благополучно проработал до самой отставки, последовавшей в июле 1744 года. Во второй половине 1730-х — начале 1740-х годов по роду службы В. И. Геннин, несомненно, регулярно посещал Военную коллегию. Кто знает, какие эмоции он испытывал, раз за разом сталкиваясь в коллежской аудиенц-камере лицом к лицу с обер-секретарем Петром Ижориным. Вряд ли, конечно, положительные.

Между тем помимо психологически измотавшего Видима Ивановича конфликта с братьями Ижориными и постоянного волевого и эмоционального напряжения от «гонки» по выполнению производственных заданий Адмиралтейства, в бытность в Олонце он пережил еще и личную драму. 16 марта 1716 года в Санкт-Петербурге скончалась жена коменданта (ее имени установить на сегодня не удалось). Переживания Видима Ивановича были таковы, что он, по собственным его словам, «целой месяц из избы никуда не выходил и слышу в левой руке и ноге расслабление»^{1068}. По всей вероятности, сорокалетний Видим Геннин испытал тогда самый острый в его жизни внутренний кризис.

Чтобы хоть как-то отвлечься от скорби, 17 марта В. И. Геннин обратился к генерал-адмиралу Федору Апраксину с просьбой отпустить его для лечения и свидания с родственниками за границу. Понимая, насколько такой отпуск несвоевремен, олонецкий комендант пообещал графу Федору Матвеевичу подыскать во время поездки для работы в России «нужнейших работных людей». Попутно Видим Иванович заверил генерал-адмирала о своем намерении не покидать российскую службу, подчеркнув, что «по милости царскаго величества и вашего сиятельства я... выведен человеком знатным»^{1069}.

Поскольку Петр I находился в то время в зарубежной поездке, Ф. М. Апраксин принялся тянуть с принятием решения о предоставлении отпуска Вилиму Геннину. В письме от 12 мая Видим Иванович обратился к генерал-адмиралу уже с нотками отчаяния: «Для бога помилосердствуй... Ежели я не получу на время себе отпуска, то совершенно вы меня умертвите или увечным сделаете»^{1070}. Ситуация разрешилась благодаря вмешательству «патрона» Видима Ивановича А. Д. Меншикова. В мае светлейший князь Александр Данилович уведомил Ф. М. Апраксина: «...мы за благо разсудили, чтоб ево [Геннина] отпустить. Ибо ежели сего не учинится, может он от меланхолии умереть»^{1071}.

Отпускная поездка В. И. Геннина в итоге состоялась, хотя ее подробности остались неизвестными. Возможно лишь полагать, что продлилась она с июня по декабрь 1716 года. В следующий раз полковник Видим Геннин выехал за границу в 1719 году и уже по официальному поводу — для найма горных мастеров.

Перед этой поездкой Видим Иванович удостоился новой монаршей милости. По всей вероятности, во время приезда Петра I в Олонец и на олонечские целебные («марциальные») воды в начале 1719 года^{1072} царь вручил коменданту свой медальный портрет, украшенный алмазами^{1073} [186]. Возможно, в награду за его роль в открытии месторождения «Марциальных вод»^[187], употребление которых неизменно приводило к улучшению самочувствия Петра I.

В том же году полковник Вилим Геннин сумел устроить на русскую службу своего отца. Как явствует из архивного документа, благодаря протекции сына Иоганн Геннин, получив чин майора артиллерии, в апреле 1719 года был определен в гарнизон Нарвы^{1074}.

Вторая зарубежная поездка имела одним из последствий перемену в личной жизни Вилима Геннина. Согласно фамильному преданию семейства Генниных, зафиксированному В. Н. Верхом в 1820-е годы, еще будучи в Голландии, В. И. Геннин «влюбился в тамошнюю уроженку и условился с ней, что по прибытии ее в Россию он на ней женится»^{1075}. Свадьба Вилима Геннина состоялась в 1720 году в Санкт-Петербурге.

В качестве свадебного подарка Вилим Иванович получил от царя внушительную сумму — 1800 рублей^{1076}. Как явствует из завещания В. И. Геннина, вторую его супругу звали Фридерика Луиза фон Бартиг^{1077}. По всей вероятности, именно в этом браке у В. И. Геннина родились сыновья Георг Фридрих и Эрнест Иоганн.

Что же касается олонекской службы Вилима Ивановича, то следует еще отметить, что, будучи «нововыезжим иноземцем», он сумел на удивление глубоко вникнуть в специфику механизмов власти в России. В этом отношении уроженец города Зиген вел себя в ряде случаев как администратор вполне старомосковской закалки. Особенно это проявилось в отношении органов правосудия, отделенных от органов управления, которые начали создаваться в России в 1719 году.

Не вдохновившись передовой европейской идеей о суде, независимом от администрации (абсолютно неорганичной тогдашним российским условиям), Вилим Иванович в 1721 году отказался принять назначенного Юстиц-коллегией в Олонец городского судью (не подчиненного коменданту). В адресованном Юстиц-коллегии доношении от 18 августа 1721 года Видим Геннин прямолинейно предложил, чтобы определявшийся в Олонец судья находился «под моею командою и без моего б ведома ничего не делал»^{1078}.

Впрочем, олонекский период жизни В. И. Геннина подходил к концу. 28 июня 1721 года состоялся именной указ, возложивший на полковника Вилима Геннина дополнительное поручение — строить плотину на реке Сестре и при ней оружейный завод^{1079}. Месяц спустя, 27 июля, царь пожаловал Вилиму Ивановичу дом с обширным земельным участком на Васильевском острове Санкт-Петербурга (в котором прежде размещалась столичная губернская канцелярия)^{1080}. Однако как следует обустроиться в петербургском доме В. И. Генину не довелось: очень скоро планы Петра I в отношении его кардинально изменились.

6 марта 1722 года В. И. Геннин был произведен в генерал-майоры, а затем последовало и новое назначение. На этот раз Вилиму Геннину предстояло отправиться на далекий Урал (административно входивший тогда в состав Сибирской губернии).

Трудно сказать, что повлияло на подобное решение главы государства. Не исключено, что идею направить В. И. Геннина (пусть и с ответственной миссией и повышением в чине) в уральскую глухомань императору ненавязчиво подсказал А. Д. Меншиков.

Дело в том, что именно весной 1722 года Видим Иванович имел неосторожность вступить в прямой конфликт с Александром Даниловичем, потребовав оплатить «железные разные припасы» (на сумму 5195 рублей), отправленные с олонекских заводов «в дом» (то есть в частное хозяйство) светлейшего в 1714–1720 годах^{1081}. Несмотря на то что настояния В. И. Геннина были справедливы, не привыкший к претензиям в свой адрес

«полудержавный властелин» и «прегордый Голиаф» всерьез разгневался на олонецкого коменданта. Дошло до того, что когда Видим Иванович явился перед отъездом на Урал с протокольным визитом вежливости к Александру Даниловичу, то охрана светлейшего князя не пропустила новоявленного генерал-майора к хозяину^{1082}.

Согласно «Инструкции генералу-маеору Генину», подписанной императором 29 апреля 1722 года в подмосковном селе Преображенском, Видим Иванович должен был прежде всего осуществить технологическую реконструкцию уральских горных заводов. Однако в статье 3-й «Инструкции» на Видима Геннина возлагалось и следственное поручение. Оно гласило: «Розыскать между Демидовым и Татищевым, также и о всем деле Татищева»^{1083}. Перед отправлением в дальние края в качестве своего рода «подъемных» Видим Геннин получил от главы государства 1000 рублей^{1084}.

Так под следствием Видима Ивановича оказался командированный на Урал в 1720 году 36-летний капитан артиллерии В. Н. Татищев, бывший стольник царя Ивана V, участник взятия Нарвы, Полтавской битвы и Прутского похода, а впоследствии известный государственный деятель и историограф.

Покинув Москву 22 июля 1722 года, В. И. Геннин прибыл на Урал, в город Кунгур^[188], 2 октября^{1085}. Начав выполнение инструкции Петра I с осмотра месторождений медной руды, Видим Иванович приступил к следствию по делу Василия Татищева в первые дни декабря 1722 года. Ему предстояло расследовать обвинение в двух эпизодах злоупотребления должностными полномочиями, которые выдвинул против В. Н. Татищева могущественный уральский горнозаводчик Никита Демидов.

Первый этап расследования завершился к середине февраля 1723 года. Проведя (лично и через уполномоченных должностных лиц) допросы нескольких десятков свидетелей из числа местных жителей и самого В. Н. Татищева, Видим Геннин пришел к выводу о необоснованности предъявленных капитану обвинений^{1086}. Заключение по делу — «Выписку обстоятельную из дела, что розыскивано между Демидовым и капитаном Татищевым» — В. И. Геннин 15 февраля с пространственным сопроводительным письмом направил Петру I^{1087}.

Получив 8 апреля материалы расследования Видима Геннина, император в тот же день направил их на рассмотрение Вышнего суда^{1088}. Судебное производство по делу В. Н. Татищева не затянулось. Однако в судном деле Татищева секретарю Петру Ижорину не довелось сделать

каллиграфически исполненной записи о совершенной «эксекуции». Придя к заключению об обоснованности выводов осуществленного В. И. Генниным предварительного следствия, Вышний суд в ноябре 1723 года вынес Василию Татищеву оправдательный приговор^{1089}. Единственный за все время существования суда!

Однако уже вскоре Вилим Геннин предпринял в отношении Василия Татищева новое следствие. Вызвано это было тем, что до генерал-майора дошла информация о взяточничестве последнего. Вилим Иванович был непримиримым противником коррупции и не мог оставить поступившие сведения без внимания.

По поручению Вилима Геннина фискал Иван Крупенников и гвардии сержант О. А. Украинцев осуществили сплошную проверку финансовой документации уральских органов местного самоуправления. В результате был выявлен ряд эпизодов получения В. Н. Татищевым в 1720–1721 годах добровольных подношений от выборных должностных лиц в виде продуктов и денег на общую сумму 21 рубль 79 копеек^{1090}. Несмотря на, мягко говоря, скромный размер этой суммы, Вилим Геннин считал необходимым подробно информировать Петра I о результатах второго расследования.

В письме кабинет-секретарю А. В. Макарову от 23 октября 1723 года Вилим Иванович так пояснил мотивы, побудившие его сообщить главе государства о столь незначительном правонарушении Василия Татищева: «Хотя сие дело и малое, однако ж мне нельзя не объявить, для того что при отъезде моем присягал его величеству, чтоб мне ничего не утаить... [А если утаить, то] государь меня велит судить и розстрелять по достоинству. Того б ради всяк себя от смерти опасен и делать надобно правда»^{1091}. Нет сомнений, что, говоря о перспективе возможной казни за упущения в расследовании, Вилим Геннин имел в виду судьбу следователя М. И. Волконского, расстрелянного в Санкт-Петербурге 9 декабря 1717 года. Не исключено, что Вилиму Ивановичу довелось присутствовать на приведении в исполнение «кары маеору Волконскому», лично видеть, как после залпа в упор безжизненно обвис привязанный к столбу князь Михаил Иванович.

В том же 1723 году В. И. Геннину довелось в очередной раз запечатлеть свое имя в анналах отечественной истории. В марте на реке Исеть началось строительство завода и небольшой крепости, которым очень скоро Вилим Иванович придумал название. В письме императрице Екатерине Алексеевне от 12 июня генерал-майор сообщил — с присущей

ему прямолинейностью, — что «крепость и завод осмелился именовать до указа Катериненбурх, а заводы Катериненбургские, в память высокославного имени вашего величества»^{1092}. Нечего и говорить, что инициатива Вилима Геннина встретила полную поддержку в столице. Так на карте России появился город Екатеринбург.

В первые годы строительство Екатеринбурга было организовано точно так же, как и Санкт-Петербурга (хотя в закладке новой столицы и ее начальном возведении Вилим Геннин участия не принимал). Для осуществления строительных работ были переброшены воинские части из гарнизона губернского города Тобольска. Работы по расчистке строительной площадки и подвозу строительных материалов исполняли мобилизованные крестьяне четырех казенных слобод: Камышловской, Красноярской, Ощепковой и Тамакульской^{1093}.

На протяжении марта 1723 года на берега Исети двумя партиями прибыли восемь гарнизонных рот. В апреле подразделения были сведены в полк, названный Тобольским командированным гарнизонным полком. Его командиром стал Иоганн Брикгаузен^{1094} (Casper Johan Brockhausen), бывший прапорщик Ярвиско-Виеруского ландмилиционного полка шведской армии, плененный в августе 1704 года при взятии Нарвы, в 1712 году перешедший на русскую службу и в 1720-м дослужившийся до майора^{1095} тобольского гарнизона.

Основные работы по возведению крепостных объектов завершились к ноябрю. Были сооружены более чем двухметровой высоты вал, шесть бастионов, деревянный палисад высотой 3,5 метра. На зиму на льду Исети были также оборудованы заграждения из деревянных рогаток^{1096} (военная угроза Екатеринбургу исходила от не принявших российское подданство башкир). В июне 1724 года большая часть военнослужащих командированного полка была возвращена к месту постоянной дислокации в Тобольск, а в Екатеринбурге осталась пехотная рота, которая впоследствии стала ядром формирования горнозаводских войск^{1097}.

Между тем следственная деятельность В. И. Геннина на Урале продолжилась, причем уже по его собственной инициативе. Пользуясь высоким служебным статусом, Вилим Иванович попытался «навести порядок» в органах власти западных уездов Сибирской губернии, пресечь преступную деятельность представителей низового звена местной администрации. Для начала внимание генерал-майора привлекли судебный комиссар Уктусского дистрикта В. Ф. Томилов и земский комиссар Каменского дистрикта Ф. Ф. Фефилов. Впоследствии Вилим Иванович

возбудил уголовные дела также в отношении судебных комиссаров Гавриила Черкасова, Матвея Головкова и Федора Протопопова, подъячего Андрея Гובה{1098}.

Что касается Венедикта Томилова, то он обвинялся в нанесении «мужикам великих обид и разорения, и волокит». Кроме того, судебный комиссар подозревался в присвоении изъятых у задержанных воров и разбойников краденых вещей и необоснованном (и явно небескорыстном) освобождении двоих из них из-под стражи. По степени криминальной активности от В. Ф. Томилова не отставал и Федор Фефилов: на него было подано 10 исковых челобитных, в которых он обвинялся в вымогательстве взяток с применением насилия на общую сумму в 248 рублей.

Получив сведения о криминальных деяниях В. Ф. Томилова и Ф. Ф. Фефилова, Вилим Геннин незамедлительно распорядился арестовать комиссаров, а затем основал следственную канцелярию во главе с первостроителем Екатеринбурга майором И. Брикгаузенем. Согласно распоряжению В. И. Геннина от 12 июля 1723 года, Иоганну Брикгаузену (совместно с одним-двумя строевыми офицерами) надлежало в кратчайший срок осуществить предварительное следствие («изследовать... наискорее») по делам В. Ф. Томилова и Ф. Ф. Фефилова. Будучи допрошены в канцелярии И. Брикгаузена, комиссары незамедлительно дали признательные показания, объяснив свои преступные деяния «простотою и недоумением»{1099}.

Не вызывает сомнений, что, будучи осведомлен о формах организации предварительного следствия, которые получили развитие во второй половине 1710-х годов, Вилим Геннин в 1723 году создал уральский аналог не раз уже упоминавшихся «майорских» следственных канцелярий. Расследованные дела он предполагал затем передать на судебное рассмотрение в располагавшийся в Москве Преображенский приказ, являвшийся, как уже говорилось, специализированным судом по государственным преступлениям.

Проблема заключалась, однако, в том, что юрисдикционные полномочия главы уральского горного правления В. И. Геннина не распространялись на должностных лиц местных органов власти, а потому, возбудив в отношении их уголовное преследование, он юридически значительно превысил свои должностные полномочия. По этой причине вопреки инициативе В. И. Геннина уголовные дела коррумпированных комиссаров были направлены в производство не Преображенского приказа, а Тобольского надворного суда.

Стремясь сохранить контроль над судебным рассмотрением возбужденных им уголовных дел, В. И. Геннин попытался давать руководящие указания никак не подчиненному ему надворному суду. Так, 30 января 1724 года он направил президенту суда князю С. М. Козловскому письмо с грозным напоминанием, что «всем известен экземпль, который учинен князю Гагарину»^[189], и с требованием, чтобы «вы... безделников^[190], сковав, держали и по челобитным и доношениям безволокитно следовали, дабы бедной народ не вовсе разорился и могли б свои подати платить на содержание флоту и армеи»^{1100}.

Однако все усилия В. И. Геннина по искоренению коррупции оказались тщетными. Тобольский надворный суд для начала освободил всех обвиняемых из-под стражи, а затем принялся всячески затягивать рассмотрение дел. В итоге уголовные дела по обвинению В. Ф. Томилова, Ф. Ф. Фефилова и других мздоимцев так и не были доведены до приговора. В частности, о необходимости завершить разбирательство дела комиссара М. Головкова упоминалось еще в указе Сената от 21 февраля 1727 (!) года^{1101}.

Как «вышний горный командир» В. И. Геннин организовывал и борьбу с шайками разбойников, угрожавших металлургическим заводам. Так, летом 1724 года, узнав о намерении группы разбойников совершить нападение на поселок Ягошихинского медеплавильного завода^[191], Вилим Иванович организовал против них войсковую операцию. После того как захваченные разбойники под пытками признали вину, В. И. Геннин приговорил шестерых из них к смертной казни через повешение за ребра и через колесование^{1102}.

Помимо участия в уголовном преследовании коррумпированных комиссаров и разбойников, в первые годы пребывания на Урале В. И. Геннин выступил с рядом инициатив по совершенствованию судебного устройства Сибирской губернии. Сохранив неприятие европейской идеи суда, независимого от администрации, Вилим Иванович в письме кабинет-секретарю А. В. Макарову от 1 февраля 1724 года высказал мысль о необходимости сосредоточить всю полноту власти в регионе в едином органе: «Чтоб... был бы один главнейший командир, которой бы всех сибирских командиров, надворной суд и камерира^[192] мог бы ведать и штрафовать, а не так как теперь, что всякой болшой»^{1103}. Столь емко сформулированная Вилимом Генниным идея о «главнейшем командире» в полной мере воплотилась в жизнь уже после кончины Петра I в связи с изданием закона от 24 февраля 1727 года о реорганизации системы

местного управления^{1104}.

Еще одной проблемой, с которой столкнулся Вилим Геннин на Урале, являлась практика объявления осужденными лицами «слова и дела» (извета) с обвинениями различных должностных лиц в совершении государственных преступлений. В соответствии с тогдашним уголовно-процессуальным законодательством изветчик и оговоренный (независимо от их служебного и процессуального статуса) подлежали незамедлительному этапированию в Преображенский приказ. Подобная практика изрядно дезорганизовывала работу местной администрации. Так, согласно данным Сибирской губернской канцелярии, только за 1723 год в связи с объявлением «слова и дела» на должностных лиц из губернии в Преображенский приказ было отослано 116 человек, причем ни один извет так и не подтвердился^{1105}.

В связи с подобной ситуацией В. И. Геннин предложил учредить в Сибирской губернии представительство Преображенского приказа. В письме императору от 22 октября 1723 года он высказал просьбу, чтобы для разбирательства дел по государственным преступлениям прислать «ис Преображенска афицера... кому изволишь верить», который «в Сибири бы жил»^{1106}. В направленном два дня спустя письме главе Преображенского приказа князю И. Ф. Ромодановскому генерал-майор изложил соображения на этот счет более подробно.

По мысли Геннина, командированный в Tobольск уполномоченный («ассессор») Преображенского приказа производил бы совместно с губернатором или вице-губернатором разбирательство дел по «слову и делу», возбуждавшихся на территории Сибири. При этом по «малым делам» проектируемое сибирское представительство приказа осуществляло бы судопроизводство в полном объеме, а в остальных случаях ограничивалось досудебным рассмотрением дела, результаты которого докладывались затем в Преображенский приказ^{1107}. Однако, несмотря на серьезную обоснованность, данное предложение не нашло поддержки ни в Преображенском приказе, ни у Петра I.

Довелось Вилиму Ивановичу заниматься на Урале и военно-судебными делами. Как старший воинский начальник он утверждал приговоры, вынесенные на подведомственной территории полковыми и гарнизонными военными судами (кригсрехтами). А дел в производстве военных судов хватало. Только с мая по август 1723 года кригсрехт Tobольского командированного полка вынес (под председательством все того же майора И. Брикгаузена) 50 приговоров, из них 18 смертных. 12

солдат, избличенных в дезертирстве, были осуждены к повешению, двое — за пьянство на карауле — к расстрелу, двое местных жителей — за помощь дезертирам — также к повешению.

При утверждении приговоров Вилим Геннин отменил смертную казнь для девяти солдат и одного местного жителя, усмотрев в материалах их дел смягчающие обстоятельства. Еще троих солдат он помиловал прямо на эшафоте — в честь дня святых апостолов Петра и Павла^{1108}. Последним осужденным повешение было заменено на битье кнутом, вырезание ноздрей и пожизненную ссылку гребцами на галеры^{1109}.

Вместе с тем в случаях, когда приговор выносился закоренелому преступнику, Вилим Геннин поступал весьма жестко. Так, гренадер В. Н. Жеравцов, прибывший на строительство Екатеринбурга, был избличен военным судом в совершении нескольких убийств и разбоев. Оказавшись на стройке, Василий Жеравцов (имевший, как открылось, криминальное прозвище «Комиссар») принялся организовывать из сослуживцев банду с целью совершить коллективное дезертирство и, добравшись до Волги, заняться там разбоями. При утверждении приговора Вилим Иванович определил Жеравцову-Комиссару смертную казнь в форме колесования^{1110}.

Согласно отчету Иоганна Брикгаузена 10 августа 1723 года, в новооснованном Екатеринбурге перед строем полка Василий Жеравцов был «колесован живой и поднят на колесо поверху. И в то время голова отсечена и поставлена на спицу»^{1111}.

Вилиму Геннину довелось принять участие в церемонии погребения первого российского императора, состоявшейся, как уже говорилось, в Санкт-Петербурге 10 марта 1725 года. Вместе с еще несколькими генералами Вилим Иванович нес один из золоченых шнуров балдахина над гробом Петра Великого^{1112}.

В целом кончина императора привела к явственному ухудшению позиций В. И. Геннина в правительственной среде. Связано это было с дальнейшим возвышением

А. Д. Меншикова. Преисполненный тревоги, Вилим Иванович направил своему бывшему «патрону» несколько извинительных писем, на которые, однако, не получил ответа.

Трезво осознав, что в подобной ситуации он рискует «застрять» в уральском захолустье до конца дней, В. И. Геннин принялся упрашивать Александра Даниловича вернуть его в Москву. Поначалу в письме от 18 декабря 1726 года из Екатеринбурга Вилим Геннин сформулировал свою

просьбу почти шутливо: «Что мне повелено было здесь сделать, то чрез труд мой сделано. <...> И того ради искреннее мое желание, дабы не брать жалованья напрасно и не получить имя тунеядец (! — *Авт.*), быть при определенном мне месте в артил[л]ерии»^[1113].

Но вскоре Вилиму Ивановичу стало вовсе не до шуток. В апреле 1727 года он отправил светлейшему князю послание, выдержанное уже в откровенно сервильной тональности: «Я, ведая мою винность пред вашей высококняжеской светлостью... яко блудной сын (! — *Авт.*), повергался пред нагами ваших [у ног ваших] (! — *Авт.*), рабски прошу милостивейше на меня призреть и оную мою пред вашей высококняжеской светлости винность мне отпустить, дабы совесть моя... осталась в покое»^[1114]. Вкратце описав далее ухудшение своего здоровья, грозившее его жене и детям остаться «во отдаленном и пустом месте в сиротстве»,

В. И. Геннин завершил послание отчаянными строками: «Того ради вашу высококняжескую светлость прошу, хотя не для меня, но для оных бедных моих сирот, сотворить со мною милость, чтоб мне отсель быть свободну»^[1115]. Не раз, наверное, проклинал себя Вилим Иванович за тот опрометчивый демарш против Александра Даниловича, который он позволил себе весной 1722 года...

Последовавшее в сентябре 1727 года падение А. Д. Меншикова было воспринято В. И. Генниным, несомненно, с изрядным облегчением. И хотя в столицу Вилима Геннина не вернули, его позиции отчетливо улучшились. 24 февраля 1728 года по случаю коронации императора Петра II Вилим Иванович был произведен в генерал-лейтенанты артиллерии^[1116]. Согласно этому же именному указу генерал-майором стал бригадир Иоганн Шерншанц — как в России стали именовать последнего шведского коменданта Кексгольма Йохана Шерншанца, перешедшего на русскую службу в 1724 году^[1117].

Трудно сказать, состоялась ли тогда встреча В. И. Геннина и И. Шерншанца. Вероятнее всего, нет. Дело в том, что по занимаемым должностям оба они находились на изрядном удалении от столиц империи. Если Вилим Иванович пребывал по-прежнему в Екатеринбурге, то Й. Шерншанц ничуть не ближе — в расположенной на юго-западном побережье Каспийского моря отвоеванной у Персии крепости Астара^[193].

На сегодня неизвестно в деталях, как складывалась служба бывшего коменданта Кексгольма в прикаспийской глуши, но то, что Йохан Шерншанц, подобно Вилиму Геннину, старался противостоять коррупционным соблазнам, можно утверждать с уверенностью. Как с

недоумением писал привыкший к шведским порядкам бывший комендант о местных нравах, «когда обыватель приходит к своему камандиру, то всегда что-нибудь с собой принесет, например, барана, вола, курицу, масла, яиц... Когда же такие презенты от них и принимать не хотел... тогда оные были печальны... якобы я к ним немилостив»^{1118}.

Очень похоже на реакцию Вилима Ивановича в 1731 году на присланных с Ягошихинского завода двух буланых коней. Как отписал тогда В. И. Геннин управителю завода, «оных не принял, но паки послал... возвратно на Ягушиху. И мне как за денги, так и безденежно не надобны, и таких мирских подарков не желаю и принять не хочу»^{1119}. Можно предположить, что одной из мотиваций Петра I в привлечении иностранных специалистов (хотя, конечно, и дополнительной) была органическая несклонность большинства этих людей к поборам с населения.

Что бы там ни было, Вилиму Ивановичу и Йохану Шерншанцу не довелось уже более свидеться даже мимоходом, в коридорах Военной коллегии. Не выдержав тяжких условий службы в Прикаспии, 58-летний генерал-майор Й. Шерншанц скончался 18 июня 1728 года в Джильской крепости^{1120} неподалеку от Астары.

А работа Вилима Ивановича продолжалась своим чередом, принося новые высочайшие милости: 6 июля 1731 года он был возведен в кавалеры ордена Святого Александра Невского^{{1121}[194]}. Проведя на Урале 12 лет, в декабре 1734 года он навсегда покинул Екатеринбург^{1122}, превращенный им к тому времени фактически в горнозаводскую столицу империи. По возвращении в столицу был в апреле 1735 года назначен руководителем Канцелярии Главной артиллерии и управляющим Сестрорецким оружейным заводом. Подготовил обширное «Описание уральских и сибирских заводов», рукопись которого в марте 1735 года поднес императрице Анне Иоанновне. Этот выдающийся труд Вилима Геннина был опубликован лишь два столетия спустя^{1123}.

На смену В. И. Геннину заведовать горными заводами в Сибирской и Казанской губерниях в марте 1734 года был направлен его бывший подследственный Василий Татищев. Передача дел от Вилима Ивановича Василию Никитичу началась в сентябре.

Специфичность ситуации с Василием Татищевым заключалась в том, что новое назначение на Урал являлось для него своего рода ссылкой. Дело в том, что в 1733 году следственная комиссия сенатора М. Г. Головкина изобличила его в получении взяток в особо крупном размере в бытность

главой московской Монетной конторы^{1124}. Впрочем, прибыв в Екатеринбург и забыв о собственных недавних грехах (равно как и о том, что он был десятилетием раньше оправдан Вышним судом главным образом благодаря беспристрастному следствию Вилима Ивановича), В. Н. Татищев затеял в отношении предшественника собственное расследование. Поводом для этого явилась информация, полученная им, внезапно превратившимся в рьяного борца с коррупцией, от некоего купца Осенева.

В марте 1735 года Василий Татищев известил кабинет-министров А. И. Остермана и князя А. М. Черкасского касательно утверждений Осенева о том, что Вилим Геннин, «приехав последний раз с Москвы, объявил-де мне, что он весьма разорился и якобы ему 10 000 убытка стало, и посылал де меня к Демидова приказчикам говорить, чтоб за показанные его благодеяния тот его убыток наградили», в связи с чем «приказчик Демидова Степан Егоров ему, генерал-поручику, то число денег привез и отдал»^{1125}.

Из ответного письма Андрея Остермана В. Н. Татищеву известно, что указанная информация была доложена императрице Анне Иоанновне, которая распорядилась провести негласное расследование выдвинутых против В. И. Геннина обвинений. Степан Егоров, приказчик Акинфия Демидова, будучи доставлен в Санкт-Петербург, показал, что в 1729 году Вилим Геннин якобы в самом деле обращался к нему с просьбой о помощи в связи с утратой им в европейском банке 10 тысяч рублей^{1126} и что по поручению Акинфия Демидова он выдал Геннину 4000 рублей. Так через 13 лет следствие вновь свело Вилима Геннина и Василия Татищева, поменяв на этот раз их процессуальное положение местами.

Однако, несмотря на негласный характер расследования, Вилим Иванович узнал о нем, после чего обратился к А. И. Остерману с заявлением о своей невиновности и требованием провести очную ставку со Степаном Егоровым. Судя по тому, что положение В. И. Геннина в дальнейшем никак не поколебалось, а С. Егоров был по распоряжению Кабинета министров от 16 декабря 1735 года отправлен обратно на Урал^{1127}, его показания против Вилима Геннина были сочтены неосновательными. Затеянная неблагодарным взяточником Василием Татищевым клеветническая интрига провалилась.

Впрочем, по-своему В. Н. Татищев сумел-таки отомстить Вилиму Ивановичу, правда, посмертно. В своем незавершенном «Лексиконе российском географическом, политическом и гражданском» (впервые опубликованном в 1793 году) Василий Татищев, уделив немало статей

уральской тематике, умудрился ни разу (!) не упомянуть имени В. И. Геннина. Что же касается Екатеринбургa, то о его основании просвещенный Василий Никитич без всякого стеснения написал: «Зачат капитаном Татищевым в 1721 году строить железной завод, и зделан город немалой...»^[1128]

О последних полутора десятилетиях службы Вилима Геннина, прошедших вновь в артиллерийском ведомстве, на сегодня известно, как ни удивительно, еще менее, чем о начале его карьеры в России. Остается надеяться, что эта страница его жизни еще привлечет внимание ученых авторов.

Отдав службе новой Родине 52 года жизни, Вилим Иванович Геннин скончался 12 апреля 1750 года. За сорок с небольшим дней до ухода из жизни он составил пространное завещание, распорядившись похоронить его в Санкт-Петербурге «у Самсония»^[195] возле своей второй жены, указав погребение «произвести самым тихим образом... не палить ни из пушек, ни из ружей»^[1129], что и было исполнено.

Могила В. И. Геннина не сохранилась. На месте кладбища, где он упокоился, в 1927–1928 годах был разбит сад имени Карла Маркса, переименованный в 1991 году в Сампсониевский сад.

Название города, о капитуляции которого в далеком 1710 году с комендантом Йоханом Шерншанцем вел переговоры «артиллерной маеор Геник», сегодня не отыскать на географической карте. И вовсе не потому, что от него (как от Ниеншанца) не осталось камня на камне. Просто в XX веке городу оказалось суждено пять раз менять название.

В декабре 1917 года, когда Кексгольм вошел в состав обретшей независимость Финляндии, он превратился в Кякисалми (Käkisalmi). После окончания «зимней войны» 1939–1940 годов, когда Карельский перешеек отошел к СССР, город вновь стал Кексгольмом (отчего ему не вернули тогда исконное древнерусское название Корела, остается только гадать). В 1941–1944 годах, в период финской оккупации, он снова стал называться Кякисалми. После освобождения советскими войсками — вновь Кексгольмом, превратившись заодно в районный центр Ленинградской области. Наконец, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 октября 1948 года (не публиковавшимся в печати) город Кексгольм был переименован в Приозерск, а Кексгольмский район — в Приозерский.

Но как бы ни именовался этот город, камни старой крепости хранят память о том, как здесь воевал за Россию Вилим Иванович Геннин.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как смог узнать читатель этой книги, судьбы следователей Петра Великого сложились по-разному. Кто-то из них успешно продолжил службу, достиг карьерных высот, кто-то не поднялся выше бригадира, кто-то закончил свои дни в ссылке или вовсе на эшафоте. Однако, несмотря на все многообразие обстоятельств жизни тогдашних следователей, представляется возможным с уверенностью заключить, что большинство из них сохранили верность присяге, достойно служили России как на военном, так и на следственном и административном поприще.

Не имея никакой специальной юридической подготовки, регулярно отвлекаясь на исполнение параллельных служебных обязанностей, эти люди сумели по большей части разобраться в хитросплетенных криминальных деяниях подследственных, изобличить десятки взяточников и прочих «повредителей» «казенного интереса». Именно им довелось, пусть и далеко не в полной мере, обуздать коррупцию в высших эшелонах российской власти 300 лет назад.

Дело следователей Петра Великого продолжили следственные приставы МВД Российской империи, имперские и советские судебные следователи, следователи Прокуратуры РСФСР, СССР и Российской Федерации. А вот прямым преемником «майорских» следственных канцелярий (как модели организационного построения органов следствия) стал Следственный комитет России. И совсем не случайно, что Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2013 года № 741 дата основания следственной канцелярии М. И. Волконского — 25 июля — была утверждена в качестве Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации. В этом тоже видится признание заслуг следователей Петра Великого.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1661, 24 июня — родился И. И. Бутурлин.

10 июля — родился Г. И. Кошелев.

1672, 10 апреля — родился С. А. Салтыков.

30 мая — в Москве родился царевич Петр Алексеевич, будущий император Петр Великий.

1676, 1 мая — родился И. Н. Плещеев.

11 октября — в Зигене (графство Нассау) родился В. И. Геннин.

17 ноября — родился Г. Д. Юсупов.

1680, 10 декабря — родился И. И. Дмитриев-Мамонов.

1682, 25 июня — коронация в Москве царей-соправителей Ивана V Алексеевича и Петра I Алексеевича.

11 июля — родился П. М. Голицын.

1683, июнь — родился И. И. Бахметев.

1696, январь — отправка 37 дворян в образовательную поездку в Западную Европу; в составе группы находились М. А. Матюшкин, С. А. Салтыков, П. А. Толстой.

29 января — кончина Ивана V, установление единодержавия Петра I.

1698, 10 мая — В. И. Геннин поступил в Амстердаме на русскую службу, мастером архитектурного дела.

1700, 19 ноября — разгром шведскими войсками во главе с королем Карлом XII российской осадной группировки под Нарвой; пленение И. И. Бутурлина, ранение М. Я. Волкова и И. И. Дмитриева-Мамонова.

1702, 2 апреля — П. А. Толстой назначен послом в Турцию.

11 октября — взятие после тринадцатичасового штурма шведской крепости Нотебург; участие в штурме М. И. Волконского, В. В. Долгорукова, М. А. Матюшкина, И. С. Чебышева.

1703, 2 мая — попытка побега И. И. Бутурлина в составе группы генералов из Стокгольма; в тот же день беглецы были задержаны.

7 мая — захват в ходе абордажного боя шведских шнявы «Астрильд» и бота «Гедан» в устье Невы; в атаке участвовал М. И. Волконский, получивший ранение.

Декабрь — И. И. Бахметев поступил на военную службу, рядовым в

гвардии Семеновский полк.

1704, 9 августа — взятие после часового штурма шведской крепости Нарва; в ходе приступа вторые ранения получили М. И. Волконский и И. И. Дмитриев-Мамонов, участвовали в штурме также И. И. Бахметев и Г. Д. Юсупов.

1705, 28 августа — взятие шведской крепости Митава; ранение В. В. Долгорукова, участие в штурме И. И. Бахметева, Г. Д. Юсупова.

1708, 30 августа — сражение под Добрым (при Молятичах), разгром шведского отряда К. Рооса; третье ранение М. И. Волконского, участие в сражении И. И. Бахметева, М. А. Матюшкина, Г. Д. Юсупова.

28 сентября — сражение при Лесной, разгром шведского корпуса А. Левенгаупта; ранение П. М. Голицына, второе ранение М. Я. Волкова, дважды ранены И. И. Бахметев и Г. Д. Юсупов, участие в бою И. И. Дмитриева-Мамонова, И. М. Лихарева, М. А. Матюшкина, И. Н. Плещеева, Г. Г. Скорнякова-Писарева.

1709, 27 июля — разгром шведских войск во главе с Карлом XII под Полтавой; участие в сражении М. И. Волконского, П. М. Голицына, И. И. Дмитриева-Мамонова, И. М. Лихарева, М. А. Матюшкина, Г. Г. Скорнякова-Писарева, Г. Д. Юсупова.

9 декабря — В. В. Долгоруков произведен в подполковники гвардии.

1710, 13 июня — капитуляция шведской крепости Выборг, в осаде которой принимали участие И. И. Бахметев, В. И. Геннин, В. В. Долгоруков.

29 июня — П. А. Толстой произведен в тайные советники.

7 сентября — ведение В. И. Гениным переговоров о капитуляции шведской крепости Кексгольм.

8 сентября — капитуляция Кексгольма.

1711, 8—10 июля — окружение группировки российских войск во главе с Петром I превосходящими силами турок и крымских татар близ урочища Рябая Могила на реке Прут, затяжные оборонительные бои; третье ранение М. Я. Волкова; ранение И. Н. Плещеева, участие в боях И. И. Бахметева, И. И. Дмитриева-Мамонова, В. В. Долгорукова, И. М. Лихарева, М. А. Матюшкина, Б. Г. Скорнякова-Писарева, Г. Д. Юсупова.

17 июля — Е. И. Пашков направлен Петром I с секретной корреспонденцией к чрезвычайному послу П. П. Шафирову, находившемуся в расположении турецких войск.

14 октября — В. В. Долгоруков пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного.

1713, 25 июля — издание именного указа об основании первой

следственной канцелярии России под руководством М. И. Волконского, командирование М. И. Волконского в Архангельск.

1714, 4 мая — И. Н. Плещеев уволен с военной службы.

27 июля — морское сражение у полуострова Гангут, разгром шведской эскадры Н. Эреншельда; в ходе атаки российских галер четвертое ранение получил М. Я. Волков; в сражении участвовал И. И. Бахметев.

1715, февраль — учреждение следственной канцелярии И. Н. Плещеева.

15 марта — Г. И. Кошелев назначен главой Подрядной канцелярии.

6 апреля — на Троицкой площади Санкт-Петербурга приведен в исполнение приговор подследственным канцелярии В. В. Долгорукова: бывшим сенаторам В. А. Апухтину и Г. И. Волконскому обожжены языки, бывший санкт-петербургский вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков наказан кнутом.

9 мая — основание следственной канцелярии И. С. Чебышева.

1716, 27 января — именной указ об учреждении следственной канцелярии Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова, которой передавались уголовные дела, прежде находившиеся в производстве упраздняемой следственной канцелярии М. И. Волконского. Этим же указом канцелярии Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова предписывалось провести расследование дела М. И. Волконского.

12 марта — издание сенатского указа о запрете И. С. Чебышеву самостоятельно возбуждать уголовные дела.

13 марта — высочайшее распоряжение о поручении Г. И. Кошелеву временно возглавить (совместно с Ф. Д. Вороновым) следственную канцелярию В. В. Долгорукова.

15 ноября — П. М. Голицын произведен в генерал-майоры.

1717, 9 декабря — издание типового Наказа «майорским» следственным канцеляриям, согласно которому в уголовном процессе России была впервые выделена стадия предварительного следствия; учреждение шести «майорских» канцелярий; назначение презусами канцелярий М. Я. Волкова, П. М. Голицына, И. И. Дмитриева-Мамонова, Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова, С. А. Салтыкова, Г. Д. Юсупова, ассессорами — И. И. Бахметева, И. М. Лихарева, Е. И. Пашкова, Б. Г. Скорнякова-Писарева, Г. А. Урусова. На Троицкой площади Санкт-Петербурга расстрелян М. И. Волконский.

75 декабря — П. А. Толстой назначен президентом Коммерц-коллегии.

1718, 3 февраля — публичное отречение царевича Алексея Петровича от прав на престол.

4 (?) февраля — образование следственной канцелярии П. А. Толстого, под следствие которой отдан царевич Алексей Петрович.

7–8 февраля — аресты в Санкт-Петербурге первых подозреваемых по делу царевича Алексея Петровича, задержанием руководили П. М. Голицын, С. А. Салтыков, Г. Д. Юсупов.

9 февраля — высочайшее распоряжение о направлении Г. Г. Скорнякова-Писарева в Суздаль для расследования дела бывшей царицы Евдокии Федоровны.

16 февраля — высочайшее распоряжение об аресте В. В. Долгорукова по подозрению в причастности к делу царевича Алексея Петровича.

17 февраля — высочайшее распоряжение об аресте Ф. Д. Воронова по подозрению в причастности к делу царевича Алексея Петровича.

20 февраля — арест В. В. Долгорукова в Санкт-Петербурге. Март — привлечение И. И. Бутурлина к производству следствия по делу царевича Алексея Петровича.

6 марта — назначение В. И. Иванова и В. Г. Языкова ассессорами в следственную канцелярию Г. И. Кошелева.

14 марта — особое судебное присутствие приговорило В. В. Долгорукова к лишению чинов, орденов, конфискации имущества и ссылке.

Апрель — преобразование следственной канцелярии П. А. Толстого в Тайную канцелярию — специализированный суд по государственным преступлениям; назначение «министрами» Тайной канцелярии И. И. Бутурлина и Г. Г. Скорнякова-Писарева.

24 июня — однодневный судебный процесс над бывшим наследником престола царевичем Алексеем Петровичем, вынесение ему смертного приговора; в состав судей входили И. И. Бахметев, И. И. Бутурлин, М. Я. Волков, П. М. Голицын, В. И. Иванов, Г. И. Кошелев, И. М. Лихарев, С. А. Салтыков, Г. Г. Скорняков-Писарев, П. А. Толстой, Г. А. Урусов, Г. Д. Юсупов, В. Г. Языков.

26 июня — царевич Алексей Петрович скончался от пыток в Петропавловской крепости.

5 июля — высочайшее распоряжение об избрании В. В. Долгорукову в качестве места ссылки Соликамска.

28 июля — особое судебное присутствие приговорило Ф. Д. Воронова к смертной казни.

6 октября — военный суд приговорил бывшего подследственного канцелярии М. Я. Волкова генерал-майора Г. П. Чернышева к лишению чинов и конфискации имущества.

3 декабря — Г. Г. Скорняков-Писарев назначен руководителем

строительства Ладожского канала.

8 декабря — Ф. Д. Воронов обезглавлен на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

9 декабря — И. И. Бутурлин произведен в подполковники гвардии.

13 декабря — П. А. Толстой произведен в действительные тайные советники.

1719, 1 января — Е. И. Пашков произведен в капитаны гвардии.

5 января — издание именного «Указа капитану от гвардии Богдану Писареву», согласно которому учреждалась следственная канцелярия Б. Г. Скорнякова-Писарева. Б. Г. Скорняков-Писарев командирован в Астрахань.

18 января — издание именного «Указа маэору от гвардии господину Лихареву», согласно которому И. М. Лихарев направлялся в Сибирь для расследования уголовных дел, возбужденных в отношении губернатора М. П. Гагарина и группы местных администраторов.

8 апреля — И. Н. Плещеев назначен судьей Московского надворного суда и членом коллегии при московском вице-губернаторе.

10 апреля — М. А. Матюшкин назначен презусом следственной канцелярии, которой прежде руководил Г. И. Кошелев.

19 июня — издание сенатского указа об упразднении следственной канцелярии И. Н. Плещеева.

Ноябрь — И. Н. Плещеев произведен в полковники.

1720, 30 августа — военный суд приговорил бывшего коменданта Удинска Ф. Рупышева и его сына Афанасия, подследственных канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, к наказанию кнутом, конфискации имущества и каторжным работам.

25 сентября — вручение Петру I доношения В. И. Иванова и В. Г. Языкова о беспорядках в следственной канцелярии М. А. Матюшкина.

27 сентября — высочайшее распоряжение об отстранении В. И. Иванова и В. Г. Языкова от работы в канцелярии М. А. Матюшкина и о возбуждении в отношении них уголовного преследования.

16 октября — Б. Г. Скорняков-Писарев произведен в полковники и назначен комендантом крепостей Полтавы и Переволочны.

3 декабря — издание именного указа об основании следственной канцелярии И. И. Бутурлина.

1721, 1 января — И. И. Бахметев произведен в капитаны гвардии, М. Я. Волков — в генерал-майоры.

Февраль — для расследования уголовного дела в отношении В. И. Иванова и В. Г. Языкова основана следственная канцелярия М. И. Бобрищева-Пушкина.

11 марта — высочайшие распоряжения о разрешении следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова произвести пытку бывшего сибирского губернатора М. П. Гагарина и о предании его суду Правительствующего сената.

14 марта — Сенат приговорил М. П. Гагарина к смертной казни.

16 марта — М. П. Гагарин повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга.

21 октября — высочайшее распоряжение об освобождении из-под стражи на поруки братьев Д. А. и О. А. Соловьевых, подследственных канцелярии М. А. Матюшкина.

22 октября — празднование в Санкт-Петербурге победы России в Великой Северной войне; принятие царем и великим князем Петром Алексеевичем титула Петра Великого, Отца Отечества, императора Всероссийского; И. И. Бутурлин произведен в генерал-аншефы, И. М. Лихарев — в бригадиры.

25 ноября — высочайшее распоряжение следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова перевесить тело казненного М. П. Гагарина из петли на цепь.

1722, 18 января — Г. И. Кошелев назначен президентом Камер-коллегии.

18 января — Г. Г. Скорняков-Писарев назначен обер-прокурором Правительствующего сената.

21 января — в Москве скончался П. М. Голицын.

22 января — Г. Г. Скорняков-Писарев произведен в генерал-майоры.

24 января — П. М. Голицын погребен с воинскими почестями в Богоявленском монастыре.

28 января — С. А. Салтыков и Г. Д. Юсупов произведены в генерал-майоры.

7 февраля — Е. И. Пашков назначен первым прокурором Военной коллегии.

6 марта — В. И. Геннин произведен в генерал-майоры.

29 апреля — издание высочайшей «Инструкции генералу-маеору Генину», согласно которой он направлялся на Урал, где должен был, в частности, провести следствие по делу капитана артиллерии В. Н. Татищева.

2 мая — И. Н. Плещеев назначен герольдмейстером.

8 мая — высочайшее распоряжение о предании суду Правительствующего сената бывшего азовского вице-губернатора С. А. Колычева, подследственного канцелярии С. А. Салтыкова.

22 июня — распоряжение генерал-прокурора о привлечении Е. И. Пашкова к расследованию «дела фискалов».

Июль — образование следственной канцелярии генерал-прокуратуры во главе с П. И. Ягужинским и Е. И. Пашковым.

5 августа — в Москве скончался Г. И. Кошелев.

75 октября — высочайшее распоряжение о разрешении следственной канцелярии генерал-прокуратуры произвести пытку бывшего обер-фискала А. Я. Нестерова.

1723, 9 января — учреждение Вышнего суда; назначение судьями И. И. Бутурлина и И. И. Дмитриева-Мамонова; отстранение от должности и отдача под суд Г. Г. Скорнякова-Писарева.

16 января — высочайшее распоряжение об аресте Б. Г. Скорнякова-Писарева по подозрению в причастности к «почеп-скому делу».

17 января — И. И. Бахметев назначен следователем Вышнего суда.

Февраль — образование Розыскной конторы Вышнего суда во главе с Е. И. Пашковым.

13 февраля — Вышний суд приговорил Г. Г. Скорнякова-Писарева к разжалованию в рядовые и конфискации пожалованного имущества.

Май — назначение И. И. Дмитриева-Мамонова главой Канцелярии кронштадтского следствия.

12 июня — основание В. И. Генниным Екатеринбурга.

28 июля — принятие М. А. Матюшкиным капитуляции персидской крепости Баку.

24 сентября — Нижний воинский суд приговорил бывшего коменданта Томска Р. А. Траханиотова, подследственного канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова, к смертной казни.

28 сентября — Р. А. Траханиотов скоропостижно скончался.

Ноябрь — в соответствии с заключением В. И. Геннина, Вышний суд вынес В. Н. Татищеву оправдательный приговор.

9 декабря — издание именного указа об упразднении «майорских» следственных канцелярий; высочайшее распоряжение о повешении тела умершего Р. А. Траханиотова.

1724, 22–23 января — Вышний суд вынес приговоры фигурантам «дела фискалов», расследовавшегося следственной канцелярией генерал-прокуратуры, а затем Розыскной конторой суда.

24 января — на Троицкой площади Санкт-Петербурга приведен в исполнение приговор Вышнего суда по «делу фискалов»: бывший обер-фискал А. Я. Нестеров колесован, бывший ярославский провинциал-фискал С. Ф. Попцов обезглавлен, бывший ярославский фискал А. И. Никитин

наказан кнутом, подвергнут вырезанию ноздрей, после чего отправлен на пожизненную каторгу, бывший судья Московского надворного суда М. В. Желябужский наказан кнутом.

15 апреля — высочайшее распоряжение о посмертном повешении тела секретаря П. К. Скурихина, подследственного канцелярии И. И. Бутурлина.

6 мая — М. Я. Волков произведен в подполковники гвардии.

7 мая — коронация в Москве царицы Екатерины Алексеевны; высочайшие распоряжения о производстве Г. Г. Скорнякова-Писарева в полковники и возвращении ему половины конфискованного имущества, об освобождении из ссылки В. В. Долгорукова, о возведении в графское достоинство П. А. Толстого.

8 декабря — Г. Д. Юсупов назначен сенатором.

23 декабря — В. В. Долгоруков произведен в полковники.

1725, 28 января — в Санкт-Петербурге скончался Петр Великий.

10 марта — Петр Великий погребен в Петропавловском соборе; в перенесении гроба и императорских регалий приняли участие И. И. Бутурлин, В. И. Геннин, В. В. Долгоруков, И. М. Лихарев, Е. И. Пашков, С. А. Салтыков, Г. Д. Юсупов.

17 марта — В. Г. Языков подал доношение («извинение») с признанием вины по предъявленным обвинениям.

21 мая — бракосочетание царевны Анны Петровны с герцогом голштинским Карлом Фридрихом в Санкт-Петербурге; первое пожалование в кавалеры ордена Святого Александра Невского; в кавалеры ордена пожалованы М. Я. Волков, И. И. Дмитриев-Мамонов, И. М. Лихарев, С. А. Салтыков, Г. Д. Юсупов. И. И. Бутурлин пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного.

30 июня — М. А. Матюшкин пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского; Военная коллегия постановила утвердить обвинительное заключение канцелярии М. И. Бобрицева-Пушкина, амнистировав В. И. Иванова и В. Г. Языкова и предписав направить их для прохождения дальнейшей службы в гарнизон Баку.

30 июля — издание сенатского указа об утверждении постановления Военной коллегии о В. И. Иванове и В. Г. Языкове.

30 августа — И. И. Бутурлин и П. А. Толстой пожалованы в кавалеры ордена Святого Александра Невского.

6 сентября — высочайшее распоряжение о направлении В. Г. Языкова в гарнизон Киева или Павловска.

29 октября — распоряжение Военной коллегии о направлении В. Г. Языкова в Павловск с лишением его чина подпоручика гвардии и

производстве его в «полевые» поручики.

8 декабря — именным указом о прекращении производства по всем уголовным делам, которые велись в следственных канцеляриях в отношении генерал-фельдмаршала А. Д. Меншикова, и невзыскании прежде наложенных на него штрафов и начетов.

23 декабря — распоряжение Военной коллегии о направлении В. И. Иванова в Баку с разжалованием его из поручиков гвардии в «полевые» поручики.

1726, 8 февраля — И. И. Бутурлин, И. И. Дмитриев-Мамонов и С. А. Салтыков назначены сенаторами.

13 февраля — В. В. Долгоруков произведен в генерал-аншефы.

14 февраля — В. В. Долгоруков назначен командующим Низовым корпусом.

14 марта — издание именного указа об упразднении Вышнего суда.

28 июля — Г. Г. Скорняков-Писарев назначен главой Артиллерийской канторы Военной коллегии.

24 ноября — Г. Г. Скорняков-Писарев повторно произведен в генерал-майоры.

1727, 28 февраля — И. М. Лихарев назначен воронежским губернатором.

11 марта — И. М. Лихарев произведен в генерал-лейтенанты. *28 апреля* — начало следствия по обвинению И. И. Бутурлина, Г. Г. Скорнякова-Писарева, П. А. Толстого в заговоре с целью воспрепятствовать наследованию престола царевичем Петром Алексеевичем; основание Учрежденного суда, в состав которого вошли И. И. Дмитриев-Мамонов и Г. Д. Юсупов.

6 мая — кончина императрицы Екатерины I; вынесение Учрежденным судом приговора обвиняемым; утверждение императрицей приговора. Учрежденный суд приговорил П. А. Толстого к лишению титула, чинов, орденов, конфискации имущества и смертной казни, Г. Г. Скорнякова-Писарева — к лишению чинов, конфискации имущества, неопределенному «наказанию» и пожизненной ссылке, И. И. Бутурлина — к лишению чинов, конфискации пожалованных земель и ссылке в родовые деревни. При утверждении приговора П. А. Толстому смертная казнь заменена на пожизненную ссылку, Г. Г. Скорнякову-Писареву определено наказание кнутом, И. И. Бутурлин освобожден от конфискации пожалованных земель. В тот же день Г. Г. Скорняков-Писарев публично наказан кнутом, после чего отправлен в ссылку в Сибирь. П. А. Толстой отправлен для отбывания ссылки в Соловецкий монастырь. И. И. Бутурлин помещен под

кратковременный арест, исключен из списков гвардии Преображенского полка, проведено изъятие у него орденов.

7 мая — воцарение великого князя Петра Алексеевича (императора Петра II); И. И. Дмитриев-Мамонов произведен в подполковники гвардии.

15 мая — Е. И. Пашков произведен в бригадиры.

8 сентября — С. А. Салтыков осуществил арест генералиссимуса А. Д. Меншикова.

11 сентября — И. М. Лихарев переведен губернатором в Архангелогородскую губернию.

11 ноября — С. А. Салтыков и Г. Д. Юсупов произведены в подполковники гвардии.

1728, 1 января — Г. А. Урусов произведен в генерал-майоры.

24 февраля — коронация в Москве императора Петра II; В. И. Геннин произведен в генерал-лейтенанты, В. В. Долгоруков — в генерал-фельдмаршалы, И. Н. Плещеев — в тайные советники.

5 июня — Е. И. Пашков назначен воронежским вице-губернатором.

20 декабря — в Архангельске скончался И. М. Лихарев.

1729, 30 января — в Соловецком монастыре скончался П. А. Толстой.

8 февраля — И. М. Лихарев погребен в Сергиевской церкви Знаменского монастыря в Москве.

Апрель — П. А. Толстой погребен в Соловецком монастыре.

14 ноября — высочайшее распоряжение о направлении М. Я. Волкова в Симбирскую провинцию для расследования вооруженных столкновений между крестьянами разных владельцев.

1730, 4 марта — В. В. Долгоруков и Г. А. Урусов назначены сенаторами.

6 марта — С. А. Салтыков произведен в генерал-аншефы.

28 апреля — коронация в Москве императрицы Анны Иоанновны; И. И. Дмитриев-Мамонов и Г. Д. Юсупов произведены в генерал-аншефы.

24 мая — в Москве скоропостижно скончался И. И. Дмитриев-Мамонов.

29 мая — И. И. Дмитриев-Мамонов погребен с воинскими почестями в церкви Флора и Лавра у Мясницких ворот.

28 августа — М. А. Матюшкин назначен киевским генерал-губернатором.

2 сентября — в Москве скончался Г. Д. Юсупов.

1731, 31 января — И. Н. Плещеев уволен с должности герольдмейстера.

18 марта — М. А. Матюшкин уволен в отставку.

10 мая — Г. Г. Скорняков-Писарев назначен главным командиром Охотского правления (без освобождения из ссылки).

6 июля — В. И. Геннин пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского.

23 декабря — особое судебное присутствие приговорило В. В. Долгорукова к лишению чинов, конфискации имущества и смертной казни.

22 декабря — при высочайшем утверждении приговора В. В. Долгорукову смертная казнь заменена на ссылку в Шлиссельбург.

1732, 8 декабря — высочайшее распоряжение о направлении И. И. Бахметева в Великие Луки для расследования злоупотреблений должностных лиц местной администрации.

1733, январь — И. И. Бахметев произведен в генерал-майоры.

28 января — С. А. Салтыков возведен в графское достоинство.

1734, 3 декабря — Е. И. Пашков отстранен от должности воронежского вице-губернатора.

6 декабря — Г. А. Урусов произведен в генерал-лейтенанты.

1735, 18 марта — Б. Г. Скорняков-Писарев назначен воеводой Елецкой провинции.

16 октября — Е. И. Пашков назначен губернатором Астраханской губернии.

1736, 6 апреля — скончался Е. И. Пашков.

1737, 17 апреля — скончался М. А. Матюшкин.

8 июня — скончался Б. Г. Скорняков-Писарев.

2 июля — взятие турецкой крепости Очаков, при штурме дважды ранен И. И. Бахметев; И. И. Бахметев назначен обер-комендантом крепости.

1738, 31 декабря — в имении Крутцы Переславль-Залесской провинции скончался И. И. Бутурлин.

1739, 6 января — И. И. Бутурлин погребен в Троицком соборе Успенского женского монастыря в Александровой слободе.

1740, 2 марта — И. И. Бахметев назначен сенатором.

1741, 27 мая — М. Я. Волков произведен в генерал-аншефы.

14 августа — И. И. Бахметев пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского.

1 декабря — высочайшие распоряжения об освобождении из ссылки В. В. Долгорукова (с восстановлением в чинах) и Г. Г. Скорнякова-Писарева.

15 декабря — В. В. Долгоруков повторно назначен сенатором и президентом Военной коллегии.

1742, 8 января — высочайшее распоряжение о возвращении В. В.

Долгорукову всего конфискованного имущества.

25 апреля — коронация в Москве императрицы Елизаветы Петровны; В. В. Долгоруков пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского.

24 мая — В. В. Долгоруков повторно пожалован в кавалеры ордена Святого Андрея Первозванного.

1 октября — скончался С. А. Салтыков.

1743, 23 апреля — Г. Г. Скорняков-Писарев восстановлен в чине генерал-майора.

25 апреля — Г. А. Урусов пожалован в кавалеры ордена Святого Александра Невского.

1746, 11 февраля — скончался В. В. Долгоруков.

1750, 12 апреля — скончался В. И. Геннин.

7 мая — скончался И. Н. Плещеев.

1751, 19 июля — скончался М. Я. Волков.

1753, 3 сентября — И. И. Бахметев произведен в действительные тайные советники.

1760, 2 октября — в Москве скончался И. И. Бахметев.

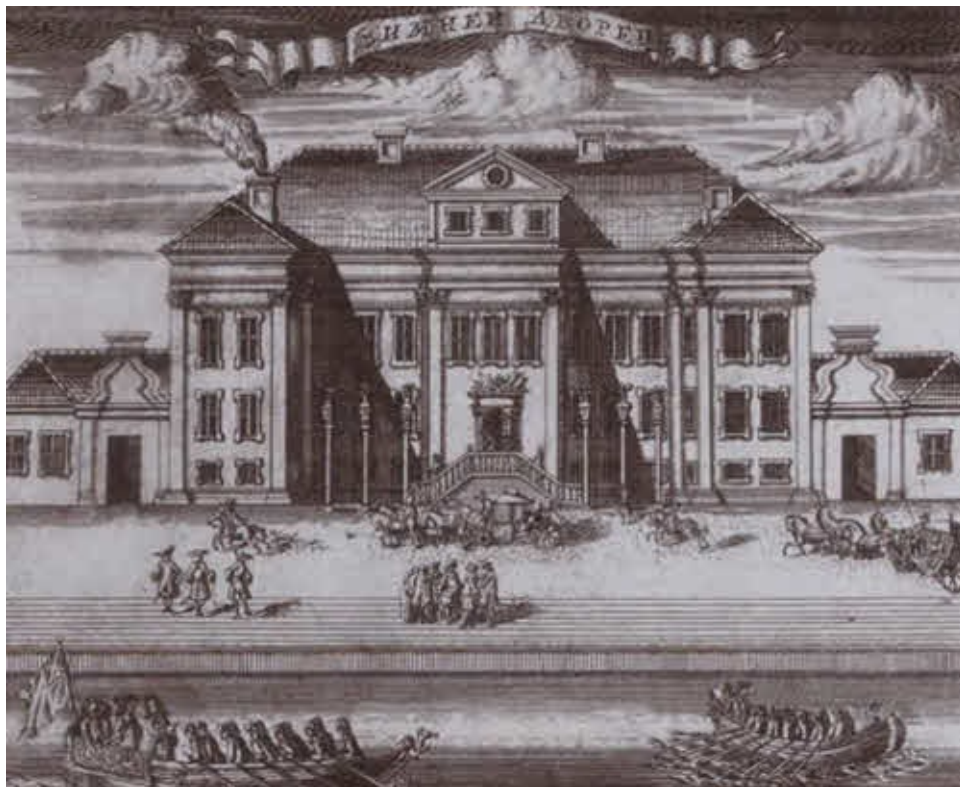
5 октября — И. И. Бахметев погребен с воинскими почестями в церкви Флора и Лавра.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

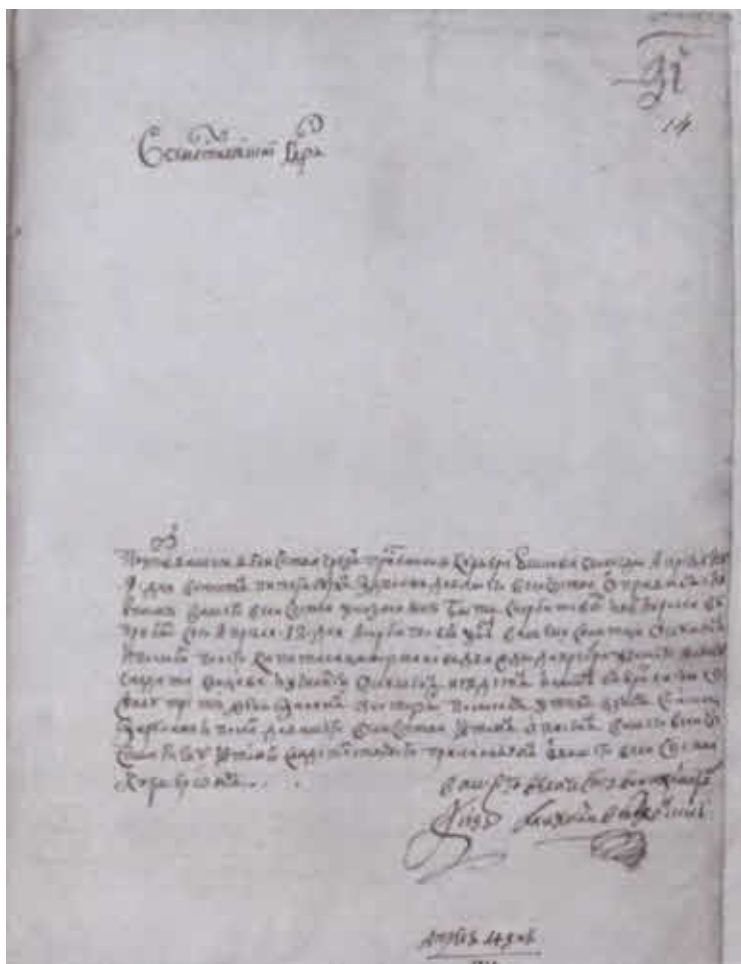

Петр I.

Гравюра А. Шхонебека. Ок. 1700–1704 гг.

Зимний дворец. 1714 г.

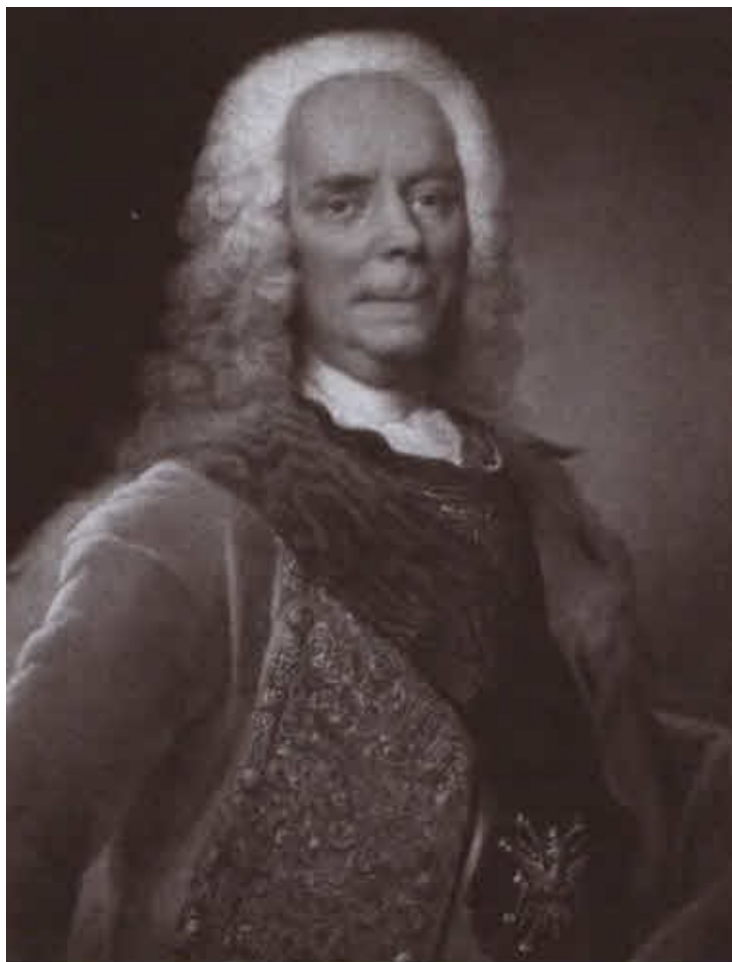
Письмо М. И. Волконского Петру I от 14 апреля 1714 года.

Собрание РГИА

Вид Архангельска, первая половина XVIII века.

В этом городе в 1713 году начиналась деятельность первой российской следственной канцелярии под руководством М. И. Волконского

Генерал-фельдмаршал князь В. В. Долгоруков, руководитель второй в российской истории следственной канцелярии.

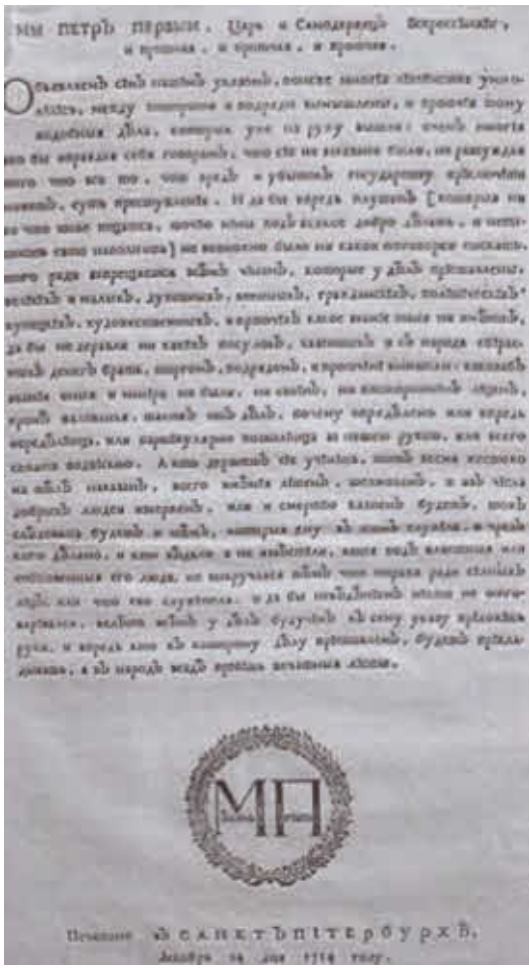
Портрет 1740-х гг.

Форма одежды гвардейских полков в первой четверти XVIII века. Именно эту форму носили большинство следователей Петра Великого

Санкт-Петербургская (Петропавловская) крепость и Петропавловский собор (первоначальный вид)

Указ Петра I от 14 декабря 1714 года о лихоимстве, за нарушение которого были осуждены многие подследственные майорских канцелярий

Уна Господиных полковников поше
Авдеев ульянъ Воронова

Принята вамъ дало хатотожа
Служба ела. некоторые оставлены
в Станционъ некоторых (та Умана
роза Иподий) свидѣтельство
Прозвываетъ самое правдоу и блага
никогда дошло. Изъясняетъ и
неблагоразумности. а и Сера
Нето наша ела наша итереть
Вотъ ела наша они дѣлѣ на
дѣла доношѣна бѣла. Ибо прини
ма. Инони тая разши ва Грото
Тотъ изъяснено бѣла отом
ниа ниа. А безъна тѣла
и ерши.

Въ канцелярии
января 27 Гибель

Именной указ от 27 января 1716 года об отдаче М. И. Волконского под следствие канцелярии Г. И. Кошелева и Ф. Д. Воронова.

Собрание РГИА

Вид на Санкт-Петербургскую (Петропавловскую) крепость и Троицкую площадь.

1716 г.

Аллегорическое изображение военной юстиции, в середине верхней части изображена сцена расстрела.

Немецкая гравюра из военно-юридического сборника 1657 г.

Троицкая площадь Санкт-Петербурга

Петр I.

Портрет работы К. Мора. 1717 г.

Действительный тайный советник граф П. А. Толстой, руководитель Канцелярии тайных розыскных дел (Тайной канцелярии).

Портрет 1720-х гг.

Пытка на дыбе. Практиковалась как «виска» (простое подвешивание без нанесения ударов кнутом) и как битье кнутом на дыбе

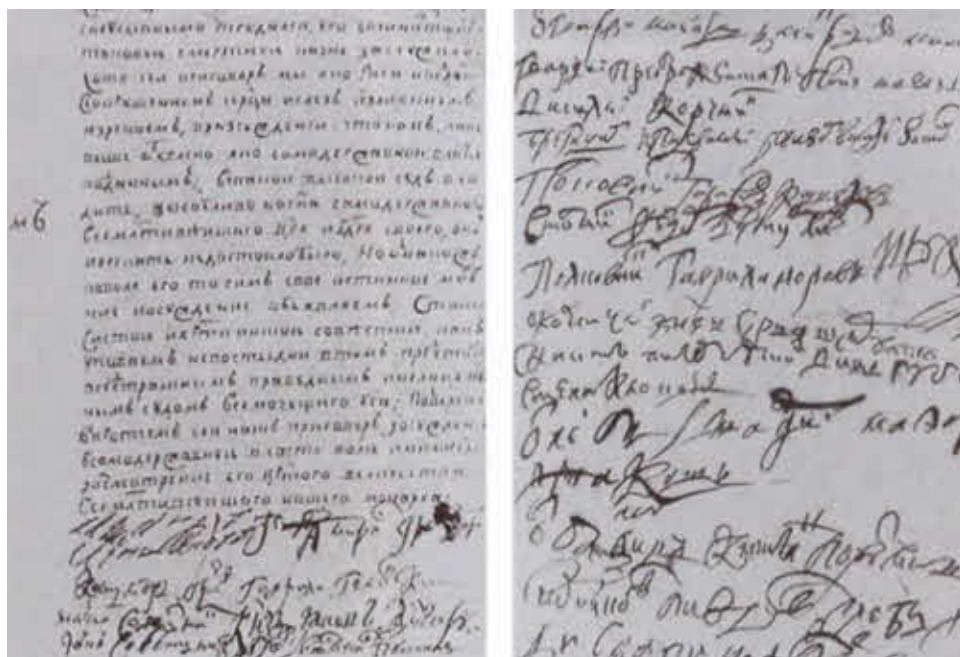

Царевич Алексей Петрович, августейший подследственный Тайной канцелярии.

Портрет работы И. Г. Таннауэра. Первая половина 1710-х гг.

Посажение на кол

Окончание приговора по делу царевича Алексея Петровича с подписями членов суда

Суздальский Покровский монастырь, место официально оглашенных «греховных дел» майора С. Б. Глебова и царицы-инокини Евдокии Федоровны

Царица Евдокия Лопухина, первая супруга Петра I

173
173

1719 Января в 11 Указа Великого Указа
 Императорскому Страны Великого Царя Указа
 Азота Оказа Солтанов и других им
 дворян и мещане в это время
 записаны Иван Иванович Торговцев
 Азота Великого Ивана записаны
 Иеронимовича имени Лавра Потапов
 это указание или издана или
 имен Указа Потаповы Иона Потапов
 взят на это Величество Потапов

Запись именного указа Петра I от 11 января 1719 года о конфискации имущества братьев Соловьевых

Церковь Ризоположения у Донского монастыря в Москве.

Современный вид

Каменный крест на месте захоронения останков, обнаруженных на территории бывшего кладбища у церкви Ризоположения. Возможно, именно там покоятся останки полковника Герасима Кошелева

Юсуповский дворец (палаты Волковых-Юсуповых) в Большом Харитоньевском переулке.

Изображение XIX в.

Палаты Волковых-Юсуповых.

Современный вид

Генерал-аншеф граф С. А. Салтыков.

Портрет 1740-х гг.

Воскресенская церковь Никитского женского монастыря, возле которой в 1742 году был погребен С. А. Салтыков

Генерал-аншеф граф П. И. Ягужинский, первый российский генерал-прокурор

Казнь через колесование

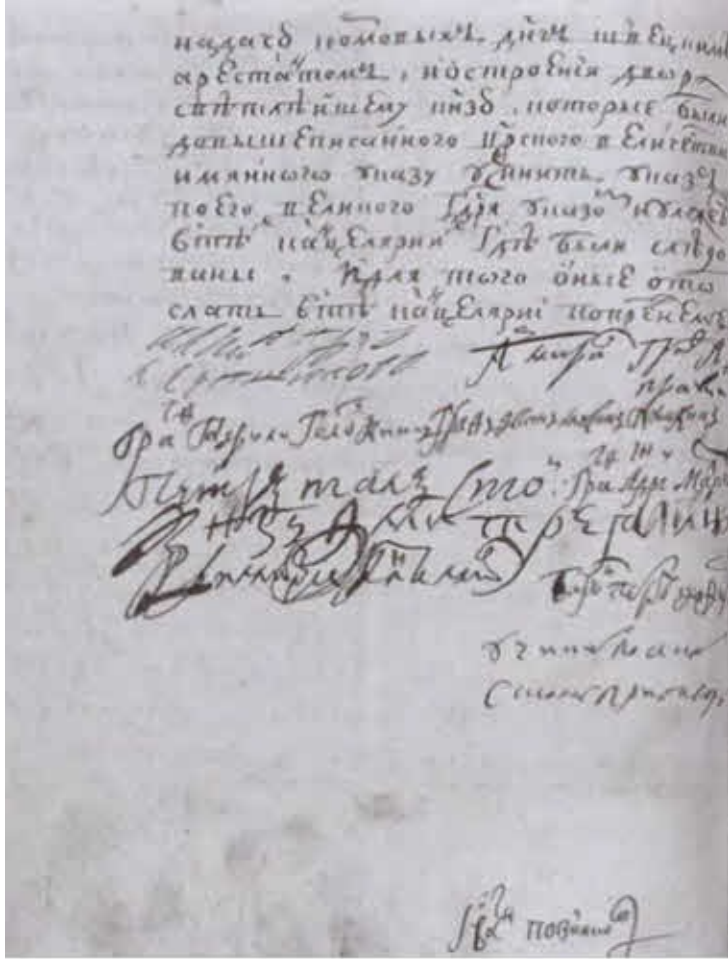
Государственный меч Российской империи.

Изображение 1743 г.

Успенская церковь Веневского монастыря.

Современный вид

Первый и последний листы приговора, вынесенного Правительствующим сенатом князю М. П. Гагарину 14 марта 1721 года, с подписями сенаторов и резолюцией Петра I.

Собрание РГИА

Храм Богоявления Господня Московского Богоявленского монастыря.

Изображение 1882 г.

Усадьба Пехра-Яковлевское, принадлежавшая П. М. Голицыну.

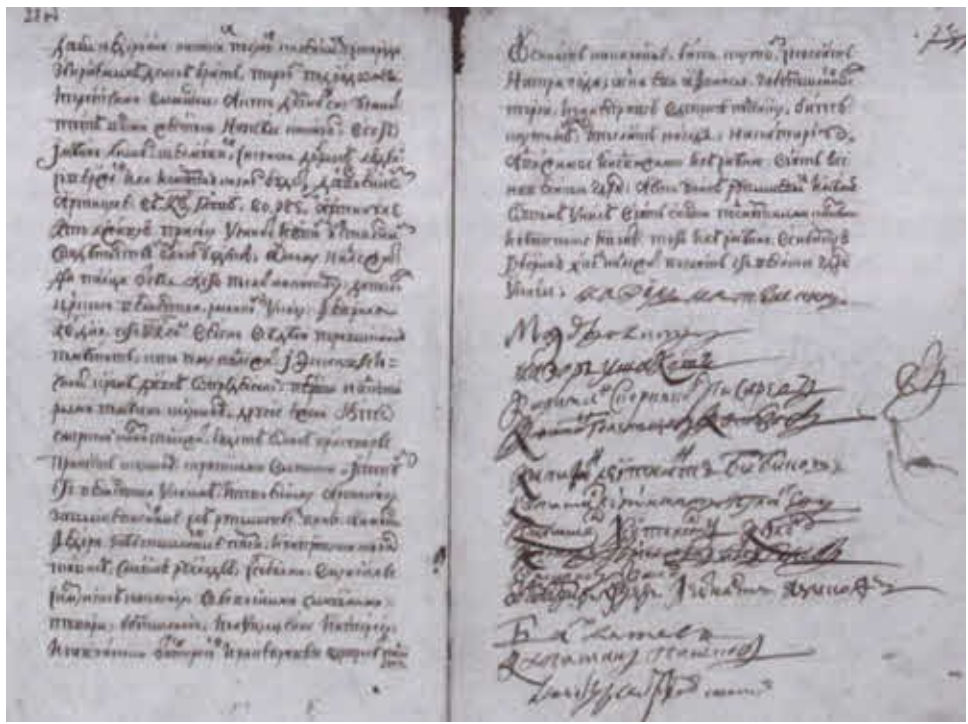
Современный вид

Генерал-аншеф граф Г. П. Чернышев

*Царевна Прасковья Ивановна, мorganатическая супруга руководителя следственной канцелярии
И. И. Дмитриева-Мамонова*

Подписи презусов и ассессоров майорских канцелярий под приговором отцу и сыну Рупышевым, находившимся под следствием канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова.

Собрание РГИА

1720
Ата више описана приговору
Онима. Былама ~~Федото~~
Амударто, Федоро, Иса
Его, Федор, Федорова,
Землеуменне ихъ,
вину, и екино французские
битие дотомъ, Федоро
де, Федорова и, Федоро
было, Исама, канат
де Федоро, на 1 годъ,
дотомъ на 1 годъ, а затемъ
нахъ ихъ ртешеву

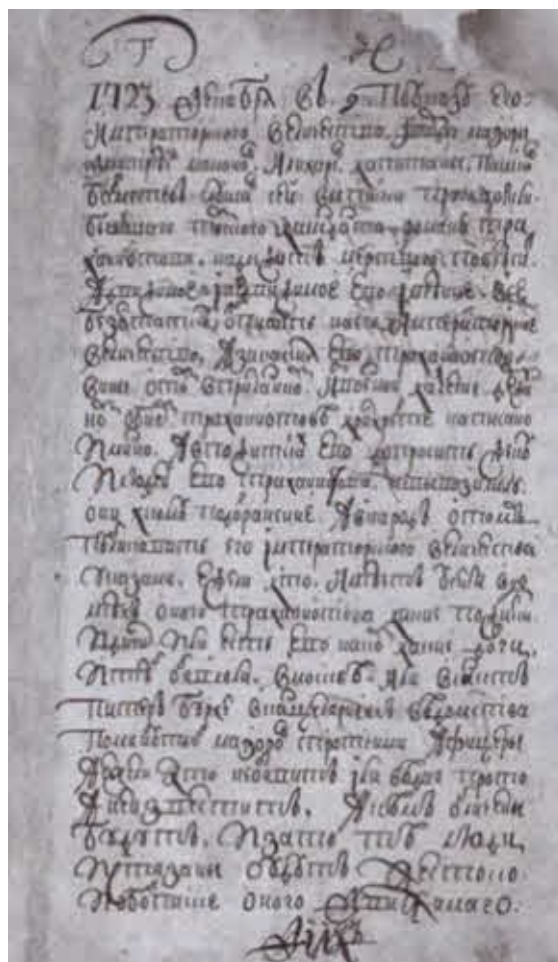
Запись о приведении в исполнение приговора отцу и сыну Рупышевым. 1720 г.

Собрание РГИА

Церковь Флора и Лавра, место захоронения И. И. Дмитриева-Мамонова и И. И. Бахметева.

Фото 1880-х гг.

Постановление следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова и И. М. Лихарева о повешении тела Р. А. Траханиотова.

Собрание РГАДА

Подвешивание за ребро

Усть-Каменогорск, основанный И. М. Лихаревым.

Картографическое изображение 1853 г.

Памятник И. М. Лихареву в Усть-Каменогорске.

Современный вид

Знаменский собор Знаменского монастыря в Москве, на паперти Сергиевской церкви которого был похоронен И. М. Лихарев

Златоустовский монастырь в Москве, место погребения генерал-аншефа М. А. Матюшкина

Генерал-аншеф И. И. Бутурлин, глава последней следственной канцелярии Петра I.

Портрет работы неизвестного художника

Боярин князь И. Ю. Трубецкой

Троицкий собор Успенского женского монастыря в городе Александрове Владимирской области, вблизи родового имения И. И. Бутурлина Крутцы

Семейное захоронение Бутурлиных в подклете Троицкого собора Успенского женского монастыря в Александрове.

Современный вид

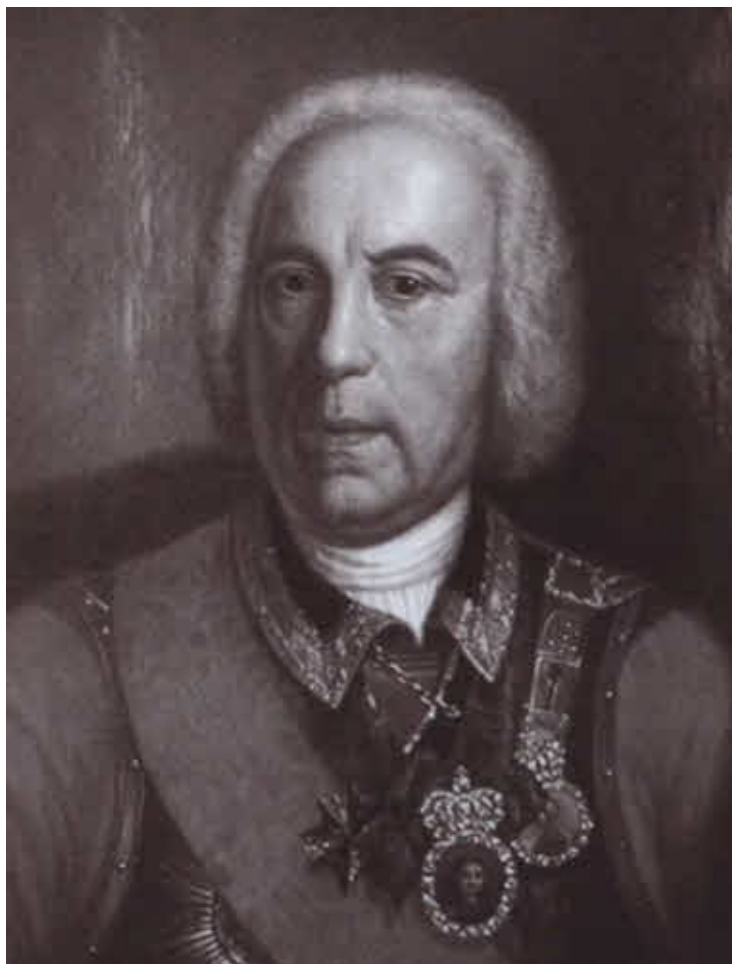
Дом фабрикантов Зубовых (XIX век) в селе Крутцы на месте, где находилась усадьба И. И. Бутурлина.

Современный вид

Соловецкий монастырь, место упокоения П. А. Толстого.

Современный вид

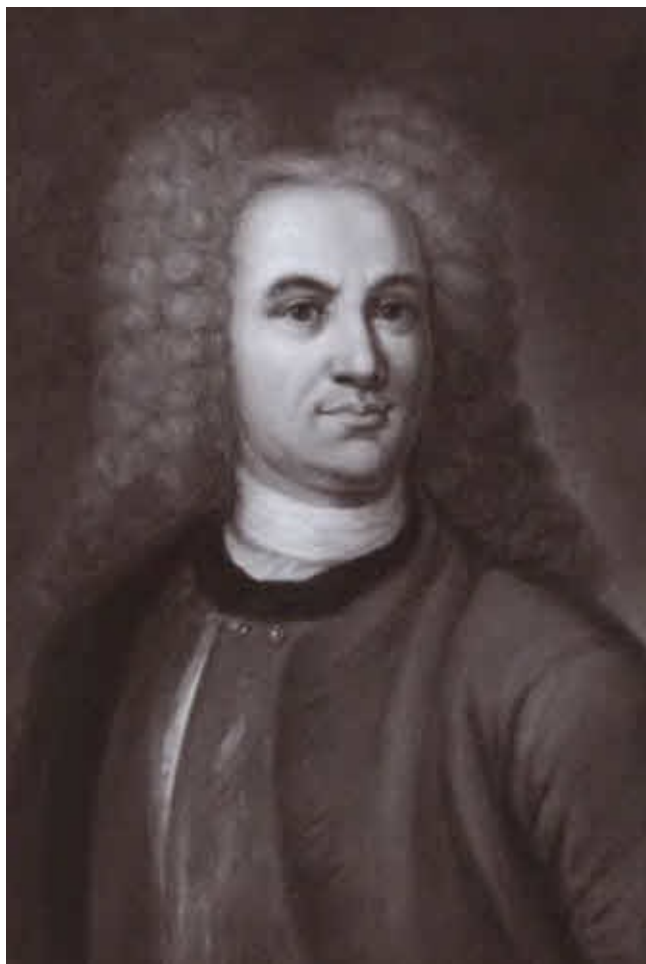

Генерал-лейтенант В. И. Геннин, основавший в 1723 году Екатеринбург.

Портрет 1740-х гг.

Екатеринбург в первые годы существования

Тайный советник В. Н. Татищев, подследственный В. И. Геннина.

Портрет 1730-х гг.

Паше Сиятхата мовто
ми кесте ли пов Тарв
и Беркина Осара
17 Асн 1720
ФБЛ
Верно раб и кта
Включя Геннина

С. И. Геннина
422 3, август 1710

Автографы В. И. Геннина

ВИЛЬГЕЛЬМ ДЕ-ГЕННИН

ОПИСАНИЕ УРАЛЬСКИХ
И
СИБИРСКИХ ЗАВОДОВ

1735

ПРЕДИСЛОВИЕ
АКАДЕМИКА М. А. ПАВЛОВА

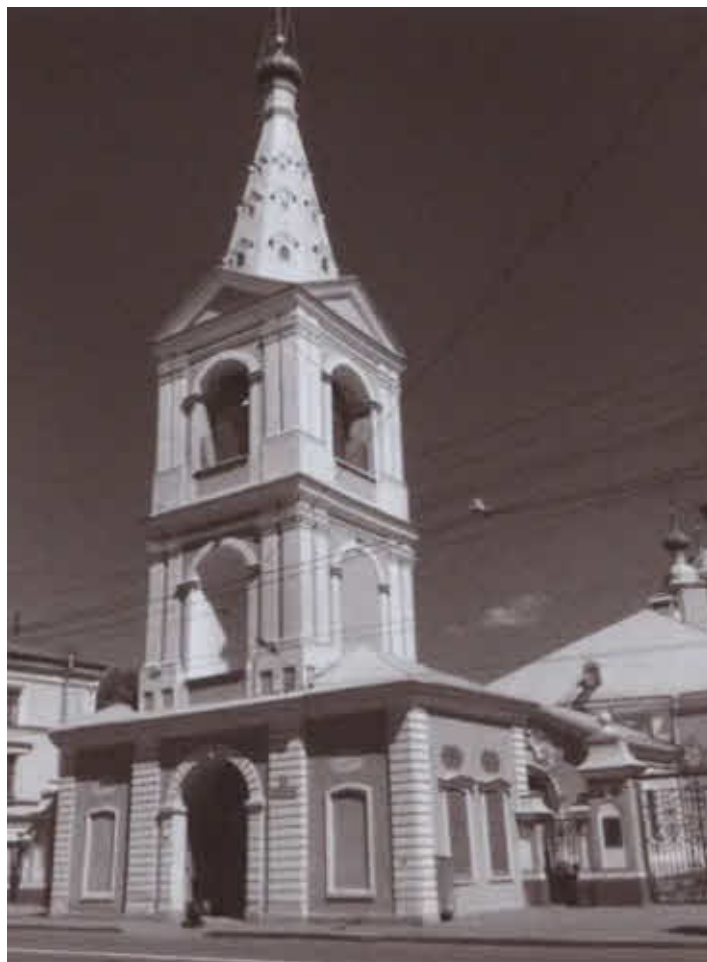

государственное издательство
«УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЫ»
МОСКВА 1937

Титульный лист книги В. И. Геннина «Описание уральских и сибирских заводов»

Памятник Петру I напротив Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге

Самсониевский собор, возле которого находилась могила В. И. Геннина

Памятник В. И. Геннину и В. Н. Татищеву в Екатеринбурге: следователь и подследственный на одном пьедестале.

Современный вид

*Генералиссимус светлейший князь А. Д. Меншиков, в 1714–1724 годах подследственный
нескольких следственных канцелярий.*

Портрет 1720-х гг.

Дворец А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге.

Современный вид

Императрица Екатерина I

811
Штат канцелярии по истреблению
Делизаций на территории Российской
империи...
Введенный в действие...
Смет, поименно...
9 декабря 1723
Ванитъ питесторит,
Кер

Именной указ от 9 декабря 1723 года об упразднении майорских следственных канцелярий.

Собрание РГИА

Император Петр I Великий.

Портрет 1723 г.

Орден Святого апостола Андрея Первозванного

Орден Святого Александра Невского (лицевая и оборотная сторона)

Книги, посвященные истории следственных канцелярий

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 27 августа 2013 г. № 741
МОСКВА

О Дне сотрудника органов следствия Российской Федерации

В соответствии с пунктом 2 Указа Президента Российской Федерации от 31 июля 2013 г. № 659 «О порядке установления в Российской Федерации памятных дней и профессиональных

праздников» Правительство Российской Федерации постановляет:

Установить профессиональный праздник — День сотрудника органов следствия Российской Федерации и отмечать его 25 июля.

Председатель Правительства Российской Федерации

Постановление правительства о Дне сотрудника органов следствия Российской Федерации

ЛИТЕРАТУРА

Архивы

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ)

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Российский государственный исторический архив (РГИА) Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество: Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996.

Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.

Анисимов Е. В. Россия без Петра. 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994.

Бабич М. В. Генерал М. Я. Волков: материалы к биографии // «Мы были!». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С. В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2004. Ч. 1.

Берхгольц Ф.-В. Дневник // Неистовый реформатор / Сост. В. А. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

Болтунова Е. М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М.: РГГУ, 2011.

Бушкович П. Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.

Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени. 2-е изд. М.: КД «Либроком», 2011.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки / Ред. — сост. А. Н. Акиншин. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015.

Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост. М. О. Акишин. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994.

История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова; под ред. А. А. Преображенского. М.: Круг, 2004. Вып. 1.

Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост. Н. В. Козлова, А. Ю. Прокофьева. М.: РОССПЭН, 2015.

История следствия в России / А. К. Аверченко, Е. В. Акельев, Б. Я.

Гаврилов и др.; под ред. Д. О. Серова, А. В. Федорова. М.: Юрлитинформ, 2017.

Комолов Н. А. Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века: на материалах Белгородской и Воронежской губерний. Воронеж: Изд. ВГУ, 2007.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.

Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010.

Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008.

Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М.: РОССПЭН, 2008.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. 2-е изд., с изм. М.: Мысль, 1988.

Переладов К. Г. Кончина августейшего колодника // Родина. 1994. № 9. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М.: АНО «Редакция альманаха Российский архив», 2000.

Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М.: Современник, 1990.

Рычаловский Е. Е. Дело драгуна Полибина и феномен ложного извета в петровскую эпоху // Петр Великий — реформатор России / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2001.

Серов Д. О. Администрация Петра I. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОГИ, 2008.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. М.: Юрист, 2016.

Серов Д. О., Федоров А. В. Очерки истории российских следственных органов. М.: Юрист, 2015.

Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Сост. Н. А. Мурзанов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985.

INFO

Серов Д. О., Федоров А. В.

С 32 Следователи Петра Великого / Дмитрий Серов, Александр Федоров. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 348(4) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1719).

ISBN 978-5-235-04093-9

УДК 94(47) "16/17":351.746.1

ББК 63.3(2)511-33

знак информационной продукции 16+

Серов Дмитрий Олегович,
Федоров Александр Вячеславович
СЛЕДОВАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Л. С. Барышникова*

Сдано в набор 30.11.2017. Подписано в печать 12.02.2018.
Формат 84x 108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1803920.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- Е. Новицкий «ЛЕОНИД ГАЙДАЙ»
- А. Якимович «ГОЙЯ»
- Т. Ясникова «СУРИКОВ»
- Д. Володихин «ИВАН IV ГРОЗНЫЙ»
- И. Родимцев, С. Аргасцева «ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ»
- М. Бондаренко «ВЕРГИЛИЙ»
- Е. Пчелов «ОЛЕГ ВЕЩИЙ»
- Л. Данилкин «ЛЕНИН»
- В. Антонов «КОНОН МОЛОДЫЙ»
- В. Козляков «ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ ТИШАЙШИЙ»
- А. Ветлугина «ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ»
- В. Степашкин «СЕРАФИМ САРОВСКИЙ»

notes

Примечания

1

Ныне город Белый, административный центр Бельского района Тверской области.

Ныне город Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944–1992 годах — Петрокрепость).

Сигнал о готовности к капитуляции, подававшийся барабанным боем. Калька с французского *chamade* — вызов на переговоры.

В этом смысле показательны потери, понесенные старшими офицерами гвардии во время штурма. В Семеновском полку из двух майоров погиб один — Кондратий Елизарович Мейер. В Преображенском полку из трех майоров один — Давыд Гаст — погиб, а другой — Дмитрий Кузьмич Карпов — был тяжело ранен.

В российских документах начала XVIII века крепость именовалась Канцами или Новыми Канцами.

Ныне — Васильевский остров Санкт-Петербурга.

Исходное финское название Яниссаари (*Janissaari*), ныне — Заячий остров Санкт-Петербурга.

Ныне город Нарва (Narva) уезда Иду-Вирумаа Эстонской Республики.

9

То есть приказа.

Ныне агрогородок (*белор.* Маляцічы) в составе Молятичского сельсовета Кричевского района Могилевской области Республики Беларусь.

Ныне Лясная — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Могилевской области Республики Беларусь.

То есть сотским, выборным должностным лицам органов местного самоуправления.

13

То есть отказался исполнять.

Помощник губернатора по судебным вопросам.

Это являлось значительным отступлением от старомосковской традиции, по которой применение пытки к должностным лицам выше подъячего санкционировалось по меньшей мере руководителем центрального административно-судебного органа.

То есть на третий допрос под пыткой.

То есть автор заведомо ложных доношений главе государства.

Составитель фальшивых документов.

То есть дворецкого (гофмаршала), наемного управляющего домом и частным хозяйством.

То есть «кригсрехт», военный суд. По верному замечанию историка права О. И. Чистякова, утверждение в российском законодательстве термина «кригсрехт» является примером использования «французско-нижегородского или, вернее, немецко-нижегородского диалекта». В переводе с немецкого кригсрехт — это военное право, а не военный суд. Точная калька с термина «военный суд» (*Kriegsgericht*) должна была звучать как «кригсгерихт».

В данном случае подразумеваются предпринятые Михаилом Волконским следственные действия.

В данном случае Михаил Иванович использовал термин «судья» в архаичном значении, в котором термин означал руководящее должностное лицо любого органа государственной власти.

Дед Никиты Ржевского, окольный Иван Иванович, погиб 3 августа 1677 года при обороне Чигирина, отец — стольник Тимофей Иванович, состоявший в должности воеводы Астрахани, был убит 30 июля 1705 года восставшими стрельцами и горожанами.

Во всех этих статьях использовался термин «аркебузировать», который являлся калькой с немецкого *arkebusieren*. В статье 46-й термин этот пояснялся: «аркибузировать (розстрелять)».

Пристрастие.

То есть Елизавета Петровна, младшая дочь покойного Петра I, являвшаяся на тот момент цесаревной (на престол вступила в ноябре 1741 года).

Последним из павших в боях в отмеченный период был гвардии корнет князь Н. Н. Долгоруков, погибший в ходе войсковой операции в Дагестане в 1837 году.

То есть около трона.

Ныне Ёлгава (Jelgava), город республиканского подчинения Латвийской Республики.

Ныне село Шульгинка в Старобельском районе Луганской области Украины.

Речь идет о нарушении присяги на верность государственной гражданской службе, собственноручно написанной Петром I и утвержденной 2 марта 1711 года. Первоначально эту присягу приносили лишь руководящие должностные лица — сенаторы и главы губернских администраций.

Г. И. Волконскому и В. А. Апухтину было вменено в вину, по всей очевидности, нарушение статьи 2-й упомянутой выше присяги — обязательства хранить «правду... в деле государственном». В дальнейшем, насколько известно авторам, такая санкция, как прижигание языка, в отечественной правоприменительной практике более не применялась.

Уместно заметить, что в описываемые времена денщики выполняли также функции личной охраны.

Строго говоря, вернуть.

Ныне административный центр провинции Гилян Исламской Республики Иран.

Из 1609 преображенцев, участвовавших в сражении, 87 были убиты, 32 умерли от ран и 420 получили ранения.

Сам Иван Никифорович впоследствии упоминал: «...в прошлом [1]715-м году, по имянному его царского величества указу, велено мне, по доношениям разных чинов людей, о его царского величества интересе следовать».

Петр I нередко практиковал присвоение очередных воинских чинов лицам, хотя и уволенным с военной службы, но назначенным на должности среднего и высшего звена на государственной гражданской службе.

Выборное должностное лицо городского самоуправления.

На должности коменданта Д. А. Соловьев находился в 1705–1710 годах, О. А. Соловьев — в 1705–1707 годах, а А. А. Соловьев — с 1707-го по неустановленный год.

Служитель при прирученных для охоты кречетах.

Тот факт, что следственная канцелярия, учрежденная по указу царя и ему же напрямую подчинявшаяся, оказалась ликвидирована сенатским указом, явился уникальным в истории государства и права России первой четверти XVIII века. По всей вероятности, подобный сценарий закрытия канцелярии был все же предварительно согласован И. Н. Плещеевым с Петром I, который дал общее указание (судя по всему, выраженное в устной форме) решить вопрос в Правительствующем сенате.

Происходившим, несомненно, от немецкого *Herold*.

Позднее, занимая в 1727–1731 годах должность воеводы Ядринска (ныне Ядрин Чувашской Республики), А. М. Михайлов попал под суд за вымогательство взяток.

Ныне город Чаплыгин Липецкой области.

Ныне поселок городского типа, административный центр одноименного района Ханты-Мансийского автономного округа.

Современный адрес: Москва, Богоявленский переулок, 2, строение 4.

К началу XVIII века написание фамилии Чебышевых еще не устоялось и ее носители (в том числе Иван Самойлович) именовались в документах то Чебышовы, то Чебышевы.

В XVIII веке военный служащий сохранял право именоваться прежним чином (равно как и носить форменную одежду) и после отставки. Позднее это перестало быть общепринятым и стало оформляться в качестве особой льготы — увольнения «с мундиром».

Несмотря на то что город Азов был в январе 1712 года возвращен Турции (по условиям Прутского мирного договора от 12 июля 1711 года) и губернским городом стал Тамбов, а в 1715 году — Воронеж, губерния продолжала именоваться Азовской до 1725 года.

В вымогательстве взятки с использованием служебного положения.

В уклонении от мобилизации на военную службу.

В уклонении от привлечения на государственную гражданскую службу.

Ныне село Ленино Липецкого района Липецкой области.

Уникальное народное прозвание главы следственной канцелярии первой четверти XVIII века.

Ныне город Мичуринск, административный центр одноименного района Тамбовской области.

Судя по всему, одним из этих Ремезовых был уже упоминавшийся Семен Ремезов, привлеченный И. С. Чебышевым в качестве канцелярского служащего.

Место содержания под стражей подсудимых и подсудимых, прообраз современного СИЗО.

Заявление о совершении или подготовке к совершению государственного преступления.

Начав службу в стольниках царицы Прасковьи Федоровны, И. В. Чебышев принял участие в Крымских походах 1688–1689 годов, начальных кампаниях Великой Северной войны, Прутском походе 1711 года. В 1704 году получил ранение при взятии Дерпта (ныне город Тарту Эстонской Республики). В 1716–1732 годах возглавлял Суконный двор в Москве, а в 1732–1739 годах — Ямскую канцелярию. В феврале 1740 года уволен в отставку. Скончался в том же 1740 году. Степень родства И. С. и И. В. Чебышевых осталась непроясненной.

Этот факт очевиден из сопоставления дат рождения П. Н. Кафтыревой (1655) и Д. М. Голицына (1665).

Из 1200 семеновцев, принявших участие в сражении, 144 были убиты и 690 ранены.

63

Был произведен в подполковники Семеновского полка 11 сентября 1701 года.

Ныне Таллин (Tallinn), столица Эстонской Республики.

Ныне Тарту (Tartu), административный центр одноименного уезда Эстонской Республики.

А. В. Кикин руководил созданием и первоначальной деятельностью петербургского Адмиралтейства, был шафером на свадьбе Петра I и Екатерины Алексеевны. В личной переписке 1700-х годов царь обращался к нему «дедушка» или по-голландски «Min Her Grotvader» («мой господин дедушка»).

Допрос был проведен в соответствии с секретным указом Петра I от 7 февраля 1718 года, доставленным А. Д. Меншикову в середине дня 11 февраля.

Карьера А. Я. Волкова прошла исключительно на канцелярских должностях. Пробыв длительное время личным секретарем А. Д. Меншикова, Алексей Волков дослужился впоследствии до поста советника Военной коллегии и до чина генерал-лейтенанта.

Ныне Ханко (*фин.* Hangoniemi) на юго-западном побережье современной Финляндии.

Согласно статье 1-й Федерального закона от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» дата Гангутского сражения (9 августа по новому стилю) внесена в число дней воинской славы России.

Действиями собственно галер в сражении руководил капитан галерного флота Л. М. Демьянов.

Ныне административный центр одноименного района Брестской области Республики Беларусь.

Начальника снабжения.

Расследование уголовного дела по обвинению С. А. Колычева было тогда полностью сосредоточено в следственной канцелярии гвардии майора С. А. Салтыкова, учрежденной 9 декабря 1717 года. О деле Степана Колычева будет подробнее рассказано ниже.

Острые приступы головной боли.

В официальном делопроизводстве эта канцелярия именовалась также «Канцелярия ведения генерала-поручика Волкова по сбору остаточных штатных сумм».

Уместно будет заметить, что в документах первой четверти XVIII века фамилия «Дмитриев-Мамонов» устойчиво писалась как «Дмитреев-Мамонов». Как следует из многочисленных сохранившихся автографов Ивана Ильича, расписывался он также как «Дмитреев-Мамонов».

В опубликованном архивном документе, содержащем список военнослужащих Семеновской потешной роты, которые при ее переформировании в 1695 году в полк сохранили офицерские чины, упомянут «Иван Мамонов». В свете приведенных выше данных о том, что И. И. Дмитриев-Мамонов поступил в Семеновский полк в 1700 году, представляется возможным с уверенностью предположить, что в упомянутом документе речь идет о его брате Иване (который тем самым должен быть признан старшим по возрасту). Третий из Иванов Ильичей был точно младшим: согласно надгробной надписи, он родился в 1694 году.

Компетентных, обладающих высокой квалификацией.

Ныне город Киров, административный центр одноименной области.

Выборный заместитель главы органа местного самоуправления.

В современном понимании — мнимое посредничество в получении взятки.

Отдаленный прообраз современного обвинительного заключения, составляемого следователем при передаче дела в суд.

То есть в комендантскую канцелярию.

Вероятнее всего, имеется в виду, что Роман Александрович не успел вызвать священника, чтобы исповедаться и причаститься Святых Тайн.

Ныне — Улан-Удэ.

В настоящее время на месте бывшего московского дворца А. Д. Меншикова находится выстроенное в 1910–1912 годах здание Московского почтамта (современный адрес: Мясницкая, 26).

Ныне административный центр одноименного района Черкасской области Украины.

В документах первой четверти XVIII века имя Г. И. Кошелева нередко писалось как «Гарасим».

Согласно опубликованному архивному документу, в 1706 году Преображенский полк состоял из четырех батальонов, в каждом из которых было по четыре роты. Личный состав полка насчитывал тогда 2837 человек, в нем проходили службу полковник, два подполковника, два майора и 20 капитанов.

Ныне село Рашевка (укр. Раппвка) в Гадячском районе Полтавской области Украины.

Ныне Гданьск (Gdąnsk), административный центр одноименного воеводства Республики Польши.

Современный адрес церкви Положения Ризы Господней (церкви Ризоположения): ул. Донская, 20/6, строение 1.

Алексей Иванович Панин родился 13 марта 1675 года (по другим данным — в 1677 году). С 1690 года комнатный стольник царя Ивана Алексеевича. Служил в Семеновской потешной роте, с 1695 года в Семеновском полку. Участник основных кампаний Великой Северной войны и Прутского похода. С 1700 года гвардии прапорщик, с 1704-го — гвардии поручик, с 1708-го — гвардии капитан-поручик, с 1714 года — гвардии капитан. 10 февраля 1720 года произведен в полковники и назначен смоленским вице-губернатором. С 7 августа 1722-го по 1727 год одновременно являлся президентом Смоленского надворного суда. С 1726 года — генерал-майор. 27 сентября 1730 года уволен от должности вице-губернатора. 9 июля 1733 года назначен товарищем главы Московской конторы Сената (в этой должности вновь работал под непосредственным началом С. А. Салтыкова), 27 августа 1734 года — президентом Ревизион-коллегии. С 12 марта 1740 года в отставке. Скончался 2 марта 1762 года.

Дормидонт (Дремонт) Григорьевич Голенищев-Кутузов родился предположительно в 1682 году, из дворян. В 1704 году начал службу рядовым в Преображенском полку. В августе 1711 года из гвардии сержантов произведен в гвардии прапорщики. 1 января 1719 года (в период работы в следственной канцелярии) произведен в капитаны и назначен командиром 10-й роты Преображенского полка. Впоследствии занимал должности коменданта Киева, а затем Нарвы. В августе 1738 года уволен с военной службы с производством в чин генерал-майора.

Каких-либо биографических сведений о И. И. Горохове выявить к настоящему времени не удалось.

Как уже упоминалось, губерния продолжала именоваться Азовской до 1725 года.

То есть казачьих поселений.

Уместно будет добавить, что поработать генерал-рекетмейстером Степану Колычеву все же не довелось. Для начала в мае 1725 года его назначили комиссаром на новое разграничение земель с Турцией, а в августе — и вовсе направили главным комиссаром для уточнения линии границы с Китаем (!). В Москву он вернулся только в декабре 1728 года. Как представляется, эти зигзаги карьеры бывшего азовского вице-губернатора вполне могли быть связаны с некоей интригой С. А. Салтыкова, негативно воспринявшего прекращение уголовного преследования своего многолетнего подследственного.

В настоящее время Центральная тяговая подстанция Т—3 Московского метрополитена; современный адрес: ул. Большая Никитская, 7/10.

Фамильное прозвание Юсупов-Княжево факультативно использовалось представителями рода до конца XVIII века.

Ныне административный центр одноименного района Донецкой области Украины (в 1924–2015 годах — Артёмовск).

Ныне административный центр одноименного района Харьковской области Украины.

Имение располагалось на территории нынешнего московского района Ясенево. Последние постройки усадьбы были снесены в XX веке при современной застройке района.

Это Юсуповский дворец (палаты Волковых-Юсуповых) в Большом Харитоньевском переулке (дом 21, строение 4), одна из наиболее старинных построек столицы; ныне — музей.

Имелся в виду генерал-лейтенант А. И. Ушаков (родился в 1670 году), многолетний сослуживец Г. Д. Юсупова по Преображенскому полку, ветеран Великой Северной войны, сенатор, один из руководителей Тайной канцелярии Петра I, впоследствии глава Тайной канцелярии Анны Иоанновны, граф и генерал-аншеф. В январе — феврале 1730 года, подобно Григорию Дмитриевичу, подписал сначала «либеральный» «проект 364-х», а затем прошение о восстановлении самодержавия.

В 1735 году из монастыря в Тихвине Прасковью Юсупову этапировали в Тайную канцелярию. Новое уголовное дело было возбуждено по извету служанки и стряпчего, которые сообщили, что княжна жаловалась на императрицу Анну Иоанновну, говорила, что было бы лучше, если бы царствовала Елизавета Петровна, рассказывала, что при Петре I Анну и ее сестер называли не царевнами, а просто «Ивановнами». За это ее высекли розгами, насильно постригли в монахини под именем Проклы и отправили в Введенский девичий монастырь Тобольской епархии. Там в 1738 году за неповиновение ее выпороли шелепами (толстой веревочной плетью). Донесение об этом вызвало строгий приказ из Санкт-Петербурга: держать ссыльную княжну в монастыре в ножных кандалах и под караулом.

То есть подвергать пытке.

В связи с этим уместным видится упомянуть о социальном происхождении супруги троюродного брата императора. Появившаяся на свет в сентябре 1700 года, в бытность ее отца в кабальном холопстве у Л. К. Нарышкина, Софья Дмитриевна, исходя из содержания норм, закрепленных в статьях 30-й и 83-й главы 20-й Уложения 1649 года, по рождению являлась холопкой.

110

Ныне город Тутаев, административный центр одноименного района Ярославской области.

Степень родства И. М. Лихарева с Федором Лихаревым установить к настоящему времени не удалось, но они определенно не являлись родными братьями.

О тщательности сбора Иваном Михайловичем сведений о месторождениях золота свидетельствует тот факт, что уже к сентябрю 1719 года он опросил в Тобольске по этому поводу 86 «разных чинов людей».

В период сибирской командировки в части ведения следствия Иван Лихарев находился фактически в двойном подчинении — царя и своего непосредственного начальника И. И. Дмитриева-Мамонова. Соответственно и отчитывался Иван Михайлович параллельно перед ними обоими. Разница состояла в том, что в следственную канцелярию он направлял развернутые «выписки» о выявленных криминальных деяниях местных администраторов, а главе государства — реестры этих «выписок». Материалы, направленные Иваном Лихаревым в следственную канцелярию, погибли в составе всего ее делопроизводства при пожаре в Московском кремле 29 мая 1737 года. А вот документы, отложившиеся в царском Кабинете, благополучно сохранились до наших дней в полном объеме.

Ныне административный центр одноименного района Омской области.

Ныне село Исетск, административный центр одноименного района Тюменской области.

Ныне село Кирга Ирбитского района Свердловской области.

Примечательно, что из пятнадцати российских государственных и военных деятелей, ставших 21 мая 1725 года первыми кавалерами ордена Святого Александра Невского, пятеро являлись недавними руководителями «майорских» следственных канцелярий. Еще один бывший руководитель «майорской» канцелярии, М. А. Матюшкин, был пожалован в кавалеры ордена 30 июня 1725 года.

Какой именно физический недостаток Ивана Лихарева имел в виду А. В. Макаров, неясно. Тем более что фронтовых ранений Иван Михайлович не имел.

Согласно версии воронежского историка Н. А. Комолова, инициатором интриги выступил президент Коммерц-коллегии барон П. П. Шафиров, якобы стремившийся отомстить Ивану Михайловичу за его руководство расследованием «сибирского дела» (в результате чего пострадали имущественные интересы дочери Петра Шафирова Анны, невестки М. П. Гагарина). Версия эта представляется, однако, малоубедительной: с одной стороны, бюрократическое влияние Петра Шафирова было в начале 1727 года совсем невелико, а с другой — с тем же основанием Петр Павлович мог бы досаждать и остальным следователям, которые вели «сибирское дело». Между тем карьеры ни И. И. Дмитриева-Мамонова, ни Е. И. Пашкова, ни А. Г. Шамордина никак не пострадали.

Склонность Петра I запрещать в качестве дополнительной уголовно-правовой санкции погребать тела казненных проявилась еще во время «стрелецких казней» в 1698 году. Как известно, не были преданы земле и тела казненных по делу царевича Алексея Петровича. Впрочем, первый российский император отнюдь не явился новатором в применении подобной санкции. Как показал петербургский историк Е. В. Анисимов, традиция факультативного незахоронения тел (или частей тел) осужденных протянулась с XVII века. Петр I стал применять эту устрашающую санкцию по отношению не только к лицам, осужденным за государственные преступления, но также и к лихоимцам и казнокрадам. Например, приговорив 24 февраля 1712 года к смертной казни изобличенного во взяточничестве коменданта города Луха Ф. А. Волкова, царь специально предписал «труп ево в землю не хоронить (но чтоб лежал поверх земли, видим всем)». Кроме того, как уже упоминалось, первый император начал изредка практиковать *посмертные* казни, когда «эксекуция» осуществлялась в отношении уже умершего преступника.

В документах первой половины XVIII века фамилия «Бахметев» писалась также как «Бахметьев» и «Бахмеотов». Иван Иванович упоминался неизменно как «Бахметев», и именно так он расписывался.

То есть в разведывательных поисках.

Имеется в виду знаменитое сражение 28 сентября 1708 года со шведским корпусом генерала А. Л. Левенгаупта при деревне Лесной.

То есть государственному.

Ныне город, административный центр одноименного района Николаевской области Украины.

Ныне административный центр одноименного района Забайкальского края.

127

Не дает осечек.

Каковым оказался, например, глава одной из канцелярий «переписи душ», заслуженный ветеран Великой Северной войны полковник А. А. Мякинин, решившийся в 1724 году изобличить А. Д. Меншикова в утайке 2715 (!) крестьянских «душ». Общая сумма штрафов, наложенных в связи с этим на светлейшего князя, составила внушительную сумму в 34,5 тысячи рублей. В ответ разгневанный Александр Данилович добился предания ставшего к тому времени уже генерал-фискалом Алексея Мякинина военному суду по обвинению — несложно догадаться — в фальсификации материалов следствия. Несмотря на очевидную бездоказательность обвинения, в июне 1727 года суд приговорил Алексея Антоновича к расстрелу (!), замененному 19 декабря (уже после падения Александра Даниловича) ссылкой в Сибирь, в которой он пробыл свыше пяти лет.

Принявшее вскоре острые формы противостояние А. Я. Нестерова и Е. И. Пашкова было тем драматичнее, что еще за несколько лет до этого они работали почти что «рука об руку». Достаточно вспомнить, что в качестве ассессора канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Егор Иванович принимал деятельное участие в завязавшемся, благодаря неординарному упорству Алексея Нестерова, расследовании дела сибирского губернатора князя М. П. Гагарина.

Личность «приятеля» А. Я. Нестерова, столь глухо упомянутого генерал-прокурором, установить к настоящему времени не удалось.

Примечательно, что государево послание имело двух адресатов. На лицевой стороне конверта, в который оно было запечатано, сохранилась запись: «Господину генералу-лейтенанту и генералу-прокурору Ягушинскому в Москве. А в небытность ево распечатать и чинить по сему прокурору Колегии воинской Егору Пашкову».

Необходимо заметить, что постановление от 25 ноября 1722 года вряд ли свидетельствовало о каком-то жестокосердии Е. И. Пашкова или его негативной пристрастности к сановному подследственному. Как представляется, в данном случае Егор Пашков действовал сообразно духу процессуальной нормы, закрепленной в статье 58-й главы 21-й Уложения 1649 года (сохранявшего в полной мере юридическую силу в первой четверти XVIII века). Согласно этой норме, уличенный в особо тяжких преступлениях обвиняемый подлежал пытке в обязательном порядке, даже если он сразу давал признательные показания.

То есть обито, обтянуто.

Иными первыми судебными следователями явились уже упоминавшиеся бывшие ассессоры все той же канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова Иван Бахметев и Авраам Шамордин, которые были временно привлечены Вышним судом в качестве следователей в январе 1723 года.

Изначальное местонахождение Вышнего суда в подмосковной
государевой резиденции селе Преображенском.

Мотивы указанного подношения фискал Иуда Петрович объяснил, впрочем, двояко: с одной стороны, «из любви», с другой — «чтоб он, Нестеров, был к нему впредь благоприятен».

В первые три недели января 1724 года (когда составлялось обвинительное заключение по А. Я. Нестерову и вообще завершалось следственное производство по «делу фискалов») Петр I регулярно посещал Вышний суд. Согласно походному «Юрналу», император «изволил быть в Вышнем суде» 4, 15, 16, 18, 20 и 22 января. Так что времени пообщаться с Егором Ивановичем у государя было достаточно.

Из осужденных фигурантов «дела фискалов» Петр I помиловал единственно А. И. Никитина, которому смертная казнь была заменена на наказание кнутом, вырывание ноздрей и пожизненную ссылку на каторгу.

Ныне микрорайон «Таврово» Левобережного района города Воронежа.

Это был освобожденный из ссылки в январе 1733 года тот самый бывший полковник и генерал-фискал, который имел неосторожность разоблачать утайку душ А. Д. Меншиковым.

Воронежский историк Н. А. Комолов высказал мнение о причастности Егора Пашкова к уходу из жизни М. Х. Змаевича и А. А. Мякина. Версия эта представляется, однако, безосновательной. Трудно представить, как бывший прокурор и вице-губернатор потаенно готовит яд и посылает наймитов для умерщвления своих недругов. Сюжет совсем не в духе нравов российской бюрократической среды 1730-х годов.

Оба брата Григория Алексеевича (младшие и, возможно, близнецы) связали жизнь с военно-морским флотом. Василий и Иван Урусовы в 1708 году были направлены для обучения морскому делу в Голландию, проходили стажировку на английском и датском флотах. В Россию вернулись в 1716 году. Князь Василий Алексеевич длительное время служил на Каспийском море, картографировал его восточный берег. В качестве командира группировки вспомогательных судов участвовал в Персидском походе 1722–1723 годов, а в 1724–1729 годах возглавлял Астраханскую контору Адмиралтейской коллегии. В ноябре 1727 года произведен в капитаны 2-го ранга. Впоследствии занимал должности главы Московской конторы Адмиралтейской коллегии, советника Адмиралтейской коллегии. В июне 1739 года произведен в генерал-лейтенанты и назначен главой Оренбургской экспедиции. Скончался в июле 1741 года. Князь Иван Алексеевич служил преимущественно на Балтийском флоте, командовал фрегатом. Параллельно с братом участвовал в морской кампании на Каспии в период Персидского похода 1722–1723 годов. В августе 1727 года уволен с флота по состоянию здоровья с чином капитана 3-го ранга. В 1732–1735 годах состоял в должности воеводы Свияжской провинции.

То есть материнского.

Упоминание о «бабке» нового императора было весьма странным. Г. А. Урусов не мог не знать, что императрица Екатерина I (а именно она здесь подразумевалась) не состояла ни в каких родственных отношениях с новым императором. Бабушками Петра II являлись в действительности царица Евдокия Федоровна (наильно постриженная в монахини в 1696 году) и принцесса Кристина Луиза Этгингенская (по материнской линии).

Во всех документах, подписанных совместно В. И. Ивановым и В. Г. Языковым, подпись Василия Григорьевича неизменно стоит первой. Для того времени это безусловный показатель старшинства.

Осмотр подлинника документа показал, что изначально он был сложен вчетверо. Заметная потертость листов по вертикальным сгибам свидетельствует о том, что документ длительное время хранился в плотно сложенном виде — вероятно, в кармане мундира или в полевой сумке.

В документах канцелярия пространно именовалась «инквизицией, производящейся лейб-гвардии над афицеры лейтенантом Васильем Ивановым и ундер-лейтенантом Васильем Языковым».

В отечественном военно-уголовном процессе XVIII века на аудитора возлагались разнородные, но весьма ответственные полномочия: он выступал в роли юрисконсульта, секретаря судебного заседания, участвовал в сборе доказательств на досудебной стадии, заверял обобщающие процессуальные документы, а также докладывал суду материалы дела.

Предусматривали ответственность за неисполнение приказа командира, служебный подлог и за умышленное уничтожение списков и экземпляров административных и законодательных актов.

Предусматривал назначение презусу и ассессорам следственной канцелярии смертной казни за получение взятки и попустительство в отношении подсудимых.

Ныне административный центр одноименного района Воронежской области.

Ныне административный центр одноименного района Сумской области Украины.

Ныне село Черный Яр, административный центр одноименного района Астраханской области.

Романическая история Ивана Кожина доставила Б. Г. Скорнякову-Писареву немало хлопот. Дело в том, что после ареста поручика его возлюбленная двинулась за ним в Санкт-Петербург. В свою очередь, муж ветреной дамы взялся осаждать Богдана Григорьевича просьбами содействовать ее возвращению «ему в жену по прежнему».

Ныне административный центр одноименного района Брянской области.

Эта мера была, несомненно, связана с понесенным И. Р. Лосевым наказанием в виде вырезания ноздрей.

Как уже упоминалось, упраздненный в конце XVIII века чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

Историческое наименование области, расположенной на северо-западе современной Румынии.

Впрочем, и князь Иван Трубецкой прожил не короткую жизнь. Он скончался в январе 1750 года в возрасте 82 лет. Иван Юрьевич был, кстати, последним, кто имел высший в допетровской России чин боярина, полученный им в 1692 году.

Высшая судебная инстанция Франции в XV–XVIII веках.

Хотя из числа строевых офицеров гвардии в деле царевича помимо князя Василия Долгорукова оказался замешан только капитан Преображенского полка С. Г. Нарышкин.

До настоящего времени упорно бытует версия, что Алексей Петрович не умер своей смертью, а был тайно казнен по приказу Петра I. Исполнителями казни считаются П. А. Толстой, А. И. Румянцев, А. И. Ушаков и И. И. Бутурлин. Данная версия восходит к письму А. И. Румянцева некоему Д. И. Титову от 27 июля 1718 года, являющемуся, как давно установлено, подделкой, сфабрикованной в первой половине XIX века. В действительности смерть царевича наступила естественным путем — вследствие пыток, которым он интенсивно подвергался в июне 1718 года. Достаточно сказать, что только накануне суда, с 19 по 24 июня, его пытали шесть (!) раз. Последний раз Алексея Петровича (уже осужденного!) истязали 26 июня, за семь часов до наступления смерти. И. И. Бутурлин присутствовал по меньшей мере на пяти из отмеченных допросов.

Специально подготовленными извлечениями из материалов уголовных дел.

П. И. Власов сознался в получении 5000 рублей, П. К. Скурихин — 1959 рублей.

Назначение это не означало завуалированную ссылку. Дело в том, что П. И. Власов начинал службу в Сибири, а его отец стольник Иван Евстафьевич являлся вторым послом при заключении в 1689 году Нерчинского договора с Китаем.

Ныне город Александров, административный центр одноименного района Владимирской области.

Расхожее утверждение, что П. А. Толстой вызвался ехать за рубеж добровольно (дабы завоевать доверие Петра I), никак не подтверждается документально. Характерно, что в подготовленном в 1724 году самим Петром Андреевичем описании своих «служб» отмеченная поездка вообще не упомянута.

Судя по всему, в данном случае автор откровенно поделился личным опытом общения с венецианками.

Так в России в начале XVIII века продолжали на древнерусский манер именовать Стамбул.

По всей очевидности, никакого приговора умиравшая императрица не утверждала, а все итоговые документы суда были подготовлены под диктовку А. Д. Меншикова (писать светлейший князь не умел).

Элементарное представление о процедурах судопроизводства Григорий Григорьевич мог получить, разве что заседая в полковом военном суде — «кригсрехте».

Для этого при казни Степана Глебова к колу была прибита горизонтальная рейка, чтобы казнимый под силой тяжести тела не сполз к земле. Кроме того, на казнимого надели шубу и меховые сапоги, чтобы он не замерз, и тем самым продлили его страдания.

Будучи капитально реконструирован Г. Г. Скорняковым-Писаревым, этот дом (несколько перестроенный в XIX веке) сохранился до настоящего времени. Его современный адрес: набережная Лейтенанта Шмидта, 7.

Ныне село Жиганск, административный центр одноименного района (улуса) Республики Саха (Якутии).

Обер-комендант Санкт-Петербурга, старший брат начальника артиллерии российской армии Я. В. Брюса (находившегося в то время при осаде Риги).

Отец неоднократно упоминавшегося камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца (проведшего первые семь лет жизни в России).

Так в начале XVIII века именовались мортирные батареи. Термин явился искаженной калькой от немецкого *kessel* — котел. Его использование было связано с тем, что на боевой позиции мортиры устанавливались на деревянные платформы в углубленные в грунте площадки.

Ныне Пярну (*эст.* Pärnu), административный центр уезда Пярнумаа Эстонской Республики.

Как уже отмечалось, Ниеншанц (взятый российскими войсками в мае 1703 года) располагался в устье реки Охты, в восточной части современного Санкт-Петербурга.

Ныне поселок Куркиёки, административный центр Куркиёкского сельского поселения Лахденпохского района Республики Карелии.

Что касается Пушечного двора, то на его месте в 1770-е годы было выстроено основное здание Арсенала (позднее получившего название Старого арсенала). После перевода основных объектов Санкт-Петербургского арсенала на противоположный берег Невы здание Старого арсенала в августе 1865 года было передано на баланс Министерства юстиции. После реконструкции, проведенной зимой 1865/66 года, бывший Арсенал превратился в своего рода Дворец правосудия, став зданием столичных «судебных установлений». В его помещениях разместились Санкт-Петербургский окружной суд и Санкт-Петербургская судебная палата, торжественное открытие которых состоялось 17 апреля 1866 года. В ходе Февральской революции 1917 года здание (по тогдашнему адресу: Литейный проспект, 4) было сожжено, а в 1929–1930 годах разобрано. В 1931–1932 годах на этом месте было выстроено административное здание, которое заняло Полномочное представительство ОГПУ СССР в Ленинградском военном округе. В настоящее время в здании находится Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Ныне административный центр одноименного национального района Республики Карелии.

То есть путем вымогательства с применением насилия.

Ныне город Кола, административный центр одноименного района Мурманской области.

То есть с боем.

На известном портрете 1740-х годов кисти неизвестного художника, на котором Вилим Иванович изображен при всех регалиях, этот внушительных размеров медальный портрет вырисован в самом центре композиции.

В настоящее время бальнеологический и грязевой курорт «Марциальные воды», расположенный в одноименном поселке Кондопожского района Республики Карелии.

Ныне административный центр одноименного района Пермского края.

«Эксемпелем» являлось осуждение Правительствующим сенатом к смертной казни бывшего сибирского губернатора М. П. Гагарина.

То есть поименованных выше земских комиссаров.

Основанный в 1723 году Ягошихинский (Егошихинский) завод положил начало существованию города Перми, получившего современное название в 1780 году.

Главу территориального органа налоговой службы.

Ныне административный центр шахрестана (области) Исламской Республики Иран.

После награждения орденом В. И. Геннин добавил к своей фамилии французскую дворянскую частицу «де» и стал подписываться либо «де Геннин», либо по-немецки «G. W. de Hennin».

Первое кладбище Санкт-Петербурга у церкви Святого Самсония (Сампсония), поставленной в 1710 году (в 1738 году возведено новое каменное здание Сампсониевской церкви), на котором были как православные, так и иноверческие («немецкие») захоронения. На этом кладбище, расположенном на Выборгской стороне Санкт-Петербурга, хоронили умерших в 1710—1750-х годах.

comments

Комментарии

1

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 166.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 74–77.

О жизненном пути, ратных, административных и историографических трудах Ф. Ф. Волконского более подробно см.: *Богданов А. П., Чистякова Е. В.* «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 13–29.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. СПб., 1907. Т. 1. Ч. 3. С. 374–375.

Там же. С. 394. Скончалась княжна Анастасия Ивановна в 1731 году.

Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 672.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. С. 394. А. И. Волконской суждено было пережить и второго мужа: в документе 1726 года она именуется уже «вдовой Настасьей Чаадаевою» (Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 63. С. 775). От второго брака Анастасия Ивановна имела сына А. В. Чаадаева (*Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. С. 375).

Там же. С. 374; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 63. С. 775.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. С. 375.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 63. С. 776.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. С. 403.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 76.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. С. 5; Приложения. С. 4.

Там же. С. 19.

Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 39–40. Общий список 67 гвардейских офицеров, отправленных в 1697 году для обучения военно-морскому делу в итальянские государства, Голландию и Англию, см.: История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 221–222.

Согласно шведскому документу, среди ночи на крепость упал «огненный шар», который и воспламенил уже разрушенные к тому времени деревянные строения (*Шаскольский И. П.* Шведский источник об осаде Нотебурга Петром I // *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР.* 1985 / Под ред. М. В. Кукушкиной, А. И. Копанева. Л., 1987. С. 221). Насколько возможно понять, этот «огненный шар» являлся зажигательным мортирным ядром большого калибра. Поскольку зажигательный эффект достигался тем, что ядро перед самым выстрелом раскалялось в особом горне, в ночное время оно могло выглядеть на всей траектории полета именно как «огненный шар».

Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. А. Ф. Бычкова.
СПб., 1889. Т. 2. С. 104.

Шаскольский И. П. Шведский источник об осаде Нотебурга Петром I.
С. 222.

Согласно трофейной ведомости, в Нотебурге на момент сдачи хранился 4371 пуд пороха (Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификацей и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества свейскаго. 2-е изд. СПб., 1766. С. 10). В пересчете на современную меру веса это 71 597 килограммов. Более чем достаточно, чтобы капитально разрушить небольшую по площади крепость.

Там же. С. 7.

Детальную сводку потерь см.: Там же. С. 8—10.

До 1917 года на братской могиле в Шлиссельбурге ежегодно 11 октября служили панихиду по погибшим, оглашая их имена (Фролов А. И. Старинные крепости Ленинградской области. СПб., 2007. С. 77).

Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727): Историко-литературный материал из эпохи преобразований / Сост. Е. В. Петухов. Юрьев, 1901. С. 371.

Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. [Т.] 1. С. 85–86. Представляется уместным заметить, что, по убедительному предположению Е. А. Погосян, осада Нотебурга явилась существенной вехой также и в частной жизни царя Петра Алексеевича. Именно в осадном лагере на берегу Невы государь сблизился с безродной пленницей Мартой Скавронской — своей будущей второй супругой Екатериной Алексеевной (Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 97–98).

Славнитский Н. Р. Топография викториальных праздников в Санкт-Петербурге в первой четверти XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды VII междунар. научно-практич. конф. / Под ред. С. В. Ефимова. СПб., 2016. Ч. 5. С. 22.

К примеру, 11 октября 1719 года празднование с участием будущего императора проходило в Шлиссельбурге следующим образом: «... Отслушав святую литургию в церкви Иоанна Предтечи, ходили по городу с молебным пением. И, выпая из всех пушек, отошли в казармы и изволили кушать. Потом гуляв на болварках, где его царское величество из 3-х пушек стрелять [изволил], и довольно забавляясь, палили ис пушек даже до 10-го часу пополудни» (Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 334).

Походный журнал 1724 года. СПб., 1855. С. 21.

Поименный список офицеров-семеновцев, получивших ранения при штурме Нотебурга, см.: Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / Сост. А. В. Павлов, Н. К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 59. В числе раненых, кстати, оказался будущий зять М. И. Волконского, капитан Василий Чаадаев, оставленный затем для излечения в Москве.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Ч. 1.С. 54.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 205; *Желябужский И. А.* Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М., 1990. С. 305.

Adlerfeld G. The Military History of Charles XII, King of Sweden. London, 1740. Vol. 1. P. 225.

Подробнее см.: *Шаскольский И. П.* Ижорская земля (Ингерманландия) в последние месяцы шведской власти (1702–1703 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 147–149. Население Ниена эвакуировалось в города Южной Финляндии.

Публикацию поправок, собственноручно внесенных Петром I в черновую редакцию соглашения о капитуляции Ниеншанца, см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 155. Публикацию окончательного текста соглашения см.: Там же. С. 155–157.

Книга Марсова или воинских дел... С. 20.

Согласно известию, внесенному в официозную «Гисторию Свейской войны», составлявшуюся при личном участии Петра I, на военном совете, собранном после взятия Ниеншанца, было констатировано, что «оной шанец мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от природы». См.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова; под ред. А. А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 105. Приведенная формулировка принадлежала, вероятнее всего, самому царю.

По свидетельству датского посланника в России командора Юста Юля, последняя руина Ниеншанца — фрагмент крепостного вала — была подорвана минным зарядом большой мощности в присутствии царя 16 декабря 1709 года (*Юль Ю.* Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711) / Сост. Ю. Н. Щербачев; пер. с дат. М., 1899. С. 104).

Сидоров Д. А. Шведская Ладожская флотилия 1701–1703 гг. // Меншиковские чтения. 2016. № 7. С. 193–194.

Там же. С. 173, 209.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 163.

О локализации места атаки на «Астрильд» и «Гедан» см.: *Сорокин П. Е.* «Небываемое бывает» — морская победа 1703 г. у устья Невы // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Матер, междунар. науч. конф. / Под ред. В. Е. Возгрина. СПб., 2007. С. 255–261

Книга Марсова или воинских дел... С. 21. В письме вице-адмиралу К. И. Крюйсу от 1 июня 1703 года Петр I отмечал, что при атаке российские лодки «пущей огонь претерпели» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 173).

Сидоров Д. А. Шведская Ладожская флотилия 1701–1703 гг. С. 198

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1.
С. 232–233

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Ч. 1.С. 57

Там же. Извлеченные из полкового архива приведенные цифры безвозвратных и санитарных потерь являются, возможно, несколько завышенными. Похоже, гвардии штабс-капитан П. П. Карцов в ряде случаев учел среди потерь 7 мая 1703 года тех военнослужащих Семеновского полка, которые погибли в конце апреля при осаде Ниеншанца. Ср.: Синодик лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1914. С. 11–13.

Уместно заметить, что в письме от 27 мая 1703 года глава Разрядного приказа боярин Т. Н. Стрешнев доложил царю, что осуществленный в приказном архиве поиск прецедентов, какие награждения бывали за морские победы до 1703 года, не принес никаких результатов. Как отметил боярин Тихон Никитич, «а... прежде сего какие милости бывали, и того в Разряде не сыскано, для того что не бывало взятия кораблей на море никогда. И еще в сундуках станем искать, а, чаю, сыскивать нечева, примеров таких нет» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Ч. 1.С. 57.

Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 34.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Ч. 1.С. 58.

Подробнее сведения о событиях осады см.: *Мегорский Б. В.* Реванш Петра Великого. Взятие Нарвы и Ивангорода русскими войсками в 1704 году. М., 2016. С. 67—135.

См.: Синодик лейб-гвардии Семеновского полка. С. 13–14.

Мегорский Б. В. Реванш Петра Великого. С. 106.

Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого: Очерки. СПб., 2014. С. 362. Траурная церемония состоялась 31 июля 1703 года. Место погребения героического гвардейца Дмитрия Карпова установить не удалось. Его захоронение оказалось утрачено уже к началу XX века. См.: Петербургский некрополь / Сост. В. И. Сайтов. СПб., 1912. Т. 2. С. 337–338.

Adlerfeld G. The Military History of Charles XII, King of Sweden. London, 1740. Vol. 2. P. 18.

Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1. С. 267.

Книга Марсова или воинских дел... С. 38.

Согласно шведской биографии Г. Горна, после взятия Нарвы он подвергся «побоям и издевательствам». Затем бывший комендант был отправлен в Москву, где содержался в тюрьме «вместе с преступниками и злодеями». Был освобожден в 1714 году в результате обмена. В 1719 году удостоен титула графа и вошел в состав Государственного совета. Скончался в Стокгольме в мае 1730 года в возрасте 79 лет (Horn Henning Rudolf // Svensk Biografiskt Handlexicon. Stockholm, 1906. Del. 1. S. 521). После взятия Нарвы какие-то эксцессы с Г. Горном вполне могли иметь место, учитывая понятное ожесточение наших солдат и известный факт острого раздражения Петра I из-за упорного нежелания коменданта сдать крепость «на аккорд»..

Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная. С. 267.

Adlerfeld G. The Military History of Charles XII. Vol. 2. P. 22.

Поименный список см.: Синодик лейб-гвардии Семеновского полка. С. 15–17.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Ч. 1. С. 64. Потери Преображенского полка, атаковавшего вместе с семеновцами бастион Гонор, составили 27 человек убитыми и умершими от ран и 91 ранеными (Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. С. 71)..

Из прошлого: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 60.

Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. С. 297.

См.: Из прошлого: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 60.

Поименный список см.: Синодик лейб-гвардии Семеновского полка. С. 19–22.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Ч. 1. С. 82.

Из прошлого: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 61.

Список офицеров полка, участвовавших в битве, см.: Там же. С. 38.

См.: Там же. С. 40–41.

Подробнее см.: *Болтунова Е. М.* Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011. С. 50–61.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 5–5 об. Публикацию документа см.:
Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. А. А.
Преображенского. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 74–75.

Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 1. Публикацию документа см.: «И по делам всем, что есть, следовать»: Документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / Публ. Д. О. Серова // Исторический архив. 2006. № 2. С. 193–194.

О следственных канцеляриях первой четверти XVIII века подробнее см.: Серов Д. О., Федоров А. В. Очерки истории российских следственных органов. М., 2015. С. 34–52.

О деятельности и полномочиях фискалов в первой четверти XVIII века подробнее см.: Там же. С. 53–64; *Серов Д. О.* Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами // Исторический вестник. 2013. Т. 6. С. 54–81.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 34.

Там же. Л. 78, 100 об. — 101.

Там же. Л. 17, 18 об., 49, 79–88, 89–94 об.

См.: Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. А. А. Преображенского. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 372–374.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 6–6 об.

Там же. Ф. 26. Оп. 2. Кн. 193. Ч. 1. Л. 87.

Там же. Л. 32 об.

Там же. Л. 14.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 18.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 15.

Подлинник подметного письма см.: Там же. Ф. 248. Кн. 83. Л. 483–485.

Там же. Ф. 340. Он. 1. Кн. 14539. Л. 235 об.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 46.

Там же. Л. 48.

О петербургском доме Ф. А. Соловьева см.: *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 108, 116.

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 80.

200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904:
Историческое исследование / Сост. В. Н. Строев, П. И. Варыпаев и др.
СПб., 1911. Приложения. С. 102.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 63. С. 775.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 36.

См.: РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 52–52 об.

Там же. Л. 57 об. (запись в правом нижнем углу листа).

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 166.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 61 об. (помета в верхнем правом углу листа).

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. И. А. Бычкова.
СПб., 1912. Т. 6. С. 140–141.

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 5. Л. 39. Касательно количества пропущенных за взятки купеческих судов в ходе судебных слушаний фигурировали, впрочем, совсем другие цифры. Состоявший в команде Н. Т. Ржевского гвардии рядовой Игнатий Дурново утверждал, что только в ночь на Пасху 1709 года поручик велел пропустить целиком купеческий караван, состоявший из «немалого числа» стругов. Согласно же показаниям Авраама Рубанова, в пасхальную ночь 1709 года в Ригу прошли 41 (!) струг и 26 плотов (Там же. Л. 28–28 об.).

Там же. Л. 46–46 об.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975. Т. 12. Вып. 1.С. 361.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 4. Кн. 1. С. 318. Именным указом от 26 января 1722 года «для полученного с короною Свейскою вечного миру» (то есть в рамках амнистической кампании по случаю победоносного завершения Великой Северной войны) Никита Ржевский был освобожден от дальнейшего отбывания ссылки. 11 мая 1722 года ему было публично объявлено прощение (РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 374). По всей очевидности, участь Никиты Тимофеевича сумела облегчить его двоюродная сестра Евдокия Ивановна — знаменитая «Авдотья — бой-баба». Вышедшая в 1710 году в 17 лет замуж за бригадира Г. П. Чернышева (будущего графа и генерал-аншефа), Е. И. Ржевская длительное время являлась еще и «метресой» Петра I. Из пятерых детей Григория и Авдотьи Чернышевых, родившихся в 1711–1724 годах, некоторые были, вероятно, внебрачными детьми царя. Наибольшей известности из детей Евдокии Ивановны добился граф Захар Григорьевич (1722–1784), ставший при Екатерине II генерал-фельдмаршалом и президентом Военной коллегии.

Подробнее см.: *Серов Д. О.* Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (Опыт систематического обзора) // *Актуальные проблемы российского права.* 2014. № 2. С. 165–173.

Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 757.

Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 36.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 276.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 117. Л. 200.

Там же. Кн. 691. Л. 680.

Corpus Iuris Militaris. Franckfurt am Mäyn, 1657 [S. I].

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 182.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 34. С. 278.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 68. Публикацию документа см.: «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / Публ. Д. О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 202.

К примеру, в 1733 году осужденный за умышленное убийство несовершеннолетнего к смертной казни через колесование полковник А. Мещерский обратился к императрице Анне Иоанновне с челобитной, в которой просил — в качестве особой милости — подвергнуть его расстрелу (*Калашников Г. В. Офицеры под судом и следствием: Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // Кодекс-info. 2000. № 2. С. 84–85).*

Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский; под ред. Б. И. Сыромятникова. М.;Л., 1945. Т. 1.С. 219–220.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 599 об.

Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии.
М., 2008. С. 351.

Там же. Кн. 117. Л. 208–208 об. Петербургский дом Михаила Ивановича, расположенный за Литейным двором, был, по распоряжению Петра I от 3 июля 1718 года пожалован капитан-поручику Преображенского полка М. И. Бобрищеву-Пушкину (РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 81).

См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М., 1813. Ч. 2. С. 55–77; *Долгоруков П. В.* Сказание о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 89–99.

Там же. С. VIII–IX.

Петербургский некрополь/ Сост. В. И. Саитов. СПб., 1912. Т. 2. С. 71.

Дворяне Москвы: Свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост. Н. В. Козлова, А. Ю. Прокофьева. М., 2015. С. 771.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. СПб., 1907. Т. 1. Ч. 3. С. 31.

Там же. С. 66.

Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 386.

Там же. Стб. 927.

См.: История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 221–222.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1935. Л. 30. В бытность Михаила Долгорукова сенатором (в 1711–1718 годах) вместо него неизменно расписывался сенатор Г. А. Племянников. Выявленный недавно в архиве автограф Михаила Владимировича являет собой с очевидным трудом нацарапанную строку «кн[я]зь Миха[й]ла Долгоруково», выполненную нетвердой рукой печатными буквами (Там же. Ф. 1451. Кн. 18. Л. 240).

Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890.
Кн. 1.С. 360.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 1.4. З. С. 69.

Московский некрополь / Сост. В. И. Саитов. СПб., 1907. Т. 1. С. 388.
Княгиня А. П. Долгорукова была погребена в московском Богоявленском монастыре поблизости от многих представителей фамилии Долгоруковых.

История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 гг. / Сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4. Приложения. С. 83.

История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому/Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 198.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. С. 20, 35.

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 75; История Преображенского полка.
Приложения к 2-му тому. С. 195.

Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. 2. С. 40, 80.

Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. С. 304.

Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1935. С. 127–128.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) Сост. Т. С. Майкова; под ред. А. А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 140. Стоит добавить, что В. В. Долгоруков принял участие в подготовке «Гистории...», составив в сентябре 1724 года небольшую записку о действиях своей группировки по ликвидации восстания. Публикацию документа см.: О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. Публ. В. И. Лебедева // Исторический архив. 1955. № 4. С. 193–194.

История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С. 195.

Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 2. С. 209.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 72.

Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного архива) / Сост. А. З. Мышлаевский. СПб., 1893. С. 108.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 286 об.

Походный журнал 1714 года. СПб., 1855. С. 144.

Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 13.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века. Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 218.

Из записной книжки собирателя памятников русской исторической старины / Публ. Н. Ф. Самарина // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 187.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 135–136.

Там же. С. 137.

Там же. С. 137–138.

Там же. С. 151–152.

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 161.

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8.

Там же.

Там же. Кн. 24. Л. 276 об.

История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С 88

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. Кн. 24. Л. 297.

Там же. Л. 329 об.

Новейшее обозрение дела Алексея Петровича см.: *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. СПб., 2009. С. 390–432; *Рыженков М. Р.* Первая трагедия в «доме Романовых»: дело царевича Алексея Петровича. 1718 г. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 151–169. Отречение Алексея Петровича было 3 февраля 1718 года нормативно закреплено изданием особого «Манифеста об удалении от наследования престола царевича Алексея Петровича», незамедлительно опубликованного типографски. Современную научную публикацию Манифеста см.: Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 54–60.

РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 1.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 601.

Краткое изложение материалов дела в литературе см.: Там же. С. 195–201.

165

РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 35.

Там же. Л. 14 об. — 15.

Там же. Л. 19–19 об. Вместе с тем под проезд к месту ссылки Василию Владимировичу государь указал выделить шесть (!) подвод и внушительную сумму в 50 червонных золотых (из его же конфискованных средств). В Соликамск Василий Владимирович был отправлен из Санкт-Петербурга под конвоем четырех гренадеров 26 июля 1718 года. (*Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 616.*) Уместно заметить, что сенатским указом, изданным за день до этого, 25 июля, ссыльному В. В. Долгорукову было установлено более чем щедрое денежное содержание («кормовые деньги») — по рублю (!) на день (РГАДА. Ф. 248. Кн. 46. Л. 542).

Там же. Ф. 6. № 53. Л. 8 об.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 617–618. 29 марта 1719 года тело Федора Дмитриевича было снято с колеса и отдано для погребения родственникам. (Там же.)

РГАДА. Ф. 6. № 55. Л. 31–31 об. Каких-либо дополнительных сведений о С. Мейер и ее внебрачном ребенке выявить к настоящему времени не удалось.

Там же. Ф. 1451. Кн. 18. Л. 240.

Не исключено, что В. В. Долгорукову было возвращено его собственное личное оружие. Согласно распоряжению А. Д. Меншикова от 20 января 1719 года шпаги, изъятые у лиц, арестованных по делу царевича (в том числе Василия Долгорукова), были оставлены на хранение «до указа» у коменданта Петропавловской крепости. См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 618.

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 18. Л. 437.

Там же. Ф. 248. Кн. 1937. Л. 61.

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и блаженныя памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 24.

Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 13.

Подробнее см.: *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С.164, 168–172, 174–179 и др.

Цит. по: Там же. С. 212.

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 135, 207.

Там же. С. 217, 239.

Полное собрание законов. Т. 8. С. 604–605.

Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 448.

Долгоруков П. В. Сказание о роде князей Долгоруковых. С. 97–98.

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1878. Т. 3. С. 77, 78.

Там же. С. 81, 95.

Рондо К. Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 г. / Пер. с англ. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861. Кн. 2. С. 10–11.

Лириа Я., де. Записки во время пребывания при императорском Российском дворе / Пер. с фр. СПб., 1845. С. 121.

Долгоруков П. В. Записки / Пер. с фр. СПб., 2007. С. 78.

Петербургский некрополь. Т. 2. С. 71.

Федоров Е. А. Каменный пояс. Л., 1951. Ч. 1. С. 73.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 171–180; *Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / Сост. А. А. Бобринский.* СПб., 1890. Ч. 1. С. 354.

Там же. С. 355.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 322–325.

Надписи, находящиеся в Богоявленском монастыре // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 342.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 8104. Л. 2.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции. С. 324.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 8104. Л. 2.

Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859.
Приложения. С. 71.

История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения ко 2-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 206.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 8104. Л. 2.

Как явствует из опубликованного архивного документа, Иван Плещеев ходатайствовал о продолжении лечения еще в июне 1712 года (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 23).

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 75.

Там же.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века. Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 220. Приведенные в данном труде сведения о дальнейшей судьбе следственной канцелярии И. Н. Плещеева являются ошибочными. (Там же. С. 221.)

Там же. С. 224.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 384. Л. 866.

Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1872. С. 32.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 382.

Там же. С. 224.

Там же. С. 252. Поскольку никаких сведений по делу Цынбальщикова в профильном повытье (отделе) сенатской канцелярии не оказалось, 24 марта 1715 года Сенат принял решение запросить сведения об этом деле в Московской губернской канцелярии. (Там же.)

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 25. Л. 373 об. В недатированном письме светлейшему князю А. Д. Меншикову Д. А. Соловьев отрицал предъявленные ему канцелярией И. Н. Плещеева обвинения, утверждая, что в бытность комендантом он трудился «бескорыстно, и ни от кого денежными и никакими подарками не обязан» и что «важеня и устьянцы при нас были в целости и всяком доволстве». (Там же. Л. 374.)

Осведомленный комиссар А. С. Сергеев в доношении Сенату от августа 1716 года утверждал, что братья незаконно собрали с поморских жителей в свою пользу более 20 тысяч рублей (РГАДА. Ф. 248. Кн. 272. Л. 930).

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 73.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 2. С. 655–656.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 690. По другим данным, названный именным указ был издан 24 марта 1719 года (Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. С. 56). Вместе с И. Н. Плещеевым одним из судей и членов коллегии был определен недавний его подследственный стольник Афанасий Савелов.

216

РГАДА. Ф. 248. Кн. 521. Л. 86.

Там же. Л. 87.

Там же. Ф. 286. Кн. 2. Л. 227 об.-228.

См.: Там же. Л. 299–299 об.

221

РГАДА. Ф. 248. Кн. 384. Л. 866 об.

Там же. Кн. 1886. Л. 114 об., 144 об.

Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 47. Л. 440.

Там же. Л. 447–447 об.

Там же. Ф. 248. Кн. 1887. Л. 103.

Полное собрание законов. Т. 6. С. 479–480.

Там же. С. 498–499.

Там же. С. 497.

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 368.

Там же. Ф. 248. Кн. 1889. Л. 197. Позднее отдельным сенатским указом от 16 июня 1723 года И. Н. Плещеев был освобожден от руководства Раскольнической канцелярией. (Там же. Кн. 1891. Л. 74 об.)

Там же. Кн. 1915. Л. 69.

Там же. Кн. 1922. Л. 123 об.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1886. Т. 55. С. 474.

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1872. Т. 2. С. 54.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 792, 793.

См.: Там же. С. 843–845.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1891. Т. 79. С. 29.

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 135. Этим же именным указом бывшие подследственные Ивана Плещеева Д. А. Соловьев и А. Т. Савелов были произведены в статские советники. (Там же.)

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. С. 239.

Надписи, находящиеся в Богоявленском монастыре. С. 342.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 449, 450.

Список воеводам, наместникам и губернаторам Симбирского края // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 129.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах... С. 450.

Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города / Сост. В. Г. Рубан. СПб., 1773. С. 28.

Иван Самойлович не упомянут в опубликованном списке военнослужащих Преображенского полка, начавших в нем службу до 1701 года. См.: История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому/Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 157–168.

Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859.
Приложения. С. 40.

История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 207. В опубликованном списке офицеров, служивших в Преображенском полку с момента учреждения по 1883 год, ошибочно указано, что И. С. Чебышев был произведен в поручики в 1708 году (История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 гг. Сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4. Приложения. С. 237).

Азанчевский М. П. История Преображенского полка. Приложения. С. 69.

Там же. С. 96. В 1712 году ротой командовал уже капитан-поручик С. Б. Федоров. (Там же. С. 103.)

История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С. 47.

Характерно, что, прежде чем доношение Г. Боева начало расследоваться, сам он претерпел изрядные злоключения. Для начала Гаврилу Боева вместе с семьей взял под стражу обличившийся им комендант И. Домогацкий. Когда же лебедянцу удалось вырваться и добраться до Санкт-Петербурга, то за подачу доношения напрямую царю (минуя Правительствующий сенат) он 29 октября 1714 года был приговорен к наказанию кнутом (*Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып. 2. С. 50–51; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 224*).

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1901. Т. 6. Кн. 1. С. 285.

Там же. Т. 5. Кн. 1. С. 548.

О деятельности фискалов Азовской губернии в петровское время см.:
Комолов Н. А. Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века: На материалах Белгородской и Воронежской губерний. Воронеж, 2007. С. 76–87.

256

См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 63. Л. 745, 746 об.

Там же. Л. 745 об.

Подробный пересказ челобитной см.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 1. С. 547–548.

Подробный пересказ доношения см.: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 2. С. 687–691.

См. «Роспись взяткам, что он, сотник, с кого какие взятки брал насилством своим». Там же. С. 690–691.

261

Там же. С. 691.

262

РГАДА. Ф. 248. Кн. 647. Л. 795.

Там же. Ф. 286. Кн. 203. Л. 620–620 об. Впоследствии С. Ремезов служил на канцелярских должностях в Санкт-Петербургском надворном суде, Юстиц-коллегии и нескольких следственных комиссиях. (Там же. Л. 621–621 об.)

Сборник Императорского Русского исторического общества/ Под ред.
А. Н. Филиппова. Юрьев, 1909. Т. 130. С. 173.

Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия / Сост. Ф. Ф. Веселаго. СПб., 1879. Т. 2. С. 261, 262.

Цит. по: *Комолов Н. А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.): Территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009. С. 166, 167.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 6. Кн. 1. С. 285.

Подробнее см.: *Рычаловский Е. Е.* Дело драгуна Полибина и феномен ложного извета в петровскую эпоху // *Петр Великий — реформатор России* / Отв. ред. Н. С. Владимирская. М., 2001. С. 63–66.

Там же. С. 64.

Там же. С. 65. Несмотря на то что за подобные ложные изветы А. Полибин подлежал смертной казни, в июне 1719 года он был приговорен лишь к каторжным работам. Однако и каторга не избавила бывшего драгуна от навязчивых фантазий. В ноябре Андрей Полибин подал новый извет, обвинив в намерении убить царя (все на том же Царицыном лугу) теперь уже московского вице-губернатора В. С. Ершова и одного из руководителей Тайной канцелярии гвардии майора А. И. Ушакова. На этот раз дело обернулось для сумасшедшего изветчика смертным приговором, приведенным в исполнение в Санкт-Петербурге 3 июня 1720 года. (Там же. С. 66.)

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 46. Эпизодическое вынесение приговоров в отношении второстепенных фигурантов уголовных дел имело место в практике и других следственных канцелярий Петра I.

РГАДА. Ф. 285. Он. 1. Кн. 5951. Л. 2. О Воронежском надворном суде
подробнее см.: *Комолов Н. А.* Органы следствия, суда и надзора... С. 42–50.

Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 30.

Ханенко Н. Д. Диариуш или журнал, то есть повседневная записка. Рок 1722 Публ. *О. М. Бодянского* / Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 1. Смесь. С. 14.

Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / Сост. А. А. Бобринский. СПб., 1890. Ч. 1. С. 11.

Там же. С. 13.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 92, 93.

Род князей Голицыных. Материалы родословные / Сост. Н. Н. Голицын. СПб., 1892. Т. 1. С. 120.

Там же. С. 125–128.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 67, 68, 80, 100, 174, 177, 195.

Там же. С. 170.

Надписи, находящиеся в Богоявленском московском монастыре // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 325.

Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / Сост. А. П. Барсуков. СПб., 1902. С. 186.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах... С. 92, 93.

Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. Приложения. С. 65.

Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / Сост. А. В. Павлов, Н. К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 67.

Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост. Н. В. Козлова, А. Ю. Прокофьева. М., 2015. С. 431.

Берхгольц Ф. В. Дневник. 1721–1725 / Пер. с нем. 3-е изд. М., 1902. Ч. 2. С. 32.

См.: История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому/Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 221–222.

Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 62.

Там же. С. 40.

Публикацию небольшой подборки писем Петра I П. М. Голицыну 1712–1719 гг. по делам полка см.: Там же. С. 79–81.

Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 7.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 217.

РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

296

См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167, 167 об.

См.: Там же. Кн. 58. Л. 626–628.

О «майорских» следственных канцеляриях подробнее см.: *Серов Д. О., Федоров А. В.* Очерки истории российских следственных органов. М., 2015. С. 40–52.

Петров-Солово Александр Кузьмич, из дворян. С 1700 года служил в Преображенском полку. Дважды ранен. В августе 1711 года из капитан-поручиков 1-й роты произведен в капитаны и назначен командиром этой же роты. В сентябре 1719 года подал челобитную с просьбой об увольнении с военной службы по состоянию здоровья (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 41. Л. 13; История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 51). В январе 1720 года произведен в полковники и назначен сибирским вице-губернатором. В Сибири длительное время занимался расследованием восстания в городе Таре, произошедшего в 1722 году. В феврале 1728 года уволен в отставку с награждением чином бригадира. Даты жизни установить к настоящему времени не удалось.

Козлов Иван Федорович, из дворян. С 1703 года служил в Семеновском полку. 1 января 1721 года из капитан-поручиков 7-й роты переведен в 1-ю роту (РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 20). В феврале 1722 года назначен прокурором Адмиралтейской коллегии. Впоследствии генерал-майор, президент Генеральной счетной комиссии, директор Счетной экспедиции Военной коллегии.

301

РГАДА. Ф. 248. Кн. 46. Л. 398 об.

См.: Там же. Кн. 51. Л. 34 об. — 36 об.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века. С. 233.

Несмотря на то что А. В. Кикин должен был вскоре предстать перед судом, в отношении его не было избрано никаких мер пресечения. Более того: бывшего адмиралтейского советника как ни в чем не бывало принимал в своем доме и А. Д. Меншиков. Последний перед описываемыми событиями визит Александра Васильевича к светлейшему князю состоялся 16 января 1718 года. (Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 193).

Там же. С. 197.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 171, 461, 462.

Там же. С. 178, 224.

См.: Там же. С. 529–536.

309

РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 232.

310

Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1872. С. 64.

311

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 416–417.

312

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 193–193 об.

Там же. Л. 225.

Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого. С. 70.

Ханенко Н. Д. Диариуш или журнал, то есть повседневная записка. Рок 1722. С. 14; *Берхгольц Ф. В.* Дневник. 1721–1725. Ч. 2. С. 32.

316

Там же.

Подробное описание похорон П. М. Голицына см.: *Ханенко Н. Д.* Диариуш или журнал, то есть повседневная записка. Рок 1722. С. 16–18.

Надписи, находящиеся в Богоявленском московском монастыре. С. 330, 332. По состоянию на 1891 год в Богоявленском монастыре были похоронены 43 князя, 16 княгинь и 16 княжон Голицыных (Род князей Голицыных. С. 379).

319

РГАДА. Ф. 5. Кн. 26. Л. 407.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1857. 4.4. С. 350.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 73–74.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 782.

Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900. Т. 1. С. 150–151.

Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 15.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 782.

Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года. Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. С. 127, 219 и др.

Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1911. С. 59.

Согласно документам полкового архива, 28 сентября 1708 года Михаил Волков был ранен «по голове выше лба пулею». (Там же. С. 62.) Исходя из этих сведений, ранение было касательным. Сам Михаил Яковлевич отмечал, что получил ранение «на Левегоптской баталии в лоб» (Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 782). В этом случае ранение следует признать пулевой контузией.

329

Там же.

В 1710-е годы в батальон М. Я. Волкова входили роты: гренадерская, 1–4, 9 и 10-я (*Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 1. С. 130*).

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. П. Вып. 2.
С. 74.

Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. ПО, 134, 135 и др.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 782.

Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. С. 149.

Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. С. 30–34. 14 октября 1706 года Петр I распорядился публично казнить Вяжицкого и его сообщников в Минске. (Там же.)

336

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 51. Л. 20. Поступив на военную службу в 1704 году, А. П. Баскаков стал ротным командиром в 1714 году. (Там же.) Впоследствии Алексей Баскаков занимал должности судьи Вышнего суда, обер-прокурора Святейшего синода, вице-президента Камер-коллегии, президента Ревизион-коллегии, смоленского губернатора. Даты жизни установить к настоящему времени не удалось.

Т. С. Тишин служил в гвардии с 1701 года. 1 января 1719 года произведен в капитаны и назначен командиром 12-й роты Преображенского полка (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 12).

С. Л. Игнатъев поступил в Семеновский полк рядовым в 1704 году. В январе 1721 года произведен в капитаны и определен командиром 5-й роты полка (РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 51. Л. 84). Впоследствии советник Военной коллегии и обер-комендант Санкт-Петербурга. 2 марта 1740 года произведен в генерал-лейтенанты, 25 июня 1744 года назначен сенатором. Умер 6 августа 1747 года (Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Сост. Н. А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 184).

340

РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 2.

341

Там же. Л. 13–13 об.

342

Там же. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5947. Л. 8 об.-9.

343

Там же. Л. 9.

Там же. Л. 8.

О прокурорской деятельности князя Василия Ивановича подробнее см.: Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 77–78, 132–133, 229–230.

346

РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 2.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1981. С. 88, 234, 235.

Бабич М. В. Генерал М. Я. Волков: Материалы к биографии // «Мы были!». Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. С. В. Ефимов. СПб., 2004. Ч. 1. С. 13.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 171.

Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 636.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 781.

Сборник Императорского Русского исторического общества/Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1898. Т. 101. С. 282–283.

Там же. С. 421, 422.

Подробнее см.: *Бабич М. В.* Генерал М. Я. Волков: Материалы к биографии. С. 14, 15.

Не случайно авторитетнейший Н. А. Мурзанов включил М. Я. Волкова в подготовленный им «Словарь русских сенаторов» (Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг. С. 89).

Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия. С. 636.

Бабич М. В. Генерал М. Я. Волков: Материалы к биографии. С. 15.

Там же.

Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721–1725 / Пер. с нем. 2-е изд. М., 1902. Ч. 1. С. 71–72.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1855. 4.2. С. 178, 179.

Надгробная летопись Москвы / Сост. А. А. Мартынов // Русский архив.
1895. Т. 2. № 7. С. 384.

362

РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 47. Л. 1.

Синодик лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1914. С. 7. Погребен Иван Дмитриев-Мамонов был в братской могиле на территории крепости (Русский провинциальный некрополь / Сост. В. В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. С. 255).

Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. СПб., 1832. Ч. 2. С. 109–113.

Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004. С. 200. Известно, что Анастасия Ивановна здравствовала еще в августе 1745 года, когда, уже будучи вдовой, заложила доставшийся от отца двор в Москве, располагавшийся в Белом городе, близ Мясницких ворот (Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1897. Т. 7. С. 42–43).

Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / Сост. А. В. Павлов, Н. К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 58, 60.

Письма и бумаги императора Петра Великого / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 195–196. Впервые специально обратившийся к истории следственных канцелярий России первой четверти XVIII века приват-доцент Императорского Харьковского университета В. И. Веретенников ошибочно указал, что И. И. Дмитриев-Мамонов был направлен в Архангелогородскую губернию для расследования дела о незаконной продаже за границу пеньки (*Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 30*).

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13. Вып. 2. С. 196.

Там же. С. 215.

370

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

О неординарной и незаслуженно забытой фигуре Петра Борисовича Вельяминова подробнее см.: *Серов Д. О.* Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 210–211, 267–268.

372

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 26.

Там же. Л. 21.

Там же. Л. 27.

Там же. Ф. 248. Кн. 649. Л. 413.

См.: Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года Публ. П. И. Иванова / Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 3. Смесь. С. 18. В документе упомянуто о гибели 191 «книги» «Канцелярии Мамоновой», хранившейся в Сенатском архиве.

См., например: РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 21, 23 об., 29 об. В остальных случаях канцелярия официально именовалась «канцелярией ведения от гвардии маэора господина Дмитриева-Мамонова», а затем «канцелярией ведения генерала-маэора и гвардии маэора господина Дмитриева-Мамонова да бригадира и лейб-гвардии маэора господина Лихарева с протчими афицеры».

378

РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. № 200. Л. 5–7.

379

Там же. Л. 7–7 об.

Там же. Л. 9, 10. Траханиоты являлись родственниками жены М. П. Гагарина Евдокии Степановны, урожденной Траханиотой. В бытность М. П. Гагарина губернатором он назначил на комендантские должности также Р. А. Траханиотова (в Томск) и И. И. Траханиотова (в Верхотурье).

381

Там же. Л. 11–11 об.

Там же. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 52.

РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 1–3, 7—85 (выписки по эпизодам обвинений), 95–96 об. (подлинник приговора).

Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 27.

385

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 97.

386

См.: Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 81–90 об.

387

Там же. Ф. 214. Оп. 5. № 2662. Л. 7.

388

См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. № 82. Л. 1-14.

Там же. Л. 27–27 об.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 90–91 об. Иную копию приговора см.:
Там же. Ф. 214. Оп. 5. № 2662. Л. 16–18.

391

Там же. Л. 15 об.

Там же.

Примечательно, что в Военной коллегии приговор успел вызвать изрядные сомнения. Как гласило заключение генерал-аудитора-лейтенанта В. Центарови, для вынесения приговора следовало, во-первых, привести к присяге свидетелей обвинения, а во-вторых, все же подвергнуть подсудимого пытке. Как отметил коллежский генерал-аудитор-лейтенант, «ево можно угрожением, поведши в застенок и показавши все инструменты, ко объявлению правды привести. А ежели он и тогда самую правду не скажет, а довод но обличения против ево есть, то можно ево... пытать» (Там же. Л. 174 об.).

Там же. Л. 24.

Там же. Л. 25.

Там же. Л. 1.

См.: Там же. № 2619. Л. 26–29. Согласно недатированной записи о приведении приговора в исполнение, Ф. Рупышев получил 25 ударов кнутом, а А. Ф. Рупышев — 15 ударов. (Там же. Л. 30.)

Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 147, 150.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1952. Л. 211; Ф. 285. Кн. 5959. № 42. Л. 12–13.

Подробнее см.: *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века. Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 62, 332–333.

Надгробная летопись Москвы. С. 384.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. С. 324. Как писал Ж. Кампредон в депеше от 21 октября 1724 года, «оказывается, царица родила мальчика в Москве. Она не показывается теперь». Своеобразие ситуации добавило еще то обстоятельство, что, по сведениям французского посланника, доверенным посредником в отношениях между Иваном Ильичом и царицей Прасковьей являлся государев денщик Василий Поспелов — то ли уже являвшийся зятем Ивана Дмитриева-Мамонова, то ли вскоре им ставший.

Игнатъев А. Иван Ильич Дмитриев-Мамонов // Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762 / Под ред. С. А. Панчулидзева. СПб., 1901. С. 24.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 172.

405

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1944. Л. 92.

Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Сост. Н. А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 150.

407

РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 7. Л. 1.

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 146.

Мартынов А. А. Из археологических заметок. Дом Московского почтамта (Палаты князя А. Д. Меншикова) // Русский архив. 1895. Т. 3. № 10. С. 219. Двор был куплен А. Д. Меншиковым за весьма внушительную по тем временам сумму в 2000 рублей.

Лириа Я., де. Записки во время пребывания при императорском
Российском дворе / Пер. с фр. СПб., 1845. С. 127.

411

Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 220.

Игнатъев А. Иван Ильич Дмитриев-Мамонов. С. 26.

Надгробная летопись Москвы. С. 384. Поблизости от могил родителей и старшего брата был похоронен и гвардии капитан И. И. Дмитриев-Мамонов-«меньшой», умерший 12 декабря 1732 года. (Там же. С. 385.)

Московский некрополь / Сост. В. И. Сайтов. СПб., 1908. Т. 2. С. 460.

415

РГАДА. Ф. 248. Кн. 57. Л. 240.

Гуммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 424, 426.

Московский некрополь / Сост. В. И. Сaitов. СПб., 1908. Т. 2. С. 98.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 210.

Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859.
Приложения. С. 72.

История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 28.

421

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 161.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 151–152.

423

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 3.

Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени.
Харьков, 1910. С. 40, 41.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века. Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 225.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 48. Публикацию документа см.: «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судоустройства и уголовной политики. 1716–1726 гг. /Публ. Д. О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 201.

427

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8–8 об.

428

См.: РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 68–68 об.

Кроме того, был принят ряд актов, обеспечивавших деятельность этой и других образованных 9 декабря 1717 года следственных канцелярий. Так, Сенатом 23 декабря 1717 года был издан указ, которым устанавливалось: «По именному великого государя указу определены к розыскным делам господа офицеры, а именно: <...> лейб-гвардии капитан Герасим Иванов сын Кошелев. Правительствующий сенат приказали: о чем от них указы посылаться будут, а именно, о присылке каких чинов людей, так же и дел для розыска в Санкт-Петербург и таким указам быть послушным и отпускать, чего они требовать будут, также и на подводы прогонные деньги давать везде без задержки» (Полное собрание законов. Т. 5. С. 529).

430

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8; РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 69 об.,
125–125 об.

431

Там же. Л. 282 об.

432

Там же. Л. 87–87 об.

Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 97, 98.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 225.

Там же. Л. 215–215 об.

436

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 69. Л. 254.

Московский некрополь. Т. 2. С. 98.

Храм Положения Ризы Господней на Донской улице в Москве. М., 2011. С. 12, 18.

439

РГАДА. Ф. 248. Кн. 57. Л. 240.

440

Там же. Л. 242.

Надгробные надписи, находящиеся в Никитском девичьем монастыре
// Древняя Российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 19. С. 370.

История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 222, 223.

Азанчевский М. П. История Преображенского полка. М., 1859.
Приложения. С. 68.

444

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 115.

445

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 278.

447

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 39 об.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 600, 601.

См.: Там же. С. 529–536. Подпись С. А. Салтыкова стоит на приговоре 27-й по счету.

О С. А. Колычеве подробно см.: *Комолов Н. А.* Вице-губернатор Колычев Степан Андреевич. 1713–1721 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917. Историко-биографические очерки / Ред. — сост. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 33–38.

История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому. С. 222.

Публикацию закрепленной с российской стороны С. А. Колычевым пограничной Межевой записи от 13 июля 1714 года см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (Полное собрание законов). СПб., 1830. Т. 5. С. 119–121.

453

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 625.

Там же. Ф. 248. Кн. 51. Л. 30–31.

Там же. Кн. 1887. Л. 70.

Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский; под ред. Б. И. Сыромятникова. М.; Л., Т. 1. С. 248, 253.

Подробнее см.: *Комолов Н. А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.): Территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009. С. 105, 106, 109, 164.

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 394–395 об. Президентом Юстиц-коллегии на место Степана Колычева 29 апреля 1722 года был назначен граф П. М. Апраксин, герольдмейстером — 2 мая И. Н. Плещеев. (Там же. Л. 362, 368.)

460

Там же. Л. 395 об.

461

Там же. Ф. 248. Кн. 1888. Л. 348–348 об.

462

Там же. Кн. 1891. Л. 302 об.-303 об.

463

Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 390–390 об.

464

Там же. Ф. 248. Кн. 1939. Л. 47.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
А. Ф. Бычкова. СПб., 1873. Т. 11. С. 451.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1981. С. 93–94. Иные подробности деятельности Семена Андреевича как главы переписной канцелярии см.: Там же. С. 83, 84, 124–126, 129–130.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 270

Подробнее см., в частности: *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. 1725–1740. СПб., 1994. С. 171–198.

Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 гг. / Публ. А. Кудрявцева. М., 1878. С. 44–45.

Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 572.

Михайлов К. Н. Никитский женский монастырь (Исторические разыскания по московским древностям и по дому бояр Романовых). СПб., 1901. С. 238.

Этот поход Едигея-Мангита оставил след и в древнерусской исторической письменности. Вскоре после 1408 года неизвестным книжником было создано летописное «Сказание о нашествии Едигея». Научную публикацию «Сказания...» см.: Сказание о нашествии Едигея *Сост. Н. Ф. Дробленкова* / Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века / Под ред. Л. А. Дмитриева. М., 1981. С. 244–255.

Юсупов Н. Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. 1. С. 51, 52, 72, 73.

Надписи, находящиеся в Богоявленском московском монастыре // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 312.

475

Там же.

476

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 13.

477

Там же. Кн. 24. Л. 276 об.

478

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

Юсупов Н. Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 176.

480

РГАДА. Ф. 248. Кн. 660. Л. 634.

481

Там же. Кн. 46. Л. 406–406 об.

Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года Публ. П. И. Иванова / Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 3. Смесь. С. 19.

Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом *Пер. с нем.* / Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1874. Кн. 2. Отд. 4. С. 33.

Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и о его преобразованиях *Пер. с нем.* / Русский архив. 1882. Вып. 6. Стб. 1143.

485

РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 515–515 об.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 97. Примечательно, что еще в феврале 1718 года Г. И. Кошелев предлагал объединить свою канцелярию с канцелярией Григория Юсупова, мотивируя это тем, что в этой канцелярии «афицеров доволное число» (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 36. Л. 515).

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 346.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 600–602.

История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 109.

490

См.: РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 514–517 об.

Там же. Ф. 248. Кн. 1935. Л. 228. В авторитетном справочнике Н. А. Мурзанова ошибочно указано, что Григорий Дмитриевич получил назначение в Сенат 8 февраля 1726 года (Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Сост. Н. А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 506).

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 172.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 726–727.

Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января — 25 февраля 1730 года: События, люди, документы. М., 2010. С. 71, 83, 100.

Коробко М. Ю. Усадьба Большое Голубино // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы / Ред. — сост. М. В. Нащекина. М., 2008. Вып. 13–14. С. 548–559.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 760, 761.

Цит. по: *Курукин И. В.* Анна Иоанновна. М., 2014. С. 66, 67.

См.: Надписи, находящиеся в Богоявленском монастыре. С. 311, 312.

Фрагмент надписи на могильной плите М. А. Матюшкина (Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 19. С. 405).

Подробности о свадьбе см.: *Берхгольц Ф.-В.* Дневник, веденный в России. 1721–1725 / Пер. с нем. 3-е изд. М., 1902. Ч. 1. С. 162–164.

[Бороздин К. М.] Опыт исторического родословия дворян и графов Матюшкиных. СПб., 1841. С. 2.

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 1.С. 368.

См.: Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути / Сост. П. И. Бартнев. М., 1856. С. 11–86.

[Бороздин К М.] Опыт исторического родословия дворян и графов Матюшкиных. С. 7.

Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре. С.
405.

Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 245.

Эта дата отмечена в сводной ведомости о службе офицеров гвардии Преображенского полка от 10 мая 1727 года, в «абшите» (удостоверении) об отставке М. А. Матюшкина с государственной службы и в упомянутой надгробной надписи. См.: РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 1; РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 409. Л. 1; Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре. С. 405.

Эта дата отмечена в справке о прохождении службы старшими офицерами Преображенского полка от 19 октября 1721 года. См.: История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 109.

509

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 25. Л. 4.

Из прошлого. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка / Сост. А. В. Павлов, Н. К. Эссен и др. СПб., 1911. С. 17.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. Приложения. С. 5.

512

РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 409. Л. 1.

История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 222.

514

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 25. Л. 4.

История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому. С. 109.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века. Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 218.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 225. Полное цитирование этого указа см.: *Веретенников В. И.* История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 60.

518

См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 686. Л. 373, 374.

519

Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 32. Л. 703.

О многолетних усилиях А. А. Курбатова по разоблачению братьев Соловьевых подробнее см.: *Серов Д. О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 189–194.*

521

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 24. Л. 221 об.

522

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 133.

Там же. Л. 173.

524

РГАДА. Ф. 1451. Он. 1. Кн. 13. Л. 73.

525

См.: Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 75. Л. 240–249.

526

Там же. Кн. 56. Л. 231–231 об.

527

См.: Там же. Ф. 1451. Он. 1. Кн. 13. Л. 76–76 об.

Там же. Л. 74. Ф. А. Соловьев скончался, находясь под стражей, в 1720 году при не очень ясных обстоятельствах (не исключено, что он покончил с собой).

Факт родственных отношений Д. А. Соловьева и С. Д. Матюшкиной подтверждается записью о продаже Софьей Дмитриевной 18 июня 1753 года доставшегося ей в наследство от отца дома в Москве, на Мясницкой улице. См.: Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1898. Т. 8. С. 152.

Подробнее см.: *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 60, 78, 79, 92–96, 107, 108 и др.

531

Там же. С. 95.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 173.

Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II, выбранный из архива Государственной Военной коллегии. СПб., 1809. С. 11.

Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 452.

Цит. по: Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 239.

536

РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 409. Л. 1 об.

Лириа Я., де. Записки во время пребывания при императорском Российском дворе / Пер. с фр. СПб., 1845. С. 125–126.

Надписи, находящиеся в Златоустовском московском монастыре. С.
406.

539

Там же.

Там же. С. 407.

Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий. М., 2004. С. 169.

Комолов Н. А. Губернатор Лихарев Иван Михайлович. 1726–1727 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки / Ред. — сост. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2000. С. 54.

См. публикацию списка «царедворцев» по состоянию на 1712 год: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

544

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 75. Л. 212.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. С. 55. Погребен Федор Лихарев в братской могиле на территории крепости (Русский провинциальный некрополь / Сост. В. В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. С. 487).

Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 426.

547

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 58. Л. 435.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Ч. 1. С. 58.

Черных С. Е. Посланцы Петра Великого: Исторический очерк // *Черных С. Е.* Начало положила крепость: Сб. статей, очерков. Усть-Каменогорск, 2004. С. 28.

Областные правители России. 1719–1739 гг. С. 426. Впоследствии В. М. Лихарев был переведен в «полевую» армию, где дослужился до подполковника. В 1729 году вышел в отставку «за болезнями». В 1730–1733 годах занимал должность воеводы Орловской провинции, с 1738 года — Симбирской провинции. В марте 1741 года уволен с государственной службы с награждением чином бригадира (Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 657).

551

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 24. Л. 276 об.

552

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

Черных С. Е. Посланцы Петра Великого. С. 28.

См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536.

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 248, 249, 252.

556

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 10.

557

РГВИА. Ф. 2584. Он. 1. № 51. Л. 100.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 189.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 44, 45. Публикацию указа см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 5. С. 616.

См. «Пункты майора Лихарева». Там же. С. 616, 617.

561

Там же. С. 622, 623.

Черных С. Е. Посланцы Петра Великого. С. 16, 20.

Тем, кому интересен сюжет об основании Усть-Каменогорска, можно рекомендовать работы: *Черных П. Е.* С берегов Иртыша. Алма-Ата, 1981. С. 10–25; *Бородаев В. Б.* Архивные документы 1719–1721 годов о выборе места и основании Усть-каменогорской крепости на Иртыше // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т. В. Захарова. Горно-Алтайск, 2011. С. 25–35.

564

РГАДА. Ф. 286. Кн. 419. Л. 285 об.-286.

Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 338–341, 368.

Там же. Л. 342–342 об.

567

Там же. Л. 360–362 об.

Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 155–156.

Цит. по: *Черных С. Е.* Посланцы Петра Великого. С. 21–22. Как уже упоминалось, упраздненный в конце XVIII века чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

570

См., например: РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 82. Л. 1, 15.

571

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 76.

572

Там же. Л. 76 об.

573

Там же. Ф. 1451. Кн. 18. Л. 194.

Другую половину отписных деревень Р. А. Траханиотова император 1 февраля 1724 года пожаловал капитану 2-го ранга Никите Вильбоа (Frans Wilboy). (Там же. Л. 195 об.)

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и блаженныя памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 24.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 172.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1887. Т. 56. С. 544.

Там же. Т. 63. С. 23.

Там же. С. 149.

Там же. С. 183, 184.

Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 16.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 401, 402.

Там же. С. 279.

Комолов Н. А. Губернатор Лихарев Иван Михайлович. С. 56.

Сборник Императорского Русского исторического общества/ Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1893. Т. 84. С. 718.

586

Там же.

Сергий, архим. Историческое описание московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе. М., 1866. Приложения. С. 24. Рядом с Иваном Михайловичем упокоилась и его верная спутница жизни Е. С. Лихарева, 1690 года рождения, пережившая мужа ровно на 34 года. Поблизости от них был похоронен и бригадир В. М. Лихарев, скончавшийся 24 июля 1748 года. (Там же.)

588

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 97.

Там же. Л. 99.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1857. 4.4. С. 270.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 21.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. Ч. 4. С. 271.

Максимов Е. К, Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 72–74. Сходным образом развивалась карьера и брата И. Е. Бахметева Дмитрия Ефремовича. В частности, именно Д. Е. Бахметев сменил брата в должности коменданта Саратова, на которой он пробыл до 1721 года. (Там же.) Примечательно, что одна из улиц исторической части Саратова до сих пор именуется Бахметьевской.

Надгробная летопись Москвы / Сост. А. А. Мартынов // Русский архив.
1895. Т. 2. № 7. С. 385.

595

РГАДА. Ф. 286. Кн. 439. Л. 101 об.

См. уже упоминавшуюся публикацию последнего списка «царедворцев» (по состоянию на 1712 год): Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост. Н. В. Козлова, А. Ю. Прокофьева. М., 2015. С. 621.

598

РГАДА. Ф. 286. Кн. 439. Л. 97.

599

Там же.

Дирин П. Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 134.

601

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

602

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167–167 об.

603

Там же. Кн. 58. Л. 626–628.

604

Там же. Ф. 286. Кн. 439. Л. 97 об.-98.

См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536.

606

РГВИА. Ф. 2584. Он. 1. № 43. Л. 20.

Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. С. 75–77.

608

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. № 2662. Л. 1–2.

609

Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 349.

610

Там же. Л. 351–351 об.

611

Там же. Ф. 248. Кн. 300. Л. 58.

Там же. Кн. 1277. Л. 113 об. Поскольку Ф. Протопопов стал незамедлительно добиваться пересмотра дела в Правительствующем сенате, к январю 1723 года приговор еще не был приведен в исполнение.

613

Там же. Кн. 300. Л. 116.

614

См.: Там же. Л. 263–266.

615

Там же. Л. 267.

616

Там же. Л. 278–278 об.

Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым *Публ. П. И. Иванова* / Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. I. Кн. 3. С. 61.

618

РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 280 об.

619

Там же. Кн. 686. Л. 215.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830.
Т. 7. С. 412.

Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 42.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
А. Н. Филиппова. Юрьев, 1898. Т. 103. С. 517.

623

Там же. С. 517, 518.

624

Там же. С. 520.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
А. Н. Филиппова. Юрьев, 1900. Т. 108. С. 350–351.

626

Там же. С. 145.

Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Сост. Н. А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 40.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 190.

РГАДА. Ф. 289. Кн. 439. Л. 101 об.; *Дирин П. Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. Приложения. С. 38.

Забелин И. Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865. С. 82. В начале XX века на монастырском кладбище еще сохранялись могилы четырнадцати представителей фамилии Бахметевых, погребенных в XVIII–XIX веках (Московский некрополь / Сост. В. И. Сайтов. СПб., 1907. Т. 1. С. 87, 88).

Надгробная летопись Москвы. С. 385. Из представителей рода Бахметевых в церкви Флора и Лавра впоследствии была захоронена лишь дочь Ивана Ивановича Наталья, скончавшаяся в мае 1768 года в возрасте 33 лет. (Там же.)

Обрисованная сцена казни воссоздана на основании извлеченных из архива документов подлинного судебного дела С. Ф. Попцова, а также фотографически точных записок очевидца — голштинского камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. См.: РГАДД. Ф. 248. Кн. 274. Л. 1031, 1032, 1444–1444 об.; *Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721–1725 / Пер. с нем. 3-е изд. М., 1903. Ч. 4. С. 10–11.*

Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 77, 78.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 316.

Списки воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия/ Сост. А. П. Барсуков. СПб., 1902. С. 538.

Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Сост. Н. К. Гудзий, Н. С. Демкова и др. Иркутск, 1979. С. 41, 42.

637

Там же.

Дворянское сословие Тульской губернии / Сост. В. И. Чернопятов. М., 1912. Т. 7. С. 121.

См. уже упоминавшуюся публикацию последнего списка «царедворцев» (по состоянию на 1712 год): Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112. В списке оказались упомянуты всего два родственника Е. И. Пашкова — стольники братья Иван меньшей Еремеевич (или дядя, или же отец Егора Ивановича) и Семен Еремеевич. (Там же. С. 106.)

640

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 84. Л. 34.

Список генералам, штаб-и обер-офицерам, служившим и числящимся лейб-гвардии в Преображенском полку. 1683–1883 / Сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. С. 167.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Он. 1. № 4866. Л. 1 об.; Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 22, 373.

643

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 8 об.

Там же. № 24. Л. 272 об. Совсем уж таинственным выглядит отсутствие упоминания о Егоре Ивановиче в поименном списке офицеров Преображенского полка, находящихся «от полку в отлучении», составленном как раз в ноябре 1717 года. См.: История Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 88–89. Даже если предположить, что Егор Пашков выполнял тогда какое-то негласное поручение Петра I, он был бы все равно отмечен в списке — либо как откомандированный к месту исполнения поручения, либо в числе офицеров, состоявших «при дворе царского величества».

645

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

646

Там же. Ф. 1451. Кн. 16. Л. 10, 69.

647

Там же. Ф. 214. Оп. 5. № 2662. Л. 24 об.

648

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 8 об.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
А. Н. Филиппова. Юрьев, 1909. Т. 130. С. 149.

650

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 278.

Подробное обозрение сферы компетенции тогдашней прокуратуры см.:
Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк.
Новосибирск, 2002. С. 58–69.

652

РГАДА. Ф. 248. Кн. 274. Л. 2–2 об.

653

Там же. Л. 21.

Там же. Л. 666–669, 1614–1615.

Там же. Л. 674–677.

656

Там же. Л. 678.

Там же. Л. 700 об.-701, 702–707, 711,716–718. Описанию криминальных деяний А. Я. Нестерова оказались посвящены 18 пунктов, почти четвертая часть повинной С. Ф. Попцова.

658

Там же. Л. 702 об., 717 об., 736.

659

Там же. Кн. 273. Л. 26.

660

Там же. Л. 60–63 об., 64–65 об., 75–77 об., 80–82, 283, 284.

661

Там же. Л. 612 об.

662

Там же. Л. 165, 166 об.

663

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 28. Л. 3.

664

РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 282.

665

См.: Там же. Л. 226–230.

666

Там же. Л. 232.

667

См.: Там же. Л. 264, 265.

Там же. Л. 265 об. (запись по верхнему полю листа, скрепленная подписью Е. И. Пашкова). О каком именно высочайшем указе шла речь, неясно. Ни в материалах следственного дела, ни в сенатской документации названный указ не отложился.

669

Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 572.

Там же. Ф. 248. Кн. 273. Л. 428. В ходе проведения допроса Алексей Яковлевич получил 14 ударов кнутом.

671

Там же. Кн. 274. Л. 1387–1391 об.

672

Там же. Л. 1403–1405 об.

673

Там же. Кн. 273. Л. 359–360 об., 382–384, 388–393 об.

674

Там же. Л. 360.

675

Там же. Ф. 286. Кн. 203. Л. 596.

676

Там же. Ф. 248. Кн. 273. Л. 445–451 об., 509–510.

677

Там же. Л. 594–594 об.

Там же. Л. 683–689 (заключение по А. Я. Нестерову от января 1724 года), 715–717 об. (заключение по М. В. Желябужскому от октября 1723 года); Там же. Кн. 274. Л. 1026–1028 (заключение по С. Ф. Попцову от 19 октября 1723 года), 1441, 1442 (заключение по А. И. Никитину от 31 октября 1723 года). «Выписки» см.: Там же. Л. 1437–1439 об. (по А. И. Никитину). Там же. Кн. 273. Л. 664–682 (по А. Я. Нестерову), 703–710 (по М. В. Желябужскому).

679

Там же. Л. 689.

680

Там же. Кн. 274. Л. 1028.

Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 26. Ст. 3139.

682

РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 63, 635; Там же. Кн.274. Л. 1030, 1436–1436 об.

683

Там же. Кн. 374. Л. 836.

Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г.:
Сводный каталог/ Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич; под ред. П. Н.
Беркова. М.; Л., 1955. С. 437.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 374. Л. 842–842 об. В Главном магистрате «Объявление» не только зачитали вслух на общем собрании канцелярских служащих, но и заставили их затем расписаться «в слышании». (Там же. Л. 856.)

Там же. Кн. 1939. Л. 5–8.

Описание порядка, держанного при погребении блаженный высокославный и вечнодостоинейший памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и блаженный памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 22.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1888. Т. 63. С. 246.

Там же. С. 525. Стоит повторить, что упраздненный в конце XVIII века чин бригадира находился между чинами полковника и генерал-майора.

Наиболее подробно о сюжете см.: *Шубинский С. Н.* Княгиня А. П. Волконская и ее друзья (Эпизод из придворной жизни XVIII столетия) // Исторический вестник. 1904. № 12. С. 927–965.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1891. Т. 79. С. 416.

Шубинский С. Н. Княгиня А. П. Волконская и ее друзья. С. 964.

Подробнее см.: *Комолов Н. А.* Вице-губернатор Пашков Егор Иванович. 1728–1734 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки/ Ред. — сост. А. Н. Акиньшин. Воронеж, 2000. С. 60–63.

Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1869. С. 284–285.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
А. Н. Филиппова. Юрьев, 1900. Т. 108. С. 453.

Комолов Н. А. Вице-губернатор Пашков Егор Иванович. 1728–1734. С. 63.

697

Общий морской список / Сост. Ф. Ф. Веселаго. СПб., 1885. Ч. 1. С. 155.

698

РГАДА. Ф. 248. Кн. 630. Л. 25.

Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 7. С. 121.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 270.

701

Там же. С. 271, 272.

Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1855. 4.2. С. 26–28.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 427.

Желябужский И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М., 1990. С. 219.

См. публикацию последнего списка «царедворцев» (по состоянию на 1712 год): Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост. Н. В. Козлова, А. Ю. Прокофьева. М., 2015. С. 386.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1891. Т. 79. С. 16.

Архив кн. Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890. Кн. 1.С. 269.

История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 гг. / Сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4. Приложения. С. 224.

710

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 51. Л. 127.

История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 2-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1904. С. 196.

712

Там же. С. 36.

713

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 145.

Из записной книжки собирателя памятников русской исторической старины / Публ. Н. Ф. Самарина // Русская старина. 1874. Т. 9. С. 187.

715

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 24. Л. 276 об.

716

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

717

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 24. Л. 299.

Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1984. С. 99.

719

Там же. С. 100.

Бушкович П. Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. СПб., 2008. С. 338.

721

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 24. Л. 299 об.

См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536.

Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9. С. 469.

724

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 29. Л. 134.

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 388.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1887. Т. 56. С. 393.

Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 69. С. 881.

Там же. Т. 79. С. 16–17.

Там же. С. 16.

Андреева Е. А. Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова. 1727–1729 гг.: Исследование и документы. СПб., 2013. С. 52, 53.

Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Сост. Н. А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 447.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
А. Н. Филиппова. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 89.

733

Там же. С. 90.

734

Там же. С. 116, 117.

Там же. С. 162, 163.

Список военным генералам со времени императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1809. С. 37.

См.: *Комолов Н. А.* Губернатор Урусов Григорий Алексеевич. 1740–1741 // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917: Историко-биографические очерки / Ред. — сост. А. Н. Акиньшин. Воронеж, 2015. С. 70.

Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий.
С. 447.

Сенатский архив. СПб., 1892. Т. 5. С. 542.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 195.

741

Там же.

742

РГАДА. Ф. 248. Кн. 173. Л. 602.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 467.

744

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 84. Л. 1.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 491–493.

746

Там же. С. 491.

См. публикацию списка «царедворцев» по состоянию на 1712 год: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112.

748

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 84. Л. 1.

История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 157.

750

РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 5 об.

751

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 201 об., 202 об.

752

Там же. Л. 99, 133, 173, 175, 218 и др.

753

См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 65. Л. 211–212.

Интереснейшие сведения об этом см.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 282–287.

755

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 65. Л. 212.

756

Походный журнал 1720 года. СПб., 1855. С. 22.

757

РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 46.

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 406. Указ был объявлен В. И. Иванову и В. Г. Языкову М. А. Матюшкиным в тот же день. (Там же.)

759

Ни подлинника, ни копий данного документа выявить к настоящему времени не удалось.

760

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 47. Л. 345.

761

См.: РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 4-44.

762

Там же. Л. 2.

763

РГАДА. Ф. 248. Кн. 703. Л. 121.

764

РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 2 об.

765

Там же. Л. 3.

766

Там же. Ф. 2583. Он. 1. № 29. Л. 10.

767

Там же. № 47. Л. 7.

Там же. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 3 об. Впрочем, в дальнейшем В. И. Иванов и В. Г. Языков несколько раз вступали в конфликт уже с Михаилом Бобрищевым-Пушкиным. К примеру, 5 мая 1721 года Военная коллегия повторно предписала ужесточить режим содержания Василия Иванова и Василия Языкова под стражей, «пока они от неосновательного своего прекословия и непослушания [следственной канцелярии] воздержатца» (Там же. № 91. Л. 7 об.).

769

Там же. Л. 18–18 об.

770

Там же. Л. 105, 108.

771

Там же. № 158. Л. 47.

772

РГАДА. Ф. 248. Кн. 273. Л. 577–577 об.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830.
Т. 7. С. 409–410.

Там же. С. 411–412,419-420.

См.: РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 2—65. Часть «выписки» составлена в виде таблицы из трех граф: «В доношении Нестерова», «В ответах Языкова и Иванова» и «По справкам показано». (Там же. Л. 4—35 об.)

776

Там же. Л. 50–50 об.

777

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 173.

778

Там же. Л. 308.

779

Там же. Л. 311.

780

РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 91. Л. 89 об.

781

Там же. № 158. Л. 66.

782

Там же. Л. 67.

783

См.: Там же. Л. 68–69 об.

784

Там же. Л. 68–68 об.

785

Там же. Л. 1.

786

Там же. Л. 71–71 об.

Там же. Л. 72.

788

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 71. Л. 266.

789

См.: Там же. Ф. 248. Кн. 1944. Л. 139–140.

790

РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 85 об.

791

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1946. Л. 49.

792

РГВИА. Ф. 8. Он. 1. № 158. Л. 89 об.

793

Там же. Л. 91.

794

Там же. Л. 94 об.

Кирилов И. К Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 185, 186.

Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 197.

797

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 7.

Сенатский архив. СПб., 1891. Т. 4. С. 632–633.

799

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 347 об.

Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 643.

Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост. Н. В. Козлова, А. Ю. Прокофьева. М., 2015. С. 349.

802

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 50. Л. 254.

История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 гг. / Сост. А. Чичерин, А. Афанасьев. СПб., 1883. Т. 4. Приложения. С. 22, 198.

804

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 41. Л. 127, 153.

805

Там же. № 24. Л. 276 об.

806

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 32. Л. 167.

См.: Юсупов Н. Б. О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. 4.2. С. 174–176.

808

РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 11.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 277. Оп. 2. № X—4. Л. 6—6 об. В специальном описании автографов Петра I, хранящихся в означенном архиве, данный указ был некогда ошибочно атрибутирован как адресованный Г. Г. Скорнякову-Писареву (Автографы Петра Великого в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН: Каталог / Сост. С. В. Ефимов; под ред. Ю. Н. Беспярых. СПб., 1995. С. 83).

Научную публикацию трех документов об основании и деятельности канцелярии Богдана Григорьевича см.: «И по делам всем, что есть, следовать»: Документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / Публ. Д. О. Серова // Исторический архив. 2006. № 2. С. 197–199.

811

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 42. Л. 296 об.

812

Там же. Л. 294–294 об.

Сборник Императорского Русского исторического общества/Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1898. Т. 101. С. 210–211.

814

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 42. Л. 295–295 об.

815

Там же. Л. 302.

816

Там же. Т. 101. С. 232.

817

Там же. С. 207.

Там же. С. 200, 208–209.

819

Там же. С. 236.

820

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 69. Л. 392.

821

Там же.

822

Там же. Ф. 248. Кн. 1939. Л. 18.

823

Там же. Кн. 1940. Л. 133.

Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 896.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 94. С. 236.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. Приложения. С. 9. Да и в упомянутом сенатском указе об освобождении Михаила Чирикова из-под стражи подпись П. А. Толстого стоит сразу же вслед за подписью Ф. М. Апраксина.

827

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1886. Л. 262 об.

828

Там же. Кн. 1887. Л. 131 об.

Подробнее об этой неприглядной истории см.: *Гуржій О. І.* Иван Скоропадський. Київ, 2004. С. 224–228.

830

РГАДА. Ф. 248. Кн. 248. Л. 465 об.-467.

Публикацию материалов процесса над Г. Г. Скорняковым-Писаревым и П. П. Шафировым (в форме детального пересказа) см.: Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым *Публ. П. И. Иванова* / Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3–62.

832

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 28. Л. 13 об.

833

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 356.

834

См.: Там же. Отд. 2. Кн. 65. Л. 232.

835

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 28. Л. 23.

836

РГАДА. Ф. 198. № 842. Л. 123.

837

Там же. Кн. 62. Л. 557 об.

См.: Там же. Ф. 248. Кн. 300. Л. 308–309 об.; Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым... С. 51–53.

839

РГАДА. Ф. 248. Кн. 374. Л. 836, 839 об.

840

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 29. Л. 134.

841

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1943. Л. 40.

Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М. В. Бабич, И. В. Бабич. М., 2008. С. 589.

Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия. С. 643.

Областные правители России. 1719–1739 гг. С. 589.

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и блаженныя памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 23.

Алабин П. В. Иван Иванович Бутурлин, генерал-аншеф // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10. С. 162.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С. 50–53.

Там же. С. 50–51.

См. публикацию списка «царедворцев» по состоянию на 1712 год: Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1883. Т. 2. Кн. 2. С. 100–112. Уместно заметить, что в первой четверти XVIII века наряду с И. И. Бутурлиным выдающихся успехов на государственной службе достиг его полутетка И. Ф. Бутурлин, 1686 года рождения. Прослуживший в 1704–1715 годах в гвардии Семеновском полку, Иван Федорович стал впоследствии советником Ревизион-коллегии, а затем президентом Коммерц-коллегии и сенатором. Скончался в 1726 году (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 84. Л. 187–187 об.). Остается совершенно неясной степень родства И. И. Бутурлина с его полным тезкой — стольником И. И. Бутурлиным, многолетним главой Земского приказа, трагически погибшим 4 августа 1710 года.

История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1-му тому / Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 144.

851

Там же.

852

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 16.

См.: История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1-му тому. С. 221–223.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова; под ред. А. А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 82.

О И. И. Бецком подробнее см.: *Трубецкая Е. Э.* Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891. С. 189–215. Матерью Ивана Бецкого была, по одним сведениям, графиня Шпарр, по другим — баронесса Вреде. Как бы то ни было, законная супруга И. Ю. Трубецкого княгиня Ирина (Арина) Григорьевна, прибыв в Стокгольм в 1711 году, приняла мальчика в семью.

Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII: Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014. С. 25. Приведенные Галиной Шебалдиной известия шведских источников, что И. И. Бутурлин даже пил кровь пытаемого, представляются «страшилками», призванными подчеркнуть варварские наклонности «москвитов».

Lewenhaupt A. Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm, 1920. S. 29. После освобождения злочючения Г. Барона отнюдь не завершились. Продолжив службу в нарвском гарнизоне и будучи произведен в лейтенанты, он вновь попал в русский плен после взятия крепости в августе 1704 года. В Швецию вернулся лишь в мае 1722 года. Восстановился в армии, где дослужился до капитана. Умер в мае 1753 года. (Ibid.)

Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII. С. 64, 65.

859

Там же. С. 65.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1.
С. 366.

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 223.

Там же. С. 105, 115. О посещении российской делегацией Парижского парламента подробнее см.: *Муравьев Н. В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. М., 1889. Ч. 1. С. 268, 269.

Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени.
Харьков, 1910. С. 82.

См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 529–536.

Там же. С. 571, 572.

866

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 16.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 578.
Для сравнения уместно вспомнить, что П. А. Толстой получил тогда 1318 крестьянских дворов, конфискованных у осужденных, а Г. Г. Скорняков-Писарев — 127 дворов. (Там же.)

Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени.
С. 135–136.

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1.
С. 540.

870

РГАДА. Ф. 248. Кн. 703. Л. 121.

871

Там же. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8; РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 27. Л. 69 об.,
125–125 об.

872

РГАДА. Ф. 248. Кн. 703. Л. 119 об.

873

См.: Там же. Л. 119–119 об.

874

См.: Там же. Л. 121–212 об.

875

Там же. Л. 134.

876

Там же.

877

Там же. Л. 133 об.

878

Там же. Л. 134.

879

Там же. Л. 134 об. — 135.

Русско-китайские отношения в XVIII веке: Документы и материалы / Сост. В. С. Мясников, А. И. Тарасова; под ред. С. Л. Тихвинского. М., 2006. Т. 3. С. 448.

881

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1946. Л. 203–204.

882

Там же. Кн. 300. Л. 308–309 об.

Интересующимся этим сюжетом можно порекомендовать одну из монографий Е. В. Анисимова. См.: *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. 1725–1740. СПб., 1994. С. 14–51.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 78, 175.

Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий /
Сост. Н. А. Мурзанов. СПб., 2011. С. 73.

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 16. Тогда же из списков полка был исключен и Г. Г. Скорняков-Писарев. (Там же. Л. 18.)

См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 798–800.

Стромилов Н. С. Цесаревна Елизавета Петровна в Александровой слободе и Успенский девичий монастырь в то же время. М., 1874. С. 17, 18.

Алабин П. В. Иван Иванович Бутурлин, генерал-аншеф. С. 179.

Обрисованные события воссозданы на основе сведений, извлеченных из одного архивного и одного опубликованного документа. См.: РГАДА. Ф. 5. Кн. 26. Л. 300, 301; Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой, Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 197.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. 2-е изд. М., 1988. С. 119;
Tolstoy N. The Tolstoys. Twenty generation of Russian History. 1353–1983.
London, 1985. P. 20–21, 27.

892

РГАДА. ф. 26. Он. 1. Кн. 8451–8662. Л. 336.

893

Там же. Ф. 154. Оп. 2. № 183. Л. 4 об.-5.

Списки воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / Сост. А. П. Барсуков. СПб., 1902. С. 577.

Павлов-Силъванский Н. П. Пращур Льва Толстого. Граф Петр Андреевич Толстой // Исторический вестник. 1905. Т. 100. № 6. С. 865.

Карцов П. П. История лейб-гвардии Семеновского полка. 1683–1854. СПб., 1852. Ч. 1. Приложения. С. 9.

Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 / Сост. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992. С. 5.

Там же. С. 241, 242.

Там же. С. 106.

Villardeau S., de. Abregd de la vie du Comte Tolstoy / sous la dir. A. Mazon
// *Analecta Slavica. A Slavonic Miscellany. Amsterdam, 1955. P. 22.*

901

Подробнее см.: *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 33–40, 47–69.

См.: *Толстой П. А.* Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост. И. В. Зайцев, С. Ф. Орешкова. М., 2006. С. 65–276.

903

РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 48. Л. 33; Там же. Ф. 160. 1710 г., № 9. Л. 40.

Цит. по: *Павлов-Сильванский Н. П.* Пращур Льва Толстого. Граф Петр Андреевич Толстой. С. 860.

905

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 17. Л. 87–87 об.

906

Там же. Кн. 21. Л. 447.

Подробнее см.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 46–57, 64–81.

Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890.
Кн. 1.С. 90, 91.

Отречение Алексея Петровича было того же 3 февраля 1718 года нормативно закреплено изданием особого «Манифеста об удалении от наследования престола царевича Алексея Петровича», незамедлительно опубликованного типографски. Современную публикацию «Манифеста...» см.: Законодательство Петра I / Под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 54–60.

Письмо обер-фискала Нестерова к князю Меншикову / Публ. Г. В. Есипова // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. № 2. С.200.

Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени.
Харьков, 1910. С. 78.

912

Там же. С. 84, 85.

См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 529–536.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 74.

916

РГАДА. Ф. 1451. Кн. 18. Л. 249.

В собственноручно написанном 31 января 1725 года сугубо личном письме младшему сыну Петру Петровичу П. А. Толстой расценил уход из жизни Петра I как «всемогущаго Бога гнев на все государство превеликой» (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 129. № 11. Л. 44).

918

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1942. Л. 68.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. С. 157.

См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 798–800.

Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. 4-е изд. Архангельск, 1979. С. 49, 50.

Цит. по: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. С. 242.

Русский провинциальный некрополь / Сост. В. В. Шереметевский. М., 1914. Т. 1. С. 862.

Обстоятельства ссоры 11 ноября 1734 года воссозданы по челобитной М. Г. Плаутина, направленной 12 ноября того же года в Адмиралтейств-коллегию. См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 669. Л. 95–96 об.

925

Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 347 об.

См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом отделении Московского архива Министерства юстиции / Сост. П. И. Иванов. М., 1853. С 378

927

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 348.

Там же. Ф. 26. Он. 1. Кн. 8451–8662. Л. 359.

929

Там же.

Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1897. Т. 7. С. 253.

931

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 348.

История Преображенского полка. Приложения к 1-му тому/Сост. П. О. Бобровский. СПб., 1900. С. 221.

См. список личного состава бомбардирской роты Преображенского полка 1702 г. Там же. С. 155.

Павлов-Сильванский Н. П. Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич
// Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. «Сабанеев-Смыслов». С.
603.

935

РГВИА. Ф. 2583. Он. 1. № 47. Л. 18.

936

РГАДА. Ф. 11. № 788. Л. 2.

История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к 1-му тому. С. 157.

938

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 48. Л. 472, 478.

Публикацию указа см.: *Веретенников В. И.* История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. С. 80.

Интересующимся обстоятельствами этого уголовного дела можно рекомендовать статью С. В. Ефимова. См.: *Ефимов С. В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // *Средневековая Русь: Сб. науч. статей.* СПб., 1995. С. 142–159.

941

РГАДА. Ф. 6. № 110. Л. 1–2.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 209–210.

943

Там же. С. 211.

Как ни поразительно, доньше из всех многочисленных авторов, писавших как о деле царевича Алексея, так и о «суздальском розыске», в «шитой белыми нитками» официальной версии о «блуде» царицы-инокини с заезжим майором единственно усомнился заведующий библиотекой Московского Главного архива Министерства иностранных дел коллежский асессор И. Ф. Токмаков. Свои вполне резонные скептические соображения он высказал, правда, в давно уже забытом труде о истории Покровского женского монастыря. См.: *Токмаков И. Ф. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря в Суздале. М., 1889. С. 40, 41.*

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 212–214.

Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 года:
Сводный каталог / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич; под ред. П. Н.
Беркова. М.; Л., 1955. С. 231–233.

См.: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 529–536. Подпись Г. Г. Скорнякова-Писарева стоит на приговоре 37-й по счету.

Там же. С. 279, 536, 537.

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1873. Т. 11. С. 377. Об истории пожалованного Григорию Григорьевичу дома, подвергнутого на протяжении 1710—1730-х годов в общей сложности трем конфискациям, см.: *Ларина Я. И.* Двор на набережной: Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. 2015. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 1. С. 99—112.

Семевский М. И. Слово и дело! 1700–1725. 2-е изд. СПб., 1884. С. 27–29.

951

Веселаго Ф. Ф. Очерки русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 606.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830.
Т. 5. С. 697.

Зубов В. П. Страница из истории механики в России первой четверти XVIII века // Труды Института истории естествознания. М., 1952. Т. 4. С. 159–171, 178, 179, 181, 182.

954

Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. С. 362, 363.

Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский; под ред. Б. И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 248.

956

См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 96–97.

Там же. Л. 99–99 об., 114, 115, 181, 182 об., 261, 263.

958

Там же. Л. 352, 353.

Как уже говорилось, публикацию материалов процесса над Г. Г. Скорняковым-Писаревым и П. П. Шафировым (в форме детального пересказа) см.: Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым Публ. П. И. Иванова / Журнал Министерства юстиции. 1859. Т. 1. Кн. 3. С. 3—62.

960

См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 300. Л. 308, 309 об.

961

Там же. Ф. 1451. Кн. 18. Л. 241.

962

Там же. Ф. 11. № 788. Л. 6 об., 10.

Подробнее см., в частности: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. 2-е изд. М., 1988. С. 213–236.

См.: Полное собрание законов. Т. 7. С. 798–800. Совершенно очевидно, что никакого приговора умиравшая императрица утвердить не могла.

Зуев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов: Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 47.

О деятельности Г. Г. Скорнякова-Писарева как главного командира Охотского правления подробнее см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 152–158.

967

РГАДА. Ф. И. № 788. Л. 12.

Москва. Актовые книги XVIII столетия. М., 1898. Т. 8. С. 72.

О взятии Кексголма (или Корелы) // Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества свейского. 2-е изд. СПб., 1766. С. 95 (ссылка на второе издание приведена для удобства читателя, поскольку в первом издании нумерация страниц отсутствует). Публикацию этого документа в черновой редакции с поправками, внесенными самолично Петром I, см.: Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы Государственного архива) / Сост. А. З. Мышлаевский. СПб., 1893. С. 124–127.

Lück A. Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen // Siegerland. Siegen, 1972. Bd. 49. S.9-11.

Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711)/Сост. Ю. Н. Щербачев; пер. с дат. М., 1899. С. 245.

Берхгольц Ф.-В. Дневник. 1721–1725 / Пер. с нем. 2-е изд. М., 1902. Ч. 1.С. 180.

В своем завещании Вилим Геннин указал произвести свое погребение пастору реформатской кирхи (*Верх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (окончание)* // Горный журнал. 1826. Кн. 5. С. 147).

Lück A. Georg Wilhelm Henning. S. 11.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. № 1. С. 125.

Публикацию этого прошения В. И. Геннина (вместе с тогдашним переводом на русский язык) впервые осуществил в 1826 году член-корреспондент Императорской Академии наук И. Х. Гамель, выявивший означенные документы в одном из фондов Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Несколько позднее их перепечатал В. Н. Верх. См.: *Гамель И. Х.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. Прибавления. С. 65–67; *Верх В. Н.* Дополнения к жизнеописанию В. И. де Геннина // Горный журнал. 1828. Кн. 2. С. 115–117. С тех давних пор к подлинникам этих весьма примечательных документов не обращался более ни один исследователь.

Там же. С. 116.

Helbig G.-A. W., von. Russische Günstlinge. Tübingen, 1809. S. 127.

Берх В. Н. Дополнения к жизнеописанию В. И. де Геннина. С. 117.

Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов / Сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. М., 2006. С. 468.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 91.

Корниенко Ю. С. Голландские церкви в Москве и Архангельске (XVII — начало XX в.) // Россия — Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. СПб., 2014. С. 63, 67.

См.: *Берх В. Н.* Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (окончание). С. 104–107. Поскольку семейный архив Генниных оказался к настоящему времени утрачен, предпринятая В. Н. Верхом (на прискорбно низком археографическом уровне) публикация ряда документов из его собрания является сколь ценной, столь и, увы, непроверяемой с точки зрения соответствия подлинникам.

Там же. С. 104.

985

Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов.
1613–1725 гг. / Сост. А. Е. Викторов. М., 1883. Вып. 2. С. 466.

Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720 г[г].). СПб., 1876. С. 467.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. С. 105.

Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. С. 467.

Обстоятельства карьеры Я. В. Брюса до 1721 года детально освещены им самим в описании своих «служб», подготовленном для оформления диплома на графское достоинство. См.: РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 162. Л. 10 об. — 11.

В составе огромной личной библиотеки Я. В. Брюса (сохранившейся почти в целости до наших дней) книг на немецком языке насчитывалось 728 (!), на английском — 370, на голландском — 86. Примечательно, что с содержательной стороны в библиотеке преобладали книги по математике (140 единиц), а вот книг по военному делу насчитывалось всего 91 (*Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 194, 195*).

Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса / Публ. С. В. Ефимова, Л. К. Маковской; под ред. В. М. Крылова. СПб., 2005. Т. 2. С. 116.

Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса / Публ. С. В. Ефимова, Л. К. Маковской; под ред. В. М. Крылова. СПб., 2006. Т. 3. С. 117, 193.

Из доступной научной литературы о взятии Выборга см. в первую очередь: *Славнитский Н. Р.* Осада и взятие Выборга русскими войсками в 1710 г. // *Victoria. Gloria. Fama: Материалы Международной научной конференции / Под ред. С. В. Ефимова.* СПб., 2003. Ч. 3. С. 93–97. См. также: *Мошник Ю. И.* Гарнизон и население Выборга весной — летом 1710 г. // *От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: Сб. материалов Всероссийской научной конференции.* СПб., 2001. С. 68–70.

Lewenhaupt A. Karl XII's officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm, 1920. S. 10, 665. Стоит отметить, что М. Шернстрале был также человеком не первой молодости: год его рождения остался неизвестным, но на военную службу он поступил еще в 1678 году. Вместе с тем М. Шернстрале имел значительный боевой опыт (в том числе руководства обороной крепости). Достаточно сказать, что, будучи назначен в мае 1704 года комендантом Ивангорода (*Ibid*), он успешно выдержал осаду российских войск и добился сдачи города на почетных условиях.

О судьбах русских дворян, принявших шведское подданство в начале XVII века, подробнее см.: *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские байжор'ы // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7. С. 366–378. Примечательно, что первым русским дворянином, удостоенным шведского дворянства, стал в 1618 году как раз Ф. Г. Аминов, предок Захариаса Аминова (приходившийся ему, вероятно, дедом).

Славитский Н. Р. Осада и взятие Выборга русскими войсками в 1710 г. С. 94.

Интенсивность обстрела крепостной артиллерией российских позиций известна в точности благодаря тому, что командованием был, по всей очевидности, организован сбор упавших шведских ядер (хотя осталось неясным, каким образом фиксировалось количество разорвавшихся бомб). Однако, как бы ни производился учет артиллерийского огня противника, согласно сведениям, направленным Петру I, с 21 марта по 9 апреля 1710 года на осаждающих обрушилось 3298 ядер и бомб, с 21 апреля по 10 мая — 7858. За эти же недели артиллерия осадной группировки выпустила по крепости соответственно 1927 и 4506 ядер и бомб (Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. С. 99, 102).

998

Там же. С. 91.

Письма и бумаги императора Петра Великого / Сост. Е. П. Подъяпольская, А. П. Глаголева; под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., 1956. Т. 10. С. 99, 100.

1000

Там же. С. 100.

1001

Там же. С. 564.

1002

Походный журнал 1710 года. СПб., 1854. С. 8, 9.

Там же. С. 9. Проконтролировав выгрузку на берег доставленного вооружения и продовольствия и проведя внешний осмотр крепостных сооружений, Петр I отплыл 13 мая 1710 года обратно в Кроншлот. (Там же. С. 10.)

1004

Обстоятельная реляция о взятии крепости Выборга // Книга Марсова или воинских дел... С. 86.

Там же. Примечателен состав штурмовых колонн (о чем, по понятным причинам, ни словом не упоминалось в реляции). Еще в ходе планирования штурма в письме Ф. М. Апраксину от 29 мая 1710 года Петр I указал, чтобы в передовые ряды штурмовых колонн были поставлены «астраханцы» (военнослужащие из расформированных частей гарнизона Астрахани, принимавшие участие в восстании 1705–1706 годов), а также каторжники. За участие в штурме «астраханцам» обещалось денежное вознаграждение, каторжникам — смягчение наказания (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 155). Формирование штурмовых подразделений подобного состава следует, думается, признать отдаленным прообразом штрафных рот и батальонов периода Великой Отечественной войны.

Последствия этого артиллерийского обстрела описал посланник Юст Юль, посетивший Выборг сразу после капитуляции. Как засвидетельствовал посланник, «разорение, которому он [город] подвергся от пожаров, ядер и бомб, не поддаются описанию. Большая часть его домов разрушена до основания, прочие же так повреждены, что стали почти необитаемы» (*Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом. С. 218*).

Обстоятельная реляция о взятии крепости Выборга. С. 89–90. Дальнейшая судьба плененных комендантов сложилась различно. З. Аминов скончался в том же 1710 году. Судя по всему, престарелый полковник, отдавший военной службе 59 лет, не выдержал потрясения от капитуляции. Ко всему прочему его супруга оказалась захвачена кем-то из русских солдат или офицеров и уведена из Выборга (Мошник Ю. И. Гарнизон и население Выборга весной — летом 1710 г. С. 70). Что касается М. Штернстрале (именовавшегося в российских документах «Стернстралем»), то он, благополучно пережив долгий плен, вернулся в Швецию в мае 1722 года. Продолжил службу в армии, стал генерал-майором инфантерии. Умер в декабре 1734 года (*Lewenhaupt A. Karl XII's officerare. S. 665*).

Мельнов А. В. Шведский гарнизон Выборга в осаде 1710 года // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 17-й ежегодной научной конференции / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2016. С. 99.

1009

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 193

1010

Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских... СПб., 1713. [С. 28; план № 12] (в издании 1766 года план воспроизведен без текстовой части).

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина... (окончание). С. 105.

Как явствует из письма Вилима Ивановича Ф. М. Апраксину от 22 августа 1710 года, на тот момент наградная сумма «за Выборгской поход» все еще не была им получена (*Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. С. 69, 70*).

1013

Мошник Ю. И. Первый русский комендант Выборга Григорий Петрович Чернышев//Victoria. Gloria. Fama. Ч. 3. С. 58.

Чернышев Г. П. О описании моих лет и о службах // Русская старина.
1872. Т. 5. № 6. С. 795.

Выдающийся шведский военный инженер Эрик Дальберг (Erik Jönsson Dahlberg), проводя в 1681 году инспекционную поездку по крепостям на восточной границе королевства, 14 марта посетил Кексгольм. Будущий генерал-фельдмаршал отметил малую внутреннюю площадь цитадели, неудачную планировку оборонительного вала и недостаточную толщину стен. В связи с этим он заключил, что «городские укрепления не смогут защитить от натиска и атак, присущих войнам настоящего времени. Тем более они не могут противостоять такому могущественному врагу, как русские» (*Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. 20. С. 76*). Несмотря на эти предупреждения, до 1710 года в Кексгольме были проведены лишь ограниченные фортификационные работы, в частности по укреплению фундаментов крепостных стен. (Там же. С. 77.)

Lewenhaupt A. Karl XII's officerare. S. 665.

Более всего подробностей об операции по взятию Кексгольма см.:
Мельнов А. В. Осада Кексгольма в 1710 г. в свете новых источников // Клио.
2015. № 8. С. 170–176).

Уместно заметить, что к этому времени российская сторона полностью контролировала акваторию Ладожского озера. Созданная шведами после начала Великой Северной войны Ладожская флотилия (насчитывавшая в 1701 году 18 боевых судов) была, по решению Адмиралтейства, расформирована еще осенью 1703 года.

Мельнов А. В. Осада Кексгольма в 1710 г. в свете новых источников. С. 172.

Исходные требования шведской стороны были воспроизведены в письме Петра I Р. В. Брюсу от 6 сентября 1710 года (в левом столбце). См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 318–320.

1021

Там же. С. 318.

Как ни прискорбно, никаких подробностей о переговорах с В. И. Генниным не привел и Й. Шерншанц. В составленном бывшим комендантом «Журнале осады и капитуляции Кексгольма», опубликованном в 1916 году, упомянуто лишь о факте переговоров с русским майором об «аккордных пунктах». Йохан Шерншанц не привел даже ни имени, ни фамилии российского представителя (хотя Вилим Иванович при начале встречи не мог не представиться) (Journal från Kexholms belägring och kapitulation, juli — September 1710 // Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. Lund, 1916. Vol. 11. S. 146).

Публикацию соглашения («аккордных пунктов») о капитуляции Кексгольма от 8 сентября 1710 года см.: Ibid. S. 157–159 (немецкоязычный вариант); Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4. № 2293. С. 551 (русскоязычный вариант).

Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова; под ред. А. А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1.С. 361.

1025

Там же.

Journal från Kexholms belägring och kapitulation, juli — September 1710.
S. 147.

Lewenhaupt A. Karl XII's officerare. S. 665.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 10. С. 329.

Судя по всему, это был тот самый «чертеж», копию которого В. И. Геннин до этого направил Ф. М. Апраксину — при письме от 22 августа 1710 года. Как отметил Вилим Иванович, из «чертежа» возможно «выразуметь, где которыя крепости, шведския батареи и протоки, такожде нашего государя апроши... и где стоят полки царского величества» (*Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. С. 69*). Местонахождение списков этого графического документа установить к настоящему времени не удалось.

В завещании Вилима Ивановича эта награда описана следующим образом: «Овальная золотая медаль с мелкими алмазами и голубою эмалевою короною» (*Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина... (окончание). С. 148).*

1031

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 48. Л. 469.

1032

Там же. С. 104–105.

1033

См.: *Берх В. Н.* Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. С. 72, 73.

1034

Там же.

Более всего подробностей о строительстве Санкт-Петербургского Пушечно-литейного двора и его последующей истории содержится в незаслуженно забытом ныне труде полковника В. М. Родзевича. См.: *Родзевич В. М. Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования. 1712–1912 гг. СПб., 1914. С. 26–39.*

Там же. С. 34–35.

1037

Там же. С. 27, 28.

1038

Там же. С. 59–61, 64.

1039

Там же. С. 399.

Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 102

Сборник Императорского Русского исторического общества/ Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1889. Т. 69. С. 846.

Поскольку, как отметил А. С. Чоглоков в той же челобитной, в дальнейшем покойный царь его «в том гневе своем изволил простить», в декабре 1727 года император Петр II указал Алексея Чоглокова перенесенным телесным наказанием «не порицать». (Там же.)

Кротов П. А. Олонецкие Петровские металлургические заводы Балтийского флота при Петре I // Меншиковские чтения — 2015: Научный альманах / Под ред. П. А. Кротова. СПб., 2015. Вып. 6. С. 134, 135.

Верх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. С. 97.

1045

Там же. С. 104.

Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. С. 197.

Верх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. С. 87.

Данков М. Ю. Загадочная «фортеция» на Онежском озере и чертеж М. Витвера первой четверти XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды 4-й Международной научно-практической конференции / Под ред. С. В. Ефимова. СПб., 2013. 4.2. С. 13

1049

РГАДА. Ф. 198. № 498. Л. 7.

1050

ОР РНБ. Ф. 1003. № 13. Л. 55–55 об.

1051

РГАДА. Ф. 248. Кн. 702. Л. 290–290 об.

1052

Там же. Кн. 1984. Л. 174.

1053

Наиболее подробные сведения о карьере П. А. Ижорина см. в его послужном списке 1738 г.: Там же. Ф. 286. Кн. 203. Л. 17.

ОР РНБ. Ф. 1003. № 13. Л. 56 об., 58. Внешне П. А. Ижорин выглядел, по всей очевидности, совсем моложаво, поскольку Вилим Геннин именовал его в 1717 году «детинкой немного болши лет 20 от роду». (Там же. Л. 55.) В действительности Петру Алексеевичу было тогда 27 лет.

1055

РГАДА. Ф. 198. № 498. Л. 10.

1056

Там же.

1057

Там же. Ф. 248. Кн. 520. Л. 68.

1058

Там же. Л. 73.

1059

Там же. Кн. 649. Л. 590.

1060

Там же. Л. 589.

1061

Там же. Кн. 274. Л. 708 об.

1062

Там же. Л. 1017.

1063

Там же. Л. 1032.

Там же. Кн. 273. Л. 720. Полученные 50 ударов оказались для М. В. Желябужского роковыми: 15 февраля 1724 года он скончался. (Там же. Л. 730 об.).

1065

Там же. Л. 694.

1066

Там же. Ф. 16. Он. 1. № 179. Л. 3.

Чтобы скрыть факт ознакомления с подметным письмом, Петр I пошел на неординарный шаг. Конверт, в котором оно было запечатано, публично сожгли «на площади» (вероятно, Троицкой). При этом, чтобы не возникло подозрения, что конверт пустой, в него вложили чистую бумагу того же объема, что и письмо. (Там же. Л. 1.)

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. С. 125.

1069

Там же.

1070

Там же. С. 129.

1071

Там же. С. 128.

Согласно сведениям Походного журнала Петра I, он пробыл в олонецких краях (совместно с царицей Екатериной Алексеевной) более месяца: с 26 января по 28 февраля 1719 года. Непосредственно на Петровских заводах царь находился 26–28 января и 16–28 февраля (Походный журнал 1719 года. СПб., 1855. С. 113, 117). О встречах главы государства с В. И. Генниным в Походном журнале не упомянуто, но в том, что они имели место, сомневаться не приходится. Очень вероятно, что Вилим Иванович сопровождал августейшую чету на протяжении основной части поездки.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (окончание). С. 105.

1074

РГАДА. Ф. 198. № 498. Л. 47. Вероятнее всего, В. И. Геннин согласовал вопрос об отце при описанных встречах с Петром I в январе — феврале 1719 года.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (продолжение) // Горный журнал. 1826. № 3. С. 93.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (окончание). С. 105.

1077

Там же. С. 147.

1078

РГАДА. Ф. 285. Он. 1. Кн. 5945. № 222. Л. 2.

1079

Описание дел Архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия / Сост. Ф. Ф. Веселаго. СПб., 1877. Т. 1. С. 450.

1080

РГАДА. Ф. 198. № 498. Л. 70.

1081

См.: Там же. Л. 78–81.

1082

Там же. Л. 85.

Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Публ. М. О. Акишина. Екатеринбург, 1995. С. 419.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов (окончание). С. 105.

1085

РГАДА. Ф. 198. № 498. Л. 84.

Подробнее см.: *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 111–118.

1087

См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 62. Л. 979–985.

1088

РГИА. Ф. 1329. Он. 1. Кн. 28. Л. 16.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева... С. 128.

1090

Там же. С. 118, 119.

1091

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 62. Л. 1056.

Геннин В. И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 91.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006. С. 40.

Лобанов Д. А. Тобольский командированный гарнизонный полк на строительстве Екатеринбургской крепости в 1723–1724 гг. // История военного дела: Исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 422.

Lewenhaupt A. Karl XII's officerare. S. 85.

Лобанов Д. А. Тобольский командированный гарнизонный полк на строительстве Екатеринбургской крепости... С. 425.

1097

Там же.

Подробнее см.: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 295–299, 303.

1099

Там же. С. 298, 301.

Берх В. Н. Дополнение к жизнеописанию генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина // Горный журнал. 1826. № 9. С. 102, 103.

1101

Полное собрание законов. Т. 7. № 5015. С. 741.

1102

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 66. Л. 710 об.

1103

Там же. Л. 677.

1104

См.: Полное собрание законов. Т. 7. № 5017. С. 744–750.

1105

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1938. Л. 19 об.

1106

Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 62. Л. 1046.

См.: *Верх В. Н.* Дополнение к жизнеописанию генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина. С. 99—101.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. С. 53–54.

Горловский М. А. К истории основания Екатеринбурга // Исторические записки. М., 1952. Т. 39. С. 177.

1110

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. С. 54.

1111

Цит. по: *Горловский М. А.* К истории основания Екатеринбурга. С. 177.

1112

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, и блаженныя памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 25.

1113

РГАДА. Ф. 198. № 498. Л. 83 об.

1114

Там же. Л. 100.

1115

Там же. Л. 102.

1116

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 135.

1117

Lewenhaupt A. Karl XII's officerare. S. 665.

Цит. по: *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 227, 228.

1119

Цит. по: *Корепанов Н. С.* Геннин на Урале. С. 185.

Сборник Императорского Русского исторического общества/ Под ред.
Н. Ф. Дубровина. СПб., 1893. Т. 4. С. 648.

Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. М., 1814. С. 183.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. С. 271.

1123

См.: *Геннин В. И.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 64–632.

Следственной комиссией было установлено в 1731–1733 годах, что В. Н. Татищев получил от группы предпринимателей в несколько приемов около шести тысяч рублей да еще различных подарков (сукна, дюжину стульев немецкой работы, серебро на посуду дочери в качестве приданого) на 1200 рублей. В какой-то момент ситуация для подследственного сложилась столь угрожающая, что 49-летний Василий Татищев взялся за составление завещания. В итоге, однако, гроза миновала. 12 марта 1734 года императрица Анна Иоанновна «всемилоостивейше» повелела прекратить следствие в отношении Василия Никитича (*Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева... С. 256, 264*). В тот же день был издан именной указ об упомянутом назначении В. Н. Татищева на Урал. Серьезного наказания Василий Татищев избежал благодаря родственным связям (хотя и дальним) с императрицей — по материнской линии.

Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 10. С. 490, 491.

Сам факт утраты В. И. Генниным банковского вклада в 10 тысяч рублей в самом деле имел место. Согласно документу, составленному самим Видимом Ивановичем, он потерял эту сумму в результате банкротства некоего банка в Амстердаме (*Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина... (окончание). С. 106).*

Сборник Императорского Русского исторического общества / Под ред.
А. Н. Филиппова. Юрьев, 1901. Т. 111. С. 525.

Татищев В. Н. Лексикон российской географической, политической и гражданской // *Татищев В. Н.* Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1979. С. 272.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина... (окончание). С. 146.